

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

ISSN 1810-0201

ВЕСТНИК ТАМБОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019, ТОМ 24, № 179

TAMBOV UNIVERSITY REVIEW
S E R I E S : H U M A N I T I E S

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ

Издается с 15 мая 1996 года
Выходит 6 раз в год

Т. 24
№ 179

2019

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (отрасли науки: педагогические науки, исторические науки)

СОДЕРЖАНИЕ

4 CONTENTS

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

- 7 *Л.Н. Макарова,
С.В. Рожкова* Диагностический инструментарий оценки развития креативного мышления студента
- 20 *О.А. Козырева* Качество теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

- 32 *С.В. Мотов* Обучение грамматике английского языка на лингвокогнитивной основе
- 40 *А.Ф. Мамлеева* Особенности художественного текста как средства формирования нравственных качеств личности на занятиях по иностранному языку в многопрофильном вузе
- 51 *А.О. Андрух* Принципы контроля и оценивания иноязычной коммуникативной компетенции
- 58 *А.А. Максаев* Проектирование предметного содержания учебных программ по иностранному языку для студентов вузов музыкального профиля
- 69 *В.В. Клочихин* Формирование коллокационной компетенции обучающихся на основе электронного лингвистического корпуса

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

- 81 *М.В. Харников* Организационно-педагогические условия, способствующие эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

- 90 *Ф.И. Собянин,
Ю.Б. Никифоров,
С.В. Михель* Переживание времени в спорте (психолого-педагогический аспект)

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- 105 *Т.Г. Бортникова,
М.И. Долженкова* Формирование навыков ведения эффективной межкультурной коммуникации студентов вуза
- 113 *В.В. Гладких,
Г.И. Грибкова,
Е.В. Ульянова* Корпоративное волонтерство как перспективное направление социально-культурного партнерства: особенности, преимущества и перспективы развития

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- 121 *М.С. Волков* Финансово-экономическая и хозяйственная деятельность православных мужских монастырей Тамбовской епархии в XVIII–XIX веках
- 131 *Е.Ю. Невзоров,
Ю.В. Щербинина* Солдатские дети в законодательстве и правоприменительной практике в Российской империи XVIII–XIX веков
- 143 *Феодосий (Васнев),
митрополит
Тамбовский
и Рассказовский* Преобразования духовных учебных заведений: Тамбовская духовная семинария (XIX век)
- 151 *В.А. Курбенков* Этапы развития системы государственного управления деятельностью морских портов на Дальнем Востоке
- 159 *Н.Н. Петрыкин* Архивная опись дел Курского жандармского полицейского отделения как источник изучения деятельности железнодорожной полиции (1869–1916 гг.)
- 166 *Р.М. Житин,
А.Г. Топильский* Делопроизводство вотчинных контор помещичьих хозяйств России второй половины XIX – начала XX века: состав документации
- 173 *О.М. Зайцева,
Н.В. Стрекалова* Семьи высших слоев г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: социально-демографический аспект
- 186 *П.П. Щербинин* Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие советской власти на Тамбовщине (1918–1928 гг.)

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- 198 *И.М. Лакстыгал* Соперничество США и Франции на оружейном рынке в арабских странах Ближнего Востока в 1970-е гг.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР к. юрид. н. В.Ю. Стромов (г. Тамбов, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. пед. н., проф. П.В. Сысоев (научный редактор) (г. Тамбов, Российская Федерация), И.В. Ильина (отв. секретарь) (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. А.Г. Айрапетов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева (г. Москва, Российская Федерация), д. истории, проф. Тьерри Гробуа (г. Люксембург, Люксембург), д. пед. н., проф. М.И. Долженкова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. И.Ф. Исаев (г. Белгород, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Канищев (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. С.Г. Кашенко (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Р.М. Куличенко (г. Тамбов, Российская Федерация), к. пед. н., доц. Е.П. Лисицын (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.Н. Макарова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Т.Э. Мангер (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. Ю.А. Мизис (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., доц. В.В. Миронов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. педагогики, проф. П.Дж. Митчелл (г. Дерби, Великобритания); д. филос. н., проф. И.В. Налетова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. С.А. Нефедов (г. Екатеринбург, Российская Федерация), д. мед. н., проф. Э.М. Османов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., проф. А.Г. Пашков (г. Курск, Российская Федерация), д. пед. н., проф. Л.С. Подымова (г. Москва, Российская Федерация), д. пед. н., проф. О.Г. Поляков (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. В.В. Романов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. пед. н., доц. Т.А. Селитреникова (г. Тамбов, Российская Федерация), д. мед. н., проф. С.Н. Симонов (г. Тамбов, Российская Федерация), д. ист. н., проф. А.С. Туманова (г. Москва, Российская Федерация), д. психол. н., проф. Е.А. Уваров (г. Тамбов, Российская Федерация), доктор, проф. истории Хок Стивен Л. (г. Три-Ситис, США), д. пед. н., проф. И.А. Шаршов (г. Тамбов, Российская Федерация).

Адрес редакции: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Телефон редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440

Электронная почта: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about.html> (на русском языке);

<http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about-eng.html> (на английском языке)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-70574 от 03 августа 2017 г.

Подписной индекс 83371 в каталоге АО Агентства «Роспечать»

Редакторы: А.А. Манаенкова, М.И. Филатова

Редакторы английских текстов: С.Ю. Можаров, Т.А. Сустина

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчановой

Для цитирования:

Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2019. – Т. 24, № 179. – 204 с. – ISSN 1810-0201. – DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179

Подписано в печать 06.03.2019. Дата выхода в свет 16.04.2019.

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.

Печ. л. 25,50. Усл. печ. л. 24,74. Тираж 1000 экз. Заказ № 19055. Цена свободная

Адрес издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский»

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2019

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки», 2019

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор

The journal is on the official list of scientific reviewed periodicals recommended by High Attestation Commission for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science
(field of science: Pedagogical Sciences, Historical Sciences)

CONTENTS

PEDAGOGY OF HIGHER SCHOOL

- 7 *L.N. Makarova,
S.V. Rozhkova* Diagnostical tools to evaluate student's creative thinking development
- 20 *O.A. Kozyreva* Quality of theoretization and culture formation of individual self-study
in the continuous education system

THEORY AND METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

- 32 *S.V. Motov* Teaching English grammar on linguocognitive basis
- 40 *A.F. Mamleeva* Literary text features as means for individual's moral qualities formation
at the Foreign Language classes in a comprehensive university
- 51 *A.O. Andrukh* Principles of foreign language communicative competence control
and assessment
- 58 *A.A. Maksayev* Content design of foreign language academic programmes for students
at the musical universities
- 69 *V.V. Klochikhin* Development of collocational competence of students on the basis
of electronic linguistic corpus

QUESTIONS OF SOCIAL PEDAGOGY AND SOCIAL WORK

- 81 *M.V. Kharnikov* The organizational and pedagogical conditions promoting effective legal
education of the teenager in the educational organization

THEORY AND METHODS OF PHYSICAL TRAINING TEACHING

- 90 *F.I. Sobyandin,
Y.B. Nikiforov,
S.V. Mikhel* Time experience in sports (psychological and pedagogical aspect)
- 98 *A.V. Savelyev* Compensatory-adaptive mechanism of cardiorespiratory system in athletes'
fatigue state

THEORY AND METHODS OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY ORGANIZATION

- 105 *T.G. Bortnikova,
M.I. Dolzhenkova* Effective intercultural communication skills development of university students
- 113 *V.V. Gladkikh,
G.I. Gribkova,
E.V. Ulyanova* Corporate volunteering as a promising direction of social and cultural partnership: peculiarities, advantages and development prospects

NATIONAL HISTORY

- 121 *M.S. Volkov* Financial and economical activity of Orthodox monasteries of Tambov Eparchy in the 18th–19th centuries
- 131 *E.Y. Nevzorov,
Y.V. Shcherbinina* Soldiers' children in legislation and law enforcement practice in Russian Empire of 18th–19th centuries
- 143 *Theodosius (Vasnev),
Metropolitan of Tambov
and Rasskazovo* Theological schools transformations: Tambov Seminary (the 19th century)
- 151 *V.A. Kurbenkov* Stages of government control development of seaports work in the Far East
- 159 *N.N. Petrykin* Archival description of cases of the Kursk Gendarme Police Department as a source for studying the activities of the railway police (1869–1916)
- 166 *R.M. Zhitin,
A.G. Topilskiy* Patrimonial bureaus procedures of the landlord farms in Russia during the second half of the 19th – early 20th century: the documentation structure
- 173 *O.M. Zaytseva,
N.V. Strekalova* Tambov upper-class families in the late 19th – early 20th centuries: social and demographic aspect
- 186 *P.P. Shcherbinin* Protection of motherhood and infancy in the first decade of Soviet government in the Tambov Region (1918–1928)

FOREIGN COUNTRIES' HISTORY

- 198 *I.M. Lakstygai* The rivalry of the United States and France in the arms market in the Arab countries of the Middle East in the 1970s

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin”
(33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

EDITOR-IN-CHIEF Candidate of Jurisprudence V.Y. Stromov (Tambov, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL: Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoyev (Scientific Editor) (Tambov, Russian Federation), I.V. Ilyina (Executive Editor) (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor A.G. Airapetov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation), Doctor of History, Professor Thierry Grosbois (Luxembourg, Luxembourg), Doctor of Pedagogy, Professor M.I. Dolzhenkova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor I.F. Isayev (Belgorod, Russian Federation), Doctor of History, Professor V.V. Kanishev (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor S.G. Kashenko (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor R.M. Kulichenko (Tambov, Russian Federation), Candidate of Pedagogy, Associate Professor E.P. Lisitsyn (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor L.N. Makarova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor T.E. Manger (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor Y.A. Mizis (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Associate Professor V.V. Mironov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor P.J. Mitchell (Derby, Great Britain), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Naletova (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor S.A. Nefedov (Ekaterinburg, Russian Federation), Doctor of Medicine, Professor E.M. Osmanov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor A.G. Pashkov (Kursk, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor L.S. Podyumova (Moscow, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Professor O.G. Polyakov (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor V.V. Romanov (Tambov, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Associate Professor T.A. Selitrenikova (Tambov, Russian Federation), Doctor of Medicine, Professor S.N. Simonov (Tambov, Russian Federation), Doctor of History, Professor A.S. Tumanova (Moscow, Russian Federation), Doctor of Psychology, Professor E.A. Uvarov (Tambov, Russian Federation), Doctor, Professor of History Hoch Steven L. (Tri-Cities, USA), Doctor of Pedagogy, Professor I.A. Sharshov (Tambov, Russian Federation)

Editors address: 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone number: (4752)-72-34-34 extension 0440

E-mail: vestnik1@tsu.tmb.ru; ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about.html> (In Russian);

<http://journals.tsutmb.ru/series-humanities-about-eng.html> (In English)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). The mass media registration certificate ПИ № ФС77-70574 of August 3, 2017

Subscription index in the catalogue of the Stock company Agency “Rospechat” is 83371

Editors: A.A. Manaenkova, M.I. Filatova

English texts editors: S.Y. Mozharov, T.A. Sustina

Computer layout by T.Y. Molchanova

For citation:

Tambov University Review. Series: Humanities. – Tambov, 2019. – Vol. 24, no. 179. – 204 p. – ISSN 1810-0201. – DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179

Podpisano v pechat' 06.03.2019. Data vykhoda v svet 16.04.2019.

Format A4 (60×84 1/8). Garnitura «Times New Roman». Pechat' na rizografe.

Pech. l. 25,50. Usl. pech. l. 24,74. Tirazh 1000 ekz. Zakaz № 19055. Tsena svobodnaya

Publisher's address: 33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation, FSBEI of HE
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin”

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy”
of FSBEI of HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”.

190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation, E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

© FSBEI of HE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2019

© The journal “Tambov University Review. Series: Humanities”, 2019

The reference is obligatory while reprinting and citation of materials.

The author is responsible for the contents of publications

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-7-19
УДК 378.146

Диагностический инструментарий оценки развития креативного мышления студента

Людмила Николаевна МАКАРОВА¹, Светлана Васильевна РОЖКОВА²

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1167-4185>, e-mail: mako20@inbox.ru,

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2479-2116>, e-mail: rose_177@bk.ru

Diagnostical tools to evaluate student's creative thinking development

Lyudmila N. MAKAROVA¹, Svetlana V. ROZHKOVA²

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1167-4185>, e-mail: mako20@inbox.ru,

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2479-2116>, e-mail: rose_177@bk.ru

Аннотация. Представлены данные диагностического исследования, основная цель которого – анализ уровня развития структурных составляющих креативного мышления студентов. Креативное мышление трактуется как вид профессионально-ориентированного мышления, характеризующийся способностью порождать множество оригинальных идей в нерегламентированных условиях деятельности, развитой вербальной креативностью и пронизательностью, высоким уровнем рефлексии, пытливости, фантазии, самоконтролем эмоциональных состояний. Оно рассмотрено как важнейший фактор, влияющий на процесс личностно-профессионального самоизменения студентов – будущих психологов. Раскрыты показатели развития креативного мышления и обоснован диагностический инструментарий для их оценки. Определены и проанализированы основные проблемные зоны в развитии креативного мышления студентов (низкий уровень вербальной активности, недостаточная степень развития любознательности, непонимание необходимости дальнейшей работы над развитием воображения). В процессе диагностики выявлены связи между индивидуально-психологическими особенностями личности студентов-психологов и преобладающими у них типами мышления: предметным, символическим, знаковым и образным. Анализ результатов, полученных с помощью пятифакторного личностного опросника Р. МакКрае и П. Коста, позволил составить личностный портрет испытуемых по ряду факторов: экстраверсия – интроверсия, привязанность – обособленность, самоконтроль – импульсивность, эмоциональная устойчивость – неустойчивость, экспрессивность – практичность. Выявлены трудности в развитии креативного мышления, с которыми встречаются студенты, имеющие направленность на преобладание одного из показателей в конкретной паре. Представлены результаты факторного анализа полученных данных, который осуществлялся по методу главных компонент с построением корреляционной матрицы и последующим ортогональным вращением. Корреляционный анализ показал, что у студентов шкала креативности коррелирует с такими показателями, как воображение, образное мышление, активность – пассивность, доминирование – подчинение, проявление – избегание чувства вины, экстраверсия – интроверсия, доверчивость – подозрительность, любопытство – консерватизм, любознательность – реалистичность, деятельностный компонент. Полученные результаты проведенного исследования можно использовать при разработке образовательных программ, направленных на развитие креативности студентов и при формировании личностно-профессиональных компетенций будущих психологов в вузе.

Ключевые слова: образовательный процесс; студенты-психологи; креативное мышление; показатели; диагностика; программа развития

Для цитирования: Макарова Л.Н., Рожкова С.В. Диагностический инструментарий оценки развития креативного мышления студента // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 7-19. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-7-19

Abstract. We show the data of diagnostic research, main aim is to analyze the development level of structural components of students creative thinking. Creative thinking is interpreted as a professionally-oriented thinking characterized by the ability to generate a lot of original ideas in unregulated conditions of activity, developed verbal creativity and insight, a high level of reflection, inquisitiveness, imagination, self-control of emotional states. We consider it as the most important factor influencing personal and professional self-change of students – future psychologists. We reveal the indicators of creative thinking development and the diagnostic tools for their evaluation are substantiated, identify and analyze the main problem areas in the development of creative thinking of students (low level of verbal activity, lack of curiosity, lack of understanding of the need for further work on the development of imagination). Using diagnosis we reveal the relationship between the individual psychological characteristics of the personality of students-psychologists and their predominant types of thinking: subject, symbolic, symbolic and imaginative. We obtain the analysis results using a five-factor personal questionnaire by R. McCrae and P. Costa which allows to make a personal portrait of the subjects by many factors: extra – version – introversion, attachment – isolation, self-control – impulsiveness, emotional stability-instability, expressiveness-practicality. We reveal the difficulties in the development of creative thinking, which meet students with a focus on the prevalence of one of the indicators in a particular pair. We present the factor analysis results of the obtained data carried out by principal component analysis with the construction of the correlation matrix and subsequent orthogonal rotation. Correlation analysis showed that the students' scale of creativity correlates with such indicators as imagination, creative thinking, activity – passivity, domination – submission, manifestation – avoidance of guilt, extroversion – introversion, credulity – suspicion, curiosity – conservatism, curiosity – realism, activity component. The results of the study can be used in the educational programs development aimed at the students' creativity development and personal and professional competencies formation of future psychologists in high school.

Keywords: educational process; students-psychologists; creative thinking; data; diagnostics; development program

For citation: Makarova L.N., Rozhkova S.V. Diagnosticheskiy instrumentariy otsenki razvitiya kreativnogo myshleniya studenta [Diagnostical tools to evaluate student's creative thinking development]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 7-19. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-7-19 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Существенные изменения, произошедшие в современном российском обществе, ставят перед системой высшего образования новые задачи, связанные с подготовкой выпускника вуза, обладающего высоким уровнем интеллектуального развития, владеющего умениями командного взаимодействия, способами самоорганизации и творческого саморазвития, что позволяет ему значительно увеличить свою конкурентоспособность на рынке труда.

В создавшихся условиях повышаются требования к таким качествам личности студента, как открытость новому опыту, умение находить решения в нестандартных ситуациях, творческое отношение к действительности. В частности, ФГОС ВО предъявляет новые требования к подготовке студентов-пси-

хологов, которым для оказания квалифицированной помощи клиенту требуется владение вариативными способами поиска выхода из проблемы, умение находить нетрадиционные решения в неожиданных ситуациях, а также способность прогнозировать развитие событий и определять причины возникающих опасностей¹.

Это возможно при формировании у студентов профессионального типа мышления,

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 37.03.01 Психология. URL: <http://fgosvo.ru/news/7/477> (дата обращения: 15.01.2018); Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 37.05.02 Психология служебной деятельности. URL: <http://fgosvo.ru/news/3/2163> (дата обращения: 15.01.2018).

обязательным компонентом которого является креативная составляющая [1–3]. Следовательно, можно утверждать, что в процессе подготовки студентов-психологов у них необходимо сформировать креативное мышление, которое мы рассматриваем как вид профессионально-ориентированного мышления, характеризующийся способностью порождать множество оригинальных идей в нерегламентированных условиях деятельности, развитой вербальной креативностью и проницательностью, высоким уровнем рефлексии, пытливости, фантазии, самоконтролем эмоциональных состояний.

Однако развитие творческой составляющей студентов-психологов определяется не только их личностными качествами, но и видом учебно-профессиональной деятельности в вузе и ее результатом. В силу имеющегося академического характера подготовки психологов не в полной мере удается развивать их креативное мышление. Как следствие – выпускники вузов, обладая достаточным объемом специальных знаний, профессиональных умений и навыков, зачастую испытывают затруднения в принятии и исполнении оперативных решений в нестандартных ситуациях [4; 5].

Диагностическое исследование проводилось нами в 2018 г. на базе Педагогического института (отделение педагогики и психологии) Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. В нем приняли участие 30 студентов 1 и 2 курсов в возрасте 17–20 лет.

В качестве показателей развития креативного мышления студента были рассмотрены следующие: стремление к самопознанию, любознательность, образный тип мышления, беглость и гибкость, интуиция, воображение, нестандартность решения задач, эмоциональная саморегуляция [6].

Для диагностики креативного мышления студентов-психологов использовались методы: наблюдение, интервьюирование, тестирование, методы математической обработки данных, количественный и качественный анализ данных. Эмпирическое изучение креативного мышления проводилось с использованием ряда методик, которые позволяют оценить уровень развития креативного мышления студентов по ранее выявленным показателям [7–9] (табл. 1).

Полученные результаты были обработаны с помощью программы SPSS (версия 17.0) с использованием полного пакета систематических процедур:

- оценки распределения значения переменных;
- факторного анализа;
- корреляционного анализа.

Для повышения качества тестирования креативности нами были соблюдены основные параметры креативной среды:

- отсутствие ограничения по времени;
- минимизация мотивации достижения;
- отсутствие соревновательной мотивации и критики действий;
- отсутствие в тестовой инструкции жесткой установки на творчество.

По результатам теста вербальной креативности (RAT) С. Медника было выявлено, что такой показатель, как «вербальная креативность», у испытуемых не развит: лишь у 10 % отмечается наличие среднего уровня, и у 90 % выявлен низкий уровень вербальной креативности. Это говорит о том, что у студентов не сформирована одна из составляющих понятия креативности языковой личности, выявляющая способность носителя языка к творческому использованию готовых языковых форм и значений. К основным показателям вербальной креативности относят беглость, гибкость, оригинальность. Беглость как количественный критерий свидетельствует о скорости протекания мыслительных процессов, что выражается в выдвигании и словесном формулировании большего или меньшего количества идей за определенную единицу времени; гибкость характеризует разнообразие этих идей; оригинальность предполагает их нестандартность.

Таким образом, в программу развития креативного мышления будущего психолога необходимо ввести блок заданий, направленных на формирование вербальной креативности.

По результатам теста Н.Ф. Вишняковой «Креативность» мы выявили уровень творческих склонностей личности, где испытуемым предлагалось рефлексивно оценить креативный компонент образа «Я-реальный» и представление об образе «Я-идеальный». Сравнение двух образов позволило нам определить наличие у студентов творческих склонностей и стремление к изменению себя (рис. 1).

Таблица 1

Содержание методик оценки развития креативного мышления

Название	Сущность
Тест вербальной креативности (RAT) С. Медника (адаптация А.Н. Воронина, взрослый вариант)	Предназначен для диагностики вербальной креативности, которая определяется как процесс перекомбинирования элементов ситуации. В данном случае испытуемым предлагаются словесные триады (тройки слов), элементы которых принадлежат к взаимно отдаленным ассоциативным областям. Испытуемому необходимо установить между ними ассоциативную связь путем нахождения четвертого слова, которое объединяло бы элементы таким образом, чтобы с каждым из них оно образовывало некоторое словосочетание. В качестве стимульного материала в тесте используются 40 словесных триад. Методика направлена на выявление и оценку существующего у испытуемого, часто скрытого, блокируемого креативного потенциала, а не особенностей деятельности испытуемого в данных экспериментальных условиях
Тест «Креативность» Н.Ф. Вишняковой	Позволяет выявить уровень творческих склонностей личности и построить психологический креативный профиль, рефлексировав креативный компонент образа «Я-реальный» и представление об образе «Я-идеальный». Сравнение двух образов креативности «Я-реальный» и «Я-идеальный» позволяет определять креативный резерв и творческий потенциал личности
Опросник «Определение типов мышления и уровня креативности» Дж. Брунера	Позволяет определить базовый тип мышления и измерить уровень креативности у взрослых. Зная свой тип мышления, можно сказать, в какой области, профессии человек преуспеет. Выделяют 4 базовых типа мышления, каждый из которых обладает специфическими характеристиками: предметное, образное, знаковое и символическое
Пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка» Р. МакКрэй и П. Коста	Позволяет описать психологический портрет личности на основе факторного анализа пяти независимых переменных (нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, сотрудничество, добросовестность). Пятифакторный опросник личности представляет собой набор из 75 парных, противоположных по своему значению, стимульных высказываний, характеризующих поведение человека. Экстраверсия – интроверсия; привязанность – обособленность; самоконтроль – импульсивность; эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость; экспрессивность – практичность
Творческое задание «Круги»	Испытуемому предлагался бланк, на котором нарисовано 12 кругов диаметром 3 сантиметра. Задача – за 10 минут нарисовать как можно больше предметов или явлений, используя круги как основу. Рисовать можно внутри и вне круга, для одного рисунка можно использовать 1, 2 и более кругов. Рисунки необходимо подписать. Выполненная работа оценивается по количеству рисунков, их необычности, оригинальности, частоте встречаемости редких объектов

Анализируя полученные групповые профили творческих способностей, мы видим, что студенты в первую очередь видят возможности для развития своих креативных качеств. Так, практически по всем показателям образы «Я-реальный» и «Я-идеальный» отличаются в стремлении респондентов видеть в себе идеальном более творчески развитую личность.

В частности, по таким показателям, как творческое мышление, оригинальность и интуиция у испытуемых между образами есть небольшое отличие в один–два балла в сторону стремления к идеальному-Я.

Наибольший разрыв наблюдается по таким показателям, как любознательность, чувство юмора и творческое отношение к

профессии, что свидетельствует о более осознанном понимании значимости данных показателей в дальнейшей профессии испытуемых.

Стоит отметить, что по показателю эмпатии образ «Я-идеальный» в балльном соотношении меньше, чем «Я-реальный». Это говорит о том, что на данный момент испытуемые ощущают в себе чрезмерно развитую способность к сочувствию и сопереживанию другому человеку, что в идеальном представлении нежелательно видеть у себя. Данный результат может также свидетельствовать о специфике профессиональной деятельности психолога, поскольку чрезмерно развитое чувство эмпатии может привести в дальнейшем к профессиональному выгоранию.

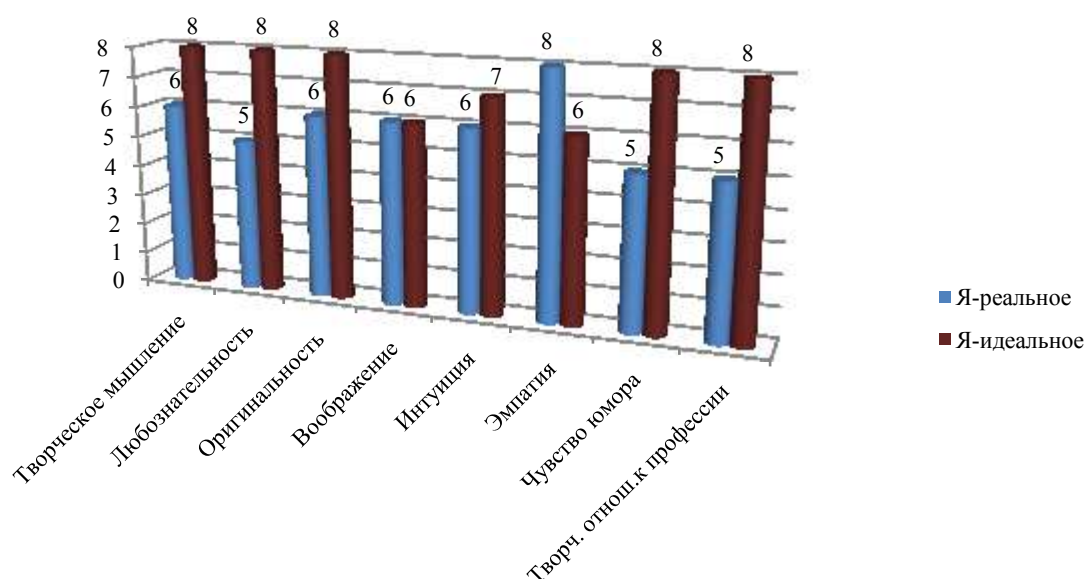

Рис. 1. Показатели уровня творческих склонностей по тесту Н.Ф. Вишняковой «Креативность»

Анализ шкалы «воображение» говорит о том, что показатели по двум образам идентичны, что позволяет констатировать состояние равновесия у испытуемых в данный момент по данному признаку. Можно интерпретировать данный результат как нежелание стремиться развивать свой уровень воображения.

Экспериментальные данные, полученные нами при использовании опросников Дж. Брунера и пятифакторного личностного опросника Р. МакКрае и П. Коста, в сокращенном виде были представлены в статье «Индивидуально-психологические особенности студентов-психологов с разным типом мышления» [10]. В данной статье мы предлагаем развернутый анализ полученных результатов.

Аналитическое осмысление и интерпретация данных, полученных по опроснику Дж. Брунера «Определение типов мышления и уровня креативности», позволило выявить следующее: у испытуемых предметное мышление на высоком уровне развито лишь у 20 %, более половины респондентов (70 %) имеют средний уровень развития данного типа мышления и у 10 % выявлен низкий уровень (рис. 2). Полученные данные позволяют охарактеризовать испытуемых со средним и высоким уровнем как лиц с практиче-

ским складом ума, для которых характерны неразрывная связь с предметом в пространстве и времени, осуществление преобразования информации с помощью предметных действий, последовательное выполнение операций. Результатом такого типа мышления становится мысль, воплощенная в новой конструкции.

По шкале «символическое мышление» почти половина всех респондентов (45%) имеют средний уровень, у 35 % респондентов выявлен низкий уровень и лишь 20 % обладают высокими показателями по диагностируемой шкале (рис. 3). Полученные результаты говорят о том, что две трети испытуемых не обладают математическим складом ума, следовательно, не отдадут предпочтение символическому мышлению как способу преобразования информации с помощью правил вывода.

Такой тип мышления, как «знаковое мышление», выявлен в 90 % от выборки (рис. 4). Данный тип мышления предпочитают личности с гуманитарным складом ума, что подтверждает правильность выбора нашими студентами профессии гуманитарного направления. Результатом мысленной работы является мысль в форме понятия или высказывания, фиксирующего существенные отношения между обозначаемыми предметами.

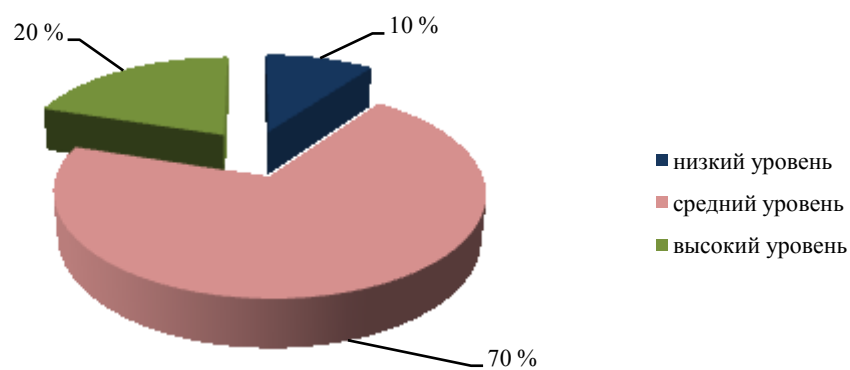

Рис. 2. Показатели предметного мышления по опроснику Дж. Брунера «Определение типов мышления и уровня креативности»

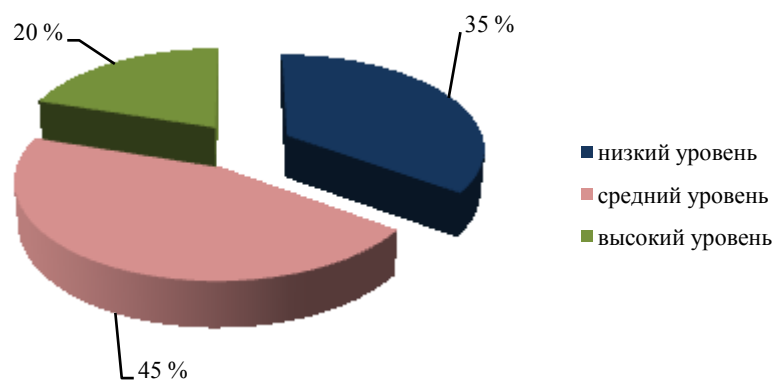

Рис. 3. Показатели символического мышления по опроснику Дж. Брунера «Определение типов мышления и уровня креативности»

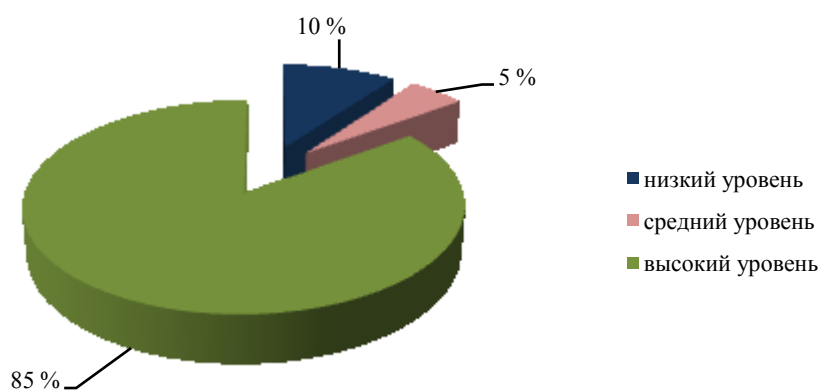

Рис. 4. Показатели знакового мышления по опроснику Дж. Брунера «Определение типов мышления и уровня креативности»

По шкале «образное мышление» у 90 % выявлен высокий показатель и лишь 10 % респондентов обладают средним уровнем. Данные результаты позволяют охарактеризовать наших испытуемых как людей с художественным складом ума, предпочитающих образный тип мышления. Для них свойственно отделить изучаемый предмет в пространстве и времени, и преобразовать нужную информацию с помощью действий с образами. При этом операции могут осуществляться ими как последовательно, так и одновременно. Результатом служит мысль, воплощенная в новом образе.

По шкале «креативность» у 60 % исследуемых выявлен высокий уровень и 40 % обладают средним уровнем по данной шкале. Данные показатели свидетельствуют о наличии творческих способностей у испытуемых, свидетельствующие о готовности к созданию принципиально новых идей. Студентам свойственно испытывать повышенную чувствительность к проблемам, дефициту или противоречивости знаний, действия по определению этих проблем, по поиску их решений на основе выдвижения гипотез, по проверке и изменению гипотез, по формулированию результата решения. Поскольку почти

у половины респондентов диагностирован лишь средний уровень, то им необходимо участие в реализации специально разработанной программы по развитию креативного мышления.

Анализ результатов, полученных с помощью пятифакторного личностного опросника Р. МакКрае и П. Коста, позволяет составить личностный портрет наших испытуемых по ряду показателей.

По первому фактору «экстраверсия – интроверсия» 75 % опрошенных имеют как средние, так и высокие значения по исследуемому фактору, что определяет направленность наших респондентов на экстраверсию (рис. 5).

Студентов можно охарактеризовать как общительных, любящих развлечения и коллективные мероприятия, имеющих большой круг друзей и знакомых, ощущающих потребность общения с людьми, с которыми можно поговорить и приятно провести время. Они стремятся к развлечениям, не любят себя утруждать работой или учебой, тяготеют к острым, возбуждающим впечатлениям, часто рискуют, действуют импульсивно, необдуманно, по первому побуждению.

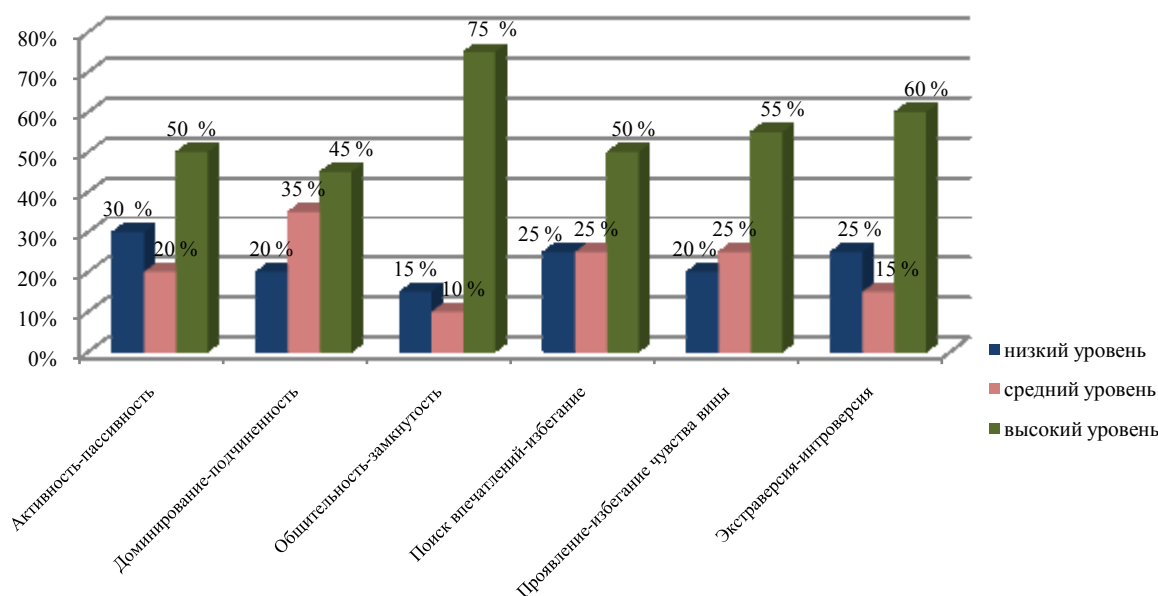

Рис. 5. Показатели по 1 фактору пятифакторного личностного опросника (Р. МакКрае, П. Коста)

Также стоит отметить такие качества у испытуемых, как активность, желание доминировать в группе, стремление к поиску новых впечатлений и проявления чувства вины. Экстраверты беззаботны, оптимистичны и любят перемены. У них ослаблен контроль над чувствами и поступками, поэтому они бывают склонны к вспыльчивости и агрессивности. В работе, как правило, ориентированы на скорость выполнения задания, от однообразной деятельности у них быстрее развивается состояние монотонии.

Испытуемые предпочитают работать с людьми. В деятельности экстраверты быстрее, чем интроверты, извлекают информацию из памяти, лучше выполняют трудные задания в ситуации дефицита времени. Экстраверты чувствуют себя бодрее вечером и лучше работают во второй половине дня, также они очень чувствительны к поощрению.

По второму фактору «привязанность – обособленность» испытуемые набрали значения выше среднего в 90 % от всей выборки (рис. 6). Данные показатели определяют позитивное отношение испытуемых к людям. Такие лица испытывают потребность быть рядом с другими людьми. Как правило, это добрые, отзывчивые люди, они хорошо понимают других людей, чувствуют личную ответственность за их благополучие, терпимо относятся к недостаткам других людей.

Респондентам свойственна теплота в отношениях, стремление к сотрудничеству в конфликтных ситуациях, они уважают других и стараются понимать и прочувствовать проблемы других людей. Умеют сопереживать, поддерживают коллективные мероприятия и чувствуют ответственность за общее дело, добросовестно и ответственно выполняют взятые на себя поручения. Взаимодействуя с другими, стараются избегать разногласий, не любят конкуренции, больше предпочитают сотрудничать с людьми, чем соперничать.

По третьему фактору «самоконтроль – импульсивность» респонденты также набрали значения выше среднего в 90 % от всей выборки (рис. 7). Испытуемым из данной группы присущи такие черты личности, как добросовестность, ответственность, обязательность, точность и аккуратность в делах. Они любят порядок и комфорт, настойчивы в деятельности и обычно достигают в ней вы-

соких результатов. Придерживаются моральных принципов, не нарушают общепринятых норм поведения в обществе и соблюдают их даже тогда, когда нормы и правила кажутся пустой формальностью, высокая добросовестность и сознательность обычно сочетаются с хорошим самоконтролем, стремлением к утверждению общечеловеческих ценностей, иногда в ущерб личным. Такие люди редко чувствуют себя полностью раскованными настолько, чтобы позволить себе дать волю чувствам.

По четвертому фактору «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» 85 % испытуемых набрали значения выше среднего (рис. 8), что характеризует их как неспособных контролировать свои эмоции и импульсивные влечения. В поведении это проявляется как уклонение от реальности, капризность. Им свойственно чувство беспомощности, неспособности справиться с жизненными трудностями. Их поведение во многом обусловлено ситуацией. Они в случае неудачи легко впадают в отчаяние и депрессию. Такие люди хуже работают в стрессовых ситуациях, в которых испытывают психологическое напряжение. У них, как правило, занижена самооценка, они обидчивы и в неудачах, но при этом самокритика у них развита.

По пятому фактору «экспрессивность – практичность» 90 % респондентов набрали значения выше среднего (рис. 9). Испытуемым по изучаемому параметру характерно легкое отношение к жизни. Им свойственно производить впечатление беззаботного и безответственного человека, которому сложно понять тех, кто рассчитывает каждый свой шаг, отдает свои силы созданию материального благополучия.

К жизни они относятся как к игре, совершая поступки, за которыми окружающие видят проявление легкомыслия. Испытуемые стремятся удовлетворять свое любопытство, проявляя интерес к различным сторонам жизни. Они легко обучаются, но недостаточно серьезно относятся к систематической научной деятельности, поэтому редко достигают больших успехов в науке. Респонденты могут часто не отличать вымысел от реальностей жизни. Они чаще доверяют своим чувствам и интуиции, чем здравому смыслу, мало обращают внимания на текущие повседневные дела и обязанности, избегают ру-

тинной работы. Это эмоциональные, чувствительные, экспрессивные, с хорошо развитым эстетическим и художественным вкусом лица.

Одним из заданий для испытуемых было нарисовать как можно больше предметов или явлений на заготовленном бланке с изображением 12 пустых кругов одинакового диаметра. Рисовать можно было как внутри, так и вне круга, для одного рисунка можно использовать 1, 2 и более кругов. Но, несмотря

на это, не все рисунки можно было отнести к оригинальным.

Всего лишь у 15 % респондентов выявлен высокий уровень, который говорит о том, что испытуемые наделяли предмет оригинальным, образным содержанием преимущественно без повторения одного и того же образа. Круги приобретали новые очертания, больше не повторяющиеся в исследуемой группе (рис. 10).

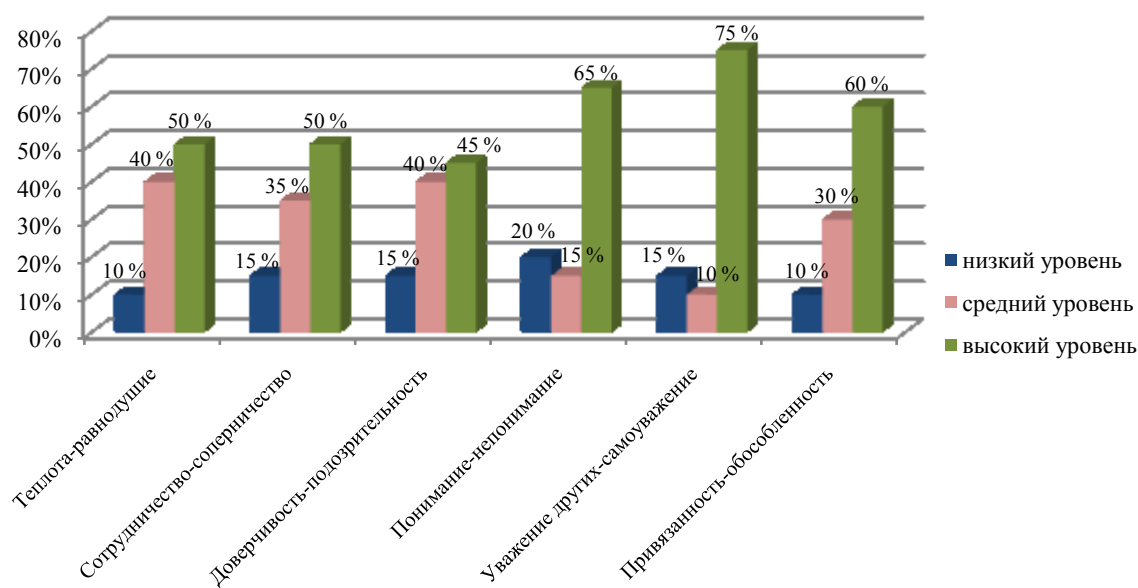

Рис. 6. Показатели по 2 фактору пятифакторного личностного опросника (Р. МакКрае, П. Коста)

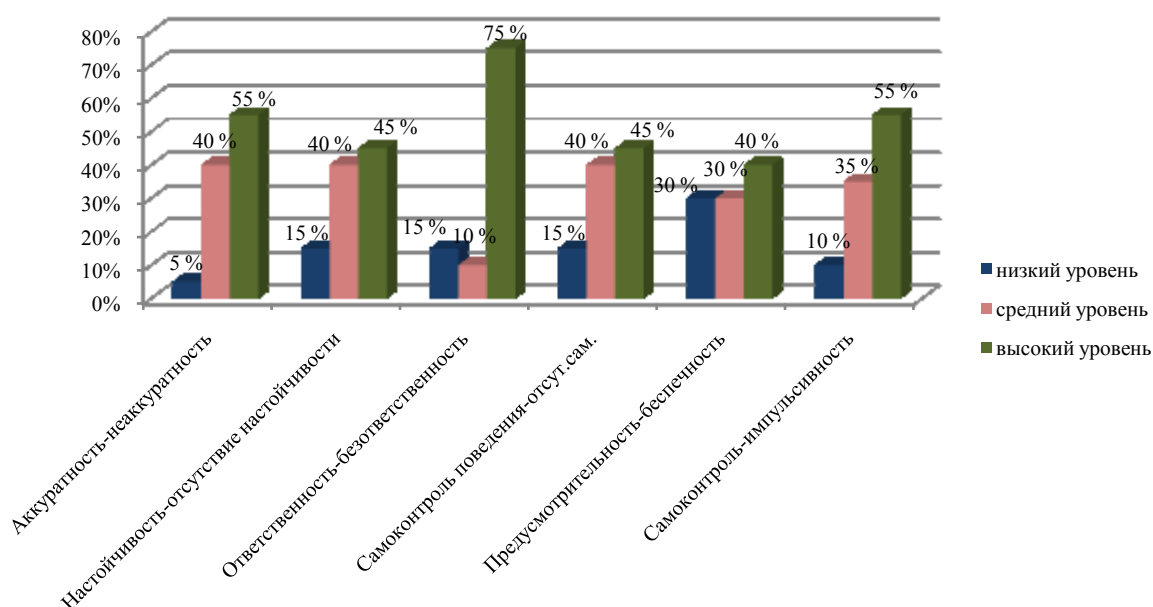

Рис. 7. Показатели по 3 фактору пятифакторного личностного опросника (Р. МакКрае, П. Коста)

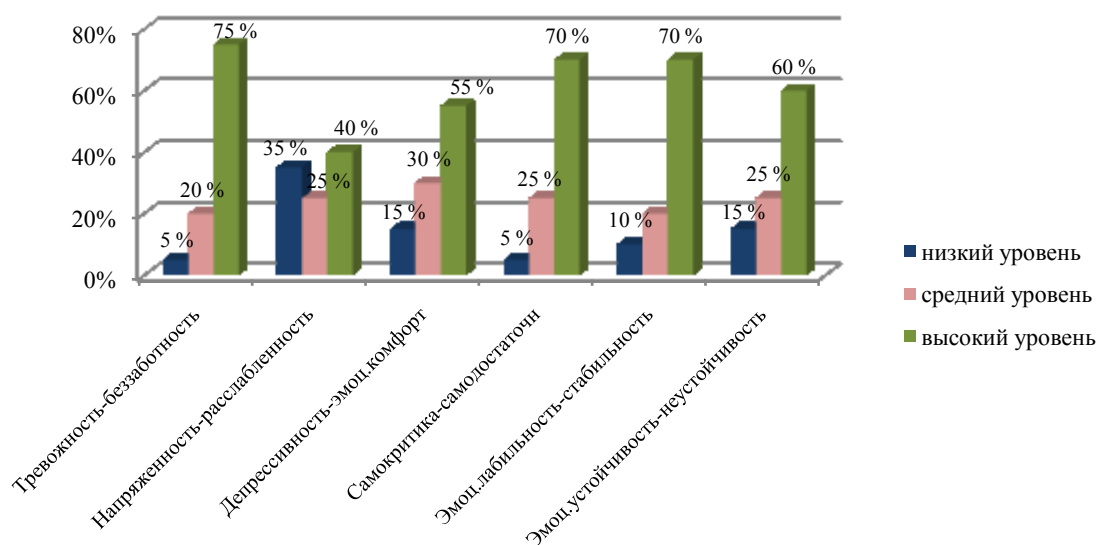

Рис. 8. Показатели по 4 фактору пятифакторного личностного опросника (Р. МакКрае, П. Коста)

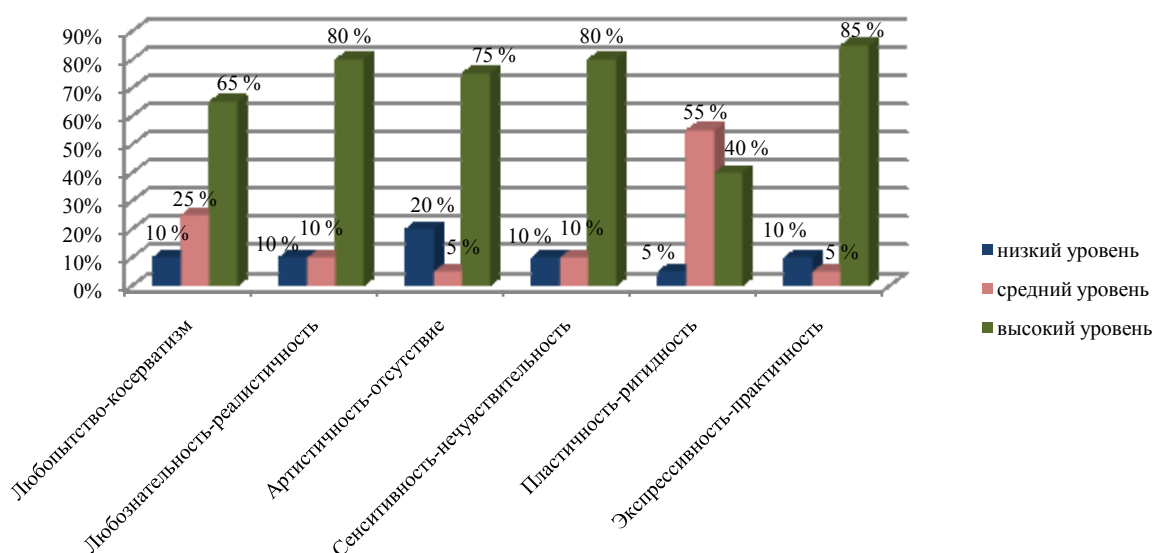

Рис. 9. Показатели по 5 фактору пятифакторного личностного опросника (Р. МакКрае, П. Коста)

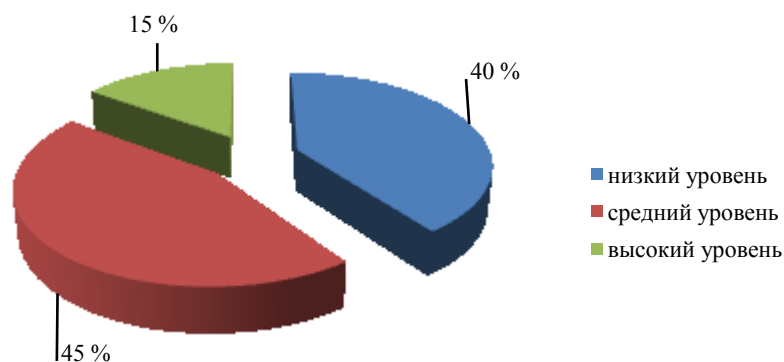

Рис. 10. Показатели индекса оригинальности выполнения творческого задания «Круги»

Практически у половины от всей выборки (45 %) диагностирован средний уровень, что свидетельствует о следующем: испытуемые наделяли образным значением почти все круги, но допускали почти буквальное повторение рисунков в группе, что говорит о стандартном подходе к решению предлагаемой ситуации, либо оформляли круги очень простыми, часто встречающимися в жизни предметами (шарик, мяч, яблоко и т. п.).

Низкий уровень характерен для 40 % респондентов. Полученные результаты говорят о том, что испытуемые не смогли наделять образным решением все круги, задание выполнили не до конца и небрежно. Они ограничились лишь передачей общей формы стандартных образов, что демонстрирует низкий уровень оригинальности исполнения задания.

Нами был проведен факторный анализ данных, который осуществлялся по методу главных компонент с построением корреляционной матрицы и последующим ортогональным вращением ("varimax"). По результатам данного анализа оптимальное решение было получено для 4 факторов, объясняющих в совокупности 57,5 % дисперсии, каждый из компонентов имеет нормальное распределение факторов.

Фактор I (21,9 % дисперсии) включал с себя шкалы:

Сотрудничество – соперничество	0,831
Настойчивость – отсутствие настойчивости	0,823
Самоконтроль – импульсивность	0,784
Понимание – непонимание	0,784
Теплота – равнодушие	0,774
Экспрессивность – практичность	0,771
Привязанность – обособленность	0,767
Любопытство – консерватизм	0,737
Ответственность – безответственность	0,723
Любознательность – реалистичность	0,713
Артистичность – отсутствие	0,665
Самоконтроль поведения – отсутствие	0,580
Уважение других – самоуважение	0,521
Вербальная креативность	0,424
Знаковое мышление	0,416
Аккуратность – неаккуратность	0,412

Данный фактор был обозначен нами как «**познавательный компонент**».

В структуру фактора II (36,4 % дисперсии) вошли такие показатели, как:

Экстраверсия – интроверсия	0,832
Креативность	0,790
Проявление – избегание чувства вины	0,774
Доминирование – подчинение	0,766
Общительность – замкнутость	0,693
Активность – пассивность	0,669
Пластичность – ригидность	0,624
Воображение Р	0,565
Доверчивость – подозрительность	0,539
Образное мышление	0,529
Напряженность – расслабленность	-0,512
Предусмотрительность – беспечность	-0,511
Творческое отношение к профессии Р	0,498
Чувство юмора Р	0,467
Символическое мышление	-0,453
Поиск впечатлений – избегание	0,402

Данные показатели имеют исключительно положительную факторную нагрузку. Этот фактор можно назвать «**деятельностный компонент**».

В состав фактора III (48,8 % дисперсии) вошли шкалы:

Эмоциональная устойчивость – неустойчивость	-0,804
Эмоциональная лабильность – стабильность	-0,771
Депрессивность – эмоциональный комфорт	-0,766
Тревожность – беззаботность	-0,756
Оригинальность Р	0,562
Оригинальность рисунка	0,420

Этот фактор мы назвали «**компонент эмоциональной саморегуляции**».

Фактор IV (57,5 % дисперсии) состоит из таких показателей, как:

Эмпатия Р	0,617
Самокритика – самодостаточность	0,586
Интуиция Р	0,576
Творческое мышление Р	0,509
Предметное мышление	0,401

Данный фактор был назван «**сензитивный компонент**».

Корреляционный анализ показал, что у студентов шкала креативности коррелирует с такими показателями, как воображение ($r = 0,545^*$), образное мышление ($r = 0,781^{**}$), активность – пассивность ($r = 0,563^{**}$), доминирование – подчинение ($r = 0,481^*$), проявление – избегание чувства вины ($r = 0,586^{**}$), экстраверсия – интроверсия ($r = 0,583^{**}$), доверчивость – подозрительность ($r = 0,488^*$), любопытство – консерватизм ($r = 0,476^*$), любознательность – реалистичность ($r = 0,460^*$),

деятельностный компонент ФА ($r = 0,790^{**}$), где * – более низкий уровень значимости, чем критическое значение для 0,05, то есть вероятность ошибки равна 5 %, ** – все коэффициенты корреляции, которые по абсолютной величине больше, чем критическое значение для 0,01 (вероятность ошибки равна 1 %).

Выявленные корреляционные связи говорят о следующем: чем более развитыми будут у студентов такие характеристики личности, как доверчивость, активность, общительность, любознательность, любопытство, проявление чувства вины, доминирование в отношениях, а также наличие образного типа мышления и высокого уровня вооб-

ражения, тем вероятность развития показателей креативного мышления будет выше.

Полученные результаты будут положены в основу разработки программы, направленной на развитие креативного мышления студентов-психологов, в которой возможно: конструирование ситуаций незавершенности или открытости, в отличие от жестко заданных и строго контролируемых; разрешение и поощрение множества вопросов; изучение приемов, стратегий, инструментов, предметов для последующей деятельности; стимулирование ответственности и независимости; акцент на собственных наблюдениях и обобщениях; билингвистический опыт, создающий различные взгляды на мир; внимание со стороны окружающих.

Список литературы

1. Шевырев А.В., Михеев В.А., Федотова М.А. Системная аналитика и креативное мышление как ключевые когнитивные технологии образования будущего // Перспективы развития современного образования: от дошкольного до высшего: в 2 ч. / отв. ред. С.Г. Воровщиков, О.А. Шклярова. М.: МПГУ, 2017. Ч. 1. С. 35-43.
2. Боровинская Д.Н. О некоторых методологических проблемах исследования креативного мышления как процесса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 7-14.
3. Панова Е.С. Развитие креативного мышления: от проблемы к инновационному решению. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 197 с.
4. Шевченко Н.Ю., Лебедева Ю.В., Неумоина Н.Г., Корбакова Т.В. Формирование креативного мышления у студентов высшего образования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 11-4. С. 658-662.
5. Копытова Н.Е., Макарова Л.Н. Профессиональные стандарты и их роль при проектировании основных образовательных программ подготовки педагогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 2 (166). С. 55-62. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-55-62.
6. Шаршов И.А. Система критериев, показателей и уровней процесса профессионально-творческого саморазвития субъектов в вузе // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2010. Т. 1. № 15. С. 26-36.
7. Сиротюк А.С. Диагностика одаренности. М.: Директ-Медиа, 2014. 1229 с.
8. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. 448 с.
9. Батаршев А.В. Диагностика темперамента и характера. СПб.: Питер, 2016. 368 с.
10. Рожкова С.В. Индивидуально-психологические особенности студентов-психологов с разным типом мышления // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста / отв. ред. И.А. Шаршов, Л.Н. Макарова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 37-42.

References

1. Shevyrev A.V., Mikheyev V.A., Fedotova M.A. Sistemnaya analitika i kreativnoye myshleniye kak klyuchevyye kognitivnyye tekhnologii obrazovaniya budushchego [System analytics and creative thinking as key cognitive technologies of future education]. *Perspektivy razvitiya sovremennogo obrazovaniya: ot doshkol'nogo do vysshego: v 2 ch.* [Prospects of Modern Education Development: from Pre-School to Higher: in 2 pts]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2017, pt 1, pp. 35-43. (In Russian).
2. Borovinskaya D.N. O nekotorykh metodologicheskikh problemakh issledovaniya kreativnogo myshleniya kak protsessa [About some methodological problems of research of creative thinking as a process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 7-14. (In Russian).

3. Panova E.S. *Razvitiye kreativnogo myshleniya: ot problemy k innovatsionnomu resheniyu* [Creative Thinking Development: From the Problem to the Innovative Solution]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2016, 197 p. (In Russian).
4. Shevchenko N.Y., Lebedeva Y.V., Neumoina N.G., Korbakova T.V. Formirovaniye kreativnogo myshleniya u studentov vysshego obrazovaniya [The formation of innovative thinking in students higher education]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy – International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2014, no. 11-4, pp. 658-662. (In Russian).
5. Kopytova N.E., Makarova L.N. Professional'nye standarty i ikh rol' pri proektirovani osnovnykh obrazovatel'nykh programm podgotovki pedagogov [Professional Standards and their role at projection of basic educational programs of Teachers' preparation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 2 (166), pp. 55-62. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-2(166)-55-62. (In Russian).
6. Sharshov I.A. Sistema kriteriyev, pokazateley i urovney protsessa professional'no-tvorcheskogo samorazvitiya sub'yektov v vuze [System of criteria, indicators and levels of the process of professional-creative self-development of university entities]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus – Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2010, vol. 1, no. 15, pp. 26-36. (In Russian).
7. Sirotyuk A.S. *Diagnostika odarennosti* [Cleverness diagnosis]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014, 1229 p. (In Russian).
8. Ilin E.P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Art, Creativity and Cleverness Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009, 448 p. (In Russian).
9. Batarshv A.V. *Diagnostika temperamenta i kharaktera* [Temperament and Character Diagnosis]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016, 368 p. (In Russian).
10. Rozhkova S.V. Individual'no-psikhologicheskiye osobennosti studentov-psikhologov s raznym tipom myshleniya [Individual and psychological peculiarities of psychology students with different types of thinking]. *Lichnostnoye i professional'noye razvitiye budushchego spetsialista* [Personal and Professional Development of Future Specialist]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2017, pp. 37-42. (In Russian).

Информация об авторах

Макарова Людмила Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и образовательных технологий. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: mako20@inbox.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1167-4185>

Рожкова Светлана Васильевна, ассистент кафедры общей и клинической психологии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: rose_177@bk.ru

Вклад в статью: выполнение эксперимента, анализ и статистическая обработка результатов исследования.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2479-2116>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Макарова Людмила Николаевна
E-mail: mako20@inbox.ru

Поступила в редакцию 07.11.2018 г.
Поступила после рецензирования 14.12.2018 г.
Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the authors

Lyudmila N. Makarova, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy and Educational Technologies Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: mako20@inbox.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1167-4185>

Svetlana V. Rozhkova, Assistant of General and Clinical Psychology Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: rose_177@bk.ru

Contribution: experiment processing, analysis and statistical research results processing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2479-2116>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Lyudmila N. Makarova
E-mail: mako20@inbox.ru

Received 7 November 2018
Reviewed 14 December 2018
Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-20-31
УДК 378.1+371.3

Качество теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования

Ольга Анатольевна КОЗЫРЕВА^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6

²ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»
654007, Российская Федерация, Кемеровская обл., г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1834-7996>, e-mail: kozireva-oa@yandex.ru

Quality of theoretization and culture formation of individual self-study in the continuous education system

Olga A. KOZYREVA^{1,2}

¹Kemerovo State University

6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russian Federation

²Siberian State Industrial University

42 Kirova St., Novokuznetsk 654007, Kemerovo Region, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1834-7996>, e-mail: kozireva-oa@yandex.ru

Аннотация. Определены направленность и условия повышения качества теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности, детализированы и визуализированы конструкты и модели формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования. Детализирована практика теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в конструктах современного научного знания и использования педагогических моделей, фасилитирующих понимание и представление качества формирования культуры самостоятельной работы личности и специфику учета адаптивно-акмепедагогических особенностей решения задач развития личности в системе непрерывного образования. Уточнены и теоретизированы возможности формирования культуры самостоятельной работы личности через использование конструкта «педагогические условия» (педагогические условия повышения качества формирования культуры самостоятельной работы личности). Детерминированные и унифицированные педагогические условия повышения качества формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования определяются в учете возрастосообразности, научнообразности, учета нормального распределения способностей и здоровья обучающихся в системе непрерывного образования и прочих составных современного научно-педагогического поиска и научного знания в педагогике. Доказана состоятельность детерминированной модели теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования. Определены особенности и перспективы измерения качества теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования.

Ключевые слова: теоретизация; формирование; культура самостоятельной работы личности; модели формирования культуры самостоятельной работы личности; педагогические условия повышения качества формирования культуры самостоятельной работы личности

Для цитирования: Козырева О.А. Качество теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 20-31. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-20-31

Abstract. We define the direction and conditions for improving the quality of theorization and culture formation of individual self-study, detail and visualize the constructs and models of culture

formation of individual self-study in the continuous education system. The practice of theorizing the culture formation of individual self-study in constructs of modern scientific knowledge and the use of pedagogical models facilitating the understanding and presentation of the quality of forming a culture of individual self-study and the specifics of accounting for adaptive acmepedagogical features of solving problems of personality development in the system of continuing education is detailed. The possibilities of forming a culture of individual self-study through the use of the construct “pedagogical conditions” (pedagogical conditions for improving the quality of forming a culture of individual self-study) are clarified and theorized. We determine and unify pedagogical conditions for improving the quality of forming a culture of individual self-study in the continuous education system by taking into account the age and scientific character, normal distribution of abilities and health of students in the continuous education system and other components of modern scientific and pedagogical research and scientific knowledge in pedagogy. We also prove the consistency of the deterministic model of theorization and culture formation of individual self-study in the continuous education system. We determine the features and prospects of measuring the quality of theorization of culture formation of individual self-study in the continuous education system.

Keywords: theorization; formation; culture of individual self-study; models culture formation of individual self-study; pedagogical conditions for improving the quality of culture formation of individual self-study

For citation: Kozyreva O.A. Kachestvo teoretizatsii i formirovaniya kul'tury samostoyatel'noy raboty lichnosti v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [Quality of theorization and culture formation of individual self-study in the continuous education system]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 20-31. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-20-31 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Современные возможности теоретизации в педагогической деятельности и педагогической науке определяют нюансы повышения качества решения задач научного поиска в иерархии учета требований и соблюдения норм современного образования, науки, культуры и деятельности.

Многомерность анализа и сопоставления качества выделенных противоречий и детерминированных на основе анализа противоречий задач раскрывают перспективы решения традиционных и инновационных составных научного поиска, к данной практике относят такие конструкты, как «детерминация», «уточнение», «обоснование», «доказательство», «пояснение», «модификация», «оптимизация», «систематизация», «верификация», «акмеверификация», «моделирование», «проектирование», «обобщение», «визуализация», «интерпретация», «интеграция», «обновление», «детализация», «унификация», «персонализация», «модернизация» и пр.

В таком выборе использование педагогических конструктов повышает качество включенности личности педагога в процесс и продуктивность педагогической и научно-педагогической деятельности.

Отражая специфику теоретизации и успешности формирования культуры самостоя-

тельной работы личности как составной культуры деятельности личности, попытаемся выделить и обосновать использование следующих конструктов проектирования, моделирования и уточнения особенностей теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования через принятие следующих составных научно-педагогического знания:

- символ, символическое проектирование и моделирование, смысловая интерпретация [1] будут выделены в качестве составных единиц педагогического моделирования и теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования, где успешность и продуктивность будут уточнять условия повышения качества теоретизации и исследуемого педагогического процесса – процесса формирования культуры самостоятельной работы личности;

- социокультурное проектирование в сфере дополнительного образования [2] позволит определить особенности уточнения возможностей теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности на ступени дополнительного образования;

- терминологическая компетентность [3] личности является основой словесно-ло-

гической теоретизации в решении задач развития личности и системы непрерывного образования;

– диалектика символического познания [4] как основа построения символично-знаковых конструктов позволит уточнить уровневую модель теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности;

– непрерывное образование [5] как основа развития личности регламентирует в системном уточнении возрастосообразности и учета нормального распределения способностей и здоровья обучающихся возможность теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности как продукта научного решения или уточнения задач современного образования и деятельности педагога;

– адекватность понятийного аппарата современного образования [6] является продуктом теоретизации и успешности развития личности в системе научнообразного развития и самореализации;

– бездумное чтение [7] и учет условий развития личности, чьи способности в генеральной совокупности обучающихся могут быть определены и визуализированы на кривой нормального распределения способностей, уточняют проблемы персонификации и унификации современного развития личности в иерархии моделей и технологий формирования культуры самостоятельной работы личности;

– профессиональная направленность личности [8] и профессионализм являются продуктами теоретизации и оптимизации качества решения задач научного поиска в педагогике и психологии, в выделенном направлении поиска теоретизация формирования культуры самостоятельной работы личности определяется как модель и технология повышения качества решения задач в профессиональной педагогике и психологии развития личности;

– научно-педагогическая школа [9] может быть использована в системе моделирования уровневой типологии качества формирования культуры самостоятельной работы личности;

– работы [10; 11] выделяют теоретизированные представления о качестве и нюансах формирования культуры самостоя-

тельной работы личности в системе непрерывного образования;

– воспитание в профессиональной подготовке педагогов [12] является примером качественной теоретизации возможностей и успешного решения задач формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования;

– теоретизация и педагогическое моделирование [13; 14] являются составными поиска научнообразного решения задач современной педагогики в уточнении качества и условий оптимизации поставленной задачи и детализируемых условий самоорганизации качества развития личности и системы образования;

– информационная поддержка инновационных процессов в образовании [15] будет использована как конструкт повышения качества теоретизации в современной педагогической науке и педагогической деятельности;

– рассмотрение нюансов формирования культуры сосуществования личности в обществе (на примере вузовского воспитания студентов) [16] поможет понять общие основы формирования культуры деятельности и культуры сотрудничества, выделить доминанты социализации и самореализации личности на основе получаемых результатов развития личности в системе приоритетов и норм образования, науки, культуры и пр.;

– принципы и подходы в управлении научной и инновационной деятельностью [17] в детерминации и детализации качества теоретизации как модели оптимизации научнообразного решения задач современной педагогики и психологии определяют успешные конструкты для решения задач современного научного поиска и научного исследования;

– смысловые образования [18] в исследовании зрелости личности являются теоретизированными конструктами оптимизации задачи возрастосообразного становления личности через продуцирование и креативное преобразование пространства в соответствии с условиями поиска и повышения качества деятельности и развития личности и общества;

– повышение квалификации преподавателя вуза [19] может быть определено в качестве доминирующей составной оптимизации качества культуры деятельности и культуры

самостоятельной работы личности, включенной в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений;

- механизмы и этапы формирования системы профессионального роста педагога [20; 21] могут быть приняты в качестве продукта теоретизации, определять перспективность уточнения качества развития и продуктивности личности в единоличной и совместной деятельности;

- педагогические основы социализации личности и включенность личности в систему непрерывного образования [22; 23] определяют в нашем поиске продуктивное решение персонифицированного выбора условий и возможностей развития личности в деятельности, культуре, искусстве, образовании, науке и пр.;

- осознанная саморегуляция [24] личности может быть определена в нашем поиске как продукт качественного продуктивного решения задач развития и самореализации личности;

- принципы здоровьесформирующего обучения [25] будут определены в качестве примера теоретизации принципов деятельности личности в системе приоритетов и норм современного образования;

- профессионализм [26] педагога будет являться механизмом оптимизации качества формирования культуры самостоятельной работы личности;

- педагогическая методология и педагогическая наука [27–32] определяют возможности продуктивного решения задач через возможность качественного использования теоретизации в оптимизации условий и технологий деятельности педагога и обучающегося, включенных в совместную деятельность в системе непрерывного образования;

- педагогическая деятельность и систематизация современного дидактического знания [33; 34] в системе акмеверификации качества уточнения основ теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности позволят сфокусировать внимание на основах решения задач адаптивно-акмепедагогического развития личности в структуре реализуемого уровня образования и учета всех составных наукообразного поиска в деятельности педагога;

- модель организации научно-исследовательской деятельности студентов в вузе

[35] будет представлять интерес в нашей системе возможностей теоретизации с позиции уровня максимального результата качества выделенных противоречий и сформулированных задач научного и педагогического поиска;

- педагогическая методология [36] будет являться системой приоритетов и моделей повышения качества теоретизации в педагогической практике и педагогической науке;

- выстраивание жизненной перспективы как альтернатива состоянию безнадежности [37] в модели теоретизации может помочь повысить качество детерминации и детализации успешных моделей социализации и самореализации личности в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений;

- жизненная усталость [38] как девиация позволит в рассмотрении и выявлении основ повысить качество решения задач саморелаксации личности, уточнить возможности развития личности через творчество, продуктивность, гибкость и востребованность в социальном, образовательном, профессиональном пространстве;

- позитивное жизненное пространство [39] будет определять качество и устойчивость формирования личности, особенности которого могут быть выделены в системе приоритетов и принципов, педагогических условий и технологий формирования культуры деятельности;

- персонификация развития личности в системном использовании терминологических единиц современной педагогики и психологии [20; 21; 33; 40] позволит осознать качество теоретизированных моделей формирования культуры самостоятельной работы личности (например, уровневой модели формирования культуры самостоятельной работы личности – объектного, индивидуального, субъектного и личностного уровней [11]);

- педагогические возможности [41] как составная традиционного и инновационного обучения и педагогической практики могут быть определены в качестве единицы и функции самоорганизации решения задач современной единоличной и коллективной деятельности;

- содержание профессионального воспитания студентов в современном вузе [42]

будет рассмотрено в качестве модели теоретизации успешности социализации и самореализации личности в современном вузе и будущей профессиональной деятельности, особенности которой уточняются в конструктах формирования культуры самостоятельной работы личности;

– модели культуры деятельности, культуры самообучения, культуры самообразования, культуры самостоятельной работы личности [43] определяют специфику теоретизации основ развития личности как продукта эволюции идей современного образования, социально-культурного решения задач развития и профессионального выбора специфики и уровня самореализации личности в системе приоритетов и норм современного уклада государственных отношений и личности в государственном выборе условий оптимизации качества всех составных образования, культуры, искусства, деятельности.

Выделенные особенности теоретизации в модели современного образования и педагогической деятельности позволят нам определить составные научного поиска в следующем конструкте наукосообразных единиц: цель работы, научная новизна работы, практическая значимость работы, теоретическая значимость работы.

Цель работы: определение и визуализация качества теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования.

Выше детерминированная специфика и потенциальные модели формирования культуры самостоятельной работы личности как составной культуры деятельности личности определяют ряд возможностей детерминации и решения задач теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Качество теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования определяется успешностью разработки и использования различных конструктов и конструкторов, технологий и форм, педагогических условий и моделей, гарантирующих точное воспроизводство успешных решений в различных направлениях поиска и выбора кон-

тингента обучающихся непрерывного образования.

Определим необходимые понятия и модели, фасилитирующие возможность понимания и визуализации особенностей качества теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования.

Теоретизация в педагогике – продукт научного решения задач детерминации и визуализации процесса и результата постановки и решения научной проблемы в определенном научной отрасли знаний направлении поиска, гарантирует получение строгого знания (с выделенной научной позицией результата обобщения и систематизации, оптимизации и модификации, модернизации и унификации, персонификации и фасилитации основ педагогической деятельности и педагогической науки как продуктов гуманизации современного образования и профессионально-трудовых отношений в системе непрерывного образования), определяет устойчивость связей и отношений в целостной системе педагогически целесообразных единиц, создает предпосылки для самоорганизации качества решения задач развития личности и системы непрерывного образования.

Качество теоретизации – продукт и способ оценки состоятельности и жизнеспособности идеи функционирования научного мышления и научного мировоззрения в интервально-временном и пространственно-гносеологическом позиционировании продукта интеллектуального творчества и единоличного самоутверждения, в нашей практике детализируемые через научные публикации, патенты, системы научно-технического решения задач развития средств, методов, технологий и продуктов деятельности личности и определенного уровня и направления производства и пр.

Качество теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования – определенный уровень научного проектирования и позиционирования сформированности культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования, гарантирующий успешное функционирование идей развития личности в плоскости репродуктивно-продуктивного, адаптивно-акмепедагогического решений задач развития как этало-

нов и моделей повышения качества реализации идей гуманизации современного образования и востребованности личности в плоскости образовательных, социальных и профессиональных отношений.

Измерение особенностей формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования – способ и технология оценки и мониторинга качества достижений личности в процессе планирования, реализации и самоанализа достижений, уточнение и акмеверификация которых обусловлены уровнем развития личности и общества, возможностью повышения качества и уровня обучения и обученности, обучаемости и креативности, гибкости и продуктивности, раскрывающих приоритеты персонификации развития, самореализации и социализации личности и потенциальные перспективы преобразования социума в системе «личностное–общественное–профессиональное».

Измерение особенностей формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования может быть проиллюстрировано в таких формах, как портфолио обучающегося, профессионально-педагогический кейс, резюме для поиска работы (система среднего профессионального образования, высшего образования, дополнительного профессионального образования) и пр.

Педагогические условия теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования – совокупность кейс-моделей, уточняющих возможности уровневой самоорганизации качества решения задач теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования.

Качество теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования будет оцениваться нами с позиции присутствия и проработки следующих конструктов современной педагогики:

1) постановка и детализация проблемы учета условий и специфики развития личности в системе непрерывного образования, где качество деятельности личности обусловлено уровнем развития и самостоятельности личности, продуктивности, возможности осуще-

ствлять деятельность в коллективе (сотрудничество и коллективное самовыражение), прогнозированием результатов персонифицированного и унифицированного решения задач «хочу, могу, надо, есть»;

2) выделение конструктов целеполагания, особенности которых согласуются с качеством детерминированной проблемы педагогического поиска и определяемых на высшем уровне развития мастерства личности педагогических и научно-технических инноваций;

3) учет возрастообразности личности и уровня непрерывного образования (НОО, ООО, СОО, СПО, ВО, ДПО) в постановке и решении задач уточнения основ и возможностей развития личности в системе непрерывного образования;

4) выделение форм формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования на основе дидактической и научно-педагогической теоретизации;

5) выделение типов и/или видов формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования;

6) использование педагогического моделирования в уточнении всех составных научного поиска;

7) использование уровневого решения задач детерминации и реализации идей теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования;

8) детерминация и уточнение системы принципов теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования;

9) выделение тенденций и условий оптимизации качества теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования;

10) определение оптимальных методов и приемов, средств и конструктов, конструкторов и систем, функций и задач теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования;

11) разработка технологии теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования;

12) разработка технологии мониторинга и оценки качества теоретизации и формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования;

13) разработка унифицированной системы стимулирования личности, включенной в систему непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений;

14) объективность адаптивно-акмепедагогических способов уточнения и детализации качества решения задач «хочу, могу, надо, есть» в модели современного образования и профессионально-трудовых отношений;

15) включенность личности в процесс самопознания и самовосстановления от длительных интеллектуальных, физических и прочих нагрузок;

16) включенность личности в систему оптимизации возможностей социально-образовательного пространства и профессионально-трудовых отношений (создание микросред, определение форм и ресурсов стимулирования продуктивной активности личности и коллектива, реализация идей персонификации социализации и самореализации в контексте принятия ценностей и моделей нормального распределения способностей и здоровья и пр.);

17) неустанное уточнение приоритетов и уровня достижений личности в иерархии выполняемых действий, функций, моделей деятельности и пр.;

18) оказание надлежащего качества поддержки и помощи обучающимся, чьи возрастосообразные возможности ниже рассматриваемого (детерминируемого) уровня;

19) оценка качества продуктов деятельности личности в системе непрерывного образования и профессионально-трудовых отношений, построенная на основе учета личного опыта и приоритетов развития общества;

20) функциональность и мобильность осуществляемой теоретизации в системе доминирующих и не доминирующих факторов и систем культуросообразных способов оп-

ределения и решения задач развития личности и общества и пр.

В вышеприведенных пунктах определения качества теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования необходимо ввести определенную шкалу, гарантирующую успешное решение задач педагогического измерения.

Наиболее простым может быть использование шкалы наименований (низкий, средний и высокий уровень), шкалы порядковой (0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10), интервальной шкалы (от шкалы порядковой 100 %-ной с возможностью перехода к шкале 10 интервалов), шкалы отношений (продукт/качество или продукт/конкурентоспособность, переход к шкале порядковой $-1, 0, 1$ или $0; 0,5; 1$).

Качество теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования можно рассмотреть на примере работ определенного автора или коллектива авторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Качество теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования – продукт оптимизации развития личности и средств, методов и технологий оценки качества развития личности и ее продуктивности в выбранном направлении поиска и выделенном интервале (фарватере) персонифицированных и конкурентоспособных решений.

Технологии и модели определения качества теоретизации формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования будут использоваться для выявления и решения проблем персонификации и унификации развития личности в системе непрерывного образования с оценкой качества продуктивности и конкурентоспособности решений личностью и коллективом поставленных задач.

Список литературы

1. *Абакумова И.В., Ермаков П.Н., Колтунова Е.А.* Символ в контексте психоаналитической и смысловой интерпретации // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13. № 2. С. 225-233.
2. *Апажихова Н.В., Долженкова М.И.* Социокультурное проектирование как одно из ведущих направлений в сфере дополнительного образования // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 22. Вып. 4 (168). С. 30-36. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-30-36.

3. *Бордовская Н.В., Кошкина Е.А.* Терминологическая компетентность специалиста: проявление и уровни развития // *Человек и образование*. 2016. № 3 (48). С. 4-11.
4. *Веракса А.Н.* Символ и знак: диалектика символического познания // *Вопросы философии*. 2016. № 1. С. 51-58.
5. *Вербицкий А.А., Рыбакина Н.А.* О системе, процессе и результате непрерывного образования // *Высшее образование в России*. 2016. № 6. С. 47-54.
6. *Вербицкий А.А., Трунова Е.Г.* Проблемы адекватности понятийного аппарата современного образования // *Педагогика*. 2017. № 8. С. 3-15.
7. *Гончарова Е.Л., Кукушкина О.И.* Бездумное чтение: чем могут помочь информационные технологии // *Воспитание и обучение детей с нарушениями развития*. 2015. № 6. С. 3-8.
8. *Донцов А.И., Донцов Д.А., Донцова М.В.* Профессиональная направленность личности как компонент социального становления человека // *Школьные технологии*. 2011. № 6. С. 163-171.
9. *Исаев И.Ф.* Научно-педагогическая школа как фактор развития исследовательского потенциала личности // *Образование и общество*. 2016. № 4-5 (99-100). С. 5-9.
10. *Козырева О.А.* Культура самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования: модели и теории. М.: Русайнс, 2018. 144 с.
11. *Козырева О.А.* Теоретико-методологические основы формирования культуры самостоятельной работы личности в системе непрерывного образования // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2018. № 4 (67). С. 114-125.
12. *Козырева О.А., Козырев Н.А., Свиначенко В.Г.* Воспитание в профессиональной подготовке педагогов. М.: МИФИ, 2017. 400 с.
13. *Козырева О.А., Козырев Н.А., Коновалов С.В.* Педагогическое моделирование и педагогические конструкты в формировании культуры самостоятельной работы личности // *Современные наукоемкие технологии*. 2018. № 9. С. 177-181.
14. *Коновалов С.В., Козырев Н.А., Козырева О.А.* Теоретизация в педагогической науке: общенаучный и общепрофессиональный аспекты // *Бизнес. Образование. Право*. 2018. № 4 (45). С. 376-385. DOI 10.25683/VOLBI.2018.45.409.
15. *Костюкова Т.А.* Информационная поддержка инновационных процессов в образовании // *Информация и образование: границы коммуникаций*. 2014. № 6 (14). С. 365-366.
16. *Куличенко Р.М.* Формирование культуры сосуществования: актуальная проблема вузовского воспитания студентов // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 20. Вып. 12 (152). С. 24-29. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-12(152)-24-29.
17. *Леонов Н.И.* Принципы и подходы в управлении научной и инновационной деятельностью (опыт исследовательского университета) // *Высшее образование в России*. 2011. № 11. С. 19-28.
18. *Леонов Н.И., Главатских М.М.* Роль смысловых образований в исследовании социально-психологической зрелости личности // *European Social Science Journal*. 2015. № 8. С. 303-307.
19. *Макарова Л.Н.* Профессионально-педагогическая составляющая в процессе повышения квалификации преподавателя вуза // *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*. 2017. Т. 16. № 3. С. 44-49. DOI 10.20310/1810-231X-2017-16-3-44-49.
20. *Макарова Л.Н., Гущина Т.И.* Механизмы формирования системы профессионального роста педагога // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2016. Т. 21. Вып. 10 (162). С. 6-13. DOI 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-6-13.
21. *Макарова Л.Н., Гущина Т.И.* Этапы личностного и профессионального роста современного педагога // *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*. 2016. Т. 15. № 3. С. 74-80. DOI 10.20310/1810-231X-2016-15-3-74-80.
22. *Мангер Т.Э.* Моделирование системы непрерывного образования в социально-культурной сфере // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. Вып. 12-1 (104). С. 114-120.
23. *Мангер Т.Э.* Педагогические основы социализации личности как субъекта социокультурного общества // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. Вып. 10 (138). С. 59-66.
24. *Моросанова В.И.* Осознанная саморегуляция как психологический ресурс достижения учебных и профессиональных целей // *Педагогика*. 2016. № 10. С. 13-24.
25. *Мухаметзянов И.Ш.* Принципы здоровьесформирующего обучения // *Актуальные научные исследования в современном мире*. 2018. № 1-6 (33). С. 93-96.
26. *Нечаев Н.Н.* Профессия и профессионализм: к задачам психологии профессионального творчества // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. 2016. № 4. С. 3-15.
27. *Осмоловская И.М.* Методология педагогики в контексте современного научного знания // *Проблемы современного образования*. 2016. № 5. С. 149-158.
28. *Осмоловская И.М.* Общедидактические и частнодидактические проблемы современного образования // *Проблемы современного образования*. 2014. № 2. С. 132-142.

29. Осмоловская И.М. Роль педагогической науки в развитии образования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 10 (210). С. 127-131.
30. Пашков А.Г. Личность в условиях информационной цивилизации: куда ведут человека электронные «гаджеты»? // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 1. С. 7-10.
31. Пурьшева Н.С., Ромашина Н.В., Крысанова О.А. О метапредметности, методологии и других универсалиях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 11-17.
32. Свиначенко В.Г., Козырева О.А. Научное исследование по педагогике в структуре вузовского и дополнительного образования. М.: НИЯУ МИФИ, 2014. 92 с.
33. Селиверстова Е.Н. Субъектность как принцип систематизации современного дидактического знания // Педагогика. 2013. № 10. С. 25-33.
34. Сергеев Н.К., Сериков В.В. Природа педагогической деятельности и субъектный мир учителя // Человек и образование. 2012. № 1. С. 4-8.
35. Стромов В.Ю., Сысоев П.В. Модель организации научно-исследовательской деятельности студентов в вузе // Высшее образование в России. 2017. № 10. С. 75-82.
36. Тряпичина А.П., Писарева С.А. Современные методологические подходы к исследованию педагогического образования // Человек и образование. 2014. № 3 (40). С. 4-12.
37. Уваров Е.А. Выстраивание жизненной перспективы как альтернатива состоянию безнадежности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 172. С. 23-34. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34.
38. Уваров Е.А. Жизненная усталость как ведущая девиация эпохи социальных перемен // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2015. № 1 (25). С. 32-45.
39. Уваров Е.А. Позитивное жизненное пространство через обретение личностью новой интеграции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 94-106. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-94-106.
40. Фоменко Г.Ю., Рябикова З.И., Ожигова Л.Н. Человек, субъект, личность в современной психологии // Психология. Экономика. Право. 2014. № 2. С. 118-129.
41. Шаршов И.А., Белова Е.А. Анализ педагогических возможностей электронных образовательных ресурсов с элементами автодидактики // Интеграция образования. 2018. Т. 22. № 1 (90). С. 166-176.
42. Шаршов И.А., Макарова Л.Н., Борзых И.Н. Содержание профессионального воспитания студентов в современном вузе // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2016. Т. 15. № 4. С. 31-36. DOI 10.20310/1810-231X-2016-15-4-31-36.
43. Kozyreva O.A., Kozyrev N.A., Boikova I.V., Gutak O.Y. Models and ways of developing self-study culture of college students // Mechanics, Materials Science & Engineering. 2018. Vol. 17. DOI 10.2412/mmse.34.90.847.

References

1. Abakumova I.V., Ermakov P.N., Koltunova E.A. Simvol v kontekste psikhooanaliticheskoy i smyslovoy interpretatsii [Symbol in the context of psychoanalytic and semantic interpretation]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal – Russian Psychological Journal*, 2016, vol. 13, no. 2, pp. 225-233. (In Russian).
2. Apazhihova N.V., Dolzhenkova M.I. Sotsiokul'turnoye proyektirovaniye kak odno iz vedushchikh napravleniy v sfere dopolnitel'nogo obrazovaniya [Socio-cultural design as one of the leading areas in the field of additional education]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 4 (168), pp. 30-36. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-30-36. (In Russian).
3. Bordovskaya N.V., Koshkina E.A. Terminologicheskaya kompetentnost' spetsialista: proyavleniye i urovni razvitiya [Terminological competence of a specialist: the manifestation and levels of development]. *Chelovek i obrazovaniye – Man and Education*, 2016, no. 3 (48), pp. 4-11. (In Russian).
4. Veraksa A.N. Simvol i znak: dialektika simvolicheskogo poznaniya [Symbol and sign: the dialectic of symbolic knowledge]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 2016, no. 1, pp. 51-58. (In Russian).
5. Verbitsky A.A., Rybakina N.A. O sisteme, protsesse i rezul'tate nepreryvnogo obrazovaniya [On the system, process and result of continuing education]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, 2016, no. 6, pp. 47-54. (In Russian).
6. Verbitsky A.A., Trunova E.G. Problemy adekvatnosti ponyatiynogo apparata sovremennogo obrazovaniya [Problems of the adequacy of the conceptual apparatus of modern education]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2017, no. 8, pp. 3-15. (In Russian).
7. Goncharova E.L., Kukushkina O.I. Bezдумnoye chteniye: chem mogut pomoch' informatsionnyye tekhnologii [Thoughtless reading: how information technologies can help]. *Vospitaniye i obucheniye detey s naru-*

- sheniyami razvitiya – Education and Training of Children with Disabilities*, 2015, no. 6, pp. 3-8. (In Russian).
8. Dontsov A.I., Dontsov D.A., Dontsova M.V. Professional'naya napravlennost' lichnosti kak komponent sotsial'nogo stanovleniya cheloveka [Professional orientation of the individual as a component of the social formation of a person]. *Shkol'nyye tekhnologii – Journal of School Technology*, 2011, no. 6, pp. 163-171. (In Russian).
 9. Isaev I.F. Nauchno-pedagogicheskaya shkola kak faktor razvitiya issledovatel'skogo potentsiala lichnosti [Scientific and pedagogical school as a factor in the development of the research potential of the individual]. *Obrazovaniye i obshchestvo* [Education and Society], 2016, no. 4-5 (99-100), pp. 5-9. (In Russian).
 10. Kozyreva O.A. *Kul'tura samostoyatel'noy raboty lichnosti v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya: modeli i teorii* [Culture of the Individual Self-Study in the Continuous Education System: Models and Theories]. Moscow, Rusayns Publ., 2018, 144 p. (In Russian).
 11. Kozyreva O.A. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy formirovaniya kul'tury samostoyatel'noy raboty lichnosti v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [Theoretical and methodological foundations of the formation of the culture of independent work of the individual in the system of continuous education]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta – Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2018, no. 4 (67), pp. 114-125. (In Russian).
 12. Kozyreva O.A., Kozyrev N.A., Svinarenko V.G. *Vospitaniye v professional'noy podgotovke pedagogov* [Education in the Teachers Professional Training]. Moscow, Moscow Engineering Physics Institute Publ., 2017, 400 p. (In Russian).
 13. Kozyreva O.A., Kozyrev N.A., Konovalov S.V. Pedagogicheskoye modelirovaniye i pedagogicheskiye konstrukty v formirovaniy kul'tury samostoyatel'noy raboty lichnosti [Pedagogical modeling and pedagogical constructs in the formation of a culture of independent work of the individual]. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii – Modern High Technologies*, 2018, no. 9, pp. 177-181. (In Russian).
 14. Konovalov S.V., Kozyrev N.A., Kozyreva O.A. Teoretizatsiya v pedagogicheskoy nauke: obshchenauchnyy i obshcheprofessional'nyy aspekty [Theorization in pedagogical science: general scientific and general professional aspects]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo – Business. Education. Law*, 2018, no. 4 (45), pp. 376-385. DOI 10.25683/volbi.2018.45.409. (In Russian).
 15. Kostyukova T.A. Informatsionnaya podderzhka innovatsionnykh protsessov v obrazovaniy [Information support of innovative processes in education]. *Informatsiya i obrazovaniye: granitsy kommunikatsiy* [Information and Education: the Boundaries of Communications], 2014, no. 6 (14), pp. 365-366. (In Russian).
 16. Kulichenko R.M. Formirovaniye kul'tury sosushchestvovaniya: aktual'naya problema vuzovskogo vospitaniya studentov [Forming a culture of coexistence: the actual problem of university education of students]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2015, vol. 20, no. 12 (152), pp. 24-29. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-12(152)-24-29. (In Russian).
 17. Leonov N.I. Printsipy i podkhody v upravlenii nauchnoy i innovatsionnoy deyatel'nost'yu (opyt issledovatel'skogo universiteta) [Principles and approaches in the management of scientific and innovative activities (experience of a research university)]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, 2011, no. 11, pp. 19-28. (In Russian).
 18. Leonov N.I., Glavatskikh M.M. Rol' smyslovykh obrazovaniy v issledovanii sotsial'no-psikhologicheskoy zrelosti lichnosti [The role of semantic formations in the study of the socio-psychological maturity of the individual]. *European Social Science Journal*, 2015, no. 8, pp. 303-307. (In Russian).
 19. Makarova L.N. Professional'no-pedagogicheskaya sostavlyayushchaya v protsesse povysheniya kvalifikatsii prepodavatelya vuza [Professional and pedagogical component in the process of advanced training of a university teacher]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus – Psychological-Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 44-49. DOI 10.20310/1810-231X-2017-16-3-44-49. (In Russian).
 20. Makarova L.N., Gushchina T.I. Mekhanizmy formirovaniya sistemy professional'nogo rosta pedagoga [Mechanisms of formation of the system of professional growth of the teacher]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 10 (162), pp. 6-13. DOI 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-6-13. (In Russian).
 21. Makarova L.N., Gushchina T.I. Etapy lichnostnogo i professional'nogo rosta sovremennogo pedagoga [Stages of personal and professional growth of a modern teacher]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus – Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2016, vol. 15, no. 3, pp. 74-80. DOI 10.20310/1810-231X-2016-15-3-74-80. (In Russian).
 22. Manger T.E. Modelirovaniye sistemy nepreryvnogo obrazovaniya v sotsial'no-kul'turnoy sfere [Modeling the system of continuous education in the socio-cultural sphere]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 12-1 (104), pp. 114-120. (In Russian).

23. Manger T.E. Pedagogicheskiye osnovy sotsializatsii lichnosti kak sub"yekta sotsiokul'turnogo obshchestva [Pedagogical foundations of socialization of the individual as a subject of a sociocultural society]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 10 (138), pp. 59-66. (In Russian).
24. Morosanova V.I. Osoznannaya samoregulyatsiya kak psikhologicheskiy resurs dostizheniya uchebnykh i professional'nykh tseyey [Conscious self-regulation as a psychological resource for achieving educational and professional goals]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2016, no. 10, pp. 13-24. (In Russian).
25. Mukhametzyanov I.S. Printsipy zdorov'yeformiruyushchego obucheniya [Principles of health-forming education]. *Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya v sovremennom mire [Actual Scientific Research in the Modern World]*, 2018, no. 1-6 (33), pp. 93-96. (In Russian).
26. Nechaev N.N. Professiya i professionalizm: k zadacham psikhologii professional'nogo tvorchestva [Profession and professionalism: to the tasks of the psychology of professional creativity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology*, 2016, no. 4, pp. 3-15. (In Russian).
27. Osmolovskaya I.M. Metodologiya pedagogiki v kontekste sovremennogo nauchnogo znaniya [Methodology of pedagogy in the context of modern scientific knowledge]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya – Problems of Modern Education*, 2016, no. 5, pp. 149-158. (In Russian).
28. Osmolovskaya I.M. Obshchedidakticheskiye i chastnodidakticheskiye problemy sovremennogo obrazovaniya [Generic and private-didactic problems of modern education]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya – Problems of Modern Education*, 2014, no. 2, pp. 132-142. (In Russian).
29. Osmolovskaya I.M. Rol' pedagogicheskoy nauki v razvitii obrazovaniya [The role of pedagogical science in the development of education]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*, 2017, no. 10 (210), pp. 127-131. (In Russian).
30. Pashkov A.G. Lichnost' v usloviyakh informatsionnoy tsivilizatsii: kuda vedut cheloveka elektronnyye «gadzhety»? [Personality in the conditions of information civilization: where do e-gadgets lead people?]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2016, vol. 22, no. 1, pp. 7-10. (In Russian).
31. Puryshva N.S., Romashkina N.V., Krysanova O.A. O metapredmetnosti, metodologii i drugikh universal'nykh [On meta-subject, methodology and other universals]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2012, no. 1 (1), pp. 11-17. (In Russian).
32. Svinarenko V.G., Kozyreva O.A. *Nauchnoye issledovaniye po pedagogike v strukture vuzovskogo i dopolnitel'nogo obrazovaniya* [Scientific Research on Pedagogy in the Structure of Higher Education and Additional Education: a Manual for Pedagogical Universities and the System of Additional Professional Education]. Moscow, National Research Nuclear University Moscow Engineering Physics Institute Publ., 2014, 92 p. (In Russian).
33. Seliverstova E.N. Subyektnost' kak printsip sistematizatsii sovremennogo didakticheskogo znaniya [Subjectivity as a principle of systematization of modern didactic knowledge]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2013, no. 10, pp. 25-33. (In Russian).
34. Sergeev N.K., Serikov V.V. Priroda pedagogicheskoy deyatel'nosti i subyektivnyy mir uchitelya [The nature of pedagogical activity and the subject world of a teacher]. *Chelovek i obrazovaniye – Man and Education*, 2012, no. 1, pp. 4-8. (In Russian).
35. Stromov V.Y., Sysoyev P.V. Model' organizatsii nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov v vuze [Model of the organization of research activities of students in high school]. *Vysshye obrazovaniye v Rossii – Higher Education in Russia*, 2017, no. 10, pp. 75-82. (In Russian).
36. Tryapitsyna A.P., Pisareva S.A. Sovremennyye metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu pedagogicheskogo obrazovaniya [Modern methodological approaches to the study of pedagogical education]. *Chelovek i obrazovaniye – Man and Education*, 2014, no. 3 (40), pp. 4-12. (In Russian).
37. Uvarov E.A. Vystraivaniye zhiznennoy perspektivy kak al'ternativa sostoyaniyu beznadezhnosti [Building a life perspective as an alternative to the state of hopelessness]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 23-34. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-172-23-34. (In Russian).
38. Uvarov E.A. Zhiznennaya ustalost' kak vedushchaya devyatsiya epokhi sotsial'nykh peremen [Life tiredness as a leading deviation of social changes era]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus – Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2015, no. 1 (25), pp. 32-45. (In Russian).
39. Uvarov E.A. Pozitivnoye zhiznennoye prostranstvo cherez obretneniye lichnost'yu novoy integratsii [Positive living space through the acquisition of personality of the new integration]. *Vestnik Tambovskogo universite-*

- ta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6, pp. 94-106. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-94-106. (In Russian).
40. Fomenko G.Y., Ryabikina Z.I., Ozhigova L.N. Chelovek, subyekt, lichnost' v sovremennoy psikhologii [Man, subject, personality in modern psychology]. *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo* [Psychology. Economics. Law], 2014, no. 2, pp. 118-129. (In Russian).
 41. Sharshov I.A., Belova E.A. Analiz pedagogicheskikh vozmozhnostey elektronnykh obrazovatel'nykh resursov s elementami avtodidaktiki [Analysis of the pedagogical possibilities of electronic educational resources with elements of autodidactics]. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of Education*, 2018, vol. 22, no. 1 (90), pp. 166-176. (In Russian).
 42. Sharshov I.A., Makarova L.N., Borzykh I.N. Soderzhaniye professional'nogo vospitaniya studentov v sovremennoy vuzе [The content of professional education of students in the modern university]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus – Psychological and Pedagogical Journal Gaudeamus*, 2016, vol. 15, no. 4, pp. 31-36. DOI 10.20310/1810-231X-2016-15-4-31-36. (In Russian).
 43. Kozyreva O.A., Kozyrev N.A., Boikova I. V., Gutak O.Y. Models and ways of developing self-study culture of college students. *Mechanics, Materials Science & Engineering*, 2018, vol. 17. DOI 10.2412/mmse.34.90.847.

Информация об авторе

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики. Новокузнецкий филиал (институт), Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк, Кемеровская обл., Российская Федерация; доцент института дополнительного образования. Сибирский государственный индустриальный университет, г. Новокузнецк, Кемеровская обл., Российская Федерация. E-mail: kozyreva-oa@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, написание статьи

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1834-7996>

Поступила в редакцию 22.11.2018 г.

Поступила после рецензирования 25.12.2018 г.

Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the author

Olga A. Kozyreva, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogy Department. Novokuznetsk Branch (Institute), Kemerovo State University, Novokuznetsk, Kemerovo Region, Russian Federation; Associate Professor of Additional Education Institute, Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Kemerovo Region, Russian Federation. E-mail: kozyreva-oa@yandex.ru

Contribution: main study conception, manuscript drafting

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1834-7996>

Received 22 November 2018

Reviewed 25 December 2018

Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-32-39
УДК 378

Обучение грамматике английского языка на лингвокогнитивной основе

Сергей Владимирович МОТОВ^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²Университет Уэстерн Иллинойс
614551, Соединенные Штаты Америки, Иллинойс, Макомб, 1 Юниверсити Серкл
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2897-5128>, e-mail: sv-motov@wiu.edu

Teaching English grammar on linguocognitive basis

Sergei V. MOTOV^{1,2}

¹Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

²Western Illinois University
1 University Circle, Macomb 61455, Illinois, United States of America
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2897-5128>, e-mail: sv-motov@wiu.edu

Аннотация. Особенности современного образовательного процесса диктуют новые требования к методам и подходам, используемым в обучении языкам. Одним из перспективных путей оптимизации уроков по иностранному языку является интеграция достижений когнитивной лингвистики в структуру таких занятий. Лингвокогнитивный базис здесь не только сочетается с коммуникативно-ориентированным обучением, но и позволяет повысить эффективность образовательного процесса за счет привлечения принципов и методов когнитивной науки, позволяющей объяснить целый ряд языковых феноменов, в частности грамматических, экспликация которых в рамках традиционного подхода к обучению затруднена. Рассмотрены некоторые аспекты грамматики английского языка, трудности в преподавании которых с успехом преодолены благодаря использованию методического аппарата когнитивной лингвистики. Продемонстрирована важность учета когнитивного механизма концептуальной метафоры при обучении английским предлогам и модальным глаголам. Приведен ряд практических исследований, доказавших высокий потенциал занятий, построенных на лингвокогнитивной основе. Доказана возможность интеграции лингвокогнитивного базиса и методик, разработанных в рамках традиционного подхода к обучению иностранным языкам. Обоснована возможность обучения английской грамматике на лингвокогнитивной основе и приведены доводы в пользу эффективности такого подхода к образовательному процессу.

Ключевые слова: лингвокогнитивный подход; когнитивная лингвистика; лингводидактика; коммуникативная компетенция; грамматика; лингвокультура

Для цитирования: Мотов С.В. Обучение грамматике английского языка на лингвокогнитивной основе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 32-39. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-32-39

Abstract. The peculiarities of the modern educational process require new approaches to techniques and methods used in language teaching. One of the ways for optimization of lessons in foreign languages is aimed at integration of cognitive linguistics and its achievements into the structure of such classes. The linguocognitive basis fits well into the communicative approach to teaching languages and allows for increased efficiency of education through using the principles and methods of cognitive science, which provides a means of explanation for a number of linguistic phenomena, including grammatical, the explanation of which is difficult within the traditional approach to teaching. Certain aspects of English grammar, that are difficult to be taught, are being considered and the efficiency of methods of cognitive linguistics in their teaching is proven. We

demonstrate the importance of considering cognitive metaphor as a mechanism that is crucial for teaching English prepositions and modal verbs. A number of practical researches, that have proven the high potential of classes, structured around linguocognitive basis, is provided. We also prove the possibility of integration of the methods of cognitive linguistics and the methods, developed within the traditional approach to language teaching. In conclusion we provide the arguments for the efficiency of teaching English grammar on linguocognitive basis.

Keywords: linguocognitive approach; cognitive linguistics; linguodidactics; communicative competence; grammar; linguoculture

For citation: Motov S.V. Obuchenije grammatike angliyskogo yazyka na lingvokognitivnoy osnovе [Teaching English grammar on linguocognitive basis]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 32-39. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-32-39 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Перед сегодняшней педагогикой стоит ряд проблем, решение которых станет ключом к оптимизации учебного процесса и, как следствие, лучшему усвоению знаний студентами. Среди них можно выделить вопрос оптимизации преподавания грамматики, зачастую становящейся проблемным аспектом обучения иностранного языка, поскольку традиционные методы организации учебного процесса в недостаточной мере согласуются с современным принципом коммуникативной ориентированности обучения, стремящимся уйти от инструкций на родном для студентов языке и в максимальной мере применять в классе изучаемый язык, а также жесты, мимику, движения. Более того, зачастую традиционные приемы обучения грамматике могут негативно сказаться на эффективности коммуникативно-ориентированного занятия, поскольку они идут вразрез с студентоцентричностью урока и в ряде случаев демотивируют студентов из-за особенностей формата подачи информации. Помимо этого, такое противоречие приводит к рассмотрению тех или иных грамматических феноменов сквозь призму родного языка и лингвокультуры, что впоследствии может приводить к ошибкам, неточностям в употреблении таких единиц, как, к примеру, предлоги, особенности использования которых разнятся от языка к языку. Вместе с тем излишне строгое следование принципам коммуникативно-ориентированного обучения, выливающееся в ситуации, когда преподаватель, следуя принципу употребления лишь изучаемого языка в аудитории, пытается объяснять студентам грамматические феномены, используя иностранный язык, может стать еще менее продуктивным, поскольку вызывает недопонимание таких инструкций учащимися, что, в свою очередь, ведет к не-

эффективности обучения, пробелам в знаниях студентов и даже потере у них заинтересованности в предмете.

Поиск путей гармонизации преподавания грамматики в структуре коммуникативно-ориентированного обучения остается одним из важных вопросов лингводидактики. Значительные подвижки в данном направлении были достигнуты за счет привлечения сведений и принципов когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности [1]. Последняя пытается описать и дать объяснение связи ментальных и языковых структур, а также, взяв за основу то, как человек взаимодействует с окружающим миром, описывает особенности его восприятия, концептуализации и категоризации [2].

По справедливому замечанию Дж. Литтлмор, проблемным аспектом обучения иностранному языку является тот факт, что студенты при освоении языкового материала пытаются найти его эквивалент в родном языке и отождествить новую для них языковую единицу с уже известной в знакомом языке, что ведет к значительным потерям в коннотации и искажении смыслов. Более того, в результате данного явления концептуальные структуры, связанные с языковыми единицами родного языка, могут связываться с таковыми в изучаемом языке, привлекая нежелательные здесь дополнительные смыслы, в особенности присутствующие в их структуре культурно-обусловленные, не свойственные языковым единицам в изучаемом языке. При пренебрежении такой особенностью в рамках коммуникативно-ориентированного обучения, когда происходит диалог между двумя или несколькими носителями языка, ситуация может усугубиться за счет обмена студентами ошибочными и неточными пониманиями языковых

единиц, которые впоследствии могут укорениться в сознании уже группы учащихся [3]. Для преодоления подобного нежелательного эффекта важно структурировать занятия исходя из обучения не только языковым единицам *per se*, но и особенностям соответствующих им концептуальных структур, являющихся одновременно и хранилищем смыслов, в том числе и культурно-окрашенных, и частью концептосферы, общей для носителей языка, в данном случае – английского.

Следует оговориться, что подобное отождествление является не произвольным, но, напротив, обусловлено важным когнитивным механизмом концептуальной метафоры, подробно описанным еще в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4; 5]. Привлекая материал английского языка, авторы доказали, что когнитивные области ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ тесно связаны, а эта связь, в свою очередь, является одним из примеров работы механизма концептуальной метафоры, когда ВРЕМЯ в понимании носителя соответствующей лингвокультуры структурируется в терминах ПРОСТРАНСТВА, то есть настоящее время – это текущее положение человека, прошлое находится позади, а будущее – впереди. В английском языке это находит отражение в выражениях вида: *That's all behind us now. We're looking ahead to the future.* Другими подобными механизмами выступают восприятие ВРЕМЕНИ как контейнера и как базы/основы (*on a daily, biennial basis*) [5, p. 140]. Причем абстрактные сведения, подобные упомянутой категории времени, не имеющие чувственных референций в реальном мире, воспринимаются учащимися лучше, будучи представлены визуально как сами по себе через, к примеру, рисунки, схемы, диаграммы, так и в соответствующей ситуации или сцене, в рамках которой они несут определенный смысл. С помощью подобной подачи информации студентам легче активировать необходимый материал в памяти, воображении и в конечном счете связать его с собственным опытом, то есть интегрировать в свою концептуальную систему [6, p. 68].

Также следует заметить, что с когнитивной точки зрения упомянутая выше концептуальная метафора не является стилистическим механизмом украшения языка. Напро-

тив, это фундаментальный принцип самого мышления человека и концептуализации им реальности [6]. Причем и когнитивные механизмы, и мыслительная деятельность человека, находящие выражение в языке, обусловлены сенсомоторными и тактильными взаимодействиями с реальностью вокруг нас, являющимися ключевыми типами интеракции начиная еще с детского возраста [7]. Иными словами, такие каналы сенсорного восприятия, как визуальный, слуховой, тактильный, кинестетический и другие, лежат в основе формирования высшей нервной деятельности и во многом детерминируют ее. Понимание самой природы данных механизмов позволяет пролить свет на то, как физический и чувственный опыт взаимодействия с окружающим миром формируют нашу концептуальную систему, обуславливающую особенности употребления языка [7, p. 216]. В свою очередь, зная о такой связи, можно успешно использовать указанные каналы для более эффективной работы с соответствующими когнитивными структурами и, как следствие, оптимизации процесса обучения иностранному языку.

Вместе с тем не стоит забывать, что имплементация указанных механизмов может быть различной в рамках разных лингвокультур, и хотя концептуальная метафора как когнитивный механизм в той или иной степени затрагивает все языки, поскольку лежит в основе самого мышления человека, ее преломление в конкретном языке может отличаться в силу уникального лингвокультурного опыта носителей языка и особенностей восприятия ими окружающей реальности под воздействием культуры и межличностных взаимодействий.

Для иллюстрации сказанного обратимся к такому важному аспекту грамматики, как предлоги. Говоря об их особенностях применительно к обучению студентов, следует отметить, что шаблоны их использования напрямую связаны с концептуальной репрезентацией их ключевых значений [8]. Англоязычные люди для упоминания различных временных промежутков употребляют ряд отличающихся предлогов. К примеру, когда речь идет о месяце, употребляется предлог *in* (*in September*), для упоминания дня недели необходим предлог *on* (*on Monday*), в то время как для указания конкретного времени

требуется предлог *at* (*at 9 o'clock*). Для русскоязычного студента такое положение вещей может представляться неожиданным и непривычным, поскольку в русском языке для упоминания аналогичных промежутков времени достаточно одного лишь предлога *в*: *в сентябре*; *в понедельник*; *в 9 утра*. Исходя из указанных особенностей, попытки оптимизировать процесс обучения английским предлогам с привлечением традиционного подхода встречались с заметными трудностями, поскольку в его рамках не представлялось возможным объяснить сам механизм формирования смыслов, требующих употребления различных предлогов. Таким образом, студентам предлагалось лишь запомнить, что для упоминания месяца в английском языке требуется предлог *in*, для дня недели – *on*, а для конкретного времени – *at* [6].

В свою очередь, использование методологической базы и наработок когнитивной лингвистики позволяет в данном случае не только выявить концептуальную метафору, лежащую в основе концептуализации указанных временных промежутков, но и объяснить механизм ее работы, когда для временных интервалов примерно равных суткам используется предлог *on*, для отрезков времени более 1–2 суток – предлог *in*, а для промежутков менее суток – *at*. В первом случае такая метафора концептуализирует промежутки времени в виде базы (*on Monday*; *on a daily basis*), а во втором – в виде контейнера (*in the future*; *in the twentieth century*; *in 1999*; *in May*) [6, p. 21]. Наличие таких сведений открывает возможность и визуализации данного когнитивного механизма, и репрезентации его связи с соответствующим грамматическим феноменом для лучшего усвоения рассматриваемого материала студентами, поскольку непосредственный опыт, в данном случае визуальный, лучше воспринимается и запоминается студентами в силу особенностей работы головного мозга человека [9]. Представление информации таким образом делает возможным повышение эффективности усвоения знаний студентами благодаря переходу от механического заучивания к осознанному восприятию материала. Кроме того, через сопоставление особенностей употребления предлогов в изучаемом и родном языках наглядно демонстрируются особенности концептуализации реальности

носителями языка, которые лежат в самой основе лингвокультуры, осведомленность о которой является весьма важным аспектом изучения английского языка в его неразрывной связи с соответствующей лингвокультурой [10].

Суммируя сказанное, можно заключить, что обучение, строящееся на лингвокогнитивной основе, рассматривает язык не просто как систему знаков, но как структуру, обусловленную когнитивной деятельностью человека. Таким образом, появляется возможность взглянуть на реальность с позиций особенностей ее восприятия носителями языка, теснее познакомиться с их концептосферой и мировоззрением [6, p. 66-68]. Используя данный подход, мы, кроме прочего, решаем одну из важных задач современной методики – преподавание языка в его неразрывной связи с культурой страны изучаемого языка, поскольку язык не существует вне соответствующей культуры [10, с. 24].

Другим важным аспектом английской грамматики, представляющим известную сложность для освоения студентами, являются модальные глаголы, взгляды на стратегии преподавания которых претерпели значительную эволюцию [11]. Основной сложностью при обучении им является то их свойство, что практически все они имеют два основных значения – одно, связанное со способностью, долженствованием или разрешением в социофизической реальности (*The doctor said I should get more sleep*), а другое – с рассуждением говорящего, его логическими построениями и моделированием возможных ситуаций (*[Doorbell rings]. Speaker: That should be Catherine now*) [12; 13]. Традиционный подход к обучению не дает удовлетворительного объяснения механизма связи между двумя упомянутыми значениями. В свою очередь, привлечение когнитивной лингвистики позволяет выявить когнитивные механизмы, лежащие за соответствующими языковыми структурами и объяснить взаимосвязь между ними. Таким образом, подобное обучение модальным глаголам не сводится к механическому запоминанию значений и языковых их форм, а, напротив, объясняет, как соответствующие им структуры, находящие впоследствии свое выражение в языке, функционируют на концептуальном уровне, что ведет к лучшему пониманию

студентами принципов работы модальных глаголов и успешному использованию их на основе данных принципов [14]. Это утверждение нашло подтверждение в ряде экспериментальных исследований, выявивших прирост уровня компетентности учащихся при структурировании образовательного процесса в соответствии с принципами лингвокогнитивного обучения модальным глаголам [15; 16].

Так, в работе М. Джованелли обосновывается возможность использования одного из инновационных способов структурирования занятий по иностранному языку, направленных на изучение модальных глаголов с привлечением принципов и методов когнитивной лингвистики. После начального этапа объяснения студентам предлагается в графической форме передать смысл рассматриваемой ситуации и соответствующего модального глагола. Это делается с целью активации экстралингвистических образов и концептуальных структур для лучшего понимания студентами функционирования модальных глаголов и когнитивных механизмов, стоящих за ними. Такой подход помогает учащимся не только постичь саму суть интересующих нас языковых единиц, но и понять, а в последующем и объяснить особенности их работы в предложении. Данный тип задания становится базисом, на основе которого отрабатываются практические навыки и варианты употребления модальных глаголов с помощью классических упражнений [15, р. 65]. Таким образом, классическая грамматика и ряд упражнений, разработанных в ее рамках не отбрасываются, но гармонично вливаются в структуру коммуникативно-когнитивного занятия [17, с. 168].

На следующем этапе происходит проверка уровня понимания студентами самих принципов работы модальных глаголов. Для этого предлагается передать смысл изученных ранее языковых единиц с помощью невербальных средств – движений тела, жестов, привлечения пространства аудитории. Данная реализация обучения способствует лучшему восприятию и запоминанию информации, поскольку она основана на физическом, визуальном опыте, понимании, повторении и взаимодействии с классом [9; 15; 16]. Этим достигается цель мониторинга компетенции студентов, поскольку простое

заучивание вариантов употребления модальных глаголов может не дать понимания самого механизма работы того или иного глагола и, как следствие, не давать удовлетворительных результатов в условиях реального речевого общения, являющегося ключевым аспектом формирования лингвистической компетентности [17; 18].

Вместе с тем подобный подход оставляет возможность для дальнейшей оптимизации структуры занятий на основе новых разработок и экспериментальных данных из смежных дисциплин без отрицания важности ряда методик, на практике доказавших свою эффективность в структуре традиционного подхода к обучению иностранному языку [18; 19].

Таким образом, на основе результатов ряда проведенных исследований, направленных на оценку эффективности лингвокогнитивного обучения английской грамматике [3; 6; 12; 14], среди достоинств использования когнитивной лингвистики при обучении иностранным языкам в целом и английскому в частности возможно выделить следующие аспекты:

1) облегчение понимания студентами взаимосвязи между ментальными и языковыми структурами и наглядная их репрезентация для наилучшего восприятия информации;

2) объяснение особенностей употребления ряда грамматических феноменов (предлогов, модальных глаголов), описание принципов работы которых в рамках традиционного подхода к обучению затруднено;

3) гармоничная интеграция достижений традиционной лингвистики и методики преподавания иностранного языка в структуру коммуникативно-когнитивного занятия;

4) обучение грамматике в неразрывной связи с языковым контекстом и непосредственным употреблением тех или иных языковых средств, что позволяет говорить об аутентичности подобного обучения;

5) привлечение как языкового, так и культурного контекста, являющихся неотъемлемыми частями гармоничного обучения, позволяет студентам «вживаться» в роль носителя языка, формируя, таким образом, комплексное понимание изучаемой лингвокультуры;

6) ознакомление студентов с особенностями функционирования концептуальных

механизмов (например, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, профилирование и др.) позволяет не только добиться лучшего восприятия материала учащимися через осознанность, но и выработать необходимые навыки молодых исследователей;

7) открытость для дальнейшей оптимизации образовательного процесса путем привлечения новых сведений из смежных дисциплин и цифровых гуманитарных наук.

Следует заметить, что лингвокогнитивный подход к обучению иностранному языку позволяет не только описывать отдельные грамматические или лексические единицы, но и имеет существенный потенциал для оптимизации обучения таким комплексным многоуровневым категориям, как, к примеру, отрицание, находящему свое выражение в языке с помощью грамматических, лексических, морфологических, синтаксических, фразеологических средств. Поскольку отрицательные смыслы зачастую передаются положительными по форме языковыми единицами, объяснение функционирования и особенностей употребления которых в рамках традиционной грамматики и традиционного подхода к обучению может быть затруднено [20]. Лингвокогнитивный подход, не отменяя достижений традиционного обучения грамматике, позволяет систематизировать разноразличные языковые средства на основе соответствующего смысла, что позволяет предоставить студентам эти языковые средства в систематизированном, а не разрозненном виде. Основой для систематизации становится именно соответствующий смысл, а знания, структурированные подобным образом, становятся доступнее для учащихся [19].

Помимо прочего, достоинством когнитивной лингвистики применительно к лингводидактике является возможность экспликации некоторых феноменов языка, механизмы функционирования которых не до конца ясны. Таким образом, лингвокогнитивный подход к обучению иностранному языку позволяет уйти от излишней ориентированности на заучивание правил и исключений из них, которые в силу ограниченно-

сти методологического аппарата традиционной лингвистики предлагалось лишь принять как данность. Очевидно, такой подход к обучению грамматике снижал мотивацию и заинтересованность студентов. В свою очередь, лингвокогнитивный подход к обучению иностранному языку, предлагая новые принципы и методы анализа языковых явлений, за счет привлечения наработок смежных дисциплин позволяет строить обучение с позиций объяснения, поскольку ряд трудных случаев грамматики и исключений из правил, ранее не поддававшихся рациональному объяснению, могут быть успешно разъяснены студентам с помощью описания когнитивных механизмов, лежащих в их основе.

В свою очередь, сведения, полученные в рамках когнитивной психологии, описывающие особенности мыслительной деятельности и восприятия информации, позволяют использовать наиболее релевантные методики визуализации таких сведений для оптимального ее усвоения студентами. В качестве такой визуализации могут использоваться диаграммы, схемы, графические изображения соответствующих когнитивных механизмов, лежащих в основе рассматриваемых грамматических феноменов. Кроме того, используя наработки цифровых гуманитарных наук, в частности, исследований в области применения дополненной и виртуальной реальности для обучения иностранному языку, позволяющих сделать шаг вперед в области визуализации абстрактных смыслов и концептов. Организация образовательного процесса подобным образом и рассмотрение грамматических феноменов с позиций когнитивной лингвистики делают возможной успешную экспликацию таких «неподдающихся логическому объяснению» аспектов английской грамматики, как особенности употребления предлогов или модальных глаголов, что позволяет вывести обучение грамматике на новый уровень, повысить степень осознанности информации студентами и, как следствие, улучшить качество образования в целом.

Список литературы

1. *Langacker R.W.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; New York, 2001.
2. *Ungerer F., Schmid H.J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. Harlow, 1996.

3. *Littlemore J.* Applying Cognitive Linguistics to Second Language Learning and Teaching. Basingstoke, 2009.
4. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago, 1980.
5. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy In The Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. Berkeley, 1999.
6. *Falck M.J.* Linguistic theory and good practice: how cognitive linguistics could influence the teaching and learning of English prepositions // *Språkdidaktik: Researching Language Teaching and Learning* / ed. by E. Lindgren, J. Enever. Umeå, 2015. P. 61-73.
7. *Veliz L.* A route to the teaching of polysemous lexicon: benefits from cognitive linguistics and conceptual metaphor theory // *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 211-217.
8. *Sáez N.* Enhancing the role of meaning in the L2 classroom: a cognitive linguistics perspective // *Teachers College, Columbia University Working Papers in TESOL & Applied Linguistics*. 2015. Vol. 15/2. P. 51-53.
9. *Dijkstra K., Eerland A., Zijlmans J., Post L.S.* Embodied cognition, abstract concepts, and the benefits of new technology for implicit body manipulation // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. P. 1-8.
10. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
11. *Мильруд Р.П., Карамнов А.С.* Подходы к изучению английских модальных глаголов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып. 8 (64). С. 174-182.
12. *Tyler A.* Applying cognitive linguistics to second language teaching: the English modals // *The Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition* / ed. by N.C. Ellis, P. Robinson. Mahwah, 2008. P. 456-488.
13. *Tyler A.* Applied cognitive linguistics: putting linguistics back into second language learning // *Cognitive Approaches to Second/Foreign Language Processing: Theory and Pedagogy* / ed. by M. Putz. Essen, 2008. P. 904-923.
14. *Chang H.* Review of cognitive linguistics and second language learning: theoretical basics and experimental evidence // *Journal of Language and Literacy Education*. 2016. Vol. 12. № 1. P. 151-153.
15. *Giovanelli M.* Cognitive linguistics in the English classroom: new possibilities for thinking about teaching grammar // *Teaching English*. 2013. Issue 3. P. 61-65.
16. *Giovanelli M.* Teaching Grammar, Structure and Meaning. Exploring Theory and Practice for Post-16 English Language Teachers. N. Y., 2015.
17. *Поляков О.Г.* Лингвистические аспекты проектирования курса английского языка для специальных целей // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 165-168.
18. *Polyakov O.G.* Developing ESP learner L2 pragmatic awareness through interviewing native speakers of English // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. № 154. P. 148-154.
19. *Мотов С.В.* Лингвокогнитивные основы обучения иностранному языку // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 175. С. 37-44. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-175-37-44.
20. *Мотов С.В.* Оценочный аспект концепта «отрицание» (на материале современного английского языка) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 4 (72). С. 100-105.

References

1. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, New York, 2001.
2. Ungerer F., Schmid H.J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. Harlow, 1996.
3. Littlemore J. *Applying Cognitive Linguistics to Second Language Learning and Teaching*. Basingstoke, 2009.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.
5. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. Berkeley, 1999.
6. Falck M.J. Linguistic theory and good practice: how cognitive linguistics could influence the teaching and learning of English prepositions. In: Lindgren E., Enever J. (eds.). *Språkdidaktik: Researching Language Teaching and Learning*. Umeå, 2015. P. 61-73.
7. Veliz L. A route to the teaching of polysemous lexicon: benefits from cognitive linguistics and conceptual metaphor theory. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 211-217.

8. Sáez N. Enhancing the role of meaning in the L2 classroom: a cognitive linguistics perspective. *Teachers College, Columbia University Working Papers in TESOL & Applied Linguistics*, 2015, vol. 15/2, pp. 51-53.
9. Dijkstra K., Eerland A., Zijlmans J., Post L.S. Embodied cognition, abstract concepts, and the benefits of new technology for implicit body manipulation. *Frontiers in Psychology*, 2014, vol. 5, pp. 1-8.
10. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, 2000. (In Russian).
11. Millrood R.P., Karamnov A.S. Podkhody k izucheniyu angliyskikh modalnykh glagolov [Approaches to English modal verbs studies]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2008, no. 8 (64), pp. 174-182. (In Russian).
12. Tyler A. Applying cognitive linguistics to second language teaching: the English modals. In: Ellis N.C., Robinson P. (eds.). *The Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. Mahwah, 2008, pp. 456-488.
13. Tyler A. Applied cognitive linguistics: putting linguistics back into second language learning. In: Putz M. (ed.). *Cognitive Approaches to Second/Foreign Language Processing: Theory and Pedagogy*. Essen, 2008, pp. 904-923.
14. Chang H. Review of cognitive linguistics and second language learning: theoretical basics and experimental evidence. *Journal of Language and Literacy Education*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 151-153.
15. Giovanelli M. Cognitive linguistics in the English classroom: new possibilities for thinking about teaching grammar. *Teaching English*, 2013, issue 3, pp. 61-65.
16. Giovanelli M. *Teaching Grammar, Structure and Meaning. Exploring Theory and Practice for Post-16 English Language Teachers*. New York, 2015.
17. Polyakov O.G. Lingvisticheskiye aspekty proektirovaniya kursa angliyskogo yazyka dlya spetsialnykh tseyey [Linguistic aspects of English course design for special purposes]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2013, vol. 12, no. 30, part 1, pp. 165-168. (In Russian).
18. Polyakov O.G. Developing ESP learner L2 pragmatic awareness through interviewing native speakers of English. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, no. 154, pp. 148-154.
19. Motov S.V. Lingvokognitivnye osnovy obucheniya inostrannomu yazyku [Linguocognitive foundations of foreign language teaching]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 175, pp. 37-44. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-175-37-44. (In Russian).
20. Motov S.V. Otsenochnyy aspekt kontsepta «otritsaniye» (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Evaluative aspect of “negation” concept (on the material of modern English)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 4 (72), pp. 100-105. (In Russian).

Информация об авторе

Мотов Сергей Владимирович, ассистент кафедры иностранных языков и профессионального перевода. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; преподаватель русского языка кафедры иностранных языков и литератур. Университет Уэстерн Иллинойс, Макомб, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки. E-mail: sv-motov@wiu.edu

Вклад в статью: идея, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2897-5128>

Поступила в редакцию 10.10.2018 г.
Поступила после рецензирования 15.11.2018 г.
Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the author

Sergei V. Motov, Assistant of Foreign Languages and Professional Translation Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation; Teacher of Russian of the Department of Foreign Languages and Literatures. Western Illinois University, Macomb, Illinois, United States of America. E-mail: sv-motov@wiu.edu

Contribution: idea, literature analysis, manuscript drafting

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2897-5128>

Received 10 October 2018
Reviewed 15 November 2018
Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-40-50
УДК 37.032

Особенности художественного текста как средства формирования нравственных качеств личности на занятиях по иностранному языку в многопрофильном вузе

Альфия Фяридовна МАМЛЕЕВА

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого»
195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2097-9933>, e-mail: mamleeval@gmail.com

Literary text features as means for individual's moral qualities formation at the Foreign Language classes in a comprehensive university

Alfiya F. MAMLEEVA

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29 Politekhnikeskaya St., St. Petersburg 195251, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2097-9933>, e-mail: mamleeval@gmail.com

Аннотация. Предпринята попытка анализа основных особенностей художественного текста как средства формирования нравственных качеств студента на занятиях по иностранному языку в многопрофильном вузе. Современные выпускники должны обладать рядом личностных качеств, к которым относятся способность работать в команде, гибкость, честность, человеколюбие, добросовестность, мужество и терпимость, чувство справедливости, стремление к знаниям и др. Потенциал дисциплины «Иностранный язык» содержит уникальное сочетание идей духовно-нравственного, эстетического и трудового воспитания молодого поколения, посредством которых происходит приобщение учащихся к идеалам нравственности и образцам культуры. Исследование нацелено на выявление сущности понятия *интерпретация текста*, включающего в себя рефлексивную составляющую, важную для развития личностных качеств студента. Показано, что художественные тексты, используемые на занятиях по иностранному языку, содержат информацию философского плана, примеры проблемных жизненных ситуаций, в которых демонстрируется необходимость развития определенных социальных навыков, нравственных качеств, решений и поступков. Студенты учатся мыслить аналитически, чтобы правильно интерпретировать дискуссионные ситуации. Сделаны выводы о том, каким образом художественный текст может рассматриваться в качестве средства воспитания необходимых личностных качеств студента, а также приведен пример комплекса упражнений на анализ художественного текста.

Ключевые слова: нравственные качества; чтение; художественная литература; иностранный язык; интерпретация

Для цитирования: Мамлеева А.Ф. Особенности художественного текста как средства формирования нравственных качеств личности на занятиях по иностранному языку в многопрофильном вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 40-50. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-40-50

Abstract. We attempt to analyze the main features of a literary text as a means of moral qualities development in the process of a Foreign Language classes in a comprehensive university. Various moral qualities such as the ability to work in a team, flexibility, honesty, courage and tolerance, sense of justice, the desire for knowledge are highly valued on the labour market today. The potential of the "Foreign Language" discipline contains a unique combination of ideas of spiritual, moral and aesthetic education, through which students are introduced to the ideals of morality and cultural patterns. We aim to identify the essence of text interpretation concept, which includes the ref-

lexive component, important for the development of the aforementioned personal qualities. It is shown that the literary texts contain philosophical information, examples of problematic life situations in which certain social skills, human qualities, decisions and actions are demonstrated. Various examples of life situations presented in the literary texts are deeply analyzed and interpreted by students.

Keywords: moral qualities; reading; fiction; foreign language; interpretation

For citation: Mamleyeva A.F. Osobennosti khudozhestvennogo teksta kak sredstva formirovaniya npravstvennykh kachestv lichnosti na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku v mnogoprofil'nom vuze [Literary text features as means for individual's moral qualities formation at the Foreign Language classes in a comprehensive university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 40-50. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-40-50 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Педагогическая поддержка самоопределения личности, развитие любви к искусству, языку, человеколюбию, добросовестности, мужеству и терпимости, чувству справедливости, стремлению к знаниям и самосознанию является одной из важнейших задач обучения в современном вузе. Для решения этой задачи необходимо шире и полнее использовать возможности гуманитарных дисциплин, а также усилить значимость междисциплинарных связей в процессе подготовки современного специалиста.

Потенциал дисциплины «Иностранный язык» содержит уникальное сочетание идей духовно-нравственного, эстетического и трудового воспитания молодого поколения, посредством которых происходит приобщение учащихся к идеалам нравственности и образцам культуры. Данная возможность сохраняет свою актуальность благодаря тому, что изучение иностранного языка предполагает обращение к широкому спектру методов, форм и средств обучения. Одним из таких средств обучения является чтение художественных произведений на занятиях по иностранному языку в вузе.

Чтение выступает в качестве цели и средства обучения иностранному языку на разных этапах. Текст, в том числе художественный, может рассматриваться в качестве объекта речевой деятельности, так как он представляет собой образец реального использования языковых единиц так, как они актуализируются в речи [1, с. 602]. В процессе знакомства с художественным произведением, его чтения происходят изучение лексических единиц (фразеологизмов, идиом, речевых конструкций), закрепление лексических, грамматических, фонетических, ритми-

ко-интонационных навыков обучающихся, способствующих формированию вторичной языковой личности – способности человека к общению на межкультурном уровне [2, с. 32]. Данная способность складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть «языковой картиной мира» носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) и «глобальной (концептуальной) картиной мира» [3, с. 100; 4, с. 204].

Кроме того, в художественной литературе накапливается, закрепляется и хранится социальный и духовный опыт множества поколений. По мнению ученых, для того чтобы человек мог жить и нормально трудиться, ему необходимо предвидеть последствия тех или иных явлений, событий или своих действий. Знание единичного не является достаточным основанием для предвидения. Таким образом, для развития мыслительных процессов индивид должен иметь перед собой примеры и уметь их анализировать. Тексты являются воплощением исторически выработанных человечеством всеобщих способов деятельности и, являясь аксиологическим и семантическим пространством духовного существования человека, содержат в себе бесконечное множество смыслов, которые актуализируются в новой культурной ситуации в форме индивидуального, авторского построения картины мира и человека [5]. Подобная информация имеет неоспоримую значимость для читателя, потому что посредством ее анализа индивид учится по-другому относиться к окружающей его действительности и к себе самому [6].

Чтение произведений зарубежной художественной литературы способствует приобщению студентов к эмоциональному восприятию и пониманию разнообразных со-

циокультурных реалий. Посредством интерпретации реципиент проникает в самую суть художественного произведения, переосмысливает свои взгляды и поступки, благодаря тому, что сравнивает и анализирует примеры, примеряет их на себя, рассматривает варианты решения различных проблем, порождает смысл от себя и для себя, тем самым открывая в себе что-то новое [6].

Можно предположить, что в результате глубокой проработки мировосприятий и убеждений, из которых проистекает поведение, можно добиться положительных изменений в характере личности читающего.

Целью нашего исследования является описание результатов обучения студентов многопрофильного вуза иностранному языку посредством чтения и анализа отрывка из художественного произведения, в котором затрагиваются проблемы морали и нравственности.

В ходе работы использовались методы: наблюдение, сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ТЕКСТА

Текст неисчерпаем как источник смысловой информации, а также как предмет изучения и обдумывания. Он может рассматриваться как провоцирующий участник постоянно разворачивающегося и нескончаемого диалога, и чем выше смысловый потенциал текста, тем значительнее и оживленнее диалогическое взаимодействие читателя и текста. В этом находит отражение специфика познавательного процесса в гуманитарной сфере, рождающая условия для диалогического взаимодействия текста и его реципиента. Выдающиеся тексты обладают неисчерпаемым смысловым богатством для этого взаимодействия.

Реагируя на знаки и то, что дает рассказ для восприятия, читатель вносит при этом свое понимание, которое соответствует его литературному и жизненному опытам, взглядам и интересам. То, как кругозор и позиции читателя связаны с проблематикой произведения, влияет на результаты чтения и изучения литературного произведения на занятиях.

Необходимо отметить, что читатели, обладающие богатым жизненным и читательским опытом, в процессе чтения способны понять и выяснить для себя значительно больше, нежели те, чей опыт не так обширен. Следовательно, в процессе чтения и последующего обсуждения необходимо побуждать обучающегося к рассмотрению художественного произведения с разных сторон, применению определенных технологий чтения и проведению специального глубокого анализа, позволяющего интерпретировать текст, понять его суть и основную задумку автора.

Следовательно, художественный текст может являться не только основой формирования лексических, грамматических, фонетических, ритмико-интонационных навыков обучающихся, но и средством развития мысленных процессов. Читая и анализируя художественное произведение, реципиент сталкивается с рядом примеров различных проблем нравственного и этического содержания и учится интерпретировать их, обсуждает варианты, открывая для себя то новое, что способствует развитию нравственных качеств и ценностных ориентаций личности.

Это происходит благодаря глубокому осознанию себя посредством процесса рефлексии. Под рефлексией принято понимать как самопознание или осознание своих деятельности вне контекста и специальных задач рефлексивного анализа, так и понятие, предполагающее особые задачи и особый тип дискурса. М. Хайдеггер считает, что рефлексия представляет собой способ объяснения, нацеленный на развитие сложившихся структур мышления [7]. Посредством рефлексии закладываются основы такого способа действия, когда человек не реагирует на воздействия извне, а сам оказывается автором воздействий, выбирает свои действия самостоятельно, запускает их по своей инициативе, опережая воздействия и формируя нужные реакции у окружающих.

Д.Б. Кумакова рассматривает произведение искусства как воплощение прожитого его создателем опыта взаимодействия с социокультурной реальностью. Автор произведения, вырабатывая и отражая в работах свои представления, интерпретирует состояния социокультурной среды в их значении для человека. Следовательно, читатель посредством анализа художественного произведения

раскрывает для себя основные закономерности социальной среды, объединяющей познавательный, нравственный, политический, религиозный и эстетический компоненты [8].

Соглашаясь с Ж. Дерридой, необходимо признать, что текст безграничен. Не существует ничего вне текста: это означает, что текст является не просто речевым актом. Представляется возможным рассматривать самосознание личности как некую сумму текстов различного содержания и стилистики, из которых в их представлении состоит мир культуры. Таким образом, текст олицетворяет собой не знаки, а смыслы и значения, которые могут восприниматься читателем по-разному. Следовательно, произведение становится текстом только в процессе чтения и интерпретации [9, с. 368].

Таким образом, принимая во внимание мнения различных исследователей о роли текста в процессе изучения иностранного языка и формировании самосознания личности, можно сделать вывод о том, что чтение является основой для формирования вторичной языковой личности, что, в свою очередь, представляет собой способность к общению на втором языке на межкультурном уровне. Кроме того, чтение является предпосылкой и основным механизмом раскрытия в сознании читателя социальной среды, представленной в нравственном, политическом, религиозном и эстетическом компонентах [10; 11]. Посредством чтения индивид овладевает основами развития рефлексивного мышления, позволяющего правильно и своевременно оценивать свои решения и поступки и становиться более независимым. В кратком изложении мнения исследователей теории текста представлены в табл. 1.

Из табл. 1 становится очевидным, что чтение текста рассматривается рядом ученых как непосредственная основа для развития

самосознания, а значит морали и нравственности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что текст художественного произведения на иностранном языке является связующим звеном в процессе развития нравственности читающего и формирования его вторичной языковой личности.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

Соглашаясь с мнением Р. Барта, процесс чтения художественного произведения считаем возможным обозначить следующим образом – «читать – значит выявлять смыслы» [12, с. 555]. Следовательно, процесс работы с художественным произведением на занятиях по иностранному языку должен основываться на стремлении постичь возможные смыслы произведения и интерпретировать их.

Наличие культурного «кода» в художественном произведении позволяет рассматривать его как основу для проникновения в мир прошлого, в культурную ткань и, соответственно, предоставляет читателю возможность обогатить свой опыт и расширить границы мировоззрения. Анализ художественного произведения позволяет индивиду проникнуть в мир другой личности, общаться с ней, познавать ее мир. Посредством анализа нравственных, эстетических и ценностных основ осуществляется коммуникация между представителями различных эпох, принадлежащим к разным культурам и слоям общества. В силу неоднородности содержания аутентичный художественный текст видится разным читателям по-разному, что дает возможность для множественности его интерпретаций. Широкая языковая и содержательная база исходного текста, стимулирующая процесс порождения мыслей, формирует систему откликов на текст и дает больше возможностей для построения беседы.

Таблица 1

Мнения исследователей теории текста о роли чтения

Исследователь	Сущность понимания роли чтения
Ю. Караулов	Чтение как основа формирования вторичной языковой личности
М. Хайдеггер	Чтение как основа для развития рефлексии, благодаря которой индивид выбирает свои действия самостоятельно, опережая воздействия и формируя нужные реакции у окружающих
Д.Б. Кумакова	Чтение как опыт взаимодействия с социокультурной реальностью, раскрытия основных закономерностей социальной среды, объединяющей познавательный, нравственный, политический, религиозный и эстетический компоненты
Ж. Деррида	Чтение как основа самосознания личности

По мнению М.Б. Глотова, художественное произведение имеет усиленное эстетическое начало благодаря своей форме и содержанию. Этот опыт трансформируется и транслируется в процессе своего существования [13, с. 28]. В философской герменевтике под «пониманием» имеется в виду форма освоения действительности посредством сознания, направленная на раскрытие и воспроизведение смыслового содержания текста. Смысл, содержащийся в тексте, переосмысливается, и содержание исходных смысловых форм «переплавляется» в понимании интерпретатора. Благодаря пониманию, новая информация включается в уже имеющуюся у личности систему представлений о реальности. В понимании присутствует не только обусловленность социальными и культурно-историческими контекстами, но и внутренняя взаимосвязь с самопониманием через сопоставление смысловых контекстов того, что познается, и того, кто познает.

В отличие от научного текста художественный текст может иметь множество прочтений. Ему свойственна определенная амплитуда колебаний вокруг «оси» смысла. За пределами ее крайних точек прочтение становится неадекватным тексту. Хотя восприятие художественного текста вариативно, он содержит инвариант этих различий и дает устойчивую программу художественной рецепции [14, с. 400]. При всей зависимости от личности реципиента, его настроения, жизненного и художественного опыта эта программа имеет твердые, устойчивые параметры, обусловленные объективным содержанием художественного текста, закрепленными в нем художественной концепцией и ценностными ориентирами. Для глубокого понимания текста необходимо его рассмотрение как целого, что подразумевает сопоставление и учет взаимодействия всех средств художественного изображения внутри текста [15, с. 89]. Л.В. Щерба подчеркивал, что целью толкования художественных произведений является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений [16].

И.В. Арнольд считает, что основными этапами работы над произведением является рассмотрение графического изображения текста и его звучания, лексического и грам-

матического выражения системы образов – речевых изобразительных и выразительных средств, композиции текста и системы образов – фабулы, характеров и обстановки. Заключительным этапом работы является общий анализ комплекса философских, нравственных, социальных, политических, психологических и других проблем и жизненных факторов и событий, которые изображает автор [16].

По мнению Р. Барта, задача текстового анализа заключается в необходимости провести подвижную структуризацию текста, увидеть, как текст располагается в межтекстовом пространстве, проследить пути смыслообразования. Для того чтобы провести анализ, необходимо разбить текст на лексии – короткие отрезки текста, единицы чтения. Затем необходимо проследить смыслы, которые возникают в пределах каждого подобного сегмента – коннотации, дополнительные смыслы, которые могут иметь форму ассоциаций, реляций.

Таким образом, характерной особенностью восприятия художественных текстов является то, что обучающиеся не только их понимают, но неизбежно их истолковывают, интерпретируют, тем самым заново воссоздают их культурные контексты для себя.

При этом могут быть описаны этапы понимания: в частности, предварительное понимание (в результате синтетического «схватывания» целого образа), аналитическое понимание, которое смысл целого пытается подтвердить или опровергнуть смыслом составных частей, понимание целостного образа («сборка» результатов аналитической активности в новом целостном образе) подтверждается смыслом частей, а смысл частей – смыслом целого. Именно на третьем этапе актуализируется весь жизненный опыт субъекта, что и создает условия для разворачивания операций сравнения, сопоставления, категоризации, типологизации и др. Существенную роль играют операции абстрагирования (отвлечения от несущественных, частных, случайных признаков постигаемого) и обобщения (отыскания общих свойств и признаков).

Умение интерпретировать текст дает студентам возможность извлекать максимум информации, раздвигать рамки текста и видеть гораздо больше того, что буквально сказано в тексте. Для того чтобы научить сту-

дентов интерпретировать текст, необходимо развивать такие умения, как определение основной мысли текста, понимание смысловых структурных связей, поиск запрашиваемой информации, понимание позиции автора, умение распознавать фактический материал и мнения. Владение всеми этими умениями обеспечивает проникновение в содержание текста, понимание скрытого смысла, чтение «между строк» [17].

В соответствии с мнением Р. Барта, текст следует читать медленно, насколько это будет необходимо, делая остановки настолько часто, насколько это потребуется. Исследователь считает, что единственного смысла текста найти невозможно, и, таким образом, основной целью читателя является помыслить, вообразить, пережить множественность текста, открытость процесса означивания.

Проанализировав подходы разных ученых, можно сделать вывод о том, что наиболее оптимальным решением является поэтапный анализ текста, который следует начинать с выявления определенных лингвистических средств, переходя к анализу речевых изобразительных и выразительных средств, фабулы, характеров и обстановки, и далее к обсуждению всего комплекса философских, нравственных, социальных, психологических и политических проблем. В кратком изложении мнения исследователей по интерпретации текста представлены в табл. 2.

ПРИМЕР АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Р. Барт считает, что чтение произведения не должно предваряться работой по ознаком-

лению с биографией автора и условиями создания произведения. Однако, на наш взгляд, предтекстовый этап следует начинать с изучения биографической справки, предоставляющей информацию о времени и истории создания произведения и жизни ее автора, историко-культурных предпосылках и социально-исторических фактах, создающих «фон восприятия», раскрывающих основные вехи произведения. К ним относятся герои произведения, их взаимоотношения, конфликты, сюжетные линии, это позволяет сделать вывод о функциональных особенностях используемых на этом этапе средств и заложить основу для создания целостного образа событий текста [12, с. 479].

Посредством обсуждения основных этапов биографии представляется возможным повысить познавательный интерес обучающихся, создать ощущение присутствия автора в опосредованном коммуникативном акте.

Далее учащиеся переходят к работе над содержанием художественного произведения, заключающемся в его интерпретации и оценке. Жизненный опыт и опыт учащихся составляют основу процесса осмысления. В ходе осмысления исходного текста формируются новые понятия и представления, строятся предположения, которыми учащиеся будут активно пользоваться в межличностном общении [18].

Семантическое поле текста определяет отбор языкового, речевого и социокультурного материала для последующей активизации, а также последовательность и характер его предъявления. При отборе лексических единиц для предварительной активизации внимание уделяется смыслонесущим моментам, фразеологизмам, а также лексическим единицам, имеющим коммуникативную и

Таблица 2

Мнения исследователей о принципах интерпретации текста

Исследователь	Сущность интерпретации текста
Л.В. Щерба	Выявление лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений
Р. Барт	Представление текста в межтекстовом пространстве, прослеживание путей смыслообразования
И.В. Арнольд	Анализ графического изображения, речевых изобразительных и выразительных средств, фабулы, характеров и обстановки, всего комплекса философских, нравственных, социальных, психологических и политических проблем

культурологическую ценность, и единицам, которые относятся к разряду потенциального словаря. Ключевые слова и словосочетания являются опорными пунктами понимания текста. На этом этапе должен производиться анализ наиболее сложных для понимания оборотов письменной речи и раскрытие лексического значения слов, которые могут оказаться ключевыми.

Проникновение в контекст сопровождается рядом логических операций, связанных с применением жизненного опыта и системы имеющихся знаний о мире, вызовом зрительных представлений, приемами перефразирования и синонимических замен, механизмами догадки и антиципации, логического понимания, речевого прогнозирования, ассоциативным мышлением, выявлением ключевых моментов текста, установлением смысловых связей в тексте и т. д.

Одним из важнейших процессов познавательной деятельности является процесс концептуализации, заключающийся в осмыслении поступающей информации через фиксированные в сознании человека смыслы. При переходе во внутренний код некоторое количество полученной информации требует немедленного осмысления, перефразирования или эквивалентной замены одних слов другими при сохранении общего смысла отрывка. Использование опор на схемы знаний о мире, стереотипы и опыт учащихся оказываются решающими в расшифровке и понимании смыслов текста. Управление процессом понимания текста осуществляется благодаря умениям сознательного использования приемов получения, трансформации, творческой интерпретации и актуализации учебного материала для достижения определенной цели.

Далее перейдем к анализу примера отрывка из художественного произведения. Роман «Вверх по лестнице, ведущей вниз» Б. Кауфман написан таким образом, что в нем нет авторского повествования. Ученики излагают свое отношение к школе, учителям, одноклассникам, зачастую они выражают свое недовольство и ждут ответной реакции.

В выбранном для анализа отрывке учащиеся узнают о непосредственном отношении своего учителя к учебному процессу. Главная героиня описывает нескончаемые кипы бумаг, на которые времени уходит го-

раздо больше, чем на самообучение, и бесконечность запретов. Сильвия Баррет находит ужасающим тот факт, что школьная система требует заставлять зазубривать учебный материал. Она бросает вызов системе и пытается пробудить в своих учениках настоящие чувства – заинтересованность, понимание, учит их не бояться проявлять себя, слушает с учениками отрывки из музыкальных произведений, обсуждает с ними сложные темы, которые заставляют их задумываться над различными проблемами. С течением времени она замечает в учениках разительные перемены, понимает, что они готовы слушать и воспринимать все то, что им сообщается. Следующим шагом для Сильвии становится попытка научить детей общаться и обсуждать, привить навыки сотрудничества [19].

I have let it be a challenge to me: I've been trying to teach without books. There was one heady moment when I was able to excite the class by an idea: I had put on the blackboard Browning's "A man's reach should exceed his grasp, or what's a heaven for?" and *we got involved in a spirited discussion* of aspiration vs. reality. *Is it wise, I asked, to aim higher than one's capacity? Does it not doom one to failure? No, no, some said, that's ambition and progress? No, no, others cried, that's frustration and defeat! What about hope? What about despair? – You've got to be practical! – You've got to have a dream! They said this in their own words, you understand, startled into discovery.* To the young, clichés seem freshly minted. Hitch your wagon to a star! Shoemaker, stick to your last! And when *the dismissal bell rang, they paid me the highest compliment: they groaned! They crowded in the doorway, chirping like agitated sparrows, pecking at the seeds I had strewn* – when who should materialize but Admiral Ass.

“What is the meaning of this noise?”

“*It's the sound of thinking*, Mr. McHabe,” I said.

In my letter-box that afternoon was a note from him, with copies to my principal and chairman (and – who knows? – perhaps a sealed indictment dispatched to the Board?) which read (sic):

“I have observed that in your class the class entering your room is held up because the pupils exiting from your room are exiting in a disorga-

nized fashion, blocking the doorway unnecessarily and *talking*".

Таким образом, в выбранном нами отрывке демонстрируются умение главной героини найти общий язык с учащимися, необходимость поиска оригинальных идей и тем, а также важность совместной работы. Она впервые пытается пробудить в них заинтересованность, задает вопросы, побуждающие их задумываться и обсуждать.

Студентам предлагается ряд заданий, на основе которых они должны определить проблему, поднятую в рассказе, и предложить пути ее решения. На дотекстовом этапе учащимся предлагаются упражнения на прогнозирование:

1. **Why is it necessary to be cooperative?**
2. **How should adults develop collaborative skills in their children?**
3. **Read the title and try to guess what this abstract is about.**

Подобные упражнения учат студентов предварительно оценивать информацию, что необходимо для развития критического мышления.

На текстовом этапе учащиеся получают задания: прочтите первый абзац и объясните смысл заглавия и значение нового слова, прочтите первый абзац и скажите, какие вопросы будут затронуты в тексте. Особое внимание уделяется упражнениям на свертывание и реконструкцию текста.

Read the story carefully, paying special attention to the dialogues.

Recall. How does Sylvia regard the time little Suzie will start going to school?

Clarify. What do individualization and enrichment mentioned in the syllabus stand for?

Summarize. How does Sylvia treat her students?

Analyze. How does Sylvia's approach differ from the approaches of other teachers in her school?

Draw conclusions. Is Sylvia already a successful teacher?

Make inferences. How is the idea of collaboration shown in the story?

В ходе выполнения подобных упражнений учащиеся не только глубже проникают в содержание текста, анализируя смысловые связи и логику, но и активируют лексику, так как им приходится подбирать синонимы, пе-

рефразировать предложения, чтобы сократить их, следовательно, присутствует также и грамматическая составляющая, то есть задание становится комплексным.

На послетекстовом этапе выполняются упражнения, развивающие умение видеть то, что выражено имплицитно, или «между строк».

Does the text contain some striking irregularities of form in comparison to traditional texts that are within the same genre?

Are there deviant grammatical or graphological elements?

How about the text's phonological qualities? Are some sounds repeated?

Are there neologisms or awkward word usage? Does the author use jargon, slang, or standard language?

Can you categorize the words in different semantic fields? What kind of feeling do the verbs give? By looking at the verbs, do you get the feeling of the past or do they point at an on-going activity?

Define the text type (the functional style and the genre).

If it is non-fiction, what is the genre?

What messages does the system of images convey?

What mood or atmosphere is created by the author with the help of stylistic devices and the choice of verbs, nouns and adjectives?

What are the attitude and the tone of the text under analysis (positive negative, ironical, lyrical, sad, and joyful).

How do the actions and the speech of personages characterize them? Are there any allusions or cultural realia? Explain them.

What is the author's message?

Особое внимание здесь хотелось бы уделить упражнениям на определение верных и неверных высказываний. Выполняя упражнения такого типа, студенты учатся понимать скрытый смысл предложений, наполненных лексикой, отличной от лексики, содержащейся в тексте, они находят фрагменты текста, подтверждающие соответствие/несоответствие высказываниям, приведенным в упражнениях. Студенты должны быть особенно внимательны, так как информация зачастую помещена не в самом тексте, а в подзаголовке. Кроме того, они учатся видеть различия между фактами и предположениями, фактами и мнениями, примерами и выводами.

Make a list of collaboration skills that enable workers to interface productivity with others on the job. Hold a debate in order to identify those which are the most essential.

Write a short essay answering the question: “Why is it essential to be able to cooperate?”

Comment on the quote:

Teamwork is the ability to work together toward a common vision. The ability to direct individual accomplishments toward organizational objectives. It is the fuel that allows common people to attain uncommon results.

Hold a debate dedicated to the topic “How good teamwork can increase productivity”. Devise two arguments for, using both false dilemma and circular reasoning fallacies.

Помимо таких упражнений, уделяется внимание формирующим и развивающим умениям интерпретировать текст. В качестве примера рассматриваются различные жизненные ситуации и возможности, заключающиеся в отборе, определении, выборе необходимых личностных качеств для выполнения какой-либо работы. Например, учащимся предлагается проанализировать ситуацию из жизни компании и историю ее успеха с точки зрения правильности линии поведения ее сотрудников в сложные периоды совместной работы.

В каждом случае студенты должны аргументировать свое решение, кто-то может не согласиться и выдвинуть контраргументы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом признания текста в качестве основной коммуникативной единицы, мы рассматриваем практические цели обучения иностранному языку как приобретение обучающимися умений понимать (в процессах чтения и аудирования) и создавать (в процессах говорения) тексты. Сам текст при этом оказывается условием взаимосвязанной реализации данных целей обучения, выступая как объект речевой деятельности обучаемых и/или как результат данной деятельности. Посредством анализа художественных произведений – материальных продуктов художественного творчества – представляется возможным познать их эстетическую ценность, а также приобщить обучающихся к социокультурной среде, привлечь их внимание к проблемам морального и этического

плана. Студенты овладевают структурно-системными связями изучаемого языка в параметрах системообразующей функции языка, направленной на решение коммуникативных задач, единицами которой являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся в картину мира, отражающую иерархию ценностей.

Работа над аутентичным текстом художественной литературы дает богатые возможности для речевой практики: развивает навыки свободной речи, показывает функционирование в речи языковых явлений, реализует связь видов речевой деятельности, стимулирует перенос материала текста в речь. В чтении учащиеся овладевают предлагаемыми моделями, отбирают наиболее эффективные приемы работы.

Отдельное внимание уделяется формирующим и развивающим умениям интерпретировать текст. В качестве примера рассматриваются различные жизненные ситуации и возможности, заключающиеся в отборе, определении, выборе необходимых личностных качеств для выполнения какой-либо работы.

Следующим этапом работы над произведением является рассмотрение графического изображения текста и его звучания, лексического и грамматического выражения системы образов – речевых изобразительных и выразительных средств, композиции текста и системы образов – фабулы, характеров и обстановки. Заключительным этапом работы с текстом является общий анализ комплекса философских, нравственных, социальных, политических, психологических и других проблем и жизненных факторов и событий, которые изображает автор.

Использование художественного произведения в качестве средства формирования нравственных качеств личности на занятиях по иностранному языку следует рассматривать как источник развития личности студента, обеспечивающий интеграцию индивида в систему мировой культуры, а интерпретацию поступков героев произведений – как специфический вид познавательной деятельности. Восприятие зависит от определенных предпосылок – знаний, чувств, переживаний реципиента, от характера сообщения и от обстоятельств его получения. Реципиент, воспринимая художественный текст, вовлекается в сотворчество, рождающее вымысел.

Список литературы

1. Зарецкая М.Н. Духовно-нравственное воспитание студентов на уроках английского языка // Молодой ученый. 2015. № 6 (86). С. 601-605.
2. Агапов В.С. Концепция духовно-нравственного воспитания учащейся молодежи А.С. Метелягина, [1950–2001 гг.: Отечественный ученый-педагог] // Проблемы формирования и развития личности в психологии и педагогике. М., 2001. С. 31-33.
3. Рублик Т.Г. Языковая личность и ее структура // Вестник Башкирского университета. 2007. № 1. С. 99-101.
4. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 336 с.
5. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2003.
6. Фазылзянова Г.И. Культура понимания как образовательная проблема // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 1.
7. Огурцов А.П. Рефлексия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3.
8. Кумакова Д.Б. Коммуникации в художественной среде: искусство взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 3 (32). С. 37-41.
9. История философии: энциклопедия / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск: Интерпрессервис; Кн. Дом, 2002. 1376 с.
10. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004.
11. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М., 2001.
12. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
13. Глотов М.Б. Эстетическое и художественное // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: материалы науч. конф. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. Вып. 1. С. 27-29.
14. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 534 с.
15. Белянин В.П. Психолингвистический и концептуальный анализ художественного текста с позиций доминанты // Логический анализ языка. Концептуальный анализ. М., 1990.
16. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
17. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
18. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 208 с.
19. Практический курс английского языка. 5 курс / под ред. В.Д. Аракина. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 232 с.

References

1. Zaretskaya M.N. Dukhovno-nravstvennoye vospitaniye studentov na urokakh angliyskogo yazyka [Spiritual and moral education of students at the English classes]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2015, no. 6 (86), pp. 601-605. (In Russian).
2. Agapov V.S. Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo vospitaniya uchashcheysya molodezhi A.S. Metelyagina, (1950–2001 gg.: Otechestvennyy uchenyy-pedagog) [Conception of spiritual and moral education of studying youth developed by A.S. Metelyagin (1950–2001: Russian scientist and pedagogue)]. *Problemy formirovaniya i razvitiya lichnosti v psikhologii i pedagogike* [Problems of Personality Formation and Development in Psychology and Pedagogy]. Moscow, 2001, pp. 31-33. (In Russian).
3. Rublik T.G. Yazykovaya lichnost' i ee struktura [Linguistic persona and its structure]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2007, no. 1, pp. 99-101. (In Russian).
4. Galskova N.D., Gez N.I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam: Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Foreign Language Teaching: Linguodidactics and Methods]. Moscow, Publishing Center "Akademiya", 2004, 336 p. (In Russian).
5. Maklakov A.G. *Obshchaya psikhologiya* [General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. (In Russian).
6. Fazylzyanova G.I. Kul'tura ponimaniya kak obrazovatel'naya problema [Culture of comprehension as the educational problem]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv – The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2009, no. 1. (In Russian).
7. Ogurtsov A.P. Refleksiya [Reflection]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.]. Moscow, 2001, vol. 3. (In Russian).
8. Kumakova D.B. Kommunikatsii v khudozhestvennoy srede: iskusstvo vzaimodeystviya [Communication in artistic environment: art of interaction]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*

- kul'tury i iskusstv – Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, 2017, no. 3 (32), pp. 37-41. (In Russian).
9. Gritsanov A.A. (compiler and scientific ed.-in-chief). *Istoriya filosofii: entsiklopediya* [History of Philosophy: Encyclopedia]. Minsk, Interpresservis Publ., Knizhnyy Dom Publ., 2002, 1376 p. (In Russian).
 10. Kristeva J. *Izbrannyye trudy: Razrusheniye poetiki* [Selected Works. Poetics Deconstruction]. Moscow, 2004. (In Russian).
 11. Ilin I.P. *Postmodernizm: Slovar' terminov* [Postmodernism: Terms Dictionary]. Moscow, 2001. (In Russian).
 12. Barthes R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russian).
 13. Glotov M.B. *Esteticheskoye i khudozhestvennoye* [Aesthetical and artistic]. *Materialy nauchnoy konferentsii: Estetika segodnya: sostoyaniye, perspektivy* [Proceedings of Scientific Conference “Aesthetics Today: Present State, Prospects”]. St. Petersburg, St. Petersburg Philosophical Society, 1999, issue 1, pp. 27-29. (In Russian).
 14. Babenko L.G., Vasilyev I.E., Kazarin Y.V. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic Analysis of Literary Text]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2000, 534 p. (In Russian).
 15. Belyanin V.P. *Psikholingvisticheskiy i kontseptual'nyy analiz khudozhestvennogo teksta s pozitsiy dominant* [Psycholinguistic and conceptual analysis of literary text from the dominants positions]. *Logicheskiy analiz yazyka. Kontseptual'nyy analiz* [Logical Analysis of Language. Conceptual Analysis]. Moscow, 1990. (In Russian).
 16. Arnold I.V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002, 384 p. (In Russian).
 17. Bakhtin M.M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti* [The author and the character in aesthetical activity]. In: Bakhtin M.M. *Raboty 20-kh godov* [Works of the 1920s]. Kiev, 1994. (In Russian).
 18. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya. Vvedeniye* [Linguoculturology. Introduction]. Moscow, Yurayt Publ., 2018, 208 p. (In Russian).
 19. Arakin V.D. (ed.). *Prakticheskiy kurs angliyskogo yazyka. 5 kurs* [Practical Course of the English Language. 5 Course]. Moscow, Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2003, 232 p. (In Russian).

Информация об авторе

Мамлеева Альфия Фяридовна, старший преподаватель. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: mamleevaal@gmail.com

Вклад в статью: идея, поиск и анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2097-9933>

Поступила в редакцию 06.11.2018 г.

Поступила после рецензирования 30.11.2018 г.

Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the author

Alfiya F. Mamleeva, Senior Lecturer. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: mamleevaal@gmail.com

Contribution: idea, literature search and analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2097-9933>

Received 6 November 2018

Reviewed 30 November 2018

Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-51-57
УДК 378.147

Принципы контроля и оценивания иноязычной коммуникативной компетенции

Алина Олеговна АНДРУХ^{1,2}

¹ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4, корп. 1

²ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет»
107023, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Семеновская, 38
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8766-3223>, e-mail: alinaandrux@mail.ru

Principles of foreign language communicative competence control and assessment

Alina O. ANDRUKH^{1,2}

¹Moscow City University
4-1 2-y Selskokhozyaystvennyy Dr., Moscow 129226, Russian Federation

²Moscow Polytechnic University
38 Semenovskaya St., Moscow 107023, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8766-3223>, e-mail: alinaandrux@mail.ru

Аннотация. Выявлены и охарактеризованы принципы оценивания иноязычной коммуникативной компетенции на примере студентов неязыкового вуза экономических направлений подготовки. Рассмотрены традиционные определения контроля и оценки учебных результатов. Проанализированы функции контроля, выявлена роль процедуры оценивания и контроля в методике обучения иностранным языкам в рамках новой педагогической парадигмы – компетентностного подхода. Предложены положения, уточняющие определение контроля учебных результатов при внедрении компетентностного подхода. Проанализирован взгляд отечественных методистов на систему принципов обучения, отмечена открытость и постоянное переосмысление данной системы отечественными учеными. Обоснована роль принципов контроля в рамках процедуры оценивания. Обоснована необходимость совместного применения принципов обучения и контроля при проведении контрольно-оценочной деятельности. Представлена современная классификация и иерархия принципов обучения, обоснованы три уровня принципов контроля и оценивания иноязычной коммуникативной компетенции: общедидактические, общеметодические и частнометодические (специальные) принципы. Предложен к использованию и обоснован общедидактический принцип воспроизводимости оценивания, а также предлагаются к использованию такие общеметодические принципы оценивания иноязычной коммуникативной компетенции, как критериальность и вариативность.

Ключевые слова: принципы обучения; принципы контроля и оценивания; контроль; оценивание; иерархичность принципов; иноязычная коммуникативная компетенция

Для цитирования: Андрух А. О. Принципы контроля и оценивания иноязычной коммуникативной компетенции // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 51-57. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-51-57

Abstract. We reveal and characterize the foreign language communicative competence assessment principles on the example of students of non-linguistic university of economic programs. We consider the traditional definitions educational results of monitoring and assessment. The functions of control are analyzed, the role of the assessment procedure and control in the methodology of teaching foreign languages in the framework of a new pedagogical paradigm-competence approach are revealed. The provisions clarifying the definition of control of educational results in the competency-based approach are offered. We analyze Russian scientists' views on the principles of

learning, the observe openness and constant reinvention of the system of the principles by Russian scientists. The role of the control principles in the assessment procedure is substantiated. The necessity for the combined application of the teaching principles and control during the assessment activities is justified. The modern classification and hierarchy of learning principles are presented, three levels of principles of control and evaluation of foreign language communicative competence are substantiated: general-didactic, general-methodological and special principles. The general-didactic principle of reproducibility of assessment is offered for teaching activity, and also such general-methodological principles of foreign language communicative competence assessment as criterion and variability are offered for implementation.

Keywords: teaching principles; control and assessment principles; control; assessment; principles hierarchy; foreign language communicative competence

For citation: Andrukh A.O. Printsipy kontrolya i otsenivaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii [Principles of foreign language communicative competence control and assessment]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 51-57. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-51-57 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Реформа системы образования или внедрение в практику новой педагогической парадигмы закономерно вызывает глубокие изменения в целях и содержании образовательных программ, методах обучения и воспитания, в подходах к контролю образовательных достижений и системе оценивания результатов обучения и воспитания. Современное общество характеризуется тем, что обеспечение конкурентоспособности экономических хозяйствующих субъектов и социальных институтов осуществляется на основе повышения качества процесса и результата их деятельности. Это в полной мере относится и к такой важнейшей сфере, как образование. В настоящее время повышение качества образовательной деятельности основывается на внедрении компетентного подхода, характеризующегося результативно-целевой направленностью¹. В нашем исследовании под компетенцией будем понимать интегральную характеристику квалификации личности (обучающегося, работника), отражающую способность решать задачи профессиональной деятельности на основе приобретенных знаний, умений, навыков, личностных характеристик и практического опыта.

Контроль и оценка образовательных результатов является важной и неотъемлемой частью образовательного процесса. Ранее внедряемые в образовательную практику гуманистический, личностно-ориентированный, деятельностный, коммуникативный подходы

¹ Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М.: Совет Европы, 2001. 256 с.

слабо влияли на эволюцию системы контроля и оценивания результатов обучения [1]. С внедрением компетентного подхода ситуация кардинально изменилась.

Рассмотрим традиционные определения контроля и оценки учебных результатов. В соответствии с широко цитируемым определением Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина под контролем (от фр. *contrôle* – проверка, наблюдение) понимают: 1) часть урока, во время которой преподаватель оценивает, как ученик или группа учеников усваивает содержание предмета во всех или отдельных его аспектах; 2) процесс определения уровня знаний, навыков, умений обучаемого в результате выполнения им устных и письменных заданий и формулирование на этой основе оценки за пройденный раздел программы, курса [2, с. 112]. Учитывая синонимичность терминов контроль и проверка, Б.М. Бим-Бад вместо термина «контроль» использует термин «проверка и оценка», отмечая, что проверка и оценка знаний, умений и навыков учащихся – это процесс выявления и сравнения результатов учебной деятельности с требованиями, задаваемыми учебными программами [3, с. 219].

Отметим несколько неоднозначных моментов в вышеприведенных определениях. Первое. Термин «оценка» трактуется и как процесс определения свойств объекта, и как результат образовательной деятельности. Для исключения многозначности вместо термина «оценка как процесс» в дальнейшем будем использовать термин «оценивание».

Второе. В приведенных определениях не представлены такие объекты контроля и оце-

нивания, как личностные результаты, практический опыт, субкомпетенции (составляющие компетенции) и собственно компетенции обучающихся. Эти объекты необходимо учитывать при контроле и оценивании, и это задача нетривиальная, поскольку компетенции характеризуются следующими аспектами, усложняющими процедуру оценивания:

- неоднородностью структуры компетенции (включает знания, умения, навыки, практический опыт, составляющие компетенции);
- междисциплинарностью;
- метрولوجической неоднородностью критериев оценивания (наличие количественных и качественных критериев);
- неоднозначностью выделения составляющих в формируемой компетенции.

Кроме того, компетентностный подход трудоемок и энергозатратен, что требует разработки инновационных методических положений, позволяющих в условиях ограниченных временных ресурсов обеспечить и формирование иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК), и решить задачи по контролю и оцениванию учебных достижений. Данный аспект многократно усиливается в неязыковых вузах, в том числе при обучении студентов – бакалавров экономических направлений подготовки, когда профессиональный аспект ИКК формируется только ресурсами таких дисциплин, как «Деловой иностранный» или «Иностранный язык для экономистов».

Третье. В традиционных определениях не отражается возможность использования результатов контроля и оценивания для формирования вывода о качестве образовательной деятельности.

В методике обучения иностранным языкам проблема объективного определения уровня освоения изучаемого языка, уровня сформированности ИКК, качества обучения и качества образовательной деятельности является одной из центральных, в связи с чем актуальной является задача переосмысления и развития основы организации системы контроля и оценивания образовательных результатов, в качестве которой рассматривается система соответствующих принципов. Б.М. Бим-Бад полагает, что «совершенствование оценочного компонента контроля –

одна из наиболее актуальных проблем современного образования» [3].

Контроль и оценивание проводятся не просто для фиксации достигнутых образовательных результатов, но для формирования системы, позволяющей рационально организовывать взаимодействие преподавателей и обучающихся для выполнения поставленных целей и задач. Правильно организованный контроль и оценивание обеспечивает реализацию совокупности педагогических функций, к которым, по мнению отечественных и иностранных ученых, относятся: обучающая, контролирующая, оценочная, управленческая, диагностирующая, предупредительная, мотивирующая, обобщающая, развивающая, воспитывающая и дисциплинирующая функции [4, с. 343].

Поскольку при контроле и оценивании важнейшая роль отводится обучающей функции, данные процедуры как части образовательного процесса должны быть организованы и реализованы с учетом и общих принципов обучения, и принципов, отражающих только специфику контроля [5]. Под принципом будем понимать основополагающее требование к организации и осуществлению деятельности.

При обучении иностранному языку используется следующая совокупность принципов обучения:

- дидактические принципы (научности, воспитывающего обучения, сознательности, активности, наглядности, систематичности и последовательности, прочности усвоения, доступности, индивидуализации обучения);
- методические принципы (коммуникативности, функциональности, синтаксической основы обучения, ситуативно-тематической представленности учебного материала, комплексности и дифференцированности, концентризма, учета родного языка, устного опережения, учета специальности);
- лингвистические принципы (системности, разграничения явлений на уровне языка и речи, минимизации);
- психологические принципы (мотивации, поэтапности в формировании речевых навыков, учета индивидуально-психологических особенностей обучающихся, учета адаптационных процессов) [2, с. 220; 5, с. 150; 6, с. 991].

Представленная система принципов обучения является открытой, постоянно переосмысливаемой и развивающейся. Так, например, Э.Г. Азимов относит принцип концентрации к методическим принципам, а А.Н. Щукин – к лингвистическим.

Е.И. Пассов отмечает иерархичность принципов обучения иностранному языку и выделяет:

- принципы первого ранга (общедидактические), которые лежат в основе обучения любому предмету;
- принципы второго ранга (общеметодические), которые лежат в основе обучения иностранному языку;
- принципы третьего ранга (частнометодические), которые лежат в основе обучения определенному виду речевой деятельности;
- принципы четвертого ранга, применимые для более узкой сферы обучения [7].

К основным общедидактическим принципам контроля и оценивания относят объективность, систематичность [2, с. 112], прозрачность [8, с. 51], экономичность [9, с. 150], воспроизводимость.

Объективность оценивания характеризуется отсутствием отклонений значения выставленной отметки (оценки) от реального уровня подготовленности обучающегося (его знаний, умений, навыков, компетенций). Объективность оценивания исключает (минимизирует) субъективизм оценивающих, направлен на обеспечение их беспристрастности.

Принцип систематичности представлен и как дидактический принцип обучения, и как принцип контроля. Как принцип контроля он заключается в установлении рациональной периодичности текущего контроля, обеспечивающего полноту информации о ходе изучения иностранного языка, а также в определении основных реперных точек оценивания: предварительного, промежуточного, итогового контроля [10].

Прозрачность (открытость) заключается в предоставлении информации заинтересованным сторонам (преподавателям, обучающимся) о целях, критериях, дескрипторах, порядке и правилах проведения процедуры оценивания, примерах контрольных заданий.

Экономичность заключается в минимизации временных ресурсов на проведение

контроля и оценивание учебных результатов обучающихся. Вместе с тем принцип не исключает трудоемкого подготовительного этапа для проведения контроля и оценивания.

Мы предлагаем к использованию общедидактический принцип воспроизводимости оценивания, который характеризуется возможностью получения близких значений отметок и оценочных суждений об уровне подготовленности обучающегося при его оценивании разными субъектами (разными преподавателями, самим обучающимся). Воспроизводимость обеспечивает высокую согласованность оценок преподавателей, минимизирует широкий разброс их значений для разных оценивающих. Учитывая междисциплинарный характер ИКК и высокую вероятность ее оценивания на промежуточном и итоговом контроле комиссией в составе нескольких преподавателей, реализация принципа воспроизводимости обеспечит бесконфликтность при принятии решения об отметке (оценке) обучающегося.

К основным общеметодическим принципам контроля и оценивания также относят целенаправленность [2, с. 112], критериальность, вариативность.

Целенаправленность заключается в определении конкретной цели, установлении объекта контроля и оценивания, в качестве которых могут выступать: уровень освоения иностранного языка, сформированность иноязычной коммуникативной компетенции, способность к осуществлению рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности, степень выполнения (усвоения) знаний, умений, навыков по изучаемой теме и т. д.

Можно использовать такие общеметодические принципы оценивания ИКК, как критериальность и вариативность. Критериальность характеризуется множественностью способов представления внутренней структуры иноязычной коммуникативной компетенции, необходимостью описания критериев и дескрипторов оценивания составляющих ИКК [11, с. 222]. Так, в материалах Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка»² представлены такие кри-

² Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М.: Совет Европы, 2001. 256 с.

терии оценивания ИКК, как диапазон, точность, беглость, взаимодействие, связность.

Принцип вариативности характеризуется разноплановостью в следующих аспектах: необходимостью формирования контрольно-измерительных материалов (КИМ) по оцениванию конкретного вида речевой деятельности для обучающихся с разным уровнем подготовки; необходимостью формирования КИМ для разных видов речевой деятельности; формирования КИМ на основе разных подходов – тестов, ролевых игр, проектной деятельности и т. д. Принцип вариативности позволяет преподавателю учитывать индивидуальные и групповые особенности обучающихся, поддерживать высокий интерес студентов к изучению иностранного языка.

Принципы третьего ранга, частнометодические, определяются особенностями конкретной дисциплины и применяемыми способами оценивания. Практика преподавания в неязыковом вузе дисциплин «Деловой иностранный», «Иностранный язык для экономистов» показывает, что сложной задачей является разработка профессионально ориентированных КИМ, учитывающих специфику национальных или региональных экономик для оценивания ИКК студентов экономического профиля в целом или ее составляющих. Тематика КИМ должна быть ориентирована на виды профессиональной экономической деятельности, представленные в образовательном стандарте по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика»³, к которым относятся следующие виды деятельности: расчетно-экономическая, аналитическая, научно-исследовательская, организационно-управленческая, педагогическая, учетная, расчетно-финансовая, банковская, страховая. Таким образом, с одной стороны, содержание учебных материалов по иностранному языку и соответствующие КИМ должны отражать профессиональный аспект, быть ориентированы на лексику и фразеологию, посвященную типовой финансово-отчетной информации предприятия, позволяющую активно использовать такие категории, как баланс, актив, пассив, вертикальный анализ,

горизонтальный анализ, прибыль и т. д., с другой стороны, учитывать межкультурный аспект, отражать специфику экономики изучаемого региона (экономика США, Японии, Израиля, исламского мира и т. д.).

Широкими возможностями для моделирования ситуаций, в которых проявляются те или иные компетенции, являются ролевые (деловые) игры. Ролевая игра является наиболее объективным средством контроля неподготовленной речи для оценивания личных и общественных коммуникаций, а деловая игра – подходящим средством оценивания неподготовленной речи для оценки профессиональных коммуникаций экзаменуемых, что предполагает использование ее как средства контроля на завершающем этапе обучения. Ролевая игра, содержание которой зависит от уровня обученности студентов и этапа обучения, может применяться для всех видов оценивания – текущего, рубежного, итогового на всех этапах обучения.

Тем не менее, для реализации ролевых (деловых) игр может отсутствовать требуемый резерв времени. В этом случае широкое применение для контроля и оценивания ИКК нашли тесты.

Примерами частнометодических принципов контроля и оценивания являются аутентичность материалов [9, с. 180], имитационное моделирование [12, с. 86] для ролевых (деловых) игр; надежность и валидность для применения тестов [13, с. 58].

Аутентичность материалов характеризуется подлинностью, естественностью текстов КИМ, ориентированных на профессиональную лексику и фразеологизмы иностранного языка и практику ведения экономики в изучаемой стране (регионе). Аутентичность материалов исключает синтаксическую интерференцию, при которой высказывание строится по логике родного языка.

Принцип имитационного моделирования характеризуется отражением ситуаций профессионального поведения экономистов, привлечения обучающимся знаний, умений и навыков для решения профессиональных экономических задач на иностранном языке.

Принцип надежности обеспечивает низкую погрешность оценок при тестировании, которая проявляется в том, что испытуемые демонстрируют одни и те же показатели для

³ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.01 Экономика (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 12 ноября 2015 г. № 1327.

тех же обучающихся при повторном тестировании.

Валидность характеризуется обоснованностью и пригодностью теста для целей оценивания.

Таким образом, современные принципы контроля и оценивания учебных результатов определяют требования ко всем компонентам контрольно-оценочной деятельности – целям, задачам, выбору форм и методов кон-

троля и самоконтроля, формированию КИМ, стимулированию обучающихся, планированию и анализу достигнутых результатов. При проведении контроля и оценивания уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся обеспечение педагогических функций и объективность результатов оценивания достигаются при системном и совместном применении принципов обучения и контроля (оценивания).

Список литературы

1. Сысов П.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Современные подходы к контролю иноязычных умений» // Иностранные языки в школе. 2006. № 2. С. 100-102.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во «ИКАР», 2009. 448 с.
3. Педагогический энциклопедический словарь / под ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая Российская энциклопедия, 2009. 528 с.
4. Колесникова И.Л., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. М.: Дрофа, 2008. 431 с.
5. Щукин А.Н. Теория обучения иностранным языкам (лингводидактические основы). М.: ИКАР, 2018. 336 с.
6. Шакирова А.А. Принципы обучения иностранному языку // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 988-994.
7. Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. М.: Просвещение, 1988. 223 с.
8. Прилипко Е.В. Оценивание при компетентностном подходе к обучению иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2014. № 5. С. 47-53.
9. Иванченко А.И. Практическая методика обучения иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2016. 256 с.
10. Поляков О.Г. Принципы профильно-ориентированного обучения английскому языку и факторы, способствующие их реализации // Вестник высшей школы. 2004. № 3. С. 23-26.
11. Сороковых Г.В., Чадунели М.К., Андрух А.О. Формирование и оценка уровня сформированности речевой компетенции на примере говорения // Современное непрерывное образование и инновационное развитие: сб. тр. участников: Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Царькова, И.А. Бугакова. Серпухов: МОУ «ИИФ», 2016. С. 220-223.
12. Барышникова О.В. Методика контроля и оценки качества подготовки по иностранному языку в техническом вузе (английский язык): дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 252 с.
13. Звонников В.И., Чельщикова М.Б. Современные средства оценивания результатов обучения. М.: Академия, 2007. 224 с.

References

1. Sysoyev P.V. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Sovremennye podkhody k kontrolyu inoyazychnykh umeniy» [All-Russian scientific and practical conference “Modern approaches to the control of foreign language skills”]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 2006, no. 2, pp. 100-102. (In Russian).
2. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Noviy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. Moscow, «IKAR» Publ., 2009, 448 p. (In Russian).
3. Bim-Bad B.M. (ed.). *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Pedagogical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2009, 528 p. (In Russian).
4. Kolesnikova I.L., Dolgina O.A. *Anglo-russkiy terminologicheskiy spravochnik po metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [English-Russian Terminological Reference Book on the Foreign Languages Teaching Methodology]. Moscow, Drofa Publ., 2008, 431 p. (In Russian).
5. Shchukin A.N. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam (lingvodidakticheskie osnovy)* [Theory of Foreign Language Teaching (Linguistic and Didactic Bases)]. Moscow, IKAR Publ., 2018, 336 p. (In Russian).

6. Shakirova A.A. Printsipy obucheniya inostrannomu yazyku [Principles of foreign language teaching]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 1-1, pp. 988-994. (In Russian).
7. Passov E.I. *Urok inostrannogo yazyka v sredney shkole* [Foreign Language Lesson in Secondary School]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988, 223 p. (In Russian).
8. Prilipko E.V. Otsenivanie pri kompetentnostnom podkhode k obucheniyu inostrannomu yazyku [Assessment in the competence approach to foreign language teaching]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 2014, no. 5, pp. 47-53. (In Russian).
9. Ivanchenko A.I. *Prakticheskaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Practical Methods of Foreign Languages Teaching]. St. Petersburg, KARO Publ., 2016, 256 p. (In Russian).
10. Polyakov O.G. Printsipy profil'no-orientirovannogo obucheniya angliyskomu yazyku i faktory, sposobstvuyushchie ikh realizatsii [Principles of profile-oriented English language teaching and factors contributing to their implementation]. *Vestnik vysshey shkoly – Higher School Herald*, 2004, no. 3, pp. 23-26. (In Russian).
11. Sorokovykh G.V., Chaduneli M.K., Andruk A.O. Formirovanie i otsenka urovnya sformirovannosti rechevoy kompetentsii na primere govoreniya [Formation and assessment of the level of speech formation competence on the example of speaking]. In: Tsarkova A.N., Bugakova I.A. (eds.). *Sbornik trudov uchastnikov: Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Sovremennoe nepreryvnoe obrazovanie i innovatsionnoe razvitiye»* [Proceedings of Participants of 6th All-Russian Scientific and Practical Conference “Modern Continuing Education and Innovative Development”]. Serpukhov, Municipal Educational Institution “IIF” Publ., 2016, pp. 220-223. (In Russian).
12. Baryshnikova O.V. *Metodika kontrolya i otsenki kachestva podgotovki po inostrannomu yazyku v tekhnicheskoy vuzе (angliyskiy yazyk): dis. ... kand. ped. nauk* [A Methodology of Monitoring and Assessing the Quality of Training in Foreign Language in Technical Universities (English Language). Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2015, 252 p. (In Russian).
13. Zvonnikov V.I., Chelyshkova M.B. *Sovremennyye sredstva otsenivaniya rezul'tatov obucheniya* [Modern Means of Learning Outcomes Evaluation]. Moscow, Akademiya Publ., 2007, 224 p. (In Russian).

Информация об авторе

Андрух Алина Олеговна, аспирант, кафедра французского языка и лингводидактики. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация; преподаватель кафедры «Иностранные языки». Московский политехнический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: alinaandruk@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8766-3223>

Поступила в редакцию 14.01.2019 г.
Отрецензирована 28.01.2019 г.
Принята в печать 15.02.2019 г.

Information about the author

Alina O. Andruk, Post-Graduate Student, French Language and Linguodidactics Department. Moscow City University, Moscow, Russian Federation; Lecturer of “Foreign Languages” Department. Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation. E-mail: alinaandruk@mail.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8766-3223>

Received 14 January 2019
Reviewed 28 January 2019
Accepted for press 15 February 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-58-68
УДК 378

Проектирование предметного содержания учебных программ по иностранному языку для студентов вузов музыкального профиля

Артур Анатольевич МАКСАЕВ

ГБОУ ВО г. Москвы «Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке»
123060, Российская Федерация, г. Москва, ул. Маршала Соколова, 10
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4396-2918>, e-mail: arthurmaxaev@mail.ru

Аннотация. Обучение иностранному языку студентов нелингвистических направлений подготовки, включая вузы музыкального профиля, направлено на формирование иноязычной коммуникативной компетенции в социально-бытовой и социокультурной сферах общения, а также на внутривузную специализацию. Предметное содержание дисциплины «Иностранный язык для профессионального общения» должно отражать специфику будущей профессиональной деятельности выпускников конкретного направления подготовки и конкретного профиля обучения и, как результат, направлено на формирование ряда общекультурных профессиональных и профессиональных компетенций. Анализ учебных программ по иностранному языку вузов музыкального профиля свидетельствует о том, что на практике используется одна единая программа по иностранному языку для студентов независимо от направления подготовки. Этим на практике игнорируется внутривузная специализация дисциплины «Иностранный язык для профессионального общения». Проведены и разработаны: а) анализ методических подходов к обучению иностранному языку для профессионального общения в вузе («Иностранный язык для специальных целей», «Предметно-языковое интегрированное обучение» и «Преподавание профильных дисциплин на иностранном языке»); б) анализ исследований, посвященных отбору предметного содержания учебных программ по иностранному языку для профессионального общения; в) авторское предметное содержание дисциплины «Иностранный язык для профессионального общения» для студентов трех направлений подготовки музыкального вуза: 53.03.02 – «Музыкально-инструментальное искусство», 53.03.03 – «Вокальное искусство» и 53.03.04 – «Искусство народного пения».

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение; вузы музыкального профиля; содержание обучения; иностранный язык

Для цитирования: *Максаев А.А.* Проектирование предметного содержания учебных программ по иностранному языку для студентов вузов музыкального профиля // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 58-68. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-58-68

Content design of foreign language academic programmes for students at the musical universities

Artur A. MAKSAEV

Moscow A. Schnittke State Music Institute
10 Marshal Sokolov St., Moscow 123060, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4396-2918>, e-mail: arthurmaxaev@mail.ru

Abstract. Foreign language teaching to students of non-linguistic programmes, including musical institutions of higher education, is aimed at the development of foreign language communicative competence in the social, social and cultural communication spheres, as well as internal specialization. The content of the discipline “Foreign Language for Professional Communication” should reflect the specifics of the future professional activity of graduates of a particular programs and a specialty, and, thus, is aimed at forming a number of general cultural professional and professional competencies. The curricula analysis of a foreign language in musical universities indicates that in

practice there is one single academic program in a foreign language for students, regardless of the programme. In practice, this ignores the internal specialization of the discipline “Foreign Language for Professional Communication”. We examine and develop: a) the main approaches to learning a foreign language for professional communication at the university (“Foreign Language for Special Purposes”, “Content and language integrated learning” and “Teaching specialized disciplines in a foreign language”); b) analysis of studies on the selection of the subject content of curricula in a foreign language for professional communication; c) the author’s content of the discipline “Foreign Language for Professional Communication” for students of the three programmes of a musical university: 53.03.02 – “Musical and instrumental art”, 53.03.03 – “Vocal art” and 53.03.04 – “The art of folk singing”.

Keywords: content and language integrated learning; musical universities; content of education; foreign language

For citation: Maksayev A.A. Proyektirovaniye predmetnogo sodержaniya uchebnykh programm po inostrannomu yazyku dlya studentov vuzov muzykal’nogo profilya [Content design of foreign language academic programmes for students at the musical universities]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 58-68. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-58-68 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Основной целью обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза является формирование иноязычной коммуникативной компетенции в социально-бытовой, социально-культурной и профессиональной сферах общения. Как известно, иноязычная коммуникативная компетенция является уровневой категорией. Именно поэтому в методике выделяются уровни владения иностранным языком. Выделяется шесть основных уровней, каждому из которых соответствуют определенные требования: А1, А2, В1, В2, С1 и С2. Согласно ФГОС ООО¹, к моменту выпуска из средней общеобразовательной школы учащиеся должны достичь уровня В1 (порогового уровня) владения языком. В неязыковом вузе за два года обучения в теории студенты должны перейти с уровня В1 на уровень В2. В реальности же данный переход не всегда возможен, учитывая исходное слабое владение иностранным языком. Кроме того, в соответствии с ФГОС ВО по неязыковым направлениям подготовки, дисциплина учебного плана «Иностранный язык в сфере профессионального общения» ориентирована на внутривузовскую специализацию. Помимо традиционной общекультурной компетенции, в которой эксплицитно говорится об овладении студентами иностранным языком, посредством дисциплин «Иностранный язык в сфере профес-

сиональной деятельности» студенты должны формировать ряд профессиональных компетенций. Анализ же современных ОПОП по многим неязыковым направлениям подготовки, включая и направления подготовки вузов музыкального профиля, свидетельствует о том, что предметное содержание учебных программ по данным дисциплинам является инвариантным для студентов разных «родственных» направлений подготовки, и не отражает в полной мере специфики будущей профессиональной деятельности выпускников, что противоречит цели обучения иностранному языку. Следует заметить, что за последние годы появился ряд методических работ, в которых учеными рассматривался вопрос отбора предметного содержания обучения иностранному языку в сфере профессиональной деятельности в соответствии с направлением подготовки и конкретным профилем обучения с тем, чтобы его содержание отражало специфику будущей профессиональной деятельности выпускников ОПОП. В частности, предметом исследования ученых выступала специфика отбора предметного содержания обучения иностранному языку студентов направления подготовки «Юриспруденция» [1–3], «Экономика» [4], направлений подготовки аграрного вуза [5; 6]. Особенности отбора предметного содержания обучения иностранному языку студентов разных направлений подготовки вузов музыкального профиля не выступали предметом отдельного исследования, что и определило актуальность данной работы.

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. М., 2010.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В методике обучения иностранному языку учеными выделяются три основных подхода к обучению иностранному языку студентов неязыковых направлений подготовки: «Иностранный язык для специальных целей», «Предметно-языковое интегрированное обучение» и «Преподавание профильных дисциплин на иностранном языке». В своем исследовании В.В. Завьялов [7] обобщил эти подходы, показав исторические причины их возникновения и сферы взаимовлияния. Рассмотрим кратко положения этих подходов и определим, реализация какого из них в наибольшей степени способствует подготовке студентов вузов музыкального профиля общению на иностранном языке в сфере профессионального общения.

Первым подходом к обучению иностранному языку для профессиональной сферы общения выступает «Иностранный язык для специальных целей» (Language for Specific Purposes). Авторами подхода считаются английские ученые Т. Хатчинсон и А. Уотерз [8]. В середине 1900-х гг. после окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки стали позиционировать себя в качестве мировой державы и центром научной мысли, торговли и бизнеса. В это же время английский язык постепенно становится одним из основных языков международного общения. Динамичное развитие производства и международной торговли способствовало появлению новых потребностей у пользователей английским языком во владении им для общения не только в социально-бытовой и социально-культурной сферах общения, но и в сфере профессиональной коммуникации. Все это послужило началом зарождения нового подхода к обучению английскому языку для профессионального общения, который получил название «Английский язык для специальных целей». Основными положениями этого подхода выступают следующие. Во-первых, центральным элементом обучения выступает формирование лексической компетенции и дискурсивных конструкций. Студенты изучают профессиональную лексику и устойчивые выражения использова-

ния этой лексики. Во-вторых, отбор предметного содержания обучения обуславливается сферой применения иностранного языка. В рамках подхода “English for Specific Purposes” выделяются отдельно “Business English”, “English for Trade”, “Law English” и т. д. В-третьих, предметное содержание курсов по иностранному языку для специальных целей обуславливается профессиональными потребностями слушателей образовательной программы и их уровнем владения иностранным языком. Многие авторы отмечают, что доминирующим методом обучения в рамках данного подхода выступал грамматико-переводной метод. В условиях относительно незначительной по сравнению с современным состоянием мобильности населения грамматико-переводной метод вполне удовлетворял потребности слушателей. Знаний лексических единиц сферы профессиональной деятельности было достаточно для решения обучающимися коммуникативных задач в профессиональной сфере.

В 1980-е гг. параллельно с развитием коммуникативного метода обучения иностранным языкам [9–11] владение профессиональной лексикой было уже недостаточным для удовлетворения потребностей специалистов в различных сферах для общения на профессиональные темы на иностранном языке. В этой связи в методике обучения иностранным языкам одновременно происходило два процесса. С одной стороны, ученые, работающие в рамках «Английского языка для специальных целей», расширяли лингводидактическое содержание этого подхода, дополняя его коммуникативной составляющей (см., например, работы О.Г. Полякова [12]). С другой стороны, многим ученым стало ясно, что обучение профессиональной лексике без опоры на предметное содержание не в состоянии подготовить студентов к полноценному общению на иностранном языке на профессиональные темы. Способность студентов общаться на иностранном языке на профессиональные темы зависит от того, в какой мере обучение данному общению происходит на занятиях по иностранному языку. Все это обусловило появление нового подхода к обучению иностранному языку в сфере профессионального общения – «Предметно-языковое интегрированное обучение».

Основной виток развития подхода «Предметно-языковое интегрированное обучение» приходится на 1980-е гг., когда подход «Иностранный язык для специальных целей» уже не мог в полной мере удовлетворить потребности специалистов из различных сфер деятельности участвовать в полноценном профессиональном общении. Разработчиками данного подхода принято считать британского ученого Д. Марша [13]. В своих работах исследователь утверждал, что владение профессиональной лексикой и дискурсивными конструкциями не позволяет обучающимся полноценно общаться на иностранном языке в сфере профессиональной деятельности. Взамен ученый предложил новый подход интегрированного обучения и иностранному языку, и предметной области. Основными положениями подхода «Предметно-языковое интегрированное обучение» являются следующие: а) изучаемый язык выступает одновременно и целью обучения, и средством овладения предметным содержанием; б) овладение обучающимися видами речевой деятельности (говорением, аудированием, чтением и письмом) превалирует над овладением аспектами иностранного языка (грамматикой), однако, при этом не отрицает их важного значения при коммуникации; в) обучение предметной области студентов происходит на иностранном языке; г) реальные результаты обучения достигаются через 5 лет. Изучение этих положений позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, по сравнению с «Иностранным языком для специальных целей» налицо переход в методологии обучения иностранным языкам от некой имитации обучения профессиональному общению до создания реальных условий для овладения иностранным языком как средством профессионального общения через иноязычное общение на профессиональные темы. Во-вторых, развитие предметно-языкового интегрированного обучения происходило параллельно с развитием и внедрением коммуникативного метода обучения иностранному языку. Согласно коммуникативной методике, большее внимание должно отводиться общению на иностранном языке. При этом авторы коммуникативного метода не умаляют значения и аспектов языка (грамматики, фонетики и лексики) при подготовке к иноязычному общению, особенно

на профессиональные темы. В-третьих, полностью соглашаемся с мнением В.В. Завьялова [7] о том, что в данный подход уже с 1990-х гг. нашел свое воплощение в российских учебно-методических комплексах по иностранным языкам для средней общеобразовательной школы. Учащиеся одновременно изучали и иностранный язык (как цель обучения), и предметное содержание – социокультурный компонент содержания обучения о странах родного и изучаемых языков на изучаемом языке. К сожалению, пока еще данный подход не нашел системного воплощения в программах и учебных пособиях по обучению иностранному языку для профессионального общения в неязыковом вузе. Тем не менее, за последние годы в научной литературе появились работы, в которых ученые рассматривают вопросы реализации данного подхода в неязыковых вузах, и одним из ключевых моментов выступают особенности отбора предметного содержания обучения иностранному языку для профессионального общения.

Третьим подходом к обучению иностранному языку для профессионального общения выступает подход «Преподавание профильных дисциплин на иностранном языке». Суть подхода заключается в том, что иностранный язык выступает не целью обучения, а средством формирования профессиональных компетенций. Овладение студентами предметным содержанием обучения осуществляется исключительно на иностранном языке. Данный подход реализуется, когда российские студенты по многочисленным программам академической мобильности проходят учебные стажировки в вузах Европы и США и изучают ряд профессиональных дисциплин исключительно на иностранном языке. В целом для российской методике обучения иностранным языкам этот подход также не является новым, а уже доказал свою эффективность. В советское время в школах с углубленным изучением иностранного языка, а далее в профильных лицеях и гимназиях ряд дисциплин читался и читается на иностранном языке. Кроме того, концепция профильного обучения в средней школе предполагает на старшей ступени основного общего образования (10–11 классы) языковые элективные курсы, направленные на профильную специализацию [14]. В гумани-

тарно-филологическом профиле такими курсами могут быть «Английская/Американская литература», «Страноведение/Культуроведение стран изучаемого языка», «Коммуникативная грамматика» и т. п. В физико-математическом и физико-химическом профилях могут преподаваться языковые элективные курсы «Физика на английском», «Химия на английском» и т. п. В социально-гуманитарном и социально-экономическом профилях – «Введение в юриспруденцию». Как показывают П.В. Сысоев и В.В. Завьялов [15], многие языковые элективные курсы, направленные на профильную специализацию, одновременно выполняют и профориентационную функцию, позволяющую учащимся старших классов лучше узнать сферу профессионального общения и определиться с выбором направления подготовки и соответствующего профиля обучения при поступлении в вуз.

В работах Л.П. Халяпиной [16] и Э.Г. Крылова [17] описывается вузовский опыт реализации модели обучения профильным дисциплинам на иностранном языке.

Изучение трех подходов к обучению иностранному языку для профессиональной сферы говорит о том, что каждый из них был разработан в определенный период развития методики обучения иностранным языкам для решения конкретных учебных задач. В этой связи было бы несправедливо однозначно утверждать, какой из подходов является лучшим. В современных условиях развития России, а также учитывая потребности во владении иностранным языком для профессиональной сферы, предметно-языковое интегрированное обучение в более полной мере ориентировано на удовлетворение интересов и потребностей студентов. Вместе с тем преподавание ряда профильных дисциплин на иностранном языке также играет немаловажную роль в формировании иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции. Основным препятствием к реализации данного подхода на практике будет низкий уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентов, а также отсутствие компетентных преподавателей профильных дисциплин, владеющих иностранным языком на должном уровне (от C1 по общеевропейской школе) для преподавания дисциплин на иностранном языке. Тем

не менее, в ряде вузов страны ведется работа по реализации подходов по предметно-языковому интегрированному обучению иностранному языку и преподаванию профильных дисциплин на иностранном языке [18; 19].

В любом случае, учитывая тот факт, что иностранный язык как дисциплина направлен на внутрипрофильную специализацию, следует отдельно рассмотреть вопрос отбора предметного содержания обучения иностранному языку для профессионального общения.

ПРЕДМЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

За последние годы в методической литературе появилось несколько работ, в которых рассматривалась проблема отбора предметного содержания обучения иностранному языку студентов конкретного направления подготовки, или, учитывая внутрипрофильную направленность дисциплины «Иностранный язык для профессиональной сферы», конкретных профилей обучения в рамках одного направления подготовки. Проведем анализ некоторых исследований. В ряде своих работ П.В. Сысоев и В.В. Завьялов [2; 20] утверждают о необходимости учета специфики конкретного профиля обучения в рамках одного направления подготовки при отборе предметного содержания обучения иностранному языку. Их исследование проведено на материале направления подготовки «Юриспруденция», в рамках которого в большинстве вузов страны выделяются несколько профилей обучения, регламентирующих будущую профессиональную деятельность выпускников. Наиболее распространенными профилями обучения выступают: государственно-правовой, гражданско-правовой и уголовно-правовой профили. Учитывая, что иностранный язык направлен на внутрипрофильную специализацию, В.В. Завьялов [1] предлагает вариативное предметное содержание обучения иностранному языку для профессионального общения студентов данных трех профилей обучения. Причем такая вариативность присуща не только тематической стороне содержания обучения, но и речевой деятельности, вклю-

чая профессиональный письменный дискурс [2; 20].

Похожие исследования по определению предметного содержания обучения иностранному языку для профессионального общения студентов разных направлений подготовки и профилей обучения проводились и другими учеными. В своих работах А.Г. Соломатина [5] и К.В. Капраничкова [6] рассматривали предметную сторону содержания обучения иностранному языку студентов аграрного вуза. В центре внимания исследования А.Г. Соломатиной [5] выступало направление подготовки «Садоводство», в рамках которого выделяются два профиля – «Декоративное садоводство и ландшафтный дизайн» и «Плодоовощеводство и виноградарство». Отталкиваясь от учебных планов по данным ОПОП, а также от формируемых профессиональных компетенций, представленных во ФГОС ВО по направлению подготовки 35.03.05 – «Садоводство», А.Г. Соломатина предложила вариативное предметное содержание обучения иностранному языку для профессионального общения студентов этих двух профилей. Анализ работы показывает, что предложенная предметная сторона содержания обучения отражает специфику будущей профессиональной деятельности выпускников ОПОП по каждому из профилей обучения.

Предметом исследования К.В. Капраничковой [6] выступала предметная сторона содержания обучения иностранному языку для профессионального общения студентов направления подготовки «Агрохимия и агропочвоведение», в рамках которого выделяются два профиля «Агрохимия и агропочвоведение» и «Агроэкология». Исследователю удалось выделить как инвариантную часть предметного содержания обучения, присутствующую обучающимся на обоих профилях обучения, так и вариативную часть, отражающую специфику будущей профессиональной деятельности выпускников.

Анализ предметного содержания обучения иностранному языку для профессионального общения, предложенного в работах П.В. Сысоева, В.В. Завьялова, К.В. Капраничковой и А.Г. Соломатиной, свидетельствует о том, что в основу своих разработок исследователи положили предметное содержание некоторых основных профильных дис-

циплин, направленных на формирование общекультурных профессиональных и профессиональных компетенций, представленных во ФГОС ВО по конкретным направлениям подготовки. Использование учеными именно такого метода в отборе предметного содержания обучения иностранному языку, на наш взгляд, позволило решить две основные задачи. С одной стороны, осуществить отбор предметного содержания обучения иностранному языку, которое бы отражало будущую профессиональную деятельность выпускников и было бы направлено на формирование профессиональных компетенций. С другой стороны, это создало реальные условия для реализации методического подхода предметно-языкового интегрированного обучения, при котором изучаемый язык является одновременно и целью обучения, и средством овладения предметной областью.

ОСОБЕННОСТИ ОТБОРА ПРЕДМЕТНОГО СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

Обучение иностранному языку студентов вузов музыкального профиля несколько отличается от обучения студентов других неязыковых специальностей, а также имеет свои особенности. В частности, одной из таких характерных особенностей, как утверждает в своей работе В.В. Молзинский [21], является то, что «занятия по специальности занимают «львиную долю» недельного бюджета времени студента». В связи с тем, что студенты вузов музыкального профиля должны постоянно совершенствовать свои вокальные навыки или навыки игры на музыкальных инструментах, современные ФГОС ВО по многим направлениям подготовки включают лишь общие формулировки формируемых в процессе освоения основной профессиональной образовательной программы компетенций, в большей степени отражающих отработку и формирование конкретных вокальных или исполнительских навыков, а не предметное содержание сферы профессиональной деятельности выпускников. Что касается непосредственно обучения иностранному языку, то формирование у студентов иноязычной коммуникативной компетенции в профессиональной сфере об-

Таблица 1

Содержание социокультурного компонента содержания обучения иностранному языку в сфере профессионального общения студентов вузов музыкального профиля

Направление подготовки	Содержание социокультурного компонента содержания обучения иностранному языку в сфере профессионального общения студентов вузов музыкального профиля (на материале США)
53.03.02 – «Музыкально-инструментальное искусство»	<ul style="list-style-type: none"> – Введение в историю формирования музыкальной культуры США; – Музыкальная культура США XVII–XX веков; – Музыкальная культура США XX–XXI веков; – История музыкального образования в США; – Музыкально-инструментальное искусство: понятие, виды; – Зарождение музыкальной (инструментальной) культуры в США (от музыки индейцев до нашего времени); – Музыкально-инструментальное искусство как отражение национальной культуры США: МИМ (Musical Instrument Museum); – Большая пятерка (оркестры США): история оркестров (Нью-Йоркский филармонический оркестр, Бостонский симфонический оркестр, Чикагский симфонический оркестр, Филадельфийский оркестр, Кливлендский оркестр); – Популярные Музыкальные фестивали в США; – Известные инструментальные коллективы США
53.03.03 – «Вокальное искусство»	<ul style="list-style-type: none"> – Вокальное искусство: понятие, классификации, техники; – Введение в историю формирования музыкальной культуры США; – Музыкальная культура США XVII–XX веков; – Музыкальная культура США XX–XXI веков; – Вокальное искусство как отражение национальной культуры США; – Мастера вокального искусства США (например, Ареты Франклин, лучшей вокалистки по версии Rolling Stones); – Авторские вокальные методики (например, Брэтта Меннинга, Джей Ди Волтер, Донны Мак Элрой); – Вокальное искусство как профессия; – Музыкальное образование в США: 6 лучших музыкальных школ
53.03.04 – «Искусство народного пения»	<ul style="list-style-type: none"> – Возникновение искусства народного пения в США; – Инструменты народного искусства США – Методика обучения народному пению; – Основы музыковедения в народном пении; – Американские региональные певческие стили; – Особенности формирования музыкальной культуры США; – Древняя музыка коренных американских индейцев; – Популярные американские народные песни (например, Cotton-Eyed Joe, “Dixie”); – Фестивали народной песни (New Port Folk Festival)

щения во ФГОС ВО по ряду направлений подготовки представлено в одной общекультурной компетенции: готовности «к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» (ОК-4)². Вместе с тем, как

² Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 53.03.02 – «Музыкально-инструментальное искусство» (уровень бакалавриата). М., 2016; Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 53.03.03 – «Вокальное искусство» (уровень бакалавриата). М., 2016; Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 53.03.04 – «Искусство народного пения» (уровень бакалавриата). М., 2016.

показывает проведенный В.В. Молзинским социологический опрос, студенты вузов музыкального профиля испытывают потребность во владении иностранным языком в профессиональной сфере общения. Особую актуальность данный вопрос приобретает для выпускников, планирующих или осуществляющих международную концертную деятельность. Наличие лишь одной компетенции во ФГОС ВО дает возможность выбора преподавателем подхода к обучению иностранному языку для профессионального общения. При использовании подхода «Иностранный язык для специальных целей» обучение будет ограничиваться изучением профессиональной лексики и лимитированного

социокультурного материала из сферы профессиональной деятельности студентов. В рамках нашего же исследования при интегрированном предметно-языковом обучении иностранному языку, учитывая специфику вузов музыкального профиля, мы предлагаем расширить социокультурный компонент содержания обучения, наполнив его сведениями из сферы профессиональной деятельности выпускников программ. В качестве примера рассмотрим три направления подготовки, которые практически не отличаются между собой по перечню формируемых у студентов компетенций (за исключением некоторых профессиональных компетенций): 53.03.02 – «Музыкально-инструментальное искусство»³, 53.03.03 – «Вокальное искусство»⁴ и 53.03.04 – «Искусство народного пения»⁵. ФГОС ВО по всем трем данным направлениям подготовки включают в себя следующие компетенции, имеющие отношение к формированию социокультурного компонента содержания обучения иностранному языку:

– готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4);

³ Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 53.03.02 – «Музыкально-инструментальное искусство» (уровень бакалавриата). М., 2016.

⁴ Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 53.03.03 – «Вокальное искусство» (уровень бакалавриата). М., 2016.

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 53.03.04 – «Искусство народного пения» (уровень бакалавриата). М., 2016.

– способность применять теоретические знания в профессиональной деятельности, постигать музыкальное произведение в культурно-историческом контексте (ОПК-3);

– готовность к постоянному накоплению знаний в области теории и истории искусства, позволяющих осознавать роль искусства в человеческой жизнедеятельности (ОПК-4);

– способность пользоваться методологией анализа и оценки особенностей исполнительской интерпретации, национальных школ, исполнительских стилей (ПК-3);

– способность постигать музыкальное произведение в культурно-историческом контексте (ПК-4)» (ФГОС ВО по направлениям подготовки 53.03.02 – «Музыкально-инструментальное искусство», 53.03.03 – «Вокальное искусство» и 53.03.04 – «Искусство народного пения»).

В соответствии с набором компетенций, представленных выше, а также с учетом сферы будущей профессиональной деятельности выпускников соответствующих ОПОП предлагаем следующее содержание социокультурного компонента содержания обучения иностранному языку в сфере профессиональной деятельности (табл. 1).

В табл. 1 представлен примерный перечень тем, который может как сужаться, так и расширяться в зависимости от интересов, потребностей и способностей конкретной группы студентов. При этом очевидно одно, все эти темы отражают сферу будущей профессиональной деятельности выпускников каждой из ОПОП.

Список литературы

1. *Завьялов В.В.* Особенности отбора предметной стороны содержания обучения английскому языку студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 177. С. 30-38. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-177-30-38
2. *Сысоев П.В., Завьялов В.В.* Обучение иноязычному письменному юридическому дискурсу студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Язык и культура. 2018. № 41. С. 308-326.
3. *Sysoyev P.V., Zavyalov V.V.* Teaching English as a foreign language to law students based on content and language integrated learning approach // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 907. P. 237-244.
4. *Амерханова О.О.* Интегрированное предметно-языковое обучение иностранному языку студентов на основе тандем-метода // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 12-3. С. 28-30.
5. *Соломатина А.Г.* Обучение иностранному языку для профессиональных целей на основе модели интегрированного предметно-языкового обучения в аграрном вузе // Вестник Тамбовского универ-

- ситета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. № 173. С. 49-57. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-49-57
6. Капранчикова К.В. Особенности отбора предметного содержания обучения иностранному языку в аграрном вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 176. С. 46-55. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-176-46-55
 7. Завьялов В.В. Модели обучения иностранному языку для профессиональных целей студентов нелингвистических направлений подготовки // Державинский форум. 2018. № 6. С. 175-184.
 8. *Huntinson T., Waters A.* English for Specific Purposes. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
 9. *Canale M.* From communicative competence to communicative language pedagogy // *Language and Communication* / ed. by J. Richards, R. Schmidt. L.: Longman, 1983. P. 2-27.
 10. *Canale M., Swain M.* Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // *Applied Linguistics*. 1980. № 1 (1). P. 1-48.
 11. *Savignon S.J.* Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. N. Y.: McGraw Hill, 1997.
 12. Поляков О.Г. Английский язык для специальных целей. М.: Тезаурус, 2003.
 13. *Marsh D.* Content and Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
 14. Сысоев П.В. Обучение иностранному языку на старшей ступени общего среднего (полного) образования. Профильный уровень (X–XI классы) // Иностранные языки в школе. 2006. № 2. С. 2-10.
 15. Сысоев П.В., Завьялов В.В. Элективный языковой курс “Introduction to Law” в системе профессионально ориентированного обучения иностранному языку в старших классах // Иностранные языки в школе. 2018. № 7. С. 10-18.
 16. Халяпина Л.П. Современные тенденции в обучении иностранным языкам на основе идей CLIL // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. № 20. С. 46-52.
 17. Крылов Э.Г. Интегративное билингвальное обучение иностранному языку и инженерным дисциплинам в техническом вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2016.
 18. Алмазова Н.И., Баранова Т.А., Халяпина Л.П. Педагогические подходы и модели интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в зарубежной и российской лингводидактике // Язык и культура. 2017. № 39. С. 116-134.
 19. Попова Н.В., Коган М.С., Вдовина Е.К. Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей в техническом вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 173. С. 29-42. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-173-29-42
 20. Сысоев П.В., Завьялов В.В. Особенности отбора содержания обучения письменной речи студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 62-72.
 21. Молзинский В.В. Музыкальное образование в современной России: проблемы и парадоксы // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 2 (31). С. 160-165.

References

1. Zavyalov V.V. Osobennosti otbora predmetnoy storony sodержaniya obucheniya angliyskomu yazyku studentov napravleniya podgotovki «Yurisprudentsiya» [Selection features of the subject side of the content of English teaching to students of “Jurisprudence” programme]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 177, pp. 30-38. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-177-30-38. (In Russian).
2. Sysoyev P.V., Zavyalov V.V. Obucheniye inoyazychnomu pis'mennomu yuridicheskomu diskursu studentov napravleniya podgotovki «Yurisprudentsiya» » [Teaching foreign writing legal discourse to students of training direction “Jurisprudence”]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2018, no. 41, pp. 308-326. (In Russian).
3. Sysoyev P.V., Zavyalov V.V. Teaching English as a foreign language to law students based on content and language integrated learning approach. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2019, vol. 907, pp. 237-244.
4. Amerkhanova O.O. Integrirovannoye predmetno-yazykovoye obucheniye inostrannomu yazyku studentov na osnove tandem-metoda [Integrated foreign language and content teaching to students based on tandem method]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 2018, no. 12-3, pp. 28-30. (In Russian).
5. Solomatina A.G. Obuchenie inostrannomu yazyku dlya professional'nykh tseley na osnove modeli integrirovannogo predmetno-yazykovogo obucheniya v agrarnom vuze [Teaching a foreign language for

- professional purposes course on the basis of the model of content and language integrated learning in an agricultural institution]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 173, pp. 49-57. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-173-49-57. (In Russian).
6. Kapranchikova K.V. Osobennosti otbora predmetnogo soderzhaniya obucheniya inostrannomu yazyku v agrarnom vuze [Features of the selection of the subject content of teaching a foreign language in the agrarian university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 176, pp. 46-55. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-176-46-55. (In Russian).
 7. Zavyalov V.V. Modeli obucheniya inostrannomu yazyku dlya professional'nykh tseley studentov nelingvisticheskikh napravleniy podgotovki [Models of teaching students of non-linguistic majors a foreign language for the professional purposes]. *Derzhavinskiy forum – Derzhavin forum*, 2018, no. 6, pp. 175-184. (In Russian).
 8. Huntinton T., Waters A. *English for Specific Purposes*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987.
 9. Canale M. From communicative competence to communicative language pedagogy. In: Richards J. & Schmidt R. (eds). *Language and Communication*. London, Longman, 1983, pp. 2-27.
 10. Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing. *Applied Linguistics*, 1980, no. 1 (1), pp. 1-48.
 11. Savignon S.J. *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice*. New York, McGraw Hill, 1997.
 12. Polyakov O.G. *Angliyskiy yazyk dlya spetsial'nykh tseley* [English for Specific Purposes]. Moscow, Tezaurus Publ., 2003. (In Russian).
 13. Marsh D. *Content and Language Integrated Learning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
 14. Sysoyev P.V. Obucheniye inostrannomu yazyku na starshey stupeni obshchego srednego (polnogo) obrazovaniya. Profil'nyy uroven' (X–XI klassy) [Foreign language teaching on the upper level of general secondary (full) education. Special level (10–11 classes)]. *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 2006, no. 2, pp. 2-10. (In Russian).
 15. Sysoyev P.V., Zavyalov V.V. Elektivniy yazykovoy kurs “Introduction to Law” v sisteme professional'no orientirovannogo obucheniya inostrannomu yazyku v starshikh klassakh [Elective course “Introduction to Law” in the system of professionally oriented teaching foreign languages in high school]. *Inostrannye yazyki v shkole – Foreign Languages for Schools*, 2018, no. 7, pp. 10-18. (In Russian).
 16. Khalyapina L.P. Sovremennyye tendentsii v obuchenii inostrannym yazykam na osnove idey CLIL [Current trends in teaching foreign languages on the basis of CLIL]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze – Teaching Methodology in Higher Education*, 2017, no. 20, pp. 46-52. (In Russian).
 17. Krylov E.G. *Integrativnoye bilingval'noye obucheniye inostrannomu yazyku i inzhenernym distsiplinam v tekhnicheskoy vuzovskoy obshchestvennoy shkole: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Integrative bilingual foreign language and engineer disciplines teaching in the technical university. Dr. ped. sci. diss. abstr.]. Ekaterinburg, 2016. (In Russian).
 18. Almazova N.I., Baranova T.A., Khalyapina L.P. Pedagogicheskiye podkhody i modeli integrirovannogo obucheniya inostrannym yazykam i professional'nym distsiplinam v zarubezhnoy i rossiyskoy lingvodidaktike [Pedagogical approaches and models of integrated foreign languages and professional disciplines teaching in foreign and Russian linguodidactics]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2017, no. 39, pp. 116-134. (In Russian).
 19. Popova N.V., Kogan M.S., Vdovina E.K. Predmetno-yazykovoe integrirovannoe obuchenie (CLIL) kak metodologiya aktualizatsii mezhdistsiplinykh svyazey v tekhnicheskoy vuzovskoy obshchestvennoy shkole [Content and Language Integrated Learning (CLIL) as actualization methodology of interdisciplinary links in technical university]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 173, pp. 29-42. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-173-29-42. (In Russian).
 20. Sysoyev P.V., Zavyalov V.V. Osobennosti otbora soderzhaniya obucheniya pis'mennoy rechi studentov napravleniya podgotovki «Yurisprudentsiya» [Selection features of the content of written speech teaching to students of “Jurisprudence” programme]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 2019, no. 1, pp. 62-72. (In Russian).
 21. Molzinskiy V.V. Muzykal'noye obrazovaniye v sovremennoy Rossii: problemy i paradoksy [Music education in modern Russia: problems and paradoxes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury – Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, 2017, no. 2 (31), pp. 160-165.

Информация об авторе

Максаев Артур Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, истории, теории культуры и искусства. Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: arthurmaxaev@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4396-2918>

Поступила в редакцию 10.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 21.01.2019 г.

Принята к публикации 15.02.2019 г.

Information about the author

Artur A. Maksaev, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Philosophy History, Cultural Theory and Art Department. Moscow A. Schnittke State Music Institute, Moscow, Russian Federation. E-mail: arthurmaxaev@mail.ru

Contribution: study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4396-2918>

Received 10 January 2019

Reviewed 21 January 2019

Accepted for press 15 February 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-69-80
УДК 378

Формирование коллокационной компетенции обучающихся на основе электронного лингвистического корпуса

Виталий Владимирович КЛОЧИХИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4845-6624>, e-mail: cta124@yandex.ru

Development of collocational competence of students on the basis of electronic linguistic corpus

Vitaliy V. KLOCHIKHIN

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4845-6624>, e-mail: cta124@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос использования лингвистического корпуса в качестве средства для формирования коллокационной компетенции обучающихся. Раскрыто содержание понятий «лексика» и «лексический навык». Лексические навыки делятся на рецептивные (восприятие слова) и продуктивные (употребление слова). Выделены операции, которые лежат в основе лексического навыка, и этапы его формирования. В соответствии с программой основного общего образования по профилю «Английский язык» определены навыки для достижения овладения языковой компетенцией у учеников старшей школы. В соответствии с современными тенденциями информатизации образования отмечается навык работы с корпусной технологией. В связи с быстрым развитием иностранного языка возникают сомнения в актуальности лексических данных учебной литературы, поскольку на ее создание уходит не один год. Поэтому электронный лингвистический корпус видится как наиболее эффективное средство решения задач обучения иноязычной лексике. Рассмотрены и проанализированы определения лингвистического корпуса и конкорданса, данные предыдущими исследователями. На основе анализа выделены и описаны следующие дидактические свойства электронного лингвистического корпуса: а) многоязычие; б) возможность поиска конкретной информации; в) контекстность результатов поиска; г) разнообразность функциональных типов текста; д) сортировка результатов поиска; е) актуальность текстовых данных; ж) общедоступность в сети Интернет. В дополнение к вышеперечисленным дидактическим свойствам добавлено свойство многоуровневости. Выявлены методические функции лингвистического корпуса, обуславливающие его применение в обучении иноязычной лексике. Коллокация выделена как лексическая единица, которая играет наиболее значительную роль в построении речи говорящего. Раскрыто значение термина «коллокация» и «коллокационная компетенция». После проведенного анализа научной литературы обоснована идея о том, что знание коллокаций повышает беглость и вариативность речи, которые являются необходимыми требованиями в современном коммуникативном подходе изучения иностранного языка. Необходимость изучения коллокаций обуславливает формирование коллокационной компетенции.

Ключевые слова: лексика; лексические навыки; лингвистический корпус; коллокация; коллокационная компетенция

Для цитирования: Ключихин В.В. Формирование коллокационной компетенции обучающихся на основе электронного лингвистического корпуса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 69-80. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-69-80

Abstract. We discuss the use of the linguistic corpus as a means for the development of collocational competence of students. We reveal the contents of the concepts of “lexis” and “lexical skill”. Lexical skills are divided into receptive (word perception) and productive (word use). We distinguish the operations that underlie the lexical skill and the stages of the formation of the lexical skill. We define the skills for attaining mastery of language competence in high school students, according to the main general education program in the “English language” profile. In accordance with the modern trends of education computerization, the skill of working with corpus technology is worth to notice. In connection with the rapid development of a foreign language, there are doubts about the relevance of lexical data of educational literature, since its creation takes more than a year. Therefore, the electronic linguistic corpus is seen as the most effective means in solving the problems of learning foreign language vocabulary. We review and analyze the definitions of the linguistic corpus and concordance given by previous researchers. Based on the analysis of previous works on this topic, the following didactic features of the electronic linguistic corpus are highlighted and described: a) multilingualism; b) the ability to search for specific information; c) contextual search results; d) the diversity of functional text types; e) sorting the search results; f) the relevance of the text data; g) accessibility on the Internet. In addition to the didactic features above, we add multi-level resources feature. The methodological functions of the linguistic corpus that determine its use in foreign language vocabulary teaching are identified. Collocation is singled out as a lexical unit, which plays the most significant role in the construction of the speaker's speech. Paper reveals the meaning of the terms “collocation” and “collocational competence”. After analyzing the scientific literature, we establish that knowledge of collocations increases the fluency and diversity of speech, which are necessary requirements in the modern communicative approach in teaching foreign language. The need to study collocations determines the development of collocational competence.

Keywords: vocabulary; lexical skills; linguistic corpus; collocation; collocational competence

For citation: Klochikhin V.V. Formirovaniye kollokatsionnoy kompetentsii obuchayushchikhsya na osnove elektronnoy lingvisticheskogo korpusa [Development of collocational competence of students on the basis of electronic linguistic corpus]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 69-80. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-69-80 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время происходит бурное развитие информационно-коммуникационных технологий и их проникновение во все сферы жизни общества. Не обходят стороной информационно-коммуникационные технологии и области преподавания, в том числе иностранного языка. В связи с внедрением информационных технологий в педагогическую сферу появились новые возможности в методике обучения иностранному языку.

Одним из таких нововведений является использование электронного лингвистического корпуса в процессе обучения иностранному языку. В настоящее время лингвистический корпус является важным инструментом для обучения иностранному языку, которым должен владеть современный учитель. При помощи корпусной технологии возможно добиться интенсификации процесса обучения учащихся иноязычной лексике.

В связи с быстроразвивающимся обществом в речевой оборот носителей иностран-

ного языка ежегодно входит большое количество новых слов, которые буквально еще год назад были известны только узкому кругу специалистов. В результате чего в настоящее время существует ряд сомнений по поводу реальной жизненной валидности результатов обучения лексическому компоненту иностранного языка. Прежде всего, это связано с учебной литературой, которую используют в образовательном процессе. Поскольку от написания учебника до его использования проходит в лучшем случае несколько лет, использованная там лексика зачастую является попросту устаревшей или неактуальной в современной иноязычной коммуникативной среде. Правильно подобранный лингвистический корпус не имеет данного недостатка. В настоящее время в сети Интернет существуют лингвистические корпуса с открытым доступом, в которых проводят ежемесячные обновления текстовых баз данных. Таким образом, можно говорить о том, что в определенных корпусах используется актуальная на сегодняшний

момент иноязычная лексика. Тем самым, использование языковых данных электронного лингвистического корпуса в процессе обучения иностранному языку поможет обучающимся овладеть современным значением многих лингвистических единиц.

В последнее время в научном сообществе все чаще появляются мысли о том, что изучать иноязычную лексику надо не посредством единичных слов, а целыми словосочетаниями. Объясняется это тем, что упор в обучении иностранному языку делается на коммуникацию. А в общении важны быстрота и правильность высказывания, что могут обеспечить уже готовые сочетания слов, то есть коллокации. Поэтому проблемы формирования коллокационной компетенции выходят на первый план в процессе обучения иностранному языку.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ РЕЧИ

Целью обучения иностранному языку является формирование иноязычной коммуникативной компетенции во всем многообразии ее компонентов. Среди них выделяют языковой компонент. Одним из аспектов развития языковой компетенции является «развитие навыков оперирования языковыми единицами в коммуникативных целях». В связи с этим «владение лексикой иностранного языка в плане семантической точности, синонимического богатства, адекватности и уместности ее использования является неотъемлемой предпосылкой реализации этой цели» [1, с. 287].

Прежде чем рассмотреть методику обучения лексике, необходимо определить данное понятие. В Словаре иностранных слов дается следующее определение понятия: «Лексика – это совокупность слов, входящих в состав какого-либо языка или диалекта, словарный состав языка какого-либо народа или группы» [2, с. 531]. Из определения следует, что слово – это составляющая часть лексики, то, из чего строится лексический запас человека. По мнению Е.Н. Солововой, «знать слово – это значит знать его формы, значение и употребление» [3, с. 80]. Под формами она подразумевает «его звуковую форму, без которой невозможно правильно понять слово со слуха и адекватно озвучить

его самому, а также графическую форму, без которой слово не будет узнано при чтении и не сможет быть написано» [3, с. 80]. Говоря о значении слова, ученый подчеркивает, что «в английском языке, впрочем, как и в любом другом, слова могут иметь несколько значений» [3, с. 80]. Значение и форма слова взаимосвязаны, так как к определенной графической и звуковой форме слова у человека привязывается его значение, что связывает наше мышление с нашей речью. Значение слова помогает оформить наши мысли в речь, которая становится понятной для остальных при помощи формы слова, как графической, так и звуковой. Как отмечает Е.Н. Соловова, употребление слов предполагает знание «наиболее типичных его сочетаний с другими словами, то есть так называемых коллокаций» [3, с. 81], а также «управление слова в предложении». Таким образом, знание слова подразумевает и знание его контекстного окружения. В самом же процессе употребления слова, исследователь подчеркивает, происходит «формирование социолингвистической и социокультурной компетенции» [3, с. 81]. Получается, что при употреблении слов в речи, то есть в процессе коммуникации обучающийся познает культурные особенности страны изучаемого языка, так как язык является отражением национальных особенностей носителя языка, его образа жизни и культуры. Продолжая данную мысль, С.Г. Тер-Минасова предупреждает, что следует быть очень осторожным с использованием иностранных слов, поскольку «за словом стоит понятие, за понятием – предмет или явление реальности мира, а это мир иной страны, иностранный, чужой, чуждый» [4, с. 34]. Данное высказывание лишней раз подтверждает идею о том, что правильность выбора лексической единицы играет значительную роль в процессе коммуникации в иноязычной языковой среде.

Для успешного применения иноязычной лексики в целях коммуникации необходимо на протяжении всего образовательного процесса качественно формировать лексические навыки во всех видах речевой деятельности.

Согласно Э.Г. Азимову и А.Н. Щукину, лексический навык – это «автоматизированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и в соответствии с нормами сочетания с другими единицами в

продуктивной речи, а также автоматизированное восприятие и ассоциирование со значением в рецептивной речи» [5, с. 121].

Также Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин выделяют следующие операции, которые лежат в основе лексического навыка:

а) «перевод лексической единицы из долговременной в оперативную память (вызов слова);

б) сочетание лексической единицы с предыдущей или последующей;

в) определение соответствия выбора и сочетания единиц ситуации» [5, с. 122].

Иностранный язык в школе преподается для практических целей, то есть для осуществления коммуникации на иностранном языке. Лексика в данном случае является строительным материалом высказывания, и поэтому в методике обучения иностранному языку формирование лексических навыков играет существенную роль. По мнению Е.И. Пассова, существуют шесть этапов формирования лексических навыков:

1) «восприятие слова в процессе его функционирования, создается звуковой и графический образ слова;

2) осознание значения слова;

3) имитация слова в изолированном виде или в контексте предложения;

4) обозначение, направленное на самостоятельное называние объектов, определяемых словом;

5) комбинирование (слово вступает в новые связи);

6) употребление слова в разных контекстах» [6].

В настоящее время в лингвистической научной среде выделяют рецептивные и продуктивные лексические навыки. Рецептивными лексическими навыками считают распознавание и понимание отдельных лексических единиц в процессе восприятия речевой деятельности (чтение, аудирование), то есть соотнесение формы слова с его значением. По мнению Г.В. Роговой, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахаровой [7], для употребления слов в рецептивных видах речевой деятельности необходимо:

1) «ассоциировать графический или соответственно звучащий образ слова с лексическим значением;

2) определить грамматическую форму слова, связи с другими словами, что обеспе-

чит понимание смысла текста, высказывания» [7].

Под продуктивными лексическими навыками подразумевают правильный подбор слова и его употребление в устной и письменной речи (говорение, письмо). Согласно Г.В. Роговой, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахаровой [7], для употребления слов в продуктивных видах речевой деятельности необходимо:

1) «найти слово в памяти, следовательно, что подразумевает знание слова;

2) произнести слово в речь, что предполагает владение его графической и звуковой формой;

3) включить в сочетание на основе смысловой совместимости и в соответствии с грамматической нормой;

4) включить сочетание в предложение, текст» [7].

В процессе обучения преподавателю необходимо четко понимать цели, преследуемые при обучении лексических навыков учащихся. В данном случае целью является формирование и развитие языковой компетенции. В ее состав входит «систематизация ранее изученного материала; овладение новыми языковыми средствами в соответствии с отобранными темами и сферами общения: увеличение объема используемых лексических единиц; развитие навыков оперирования языковыми единицами в коммуникативных целях»¹. В соответствии с ФГОС ООО для достижения овладения языковой компетенцией у учеников старшей школы развиваются следующие навыки: «овладение лексическими средствами, обслуживающими новые темы, проблемы и ситуации устного и письменного общения; расширение потенциального словаря за счет овладения интернациональной лексикой, новыми значениями известных слов и новых слов, образованных на основе продуктивных способов словообразования; распознавание и употребление в речи лексических единиц, обслуживающих ситуации в рамках тематики основной и старшей школы, наиболее распространенных устойчивых словосочетаний, реплик-клише рече-

¹ Примерная основная образовательная программа основного общего образования по профилю «Иностранный язык». М., 2015.

вого этикета, характерных для культуры англоязычных стран; использование словарей»².

Также в соответствии с современными тенденциями информатизации образования следует выделить навык работы с корпусной технологией как один из инструментов повышения уровня языковой компетенции у учащихся старших классов.

На основе вышеприведенных задач можно сделать вывод о том, что развитие продуктивных и рецептивных лексических навыков является одним из важнейших аспектов обучения английскому языку в старшей школе.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОРПУС

Лингвистический корпус как большая, систематически организованная электронная коллекция текстов получила свое распространение в педагогической сфере вскоре после того, как он появился в своей нынешней форме в 1960-х гг. Изначально лингвистический корпус имел только косвенное влияние на образовательный процесс в качестве различных приложений и словарей на основе корпусных данных. Интерес к более непосредственному использованию лингвистического корпуса, когда учитель или ученик напрямую взаимодействуют с корпусом, начал расти с 1980-х гг. [8]. Применение лингвистического корпуса не ограничивается только педагогической сферой, он также используется как средство для создания и настройки автоматических систем, таких как машинный перевод, распознавание речи и информационный поиск.

В настоящее время в методике преподавания иностранных языков лингвистический корпус занимает важное место. Непосредственный доступ к материалам аутентичных текстов позволяет значительно интенсифицировать процесс обучения иностранным языкам.

Э. О'Киф, М.Дж. МакКарти и Р.А. Картер под лингвистическим корпусом понимают «собрание письменных текстов и разговорных транскриптов, которые хранятся в электронном виде» [9, с. 1]. В работе Т.А. Черняковой дается следующая трактовка определения:

² Примерная основная образовательная программа основного общего образования по профилю «Иностранный язык»... С. 8.

«лингвистический корпус – это коллекция текстов, размещенная на электронном носителе и объединенная по различным параметрам (язык, жанр, стиль, отрасль) [10, с. 3]. И.В. Дерябина рассматривает лингвистический корпус как «информационно-справочную систему, основанную на собрании текстов различных жанров на английском языке в электронной форме, позволяющую анализировать большие по объему тексты различных жанров и выявлять в них закономерности использования изучаемых грамматических моделей» [11, с. 3]. Е.А. Рязанова трактует термин «лингвистический корпус» как «собрание текстов на электронном носителе, отобранных в соответствии с внешними критериями (жанр, цель, назначение, отрасль, язык)» [12, с. 3]. Более точное определение дает П.В. Сысоев: «корпус – это массив текстов, собранных в единую систему по определенным признакам (языку, жанру, времени создания текста, автору и т. п.) и снабженных поисковой системой» [13, с. 99]. Лингвистический корпус помогает нам увидеть язык в натуральном его виде. Корпус текстов на иностранном языке служит более достоверным источником употребления слов, чем учебная литература, так как в корпусе содержатся «живые» примеры использования языка, которые встречаются в реальной жизни, в то время как в учебниках все ситуации, в которых употребляется изучаемое слово, смоделированы.

Главной причиной, почему электронный корпус получил столь большую популярность, является быстрота и надежность в поиске необходимой информации. Для поиска и классификации информации в электронном корпусе используется программа конкорданс. П.В. Сысоев определял конкорданс как «программу, позволяющую анализировать большие массивы текста на предмет обнаружения закономерностей использования в языке слов или выражений» [13, с. 100]. По мнению Дж. Синклера, конкорданс – это собрание случаев использования словоформы, каждая из которых употребляется в разном контексте [14]. Именно наличие конкорданса определяет суть корпуса как исследовательского аппарата и делает его невероятно ценным ресурсом в обучении иноязычной лексике. Благодаря конкордансу, электронные лингвистические корпуса могут использо-

ваться для выявления информации и статистических данных о языковых и речевых единицах. Например, наблюдая контекстное окружение какого-либо слова, можно установить определенные семантические признаки, по которым в дальнейшем можно будет распознать значение данного слова.

Электронный лингвистический корпус обладает рядом отличительных дидактических свойств и методических функций, которые выделяют его среди остальных информационно-коммуникационных технологий обучения иностранному языку и обуславливают методику формирования лексических навыков учащихся старшей школы. Согласно

определению П.В. Сысоева, дидактическими свойствами лингвистического корпуса следует называть «основные характеристики и признаки, отличающие одни информационные технологии от других. Под методическими функциями понимаются внешние проявления данных технологий» [15, с. 122].

Ранее уже были проведены исследования, в которых авторы выделяли дидактические свойства электронного лингвистического корпуса. Проанализируем работы А.А. Кокоревой [16], И.В. Дерябиной [11], Е.А. Рязановой [12], Т.А. Черняковой [10] и П.В. Сысоева [13] и рассмотрим, в каких работах были выделены те или иные дидактические свойства.

Таблица 1

Сравнение дидактических свойств электронного лингвистического корпуса в предыдущих работах исследователей

	А.А. Кокорева	И.В. Дерябина	Е.А. Рязанова	Т.А. Чернякова	П.В. Сысоев
Многоязычие. Лингвистический корпус может включать в себя оригинальный текст с его переводом на другой язык или на несколько языков	✓	–	–	–	✓
Возможность поиска конкретной информации. Современный лингвистический корпус обладает возможностью поиска конкретной информации (запрашиваемое слово в коллокации с выбранной частью речи, поиск случаев употребления только начальной формы глагола и т. п.)	✓	✓	–	–	✓
Контекстность результатов поиска. Лингвистический корпус предоставляет результаты поиска слов в контексте их использования	✓	✓	✓	–	✓
Разнообразие функциональных типов текстов. Электронный корпус содержит тексты различных типов, стилей и жанров	✓	✓	✓	✓	✓
Сортировка результатов поиска. Лингвистический корпус дает возможность систематизации результатов поиска по определенным критериям (частотность употребления слова на определенном промежутке времени, выбор функционального типа текста и т. п.)	✓	✓	–	–	✓
Актуальность текстовых данных. В современных электронных корпусах происходят постоянные обновления баз данных, что позволяет следить за тенденциями развития иностранного языка	–	–	–	✓	✓
Общедоступность в сети Интернет. Электронный лингвистический корпус доступен для любого интернет-пользователя	✓	✓	✓	✓	✓

Как видно из табл. 1, электронный лингвистический корпус обладает большим набором дидактических свойств, которые все вместе были упомянуты только в работе П.В. Сысоева [13].

Однако никто из авторов не выделял такое свойство, как многоуровневость. В настоящее время существует огромное количество разнообразных корпусов текстов, от собраний эссе учеников начальной школы до научных работ профессоров университетов, что обеспечивает актуальность использования лингвистического корпуса на протяжении всего образовательного процесса. Поэтому следует считать целесообразным выделение данного свойства.

Таким образом, лингвистический корпус благодаря своим дидактическим свойствам качественно выделяется на фоне других ИКТ, что является индикатором того, что корпусную технологию возможно целенаправленно применять как дополнительный инструмент в обучении иностранному языку.

Методическими функциями электронного лингвистического корпуса являются следующие.

А. На основе корпусов параллельных текстов возможно формирование лексических навыков посредством перевода.

Б. Благодаря контекстности результатов при помощи лингвистического корпуса возможно более точное дать определение слову, а также выделить наиболее часто встречаемые коллокации данного слова.

В. В лингвистических корпусах представлены современные лексико-грамматические структуры, которые позволяют отслеживать и определять значения неологизмов.

Г. Лингвистический корпус имеет функцию поиска только конкретно нужного вам слова или коллокации, что позволяет интенсифицировать процесс обучения.

Д. С помощью лингвистического корпуса можно найти значение слова в контексте его использования в определенной сфере жизни общества (медицина, бизнес, авиаперевозки).

Е. Лингвистические корпуса располагают выбором различного уровня языковой сложности языка, что дает вариативность при выборе лексической единицы для употребления в речевой деятельности.

Таким образом, в образовательном процессе лингвистический корпус может использоваться для формирования лексико-грамматических навыков речи обучающихся, а также с помощью лингвистического корпуса возможно формирование социолингвистической и социокультурной компетенций.

В образовательном процессе лингвистический корпус помогает трансформировать огромное количество иностранных текстов в компонент содержания обучения. На базе корпуса возможно создание целого ряда учебных заданий, направленных на развитие лексических навыков учащихся. Таким образом, лингвистический корпус может являться вспомогательным ресурсом для учителя в решении методических задач.

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛОКАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ОСНОВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА

Огромный массив текстов, представленный в лингвистических корпусах, открывает широкие возможности для решения лингвистических задач, в частности, изучение коллокаций. В данном случае лингвистический корпус обладает неограниченными возможностями для решения данных задач. Благодаря наличию аутентичных текстов лингвистический корпус позволяет изучать сочетания слов (или коллокации) в их естественном контексте.

На основе изученной отечественной методической литературы можно сделать вывод, что степень изученности проблем коллокаций не является столь глубокой. Причиной скудности материала по данной теме можно считать то, что детальное изучение коллокаций началось лишь с момента распространения лингвистического корпуса текстов. Данное изобретение побудило всплеск интереса к проблеме исследования отношений между словами, так как лингвистический корпус представляется как наиболее удобный и подходящий ресурс для выяснения сочетаемости слов в их естественном контексте употребления.

С точки зрения этимологии коллокация происходит от латинского “collocare”, что в переводе значит «совмещать». С лексической стороны, коллокация – это сочетание двух или более слов, которые часто употребляют-

ся вместе [17]. Данное определение близко по значению с трактовкой Г. Палмера «последовательность двух или более слов, которые должны изучаться как неделимое целое, а не раскладываться на составляющие» [18]. Английский лингвист XX века Дж.Р. Фёрс утверждал, что коллокация – это обыденный или привычный порядок употребления слов. Также ему принадлежит цитата “a word is known by the company it keeps”, которая может быть переведена как «значение слова определяется по его контексту», что также отражает мысль о том, что семантическое значение слова можно определить по контексту данного слова [19]. Согласно О.С. Ахмановой, коллокация – это «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии» [20, с. 193]. На основе данных определений мы можем сделать вывод о том, что коллокацией является привычное для носителей языка сочетание слов. Коллокация представляет собой сложную лексическую единицу языка, которая делает речь гораздо более вариативной и разнообразной. Коллокации являются абсолютно непредсказуемыми и хаотичными в своем появлении, но в то же время широко используемым лексическим средством в речи носителей языка, что делает их объектом повышенного внимания в процессе обучения иностранному языку. Также коллокации помогают установить более точное семантическое значение слова, повышает навык «беглости» речи.

В современной научной среде ученые пришли к консенсусу, что не существует правил формирования коллокаций. Образование коллокаций обуславливает использование некоторого сочетания слов носителями языка на протяжении длительного времени [21]. Появление некоторых коллокаций нельзя объяснить грамматическими правилами языка, но они существуют и входят в речевой оборот носителей языка.

В настоящее время в классных занятиях по английскому языку учитель больше фокусируется на запоминании учащимися большого количества отдельных слов с их словарным переводом, зачастую не обращая внимания на то, что слова могут иметь другое значение в определенном контексте. Обучение новой лексики таким способом ограничивает узнавание слова до его орфогра-

фии и перевода. При использовании данного подхода ученики могут неверно составлять коллокации. Например, “strong computer” и “powerful tea” будут являться примером неудачной коллокации, в отличие от “powerful computer” и “strong tea”. В глазах учеников данные неверные коллокации будут смотреться правильно, ведь для них прилагательные “powerful” и “strong” являются синонимами, что делает их неверное употребление оправданным. Редко же когда учитель обучает новой лексике посредством сочетаний слов или коллокаций для объяснения их смысла.

Многие ученые высказывались на этот счет, так, Дж. Хилл считал, что знание коллокаций является ключом к свободному владению языком. По его мнению, главным отличием носителя языка от того, для кого он не является родным, в том, что носитель встречает больше примеров использования языка, тем самым ускоряя свою речь уже услышанными ранее готовыми фразами [22]. Продолжая данную идею, Х. Линдквист говорит, что умение правильно комбинировать и сочетать слова ведет к беглости языка [23]. По мнению Дж. Синклера, в распоряжении у говорящего уже есть большой набор сформированных фраз, которые он использует в приоритете в процессе речевой деятельности [14]. Таким образом, Дж. Синклер предполагает, что при построении речи говорящий каждый раз не придумывает новые уникальные словосочетания, а использует уже устоявшиеся, которые хранятся у него в памяти. Данная теория также подтверждает все вышесказанное о том, что коллокации помогают ускорить иностранную речь. К. Лэкман говорит, что 90 % устной речи носителя языка состоит из 2000 слов, что соответствует 80 % от знаний лексических единиц выпускников полной средней школы [21]. Тем не менее, знание большого количества слов не помогает выпускникам школы разговаривать на уровне носителей языка. К. Лэкман выделяет разницу между носителем языка и выпускником школы в том, что носитель языка может правильно комбинировать и сочетать слова, в то время как выпускник знает только словарное значение слова [21]. И далее двигает мысль о том, что обучение иностранному языку должно складываться не только в познании все большего количества

слов, но и в умении комбинировать и сочетать уже изученные слова.

М. МакКарти и Ф. О'Делл [17] выделяют другие положительные стороны обучения коллокациям:

1) коллокации помогают сделать речь более естественной и точной. Вас наверняка поймут, если вы скажете "I did a mistake", но это будет звучать неестественно для носителей языка в отличие же от "I made a mistake";

2) коллокации помогают разнообразить речь. Вместо постоянно употребляемых "nice" и "beautiful" можно подобрать прилагательные, более точно подходящие по значению в контексте.

Другим важным достоинством знания коллокации является уточнение значения слова. Так у учеников не возникнет проблем с переводом глагола "catch" в коллокации "catch a ball", но с переводом "catch a bus" или "catch your name" могут возникнуть проблемы, так как глагол "catch" в данных коллокациях не употребляется в его прямом значении [21].

Таким образом, руководствуясь целями обучения иностранного языка, можно сделать вывод о том, что изучение коллокаций как компонента языковой компетенции должно являться одной из задач, поставленных в процессе обучения.

Вышесказанное объясняет необходимость формирования у учеников старшей школы коллокационной компетенции иностранного языка.

Коллокационная компетенция, по мнению А. Партингтона, есть не что иное как «знание о том, что является приемлемой коллокацией в определенном контексте» [24]. Т. Хейккиля дает следующее определение: «коллокационная компетенция – это способность верно образовывать лексические сочетания, тем самым улучшая беглость и точность использования языка, при этом соблюдая соответствующий нормам стиль речи» [25]. Из отечественной научной литературы можно выделить работу Л.Б. Алексеевой, которая рассматривает данное понятие как «способность верно, согласно нормам изучаемого языка, сочетать единицы языка, базируясь на знаниях коллокаций и речевых навыках их употребления во всех видах речевой деятельности» [26].

Проанализировав вышеприведенные определения, можно выделить общее, что коллокационная компетенция есть не что иное, как умение правильно и точно сочетать слова с соблюдением норм иностранного языка. Правильность сочетаемости слов ведет к успешной коммуникации с носителем языка, поэтому коллокационная компетенция является одним из ключевых компонентов в обучении иностранному языку.

Одной из целей обучения английскому языку в старшей школе является развитие языковой компетенции. Один из ее аспектов гласит: «развитие навыков оперирования языковыми единицами в коммуникативных целях»³. Получается, что коллокационная компетенция может являться одним из компонентов в развитии языковой компетенции у учеников старшей школы

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе был рассмотрен процесс формирования коллокационной компетенции при помощи электронного лингвистического корпуса в рамках обучения учеников старшей школы языковому компоненту иноязычной коммуникативной компетенции.

Обучение иностранному языку в старшей школе в первую очередь осуществляется для овладения языком как средством общения. В этой связи формирование лексической компетенции является одной из важнейших задач обучения иностранному языку. Результатом развития лексического компонента является овладение лексическими навыками речи. Словоупотребление считается одним из важнейших лексических навыков, так как оно напрямую влияет на быстроту и естественность речи говорящего, тем самым придавая «беглость» речи, что является одной из отличительных черт в коммуникации носителя языка и выпускников старшей школы. Как было выявлено в данной работе, знание и владение коллокациями помогает значительно усовершенствовать лексический навык словоупотребления. Следовательно, для улучшения качества образования в рамках иностранного языка следует развивать навыки оперирования коллокациями, что в свою

³ Примерная основная образовательная программа основного общего образования по профилю «Иностранный язык».

очередь обуславливает формирование коллокационной компетенции у учеников старшей школы.

С учетом современных образовательных технологий формирование коллокационной компетенции должно осуществляться при помощи электронного лингвистического корпуса, дидактические свойства и методические функции которого позволяют утверждать о том, что корпусно-ориентированный

подход лучше всего подходит для решения задач формирования и развития коллокационной компетенции учащихся старшей школы. Согласно определению, что коллокацией является привычное для носителей языка сочетание слов, наличие аутентичного текстового материала, используемого в лингвистическом корпусе, представляет его как наиболее подходящую образовательную технологию для изучения коллокаций.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2006. 336 с.
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1168 с.
3. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. М.: Просвещение, 2002. 239 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 144 с.
5. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.
6. Пассов Е.И. Основы коммуникативного метода обучения иноязычному общению. М., 1989. 276 с.
7. Рогова Г.В., Рабинович Ф.М., Сахарова Т.Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
8. McEney T., Xiao R. What Corpora Can Offer in Language Teaching and Learning. London; New York: Routledge, 2010. 380 p.
9. O'Keeffe A., McCarthy M.J., Carter R.A. From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 315 p.
10. Чернякова Т.А. Методика формирования лексических навыков студентов на основе лингвистического корпуса (английский язык, языковой вуз): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012.
11. Дерябина И.В. Методика обучения учащихся управлению английских глаголов на основе британского национального корпуса (профильный уровень): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013.
12. Рязанова Е.А. Методика формирования грамматических навыков речи студентов на основе лингвистического корпуса (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012.
13. Сысоев П.В. Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. 2010. № 1 (9). С. 99-111.
14. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 200 p.
15. Сысоев П.В. Современные информационные и коммуникативные технологии: дидактические свойства и функции // Язык и культура. 2012. № 1 (17). С. 120-133.
16. Кокорева А.А. Методика обучения студентов профессиональной лексики на основе корпуса параллельных текстов (английский язык, направление подготовки «Экономика»): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013.
17. McCarthy M., O'Dell F. English Collocations in Use. Intermediate. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 192 p.
18. Palmer H.E. Second Interim Report on English Collocations. Tokyo, 1933. 188 p.
19. Firth J. Papers in Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1957. 233 p.
20. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
21. Lackman K. Teaching Collocations: Activities for Vocabulary Building. Toronto: Ken Lackman & Associates Educational Consultants, 2011.
22. Hill J. Collocational competence. english teaching professional // Southwest Journal of Linguistics. 1999. Vol. 11. P. 3-6.
23. Lindquist H. Corpus Linguistics and the Description of English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 240 p.

24. *Partington A.* Patterns and Meaning: Using Corpora for English Language Research. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 1996.
25. *Heikkila T.* The Significance of the Inclusion of Sociopragmatic and Collocational Competence in Immersion Education Programmes. Helsinki, 2005.
26. *Алексеева Л.Б.* Коллокационная компетенция в письменной научной речи как составляющая цели обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. 2010. № 3. С. 1396.

References

1. Galskova N.D., Gez N.I. *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [Theory of Foreign Language Teaching. Linguodidactics and Methods]. Moscow, Akademiya Publ., 2006, 336 p. (In Russian).
2. Komlev N.G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2000, 1168 p. (In Russian).
3. Solovova E.N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyy kurs lektsiy* [Methods of Foreign Language Teaching: Basic Course of Lectures]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 2002, 239 p. (In Russian).
4. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Cross-Cultural Communication]. Moscow, Slovo Publ., 2000, 144 p. (In Russian).
5. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodical Terms and Concepts (Theory and Practice of Foreign Language Teaching)]. Moscow, Ikar Publ., 2009, 448 p. (In Russian).
6. Passov E.I. *Osnovy kommunikativnogo metoda obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu* [Basics of Communicative Method in Foreign Language Teaching]. Moscow, 1989, 276 p. (In Russian).
7. Rogova G.V., Rabinovich F.M., Sakharova T.E. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole* [Methods of Teaching Foreign Language in Secondary School]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1991, 287 p. (In Russian).
8. McEnery T., Xiao R. *What Corpora Can Offer in Language Teaching and Learning*. London, New York, Routledge, 2010, 380 p.
9. O'Keeffe A., McCarthy M.J., Carter R.A. *From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, 315 p.
10. Chernyakova T.A. *Metodika formirovaniya leksicheskikh navykov studentov na osnove lingvisticheskogo korpusa (angliyskiy yazyk, yazykovoy vuz): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Methods of Development Lexical Skills Based on Linguistic Corpus (English Language, Linguistic University). Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, The Sholokhov Moscow State University for the Humanities Publ., 2012. (In Russian).
11. Deryabina I.V. *Metodika obucheniya uchaschikhsya upravleniyu angliyskikh glagolov na osnove britanskogo natsional'nogo korpusa (profil'niy uroven'): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Methods of Teaching Students of English Verbs Control Based on British National Corpus (Profile Level). Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, The Sholokhov Moscow State University for the Humanities Publ., 2013. (In Russian).
12. Ryazanova E.A. *Metodika formirovaniya grammaticheskikh navykov rechi studentov na osnove lingvisticheskogo korpusa (angliyskiy yazyk, yazykovoy vuz): dis. ... kand. ped. nauk* [Methods of Development Grammatical Skills of Students Based on Linguistic Corpus (English Language, Linguistic University). Cand. ped. sci. diss.]. Moscow, The Sholokhov Moscow State University for the Humanities Publ., 2012. (In Russian).
13. Sysoyev P.V. *Lingvisticheskiy korpus v metodike obucheniya inostrannym yazykam* [Linguistic corpus in teaching foreign language]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2010, no. 1 (9), pp. 99-111. (In Russian).
14. Sinclair J. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, Oxford University Press, 1991, 200 p.
15. Sysoyev P.V. *Sovremennyye informatsionnyye i kommunikativnyye tekhnologii: didakticheskiye svoystva i funktsii* [Modern information and communication technologies: didactic characteristics and functions]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2012, no. 1 (17), pp. 120-133. (In Russian).
16. Kokoreva A.A. *Metodika obucheniya studentov professional'noy leksike na osnove korpusa parallel'nykh tekstov (angliyskiy yazyk, napravlenie podgotovki «Ekonomika»): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Methods of Teaching Students Professional Vocabulary Based on Linguistic Corpus (English Language, "Economics" Programme). Cand. ped. sci. diss. abstr.]. Moscow, The Sholokhov Moscow State University for the Humanities Publ., 2013. (In Russian).
17. McCarthy M., O'Dell F. *English Collocations in Use. Intermediate*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, 192 p.

18. Palmer H.E. *Second Interim Report on English Collocations*. Tokyo, 188 p.
19. Firth J. *Papers in Linguistics*. Oxford, Oxford University Press, 1957, 233 p.
20. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, URSS: Editorial URSS, 2004, 571 p. (In Russian).
21. Lackman K. *Teaching Collocations: Activities for Vocabulary Building*. Toronto, Ken Lackman & Associates Educational Consultants, 2011.
22. Hill J. Collocational competence. English teaching professional. *Southwest Journal of Linguistics*, 1999, no. 11, pp. 3-6.
23. Lindquist H. *Corpus Linguistics and the Description of English*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2009, 240 p.
24. Partington A. *Patterns and Meaning: Using Corpora for English Language Research*. Amsterdam, John Benjamin Publishing Company, 1996.
25. Heikkila T. *The Significance of the Inclusion of Sociopragmatic and Collocational Competence in Immersion Education Programmes*. Helsinki, 2005.
26. Alekseeva L.B. Kollokatsionnaya kompetentsiya v pis'mennoy nauchnoy rechi kak sostavlyayushchaya tseli obucheniya inostrannomu yazyku studentov neyazykovykh fakul'tetov [Collocational competence in written academic speech as a part of goal of teaching foreign language of students of non-linguistic faculties]. *Pis'ma v Emissiya. Offlayn: elektronnyy nauchnyy zhurnal – The Emissia. Offline Letters*, 2010, p. 1396. (In Russian).

Информация об авторе

Клочихин Виталий Владимирович, научный сотрудник лаборатории языкового поликультурного образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: cta124@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, набор первичного материала, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4845-6624>

Поступила в редакцию 11.01.2019 г.
Поступила после рецензирования 31.01.2019 г.
Принята к публикации 15.02.2019 г.

Information about the author

Vitaliy V. Klochikhin, Research Worker of Foreign Language Multicultural Education Research Laboratory. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: cta124@yandex.ru

Contribution: study conception, source material acquisition, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4845-6624>

Received 11 January 2019
Reviewed 31 January 2019
Accepted for press 15 February 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-81-89
УДК 36+378

Организационно-педагогические условия, способствующие эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации

Максим Викторович ХАРНИКОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6462-3934>, e-mail: drugininaan@yandex.ru

The organizational and pedagogical conditions promoting effective legal education of the teenager in the educational organization

Maksim V. KHARNIKOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6462-3934>, e-mail: drugininaan@yandex.ru

Аннотация. Актуализирована проблема правового просвещения подростка. Представлены и проанализированы организационно-педагогические условия, способствующие эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации, а именно: создание партнерской среды, интегрирующей усилия всех субъектов правового просвещения; поддержка повышения компетентности педагогов и родителей по проблемам правового просвещения; обеспечение включенности подростка в комплексную программу по формированию правовой культуры личности; реализация современных социально-воспитательных методов с учетом индивидуальных особенностей подростков и ресурсов образовательной организации, способствующих повышению правовой культуры. Установлено, что основными субъектами правового просвещения подростков являются: Уполномоченные по правам ребенка; Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав; органы Министерства внутренних дел Российской Федерации; органы Министерства юстиции Российской Федерации; органы Министерства здравоохранения; университеты, занимающиеся подготовкой будущих юристов; социально ориентированные некоммерческие организации, общественные организации, фонды, образовательные и научные учреждения; интернет-порталы, направленные на правовое просвещение, поддержку подростков и их родителей. Рассмотрены современные социально-воспитательные методы, способствующие повышению правовой культуры: активные учебные лекции; проблемные лекции; дискуссионные группы; ролевые игры; имитационные игры; деловые игры; разбор кейс-ситуаций; разработка и реализация социальных проектов; наставничество, тьюторское сопровождение; метод событийного туризма; школьные службы примирения; волонтерский клуб, направленный на правовое просвещение подростков.

Ключевые слова: правовое просвещение; образовательная организация; подросток; правовое просвещение подростка; организационно-педагогические условия

Для цитирования: Харников М.В. Организационно-педагогические условия, способствующие эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 81-89. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-81-89

Abstract. The problem of legal education of the teenager is relevant. The organizational and pedagogical conditions promoting effective legal education of the teenager in the educational organization are presented and analysed, are: creation of the partner environment integrating efforts of all

subjects of legal education; support of increase in competence of teachers and parents on problems of legal education; ensuring inclusiveness of the teenager in the comprehensive program on formation of legal culture of the personality; realization of modern social and educational methods taking into account specific features of the teenagers and resources of the educational organization promoting increase in legal culture. It is established that the main subjects of legal education of teenagers are: Ombudsmen for Children; commission on affairs of minors and protection of their rights; bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation; bodies of the Ministry of Health; universities which are engaged in training of future lawyers; socially oriented non-commercial organizations, public organizations, funds educational and scientific institutions; The Internet portals directed to legal education, support of teenagers and their parents. In article the modern social and educational methods promoting increase in legal culture are considered: active educational lectures; problem lectures; debatable groups; role-playing games; imitating games; business games; analysis case situations; development and implementation of social projects; mentoring, tutor's maintenance; method of event tourism; school services of reconciliation; the volunteer club directed to legal education of teenagers.

Keywords: legal education; educational organization; teenager; legal education of the teenager; organizational and pedagogical conditions

For citation: Kharnikov M.V. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya, sposobstvuyushchie effektivnomu pravovomu prosveshcheniyu podrostka v obrazovatel'noy organizatsii [The organizational and pedagogical conditions promoting effective legal education of the teenager in the educational organization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 81-89. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-81-89 (In Russian, Abstr. in Engl.)

В современном российском обществе сохраняют актуальность исследование и практическая деятельность по правовому просвещению подростков, направленные на предупреждение противоправного поведения, совершения правонарушений и преступлений, социализацию и реабилитацию несовершеннолетних, уже находящихся в конфликте с законом. Правовое просвещение – важное направление профилактической деятельности в образовательной организации как наиболее важном институте социализации, массово и системно работающим с детьми подросткового возраста.

Согласно статье 2 Федерального закона «Об образовании в РФ», образовательная организация – это некоммерческая организация, осуществляющая на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых такая организация создана¹.

Важно для нашего исследования понимание подросткового возраста, с учетом позиции Д.Б. Эльконина, выделившего эпоху подростничества (12–17 лет) и два периода

подростничества (младший и старший подростковый возраст) [1, с. 143].

Анализ статистических данных показывает, что доля от общего числа населения 14–17 лет несовершеннолетних, совершивших преступления, в 2013 г. составила 1,119, в 2014 г. произошло незначительное снижение – 1,032, показатель 2015 г. составил 1,049. С каждым годом увеличивается доля несовершеннолетних, совершивших такие преступления, как незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, а также нарушения правил оборота этих средств. Если в 2010 г. эта доля составляла 0,038, в 2013 г. – 0,046, то в 2015 г. уже 0,061. Одним из показателей, характерных для сегодняшней действительности в подростковой преступности, являются преступления, совершенные в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Если в 2005 г. в состоянии алкогольного опьянения было совершено подростками 311,8 тыс. преступлений, то в 2015 г. – 401,0 тыс., что составляет прирост около 30 %. И совсем удручающая цифра по наркотическому опьянению – число подростковых преступлений, совершенных в этом состоянии, увеличилось с 8,1 тыс. в 2005 г. до 33,2 тыс. в 2015 г. (более чем в 4 раза) [2].

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273. Доступ из СПС Консультант Плюс.

Анализ ситуации в Тамбовской области показывает, что численность несовершеннолетних, состоящих на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, в органах внутренних дел составляет: 2013 г. – 745 человек; 2014 г. – 740; 2015 г. – 731; 2016 г. – 691; 2017 г. – 722 человека [3].

Правовое просвещение подростка как направление профилактической деятельности осуществляется в образовательных организациях при проведении опытно-экспериментальной работы на пилотных площадках. Например, в Тамбовской области на 2018–2019 гг. действуют следующие пилотные площадки, реализующие комплекс мер по организации продуктивной социально значимой деятельности несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом: МБОУ «Инжавинская средняя общеобразовательная школа», МБОУ «Уваровщинская средняя общеобразовательная школа», МБОУ «Заворонежская средняя общеобразовательная школа», МБОУ «Цнинская средняя общеобразовательная школа № 1», МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 2 им. Героя Советского Союза Н.И. Бореева», МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4», ТОГАОУ СПО «Техникум отраслевых технологий», МБОУ ДО «Центр внешкольной работы» г. Тамбов.

Анализ субъектов правового просвещения, тех, кто сотрудничает с пилотной площадкой, позволил выявить субъектов партнерства, то есть взаимодействующих с образовательной организацией в области проведения мероприятий по правовому просвещению – это Уполномоченный по правам ребенка, Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; учреждения, подведомственные: Управлению образования и науки Тамбовской области, Управлению социальной защиты и семейной политики, Управлению Министерства внутренних дел России по Тамбовской области, Управлению Федеральной службы исполнения наказаний по Тамбовской области, Управлению культуры и архивного дела, Управлению по физической культуре и спорту, Управлению здравоохранения, Управлению информационной политики администрации Тамбовской области; социально ориентированные некоммерческие организации и иные структуры, заинтересованные в профилактической и

просветительской работе с целевой детской аудиторией. Анализ деятельности пилотных площадок позволил выделить их целеполагание и содержательные направления. Цель деятельности пилотной площадки – максимальное вовлечение несовершеннолетних, состоящих на различных видах профилактического учета, в социально значимую продуктивную деятельность, дополнительное образование, реабилитационные мероприятия. К направлениям деятельности пилотных площадок относятся: предоставление образовательных услуг; организация содержательного досуга несовершеннолетних; организация межведомственного взаимодействия в работе с несовершеннолетними целевой группы; содействие в оказании социально-педагогической, психолого-педагогической и правовой консультационной помощи; анализ, обобщение и трансляция опыта работы; создание базы данных о несовершеннолетних целевой группы².

Анализ социальной практики, правовой документации и современных исследований позволил определить организационно-педагогические условия, способствующие эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации. Остановимся на их содержании.

Первое организационно-педагогическое условие, способствующее эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации, – это создание партнерской среды, интегрирующей усилия всех субъектов правового просвещения.

Необходимо создавать социальную среду, ориентированную на личность, всеми социальными институтами, обеспечивающими качество социализации и качество жизни подростка и населения [4, с. 76].

Осуществление правового просвещения подростка в образовательной организации происходит в рамках целостного образовательного процесса в воспитательном пространстве школы. Для этого образовательная организация должна создавать партнерскую среду, в которую на основе межведомствен-

² Из опыта работы муниципальных опорных площадок «Подросток и общество» по профилактике правонарушений и преступлений несовершеннолетних (бюллетень). Тамбов: ТОГБОУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества», 2017.

ного взаимодействия могут входить следующие партнеры:

– *Уполномоченный по правам ребенка.*

В деятельности Уполномоченного по правам ребенка работа по рассмотрению заявлений, жалоб граждан является одним из важнейших направлений. При этом особое внимание уделяется повышению эффективности уровня внесудебной защиты прав ребенка, оказанию максимальной помощи в восстановлении нарушенных прав и предупреждению нарушений прав несовершеннолетних.

Уполномоченный по правам ребенка еженедельно проводит личные приемы граждан, работает с письменными заявлениями, дает консультации и разъяснения по телефонным обращениям, а также организует контрольные выезды в детские учреждения.

В пределах своей компетенции Уполномоченный рассматривает жалобы граждан (взрослых и детей) на нарушения прав несовершеннолетних, изучает суть обозначенных проблем, дает консультации и разъяснения о возможных путях их решения, организует проведение проверок по представленным заявителями фактам.

Наряду с содействием гражданам в реализации и восстановлении нарушенных прав, работа Уполномоченного по правам ребенка нацелена и на предупреждение нарушений прав и законных интересов ребенка.

О востребованности данного института свидетельствует и тот факт, что посещаемость официального сайта растет из года в год. Ежегодно увеличивается количество обращений, поступающих к Уполномоченному по правам ребенка³;

– *комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.* С целью профилактики правонарушений, экстремизма, употребления спиртных напитков, наркотических веществ, иных токсических препаратов в общественных местах, предупреждения повторных преступлений комиссия проводит общественные приемные, консультации для несовершеннолетних, родителей и педагогов в образовательных организациях, организациях среднего профессионального образования, пришкольных и загородных оздоровительных лагерях, социальных учреждениях,

³ Доклад о состоянии соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов детей в Тамбовской области в 2016 году. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. С. 9-10.

рейдовые мероприятия, индивидуальную профилактическую работу и другие виды работ, включая правовое просвещение;

– *органы Министерства внутренних дел Российской Федерации.* На своем официальном сайте Министерство создало и регулярно обновляет раздел «Правовая помощь детям», а также страницу «Полиция – детям». Сотрудники правовых подразделений участвуют в мероприятиях, направленных на правовое просвещение подростков («Детский дорожно-транспортный травматизм и ответственность за нарушение правил дорожного движения велосипедистами», «Понятие заведомо ложного сообщения об акте терроризма, о нормах действующего законодательства и мерах ответственности за данное деяние», «Правила поведения в общественных местах в преддверии летних каникул» и др.).

Комплексное и целенаправленное воздействие на группы подростков, качественная профилактика их противоправной деятельности осуществляется в рамках оперативно-профилактических операции «Группа», «Неформал», «Подросток – улица», «Лидер». Рассмотрим подробнее ОПО «Подросток – улица». Данная операция направлена на предупреждение противоправных деяний несовершеннолетних в общественных местах и на улицах (в том числе в ночное время), выявление подростков, совершающих правонарушения, проведение разъяснительной работы по правилам дорожного движения и предупреждению дорожно-транспортных происшествий с участием детей [5];

– *органы Министерства юстиции Российской Федерации.* На официальном сайте Минюста России в разделе «Правовая информация» размещены подготовленные Министерством совместно с федеральным бюджетным учреждением «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации» просветительские материалы (брошюры): «Старт во взрослую жизнь. Подростку (14–18 лет) о его правах, обязанностях и ответственности»⁴;

⁴ Информационное письмо об организации правового просвещения и распространения информации о правах ребенка, адаптированной для детей, родителей, учителей, специалистов, работающих с детьми и в интересах детей, через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» в 2016 году. URL: <http://arhschool.ru/wp-content/uploads/2017/03/Информационное-письмо-об-органи->

– органы Министерства здравоохранения Российской Федерации. На официальном сайте на странице Департамента медицинской помощи детям и службы родовспоможения размещена информация в отношении нормативно-правовых актов, связанных с медицинской помощью детям;

– университеты, занимающиеся подготовкой будущих юристов. Например, на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина действует студенческая правовая консультация «Юридическая клиника». Она предназначена для обучения студентов-юристов, оказания бесплатной юридической помощи заинтересованным лицам и правового просвещения населения;

– СО НКО, общественные организации, фонды и научные учреждения. Для реализации социальной политики на уровне регионов создаются некоммерческие организации (потенциал) и разрабатываются механизмы реализации институциональных функций «игроков» третьего сектора. Законодательная, финансовая, информационная и методическая поддержка добровольчества в России приносит положительный результат: начиная с 2012 г. отмечается положительная статистика в количестве СО НКО, числе их персонала и количестве добровольцев; по данным ВЦИОМ, сегодня 75 % молодых россиян готовы участвовать в общественно полезной деятельности бесплатно или за символическую плату [6].

Положительный профилактический эффект в работе с подростками создают общественные формирования, например, «Совет отцов», «Совет бабушек», привлекая к этой работе родителей. «Советы профилактики правонарушений» наравне с профилактической работой по предупреждению правонарушений несовершеннолетних занимаются и их защитой, реабилитацией и адаптацией [7].

Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, поддерживает деятельность портала «Я – родитель», где существует специальный раздел «Имею право!», в котором содержится актуальная информация для подростков и их родителей (содержатся инфографика и видеоролики о правах детей).

зации-правового-просвещения-и-распространения-информации-о-правах-ребенка.pdf (дата обращения: 08.04.2018).

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Центр защиты прав и интересов детей» на специализированной странице «Твое право» размещает информацию по правовому просвещению населения;

– интернет-порталы, направленные на правовое просвещение, поддержку подростков и их родителей. В Тамбовской области действует портал «Подросток и общество» (<http://podrostok.68edu.ru/>), в Ярославской области – «Подросток и закон».

Обобщив субъекты правового просвещения и их возможности в партнерской среде образовательной организации, представим информацию в виде табл. 1.

Второе организационно-педагогическое условие, способствующее эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации, – поддержка повышения компетентности педагогов и родителей по проблемам правового просвещения.

Особая роль в правовом просвещении подростков в образовательном учреждении принадлежит педагогу.

Для поддержки повышения компетентности педагогов по проблемам правового просвещения предусмотрено проведение Педагогических советов по проблеме соблюдения прав ребенка, «круглых столов» и семинаров по основным правовым вопросам, касающимся подростков (восстановительная медиация: проектирование служб примирения в образовательных организациях, нормативно-правовые документы по защите прав ребенка; когда подросток нуждается в защите; профилактика и разрешение конфликтных ситуаций в образовательной среде; профилактика жестокого обращения с детьми; права, обязанности и ответственность подростков; подростки и уголовный кодекс; официальные источники правовой информации и др.).

Важная роль в формировании правовой культуры подростка отводится семье и родителям, которым необходимо осуществлять правовое просвещение по отношению к своим детям и подросткам. При осуществлении поддержки повышения компетентности родителей по проблемам правового просвещения подростков предусмотрено проведение цикла занятий по следующим основным темам: «Основные права детей и их защита в РФ»,

«Ситуации на уроках, в школе, в которых необходимо защищать права детей», «Ответственность родителей за воспитание полноценного гражданина российского общества», «Проблемы воспитания правовой культуры у детей на разных возрастных этапах», «Ответственность родителей за воспитание детей», «Профилактика детской преступности. Роль родителей в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних», «Как найти пути к бесконфликтной дисциплине», «Поощрение хорошего поведения. Убеждение – как главный метод воспитания», «Воровство. Профилактика проявления элементов воровства. Уголовная ответственность лица, совершившего воровство», «Агрессивное поведение ребенка в подростковом возрасте. Причины агрессии. Действия родителей», «Социальные учреждения, оказывающие помощь подростку» и др.

Третье организационно-педагогическое условие, способствующее эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации, – это обеспечение включенности подростка в комплексную программу по формированию правовой культуры личности.

Включенность подростка в указанные выше проекты и программы, формирующие

правовую культуру личности, обеспечивается мотивацией и обсуждением смыслового контекста различных моделей поведения, кейс-ситуаций.

Под правовой культурой подростка понимаем один из видов социальной культуры личности, результат целенаправленного социального воспитания подростка, содержанием которого выступают ценности, знания, правомерное поведение, готовность руководствоваться правом в различных видах социально-полезной деятельности на практике. В соответствии с основными компонентами правовой культуры подростка (ценностный, когнитивный, деятельностный) разработана программа, основными содержательными темами которой по формированию правовой культуры личности подростка являются: «Конвенция о правах ребенка», «Декларация прав ребенка», «Права и обязанности», «Мои права и права других людей», «От проступка к преступлению», «Об ответственности перед родными людьми», «В гостях у Уполномоченного по правам ребенка», «Дети и современная судебная система», «Уголовная ответственность», «Официальные источники правовой информации», «Враги твоего здоровья» и др.

Таблица 1
Субъекты правового просвещения и их возможности в партнерской среде образовательной организации

Субъекты правового просвещения	Возможности
Уполномоченные по правам ребенка	Использование информации при проведении занятий, привлечение к проведению занятий
Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав	Привлечение сотрудников к проведению занятий, привлечение сотрудников к тьюторскому сопровождению подростка
Органы Министерства внутренних дел Российской Федерации	Использование информации при проведении занятий, привлечение сотрудников к проведению занятий, привлечение сотрудников к тьюторскому сопровождению подростка
Органы Министерства юстиции Российской Федерации	Использование информации с портала при проведении занятий
Органы Министерства здравоохранения Российской Федерации	Использование информации с портала при проведении занятий
Университеты, занимающиеся подготовкой будущих юристов	Привлечение студентов к проведению занятий, индивидуальные консультации, привлечение членов общественной организации к тьюторскому сопровождению подростка
СО НКО, общественные организации, фонды и научные учреждения	Использование информации при проведении занятий, привлечение членов общественных организаций к проведению занятий, привлечение членов общественной организации к тьюторскому сопровождению подростка
Интернет-порталы, направленные на правовое просвещение, поддержку подростков и их родителей	Использование информации при проведении занятий, самостоятельное изучение портала подростками

Четвертое организационно-педагогическое условие, способствующее эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации, – это реализация современных социально-воспитательных методов с учетом индивидуальных особенностей подростков и ресурсов образовательной организации, способствующих повышению правовой культуры.

К социально-воспитательным методам мы относим действия субъектов правового просвещения (педагогов, родителей, иных субъектов правового просвещения), направленные на формирование правовой культуры подростка:

- активные диалоги;
- проблемные практикумы;
- дискуссионные группы;
- ролевые игры;
- имитационные игры;
- деловые игры;
- разбор кейс-ситуаций;
- разработку и реализацию социальных проектов – метод, обеспечивающий профилактику, социальную адаптацию и реабилитацию подростков группы риска через деятельное участие в социально значимых проектах;
- наставничество, тьюторское сопровождение.

Тьюторское сопровождение предполагает учет занятости во внеурочное время, организацию эффективной социализации, реабилитации и личностного саморазвития подростка. Тьюторское сопровождение дает возможность искать различные дополнительные ресурсы, с помощью которых подростки эффективно используют свой потенциал, участвуют в социально-полезной деятельности. Тьютор-наставник передает несовершеннолетним знания о социально-правовых нормах, опыт самостоятельной социально значимой деятельности, содействует постоянной продуктивной занятости подростка, коррекции поведения, социальной адаптации подростка в условиях семьи. Тьютор для каждого подростка разрабатывает индивидуальную маршрутную карту занятости, предполагающую вовлечение подростка в социально-полезную деятельность, работу объединений дополнительного образования, внеурочные мероприятия, деятельность общественных объединений, некоммерческих организаций

волонтеров; также в маршрутной карте предусматривается профилактическая работа с семьей подростка.

Тьютор во время своей работы с подростком: устанавливает доверительные отношения с подростком; разрабатывает совместно с подростком индивидуальную траекторию его занятости; осуществляет мониторинг занятости подростка во внеурочное время; реализует взаимодействие со специалистами общеобразовательной организации, в которой учится подросток, его семьей; содействует установлению благоприятного климата в семье; осуществляет содействие в оказании индивидуальной психологической помощи подростку; разрабатывает и обновляет маршрутную карту занятости несовершеннолетнего; проводит беседы в области правового просвещения подростка [3];

- метод событийного туризма – метод, сочетающий в себе традиционный туризм и социальную анимацию (участие в правовых, спортивных и других мероприятиях, происходящих на пути следования по маршруту);

- создание на базе образовательных организаций *школьных служб примирения*. Школьная служба примирения (ШСП) – утвержденная приказом директора детско-взрослая команда, которая в рамках образовательной организации проводит восстановительные программы по случаям конфликтов и правонарушений несовершеннолетних. Возможно, что в составе службы примирения работают только взрослые специалисты. Название может варьироваться («детская служба примирения», «служба школьной медиации» и пр.), но важна ориентация на восстановительные принципы (принципы восстановительного правосудия). Действующей считается служба, которая проводит не менее 4-х восстановительных программ в год, либо которая создалась меньше года назад, но уже провела восстановительные программы⁵.

В Тамбовской области школьные службы примирения действуют в ТОГКУ СОН «Центр социальной помощи семье и детям «Семейный родник», ТОГКСУ СО «Социальный приют для детей «Орешек», ТОГБОУ «Жердевская общеобразовательная школа-

⁵ Методические рекомендации по созданию и развитию служб школьной медиации в образовательных организациях. URL: <https://minobr.government-nnov.ru/?id=121147> (дата обращения: 08.04.2018).

интернат», МБОУ СОШ № 1 г. Кирсанов, МБОУ СОШ № 7 г. Мичуринск, МБОУ СОШ № 2 г. Моршанск, МБОУ СОШ № 4 г. Рассказово, МБОУ СОШ № 1 Сосновского района, МБОУ Цнинская СОШ № 2 Тамбовского района, МАОУ СОШ № 30 г. Тамбов, МАОУ СОШ № 36 г. Тамбов, Филиал МБОУ Волчковская СОШ в с. Шехмань Петровского района, МБОУ «Уваровщинская СОШ» Кирсановского района [3];

– создание на базе образовательной организации волонтерского клуба, направленного на правовое просвещение подростков.

При проведении мероприятий клуба-кружка подростки «примеряют» для себя профессию юриста, а также осуществляют проведение занятий на правовую тематику по методу «сверстник – сверстнику», на базе кружка-клуба также проводятся встречи с профессиональными юристами и представителями правоохранительных органов.

Правовая культура основывается на поведении отдельного индивида, как он относится к законам, понимает и уважает право. От того, в какой степени граждане знают свои права, умеют пользоваться законами, применять их на практике, и зависит культура права в государстве [8, с. 252]. Согласно с С.А. Жинкиным, что ответственность за правовое просвещение лежит на государстве и

институтах гражданского общества, которые должны разрабатывать соответствующие технологии [9, с. 120]. Важное место в правовом просвещении подростков отводится образовательной организации, деятельность которой должна быть направлена, в том числе, на формирование у учащихся опыта самостоятельной деятельности в правовой сфере, современных ключевых компетенций, личной ответственности [10, с. 138].

Таким образом, на основе анализа инновационной социально-воспитательной практики выделены организационно-педагогические условия, способствующие эффективному правовому просвещению подростка в образовательной организации. К ним отнесены:

– создание партнерской среды, интегрирующей усилия всех субъектов правового просвещения;

– поддержка повышения компетентности педагогов и родителей по проблемам правового просвещения;

– обеспечение включенности подростка в комплексную программу по формированию правовой культуры личности;

– реализация современных социально-воспитательных методов с учетом индивидуальных особенностей подростков и ресурсов образовательной организации, способствующих повышению правовой культуры.

Список литературы

1. Эльконин Б.Д. Психология развития. М.: Академия, 2001.
2. Титова М.П. Преступность несовершеннолетних в современном российском обществе: причины и методы профилактики (социологический анализ) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: материалы 5 Всерос. соц. конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 5759-5768.
3. Наставничество (сборник лучших практик наставничества в работе с детьми группы риска) / сост. Т.Е. Титова. Тамбов, 2018.
4. Гарашкина Н.В., Дружинина А.А. Инновационные технологии обеспечения социального здоровья // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 10 (162). С. 72-81. DOI 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-72-81.
5. Тимко С.А., Жайворонок А.В. Оперативно-профилактические операции как средство предупреждения групповой преступности несовершеннолетних // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1 (64). С. 47-50.
6. Власова А.А. Концептуальные основы развития и институты реализации социального потенциала региона (на примере Ярославской области) // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 2 (2). С. 134-139.
7. Михайлова А. 7 основных причин подростковой преступности и пути их решения. URL: <http://www.garant.ru/article/526482/> (дата обращения: 08.04.2018).
8. Бобылева Е.В. Влияние законодательства на правовую культуру современного общества в Российской Федерации // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 9. С. 251-253.

9. Жинкин С.А. Вопросы технологии правового воздействия на правовую культуру личности // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 119-122.
10. Блясова И.Ю. Правовая культура подрастающего поколения: проблемы и пути решения // Педагогическое образование в России. 2014. № 10. С. 134-138.

References

1. Elkonin B.D. *Psikhologiya razvitiya* [Development Psychology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. (In Russian).
2. Titova M.P. Prestupnost' nesovershennoletnikh v sovremennom rossiyskom obshchestve: prichiny i metody profilaktiki (sotsiologicheskiy analiz) [Criminality of underage people in the contemporary Russian society: causes and prevention methods (sociological analysis)]. *Materialy 5 Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa «Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'»* [Proceedings of the 5th All-Russian Sociological Congress "Sociology and Society: Social Inequity and Social Justice"]. Moscow, Russian Society of Sociologists Publ., 2016, pp. 5759-5768. (In Russian).
3. Titova T.E. (compiler). *Nastavnichestvo (sbornik luchshikh praktik nastavnichestva v rabote s det'mi gruppy riska)* [Guidance (Digest of the Best Guidance Practices in the Work)]. Tambov, 2018. (In Russian).
4. Garashkina N.V., Druzhinina A.A. Innovatsionnye tekhnologii obespecheniya sotsial'nogo zdorov'ya [Innovative technology to ensure social health]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 10 (162), pp. 72-81. DOI 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-72-81. (In Russian).
5. Timko S.A., Zhayvoronok A.V. Operativno-profilakticheskie operatsii kak sredstvo preduprezhdeniya gruppovoy prestupnosti nesovershennoletnikh [Detective and preventive operations as the means of preventing juvenile group crimes]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh – Psycho-Pedagogy in Law Enforcement*, 2016, no. 1 (64), pp. 47-50. (In Russian).
6. Vlasova A.A. Kontseptual'nye osnovy razvitiya i instituty realizatsii sotsial'nogo potentsiala regiona (na primere Yaroslavskoy oblasti) [Development frameworks and implementation institutions of social potential in region (on the example of Yaroslavl region)]. *Sotsial'nye i humanitarnye znaniya – Social and Human Knowledge*, 2015, no. 2 (2), pp. 134-139. (In Russian).
7. Mikhaylova A. 7 osnovnykh prichin podrostkovoy prestupnosti i puti ikh resheniya [7 basic causes of teenagers' criminality and ways of its solution]. (In Russian). Available at: <http://www.garant.ru/article/526482/> (accessed 08.04.2018).
8. Bobyleva E.V. Vliyanie zakonodatel'stva na pravovuyu kul'turu sovremennogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii [Legislation influence on law culture of contemporary society in the Russian Federation]. *Nauchno-obrazovatel'nyy potentsial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka* [Scientific and Educational Potential of the Youth in the Current Problems of the 20th Century Solution], 2017, no. 9, pp. 251-253. (In Russian).
9. Zhinkin S.A. Voprosy tekhnologii pravovogo vozdeystviya na pravovuyu kul'turu lichnosti [Issues of technology of the legal influence on law culture of personality]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Technics], 2016, no. 10, pp. 119-122. (In Russian).
10. Blyasova I.Y. Pravovaya kul'tura podrastayushchego pokoleniya: problemy i puti resheniya [Law culture of the younger generation: problems and ways of salvation]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*, 2014, no. 10, pp. 134-138. (In Russian).

Информация об авторе

Харников Максим Викторович, аспирант, кафедры психолого-педагогического и социального образования. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: drugininaan@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6462-3934>

Поступила в редакцию 14.06.2018 г.
Поступила после рецензирования 20.07.2018 г.
Принята к публикации 15.01.2019 г.

Information about the author

Maksim V. Kharnikov, Post-Graduate Student, Psychological and Pedagogical and Social Education Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: drugininaan@yandex.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6462-3934>

Received 14 June 2018
Reviewed 20 July 2018
Accepted for press 15 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-90-97
УДК 37+796.03

Переживание времени в спорте (психолого-педагогический аспект)

**Федор Иванович СОБЯНИН¹, Юрий Борисович НИКИФОРОВ²,
Светлана Викторовна МИХЕЛЬ^{2,3}**

¹ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7316-8355>, e-mail: Sobyandin@bsu.edu.ru

²ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
352900, Российская Федерация, Краснодарский край, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1979-0124>, e-mail: nfagu@yandex.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6305-6103>, e-mail: nfagu@yandex.ru

Time experience in sports (psychological and pedagogical aspect)

Fedor I. SOBYANIN¹, Yuriy B. NIKIFOROV², Svetlana V. MIKHEL^{2,3}

¹Belgorod National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7316-8355>, e-mail: Sobyandin@bsu.edu.ru

²Armavir State Pedagogical University

159 Rosa Luxemburg St., Armavir 352900, Krasnodar Territory, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1979-0124>, e-mail: nfagu@yandex.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6305-6103>, e-mail: nfagu@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые аспекты переживания времени в спортивной деятельности. Актуальность данного исследования определяется увеличением уровня переживания времени среди всего населения, что в совокупности с переживаниями времени, которое происходит в спорте, представляет собой проблему для подготовки спортсменов с психолого-педагогической точки зрения. Описанные в работе данные получены в результате анализа и обобщения специальной литературы, педагогического наблюдения за спортсменами, анализа телетрансляций соревнований по разным видам спорта. Исследование проводилось в течение 2017–2018 гг. на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета, Армавирского государственного педагогического университета. Установлено, что проблема переживания времени в спорте фактически еще малоизучена и главным образом касается вопросов психологической подготовки спортсменов к ответственным спортивным соревнованиям. Проведенное исследование позволило выявить типы переживания спортивного времени в зависимости от направленности на объект и причины переживания, уровни напряженности переживания времени в спортивной деятельности, а также некоторые факторы, которые определяют особенности переживания времени спортсменами на тренировках и во время спортивных соревнований. При рассмотрении указанных вопросов учитывалось, что переживание времени имеет общежизненные особенности, которые могут становиться фоном для специфических переживаний времени, возникающих в учебно-тренировочной и соревновательной деятельности спортсменов. Данные исследования развивают представления о переживании времени в спорте, что имеет как теоретическое, так и практическое применение. Перспективы исследования в данном направлении обширные, они могут пересекаться с проблемами социологии, педагогики, психологии, философии спорта и некоторых других областей знания. В частности, определенный интерес представляют, например, изучение гендерных особенностей переживания времени в спорте, изменения возрастной динамики переживания времени спортсменами, типологические характеристики при переживании времени в спорте.

Ключевые слова: время; переживание; спорт; уровни; типы

Для цитирования: *Собянин Ф.И., Никифоров Ю.Б., Михель С.В.* Переживание времени в спорте (психолого-педагогический аспект) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 90-97. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-90-97

Abstract. We consider some aspects of time experience in sports activity. The relevance of this study is determined by the increase in the level of time experience among the entire population, which together with the time experiences that occurs in sports, is a problem for the athletes preparation from a psychological and pedagogical point of view. The data described in the work are obtained as a result of analysis and generalization of special literature, pedagogical observation of athletes, analysis of TV broadcasts of competitions in different sports. The study was conducted in 2017–2018 on the basis of the Belgorod National Research University, Armavir State Pedagogical University. We established that the problem of time experiencing in sports is actually still little studied and mainly concerns the issues of psychological athletes' preparation for responsible sports competitions. The study reveals the types of sports time experience depending on the focus on the object and the causes of the experience, the levels of tension of time experience in sports activities, as well as some factors that determine the characteristics of the experience of time by athletes in training and during sports competitions. When considering these issues, it was taken into account that the time experience has life-like features that can become the background for specific experiences of time arising in the training and competitive activities of athletes. These studies develop ideas about the time experience in sports, which has both theoretical and practical application. Prospects of research in this direction are extensive, they may overlap with the problems of sociology, pedagogy, psychology, philosophy of sports and some other areas of knowledge. In particular, a certain interest is, for example, the study of gender features of the time experience in sports, changes in the age dynamics of the time experience by athletes, typological characteristics of the time experience in sports.

Keywords: time; experience; sports; levels; types

For citation: *Sobyenin F.I., Nikiforov Y.B., Mikhel S.V.* Perekhivaniye vremeni v sporte (psikhologo-pedagogicheskiy aspekt) [Time experience in sports (psychological and pedagogical aspect)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 90-97. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-90-97 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Спорт как реальное явление существует во времени и пространстве. Причем время в спорте – категория весьма конкретная, динамичная и напряженная. Обычно время в спорте понимается с точки зрения сугубо практической: например, как главный показатель соревнований в видах спорта, где победитель определяется по наименьшему времени преодоления дистанции, как продолжительность физической нагрузки или отдыха после выполнения упражнения, как временной указатель намеченных действий в режиме дня, программе соревнований и т. д.

Спортивное время сочетается в деятельности спортсмена с общим временем жизнедеятельности, включающем в себя также рабочее время, учебное, свободное время, которые между собой могут сочетаться гармонично, а могут вступать в противоречивое взаимодействие.

Разновидности настоящего времени спортсменов переживаются на фоне социальной неустроенности, политической и экономической нестабильности и напряженности в обществе. Эта социальная напряженность и увеличивающаяся ограниченность времени, скоротечность, темп современной жизни могут негативно сказываться на личности спортсмена, его подготовленности и в итоге на спортивных результатах.

Целесообразное, рациональное распределение времени, его адекватное переживание позволяет спортсменам сэкономить свои силы, правильно их прикладывать и восстанавливать. Однако вопрос о том, как распределять и переживать время в спорте, в специальной литературе фактически малоизучен, что и определяет актуальность данного исследования.

Цель исследования – выявить особенности переживания времени в спорте, в частности, его типы, уровни и факторы, опреде-

ляющие особенности переживания времени спортсменами.

МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Описанные в работе данные получены в результате анализа и обобщения специальной литературы (127 источников), наблюдения за спортсменами (56 наблюдений), анализа телетрансляций соревнований по разным видам спорта (28 российских и международных соревнований). Исследование проводилось в течение 2017–2018 гг. на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета и Армавирского государственного педагогического университета.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что «переживание времени» как научная проблема в большей степени разрабатывается в психологии, истории и философии. Так, например, исследуются вопросы переживания времени в студенческом возрасте, восприятия времени у пожилых людей и некоторые другие аспекты [1–10].

Что касается спортивной тематики, то в ней на передний план обычно выступают конкретные параметры времени, имеющие значение, прежде всего, для освоения техники физических упражнений (продолжительность упражнения, пространственно-временные, временные характеристики техники), либо реализации методики развития физических качеств (количество времени, затрачиваемое на реализацию повторного, переменного, равномерного и прочих методов развития физических качеств спортсмена). Кроме того, время используется как необходимый параметр в планировании, например, многолетней, годичной спортивной подготовки. Вместе с тем вопрос о переживании времени спортсменами, если и рассматривается с научной позиции, то только в связи с участием в соревнованиях, предсоревновательной подготовкой, поведением во время соревнований для того, чтобы сохранить нервно-психическую энергию и не «перегореть» перед стартом во время «стартовой лихорадки».

Поэтому более широкий диапазон изучения переживания времени в спорте остается малоизученной областью, требующей специального исследования.

По данным проведенного нами исследования удалось установить, что по своей направленности можно выделять три основных типа переживания времени в спорте: негативное, позитивное, нейтральное. Нейтральное переживание характеризуется тем, что в нем нет выраженной направленности в негативном или позитивном направлении. В связи с этим нет необходимости коррекции острого переживания времени, и оно не становится фактором, препятствующим учебно-тренировочному процессу, участию в соревнованиях, но одновременно служит адекватным фоном для функционирования субъекта в спорте.

Кроме того, по силе, степени напряженности следует дифференцировать основные уровни переживания времени (табл. 1).

На низком уровне переживание времени имеет воздействие на психику спортсмена по силе ниже, чем на ординарном уровне (табл. 1). Такой уровень чаще отмечается в восстановительном периоде годичного цикла тренировки либо в промежутки, когда спортсмен отдыхает и восстанавливается после физической нагрузки относительно непродолжительное время. Бывают и вынужденные периоды, когда, например, спортсмен получил травму либо находится в ситуации относительного покоя (сидит на скамейке запасных, по каким-либо причинам не может участвовать в соревнованиях, тренировках и др.).

Ординарный уровень переживания времени наблюдается обычно достаточно продолжительно, когда спортсмен в тонусе, готов и способен выполнять намеченную нагрузку, вполне справляется с планом подготовки и чувствует себя достаточно уверенно, даже если была получена незначительная травма или на него повлиял какой-либо фактор, который не вывел его из равновесия и он с ним способен справиться. С учетом особенностей, например, типа высшей нервной деятельности, у некоторых спортсменов даже в привычной обстановке может быть пониженный или повышенный уровень переживания времени, что также не всегда способствует успешному учебно-тренировочному процессу. Следовательно, необходимы сис-

тематические психолого-педагогические воздействия на спортсмена, позволяющие ему войти в нормальное рабочее состояние и обеспечить готовность к эффективной деятельности спортсмена.

Повышенный уровень переживания времени существенно может повлиять на психическое и физическое состояние спортсмена. Еще сильнее данное переживание может отмечаться, если действующий фактор отличается новизной и спортсмен не может к нему быстро адаптироваться или сопротивляться ему. В таком положении тренер должен обратить внимание на поведение спортсмена и проанализировать его состояние, найти и реализовать средства и способы снижения уровня переживания до необходимой нормы, позволяющей полноценно продолжить занятия избранным видом спорта.

Один из ведущих факторов, имеющий большое значение для уровня переживания времени спортсменом, – это его спортивная

мотивация. Она является своеобразным катализатором проявлений субъективного отношения спортсмена ко всему, что происходит в его спортивной карьере. От него зависит характер переживания, направленность и уровень напряженности переживания времени.

Переживание времени в спорте имеет разную продолжительность (табл. 2).

Виды переживания времени по продолжительности можно считать условными, и их можно рассматривать и выделять иначе, но вместе с тем они существенно различаются между собой, поскольку ориентированы на определенный тренировочный фрагмент, период годового цикла тренировки и многолетней подготовки спортсмена.

Наиболее скоротечно оперативное переживание времени – его максимальная продолжительность до суток (табл. 2). Оно быстрее забывается, хотя бывает разным по направленности и силе переживаний.

Таблица 1

Основные уровни переживания времени в спорте

№ п/п	Уровни напряженности переживания времени в спорте	Характеристика уровня переживания времени	Период переживания времени
1	Низкий	Отличается относительным спокойствием спортсмена, сниженным или нормальным уровнем тревожности, размеренностью в поведении	Во время отдыха, восстановления после напряженных тренировок (в восстановительном микроцикле), сборов, соревнований, после окончания соревновательного периода годового цикла тренировок (восстановительный переходный период)
2	Ординарный	Отличается рабочим тонусом, активностью в пределах нормы, нормальным привычным уровнем тревожности	Во время учебно-тренировочного процесса в ходе подготовительного и соревновательного периодов годового цикла тренировки
3	Повышенный	Отличается напряжением выше, чем на ординарном уровне, ростом и большой изменчивостью уровня тревожности, доходящей до максимума	В подготовительном, но чаще в соревновательном периоде годового цикла тренировки, а также возможны фрагменты в восстановительном периоде как исключение

Таблица 2

Продолжительность переживания времени в спорте

№ п/п	Вид переживания времени по продолжительности	Характеристика временного отрезка
1	Оперативное	Короткий промежуток времени (секунды, минуты, часы, сутки)
2	Текущее	Свыше суток, неделя, месяц
3	Этапное	В разные этапы годичной тренировки в соответствии с распределением их по продолжительности в подготовительном, соревновательном и переходном периодах
4	Перманентное	Все время, которое спортсмен занимается спортом

Текущее переживание времени длится от суток до месяца. В нем перемешиваются все переживания, которые связаны не только с занятиями спортом, но и обусловленные другими видами деятельности действующего спортсмена.

Этапное переживание обусловлено главной направленностью тренировочного процесса и соревнований на каждом отдельно взятом этапе подготовки в годичном цикле.

Перманентное переживание времени – это преобладающее, главное переживание времени спортсменом на протяжении всей его спортивной жизнедеятельности.

Факторы, определяющие переживание времени, бывают субъективные (зависят от личности спортсмена) и объективные (внешние факторы, не зависящие от личности спортсмена и его влияния). Субъективными факторами являются переживания спортивной деятельности, которые обусловлены особенностями реакции конкретной личности на все события в спорте, основанными на индивидуальности спортсмена, его своеобразии, непохожести на всех других (особенности переживания времени перед ответственными соревнованиями, переживание личной неудачи в спорте, переживание за выступление своей команды и др.). Объективные факторы действуют извне, могут быть уже ожидаемыми, предсказуемыми, а могут быть совершенно случайными, неожиданными (например, участие в крупнейших соревнованиях уже хорошо известных основных соперников или неожиданное появление на таких соревнованиях новых, никому не известных, но очень сильных конкурентов, перенос соревнований из-за погодных условий, технических неполадок, агрессивное поведение болельщиков и т. д.).

В спорте, как и в любом другом виде деятельности, актуальна проблема синхронности со временем. Например, тренер и спортсмен могут идти «в ногу со временем», то есть одновременно с современным состоянием спортивной подготовки, уровнем спортивных достижений, уровнем научно-технического прогресса. Вместе с тем они могут отставать от современного времени, потому что не учитывают современные тенденции, развивающиеся в данном виде спорта, или даже обгонять его (если, например, применять самые передовые средства и методы

тренировки, еще не известные широкой публике). Разумеется, что целесообразнее в спорте идти либо синхронно (одновременно) с современным состоянием спорта, либо идти с некоторым опережением по времени своих основных соперников, сложившихся традиционных технологий спортивной подготовки.

Исследование также показывает, что переживание времени в спорте обусловлено двумя основными группами факторов, влияющих на этот процесс. Первая группа факторов – это типичные жизненные ситуации, например, в семье, школе, среде знакомых и близких людей, вузе и т. д. Данные факторы воздействуют на состояние спортсмена сильнее в тех случаях, когда они наиболее близки самым актуальным жизненным потребностям конкретного человека.

Вторая группа факторов отражает специфику спортивной деятельности: состояние готовности спортсмена к соревнованиям, напряженность соревновательной борьбы, спортивные конфликты, травмы в ходе тренировок или соревнований и др. Данные факторы воздействуют автономно или в комплексе, отличаются по силе влияния, направленности, продолжительности переживания времени. Они также должны быть в зоне внимания тренера или спортивного психолога.

В зависимости от количественного состава можно различать переживание времени персональное, групповое и массовое. Персональное переживание, прежде всего, субъективно и замыкается в рамках отдельного спортсмена. Сила и значимость переживания времени здесь проявляется в радикальных моментах спортивной карьеры: в моменты наивысшего спортивного достижения, переживания успеха, славы и, наоборот, в моменты поражения, проигрыша, неудачи в спорте.

В персональном переживании времени спортсменом важно понимать, в какой фазе спортивной карьеры он находится и в какой временной период лучше всего уйти из спорта, чтобы не было напрасных разочарований. Это переживание связано с адаптацией к жизни после завершения спортивной карьеры. При этом перспективными остаются только два направления деятельности: 1) оставаться в спорте в каком-либо качестве и посвятить ему все оставшееся время своей жизни; 2) уйти в сферу другой деятельности, не связанной со спортом. Данный период иногда

бывает очень болезненным, и к нему необходимо специально подготовиться.

Групповое переживание времени в спорте относится к переживанию, единому для определенной социальной группы людей (например, переживания за спортивную команду). Это могут быть спортсмены, тренеры, их смешанные группы, а также другие функционеры спорта. Не обязательно такие переживания связаны с непосредственной тренировочно-соревновательной деятельностью. Причинами переживания могут быть экономические вопросы в спортивном клубе, изменения штатного расписания, реструктуризация организации, открытие или закрытие спортивного клуба, федерации.

Массовые переживания времени обычно относятся к очень крупным спортивным событиям: чемпионатам мира, Европы, Олимпийским играм. Ценностью таких переживаний являются временное консолидирование, интеграция болельщиков и спортсменов, обострение национальных чувств, подъем патриотизма благодаря успехам спортсменов своей страны.

По данным педагогических наблюдений и анализа телетрансляций спортивных соревнований особенно выразительно групповое и массовое переживание времени происходит при переходе (либо неудаче) в следующий этап соревнований, попадании в финал и победе в соревнованиях.

В данной работе нет возможности раскрыть все многочисленные аспекты проблемы переживания времени в спорте. Вместе с тем вполне очевидно, что данная проблематика имеет большую перспективу и актуальность в ближайшем будущем. Среди перспективных вопросов, помимо указанных в статье, вопрос о качестве, насыщенности переживания времени в спорте, ценности спортивного времени, осознания этой ценности. Интересен вопрос о масштабности времени от мгновения до эпохи, столетия, тысячелетия и характеристике временного масштаба (например, футбольная эпоха Л. Яшина, Пеле, В. Лобановского). Также представляют научный интерес связь спортивной эпохи с социально-историческим временем и их взаимовлияние, вопрос о критериях и социальных требованиях к спортсмену, являю-

щемуся «героем нашего времени», и т. д. Изучение этих и других вопросов позволит расширить представление о спорте, его современном состоянии, выйти на новые теоретические концепции спорта и психолого-педагогические технологии.

ВЫВОДЫ

1. Проблематика переживания времени в спорте является актуальной и пока еще мало разработанной как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Вместе с тем ее исследование имеет как теоретическое, так и практико-методическое значение.

2. Определено, что по типу переживания времени может быть нейтральным, позитивным и негативным. Спортсменам следует избегать негативного переживания времени. Все типы переживания времени в спорте имеют свое значение для успешности учебно-тренировочного и соревновательного процессов, поэтому необходимо наблюдать за спортсменом, чтобы определять тип его переживания времени и при необходимости корректировать содержание подготовки спортсмена.

3. Выявлены уровни переживания времени спортсменами. Низкий и ординарный уровни в большей степени соответствуют оптимальной динамике тренировочной работы спортсмена, а повышенный уровень переживания времени соответствует эмоционально-психологическому подъему во время соревнования.

4. По продолжительности переживание времени может подразделяться на оперативное, текущее, этапное и перманентное. Оно детерминировано событиями, факторами, которые беспокоят спортсменов на протяжении разных временных отрезков. Величина воздействия и значение этих факторов определяют продолжительность переживания времени спортсменами.

5. Выявлены группы типичных жизненных факторов и специфических спортивных факторов, воздействующих на процесс переживания времени спортсменами, которые могут оказывать существенное влияние на поведение спортсмена, его спортивную мотивацию и конечный спортивный результат.

Список литературы

1. Белобрыкина О.А., Лимонченко Р.А. Особенности переживания психологических проблем девиантными подростками // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 129-138.
2. Гречко П.К. Человек. К вопросу о проектировании себя // Вопросы социальной теории. 2016. Т. 8. № 1-2. С. 25-34.
3. Деревянко Ю.П. Смысло-жизненные ориентации студентов с разной структурой переживания времени // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Белгород, 2011. № 6 (101). С. 355-359.
4. Карпенко А.С. Логика, детерминизм и феномен прошлого // Вопросы философии. 2017. № 9.
5. Кудрина Ю.В. Развитие научных знаний в России в период царствования императора Александра III // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 5. С. 467-473.
6. Лебедева Е.В., Сурнина О.Е. Особенности субъективных временных шкал у пожилых людей от 60 до 80 лет // Валеология. 2003. № 1. С. 64-69.
7. Мишина Г.А., Тарасова А.Д. Прошлое, настоящее и будущее детей с ограниченными возможностями здоровья в представлении их родителей // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 9.
8. Berger U., Keshet H., Gilboa-Schechtman E. Self-evaluations in social anxiety: The combined role of explicit and implicit social-rank // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 104. P. 368-373.
9. Cutrín O., Gómez-Fraguela J.A., Maneiro L., Sobral J. Effects of parenting practices through deviant peers on nonviolent and violent antisocial behaviours in middle- and late-adolescence // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. 2017. № 9 (2). P. 75-82.
10. Petry N., Bickel W., Amett M. Shortened time horizons and insensitivity to future consequences in heroin addicts // Addiction. 1998. № 93 (5). P. 729-738.

References

1. Belobrykina O.A., Limonchenko R.A. Osobennosti perezhivaniya psikhologicheskikh problem deviantnymi podrostkami [Features of experiencing psychological problems in deviant adolescents]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal – National Psychological Journal*, 2017, no. 4 (28), pp. 129-138. (In Russian).
2. Grechko P.K. Chelovek. K voprosu o proyektirovanii sebya [A man. To the self-projecting]. *Voprosy sotsial'noy teorii* [Problems of Social Theory], 2016, vol. 8, no. 1-2, pp. 25-34. (In Russian).
3. Derevyanko Y.P. Smyslozhiznennyye orientatsii studentov s raznoy strukturoy perezhivaniya vremeni [Features of valuable and sense formations of students with different structure of time experience]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 2011, no. 6 (101), pp. 355-359. (In Russian).
4. Karpenko A.S. Logika, determinizm i fenomen proshlogo [Logic, determinism and phenomenon of past]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 2017, no. 9. (In Russian).
5. Kudrina Y.V. Razvitiye nauchnykh znaniy v Rossii v period tsarstvovaniya imperatora Aleksandra III [Science knowledge development in Russia during Emperor Alexander the Third reign]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Science], 2017, vol. 87, no. 5, pp. 467-473. (In Russian).
6. Lebedeva E.V., Surnina O.E. Osobennosti subyektivnykh vremennykh shkal u pozhilykh lyudey ot 60 do 80 let [Peculiarities of individual time scales among elderly people aged 60–80]. *Valeologiya – Journal of Health and Life Sciences*, 2003, no. 1, pp. 64-69. (In Russian).
7. Mishina G.A., Tarasova A.D. Proshloye, nastoyashcheye i budushcheye detey s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v predstavlenii ikh roditeley [Past, present and future of children with learning disabilities in the parental representation]. *Psikhologicheskiye issledovaniya – Psychological Studies*, 2018, vol. 11, no. 60, p. 9. (In Russian).
8. Berger U., Keshet H., Gilboa-Schechtman E. Self-evaluations in social anxiety: The combined role of explicit and implicit social-rank. *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 104, pp. 368-373.
9. Cutrín O., Gómez-Fraguela J.A., Maneiro L., Sobral J. Effects of parenting practices through deviant peers on nonviolent and violent antisocial behaviours in middle- and late-adolescence. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 2017, no. 9 (2), pp. 75-82.
10. Petry N., Bickel W., Amett M. Shortened time horizons and insensitivity to future consequences in heroin addicts. *Addiction*, 1998, no. 93 (5), pp. 729-738.

Информация об авторах

Собянин Федор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики физической культуры. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация. E-mail: Sobyenin@bsu.edu.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7316-8355>

Никифоров Юрий Борисович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической культуры и медико-биологических дисциплин. Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Краснодарский край, Российская Федерация. E-mail: nfagu@yandex.ru

Вклад в статью: идея, написание части текста.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1979-0124>

Михель Светлана Викторовна, аспирант, кафедра физической культуры и медико-биологических дисциплин. Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Краснодарский край, Российская Федерация. E-mail: nfagu@yandex.ru

Вклад в статью: анализ литературы, теле-трансляций соревнований, наблюдение за спортсменами, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6305-6103>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Собянин Федор Иванович
E-mail: Sobyenin@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию 20.10.2018 г.
Поступила после рецензирования 26.11.2018 г.
Принята к публикации 15.01.2019 г.

Information about the authors

Fedor I. Sobyenin, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Theory and Methods of Physical Education Department. Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation. E-mail: Sobyenin@bsu.edu.ru

Contribution: main study conception, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7316-8355>

Yuriy B. Nikiforov, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Physical Education and Biomedical Disciplines Department. Armavir State Pedagogical University, Armavir, Krasnodar Territory, Russian Federation. E-mail: nfagu@yandex.ru

Contribution: idea, part of text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1979-0124>

Svetlana V. Mikhel, Post-Graduate Student, Physical Education and Biomedical Disciplines Department. Armavir State Pedagogical University, Armavir, Krasnodar Territory, Russian Federation. E-mail: nfagu@yandex.ru

Contribution: literature, competition streams analysis, observation over sportsmen.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6305-6103>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Fedor I. Sobyenin
E-mail: Sobyenin@bsu.edu.ru

Received 20 October 2018
Reviewed 26 November 2018
Accepted for press 15 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-98-104
УДК 37+796(796.015.854)

Компенсаторно-адаптивный механизм кардиореспираторной системы у спортсменов в состоянии утомления

Артем Валентинович САВЕЛЬЕВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4791-9829>, e-mail: tema.save@yandex.ru

Compensatory-adaptive mechanism of cardiorespiratory system in athletes' fatigue state

Artem V. SAVELYEV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4791-9829>, e-mail: tema.save@yandex.ru

Аннотация. При современном уровне развития спорта поиск возможностей повышения работоспособности и выносливости спортсменов – одно из важнейших условий достижения высоких спортивных результатов. Выполнение физических нагрузок на предельном уровне предъявляет повышенные запросы к деятельности организма, требует более значительных адаптационных перестроек в функционировании всех органов и систем, но при этом позволяет поднять общий уровень работоспособности. Факторами, определяющими эффективность сочетаний тренировочных нагрузок, являются объем нагрузок, их направленность и последовательность выполнения. Учет этих факторов должен найти отражение в организации тренировочного процесса. Сочетание тренировочных нагрузок, направленных на воспитание общей, специальной и силовой выносливости, должно наиболее часто применяться в общеподготовительном этапе подготовительного периода, а сочетание нагрузок, направленных на воспитание специальной, скоростной и силовой выносливости, – в специально-подготовительном этапе подготовительного периода и соревновательном периоде. Планирование объема и интенсивности тренировочной нагрузки и ее выполнение должны соответствовать функциональным возможностям организма спортсмена. Чтобы предотвратить вероятность проявления каких-либо отклонений от нормального функционирования энергообеспечивающих систем организма, необходимо скорейшее и эффективное восстановление этих систем. Только в этом случае тренировочный процесс может протекать достаточно планомерно, а результаты тренирующегося станут стабильнее на всех этапах соревновательного периода. Все это делает актуальным изучение процессов рационального взаимодействия кардиореспираторной и двигательной систем организма в период тренировок и соревнований. Эти знания позволяют с достаточной степенью точности определять развитие результативности спортсменов, оптимизировать тренировочный процесс, повышать его качество и эффективность, сохранять работоспособность на высоком уровне в течение длительного времени.

Ключевые слова: предельные физические нагрузки; выносливость; утомление; восстановление; система кислородного регулирования; компенсаторный механизм

Для цитирования: Савельев А.В. Компенсаторно-адаптивный механизм кардиореспираторной системы у спортсменов в состоянии утомления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 98-104. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-98-104

Abstract. At the present level of sports development, the search for opportunities to improve the performance and endurance of athletes is one of the most important terms for achieving high sports results. Performing physical activity at the limit level makes increased demands on the ac-

tivity of the body, requires more significant adaptive changes in the functioning of all organs and systems, but it allows to raise the overall level of efficiency. Factors that determine the effectiveness of combinations of training loads are the volume of loads, their direction and sequence of execution. Consideration of these factors should be reflected in the organization of the training process. The combination of training loads aimed at the education of general, special and strength endurance should be most often used in the general preparatory stage of the preparatory period, and the combination of loads aimed at the education of special, speed and strength endurance – in the special preparatory stage of the preparatory period and in the competitive period. Planning the volume and intensity of the training load and its implementation should correspond to the functional capabilities of the athlete's body. To prevent the probability of any deviation from normal functioning of energy sustaining systems of the body, one needs a speedy and effective recovery of these systems. Only in this case the training process can proceed quite systematically, and the results of the trainee will become more stable at all stages of the competition period. All this makes it relevant to study the processes of rational interaction of cardiorespiratory and motor systems of the body during training and competition. This knowledge allows with a sufficient degree of accuracy to determine the development of the performance of athletes, optimize the training process, improve its quality and efficiency, maintain a high level of performance for a long time.

Keywords: extreme physical activity; endurance; fatigue; recovery; oxygen regulation system; compensatory mechanism

For citation: Savelyev A.V. Kompensatorno-adaptivnyy mekhanizm kardiorespiratornoy sistemy u sportsmenov v sostoyanii utomleniya [Compensatory-adaptive mechanism of cardiorespiratory system in athletes' fatigue state]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 98-104. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-98-104 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Одним из центральных аспектов спортивной физиологии является изучение способов приспособления организма человека, его органов и систем к повышенным физическим нагрузкам в процессе регулярных спортивных тренировок.

Сущность спорта – состязание. Занимаясь спортивной работой, участвуя в соревновательной деятельности, спортсмен стремится победить соперника, чья физическая подготовка может не уступать его собственной, либо улучшить свой личный результат в предстоящем соревновании. Чем сложнее стоит спортивная задача, тем выше требования к функциям организма, обеспечивающим аккумуляцию всех внутренних ресурсов человека.

В современных условиях проблема повышения выносливости остро стоит не только перед самим спортсменом, но и, прежде всего, перед тренером, преподавателем физической культуры. Ведь знание физиологических процессов, протекающих в организме человека, позволяет ему проводить работу по достижению высоких спортивных результатов во время тренировочной и соревновательной деятельности с научной точки зрения, обосновывать свои требования и рекомендации, и, что самое главное, помогает избегать переутомления, перенапряжения и

сохранить здоровье тренирующихся. Не менее важно понимать изменения в организме спортсмена в период реабилитации, чтобы своевременно и активно влиять на процессы восстановления.

Основной задачей физиологии спорта является сравнительное изучение функционального состояния организма спортсмена, то есть исследования проводятся до, во время и после двигательной активности. С этой целью специальными приборами осуществляется регистрация функций сердечно-сосудистой, дыхательной, мышечной и центральной нервной систем тренирующегося человека.

Динамика функций зависит от периодов в состоянии организма спортсмена, особенности и продолжительность которых определяются характером и интенсивностью выполнения тренировочного или соревновательного упражнения.

Нагрузка при выполнении того или иного спортивного задания распределяется на разные системы и органы спортсмена. Степень участия физиологических систем зависит от интенсивности и продолжительности конкретного упражнения. Функциональные возможности наиболее нагруженных систем организма и определяют способность человека выполнить упражнение на заданном ка-

чественном уровне. Доктор медицинских наук, профессор Я.М. Коц определял предельную продолжительность выполнения упражнения, то есть период наступления состояния утомления у спортсмена, степенью загруженности функциональных систем по отношению к их максимальным возможностям [1, с. 23].

Утомление – это текущее состояние спортсмена, возникающее в результате несоответствия предъявляемых требований возможностям организма [2, с. 108]. Утомление сопровождается определенными изменениями в системах и органах человека и проявляется либо в снижении работоспособности, либо в повышении напряженности физиологических функций, либо в их одновременных изменениях.

Способность организма спортсмена сопротивляться утомлению во время выполнения тренировочного или соревновательного упражнения и составляет суть выносливости¹. Эта способность выражается в том числе в степени сохранения координации двигательных действий в процессе выполнения всего упражнения и, как следствие, влияет на интенсивность выполнения упражнения [3, с. 10].

В состоянии выраженного утомления у спортсменов четко проявляется так называемый компенсаторный феномен.

Компенсаторные механизмы (от лат. *compensate* – возмещение) – это приспособительные реакции на неадекватные факторы обстановки, направленные на ослабление или устранение функциональных изменений в организме человека. Фактически это резервные возможности организма в процессе предельных физических нагрузок, проявляющиеся в рациональном взаимодействии функций кардиореспираторной системы и двигательного аппарата [4, с. 538].

Во время спортивных занятий количество энергии, которое тратит организм, значительно возрастает. Принцип влияния кислорода на организм человека базируется на процессе обмена веществ. Пополнение энергетических запасов происходит из питательных веществ (жиры и глюкоза) при участии кислорода. Спортивная работа, которая связана с предельным или почти предельным

напряжением физиологических систем, приводит к тому, что потребность мышц в кислороде не покрывается. При этом начинает повышаться пульс и ускоряться частота дыхания. Если дыхательная и сердечно-сосудистая системы перестают справляться, то в организме происходит кислородная задолженность (гипоксия). В это время человек начинает чувствовать себя уставшим и не может продолжать тренировку в нужном темпе. Состояние утомления клинически проявляется гиперемией кожных покровов, повышенным потоотделением, тремором конечностей и может вызвать нарушения опорно-двигательного аппарата или предпатологическое состояние.

В качестве одного из важнейших критериев работоспособности в видах спорта на выносливость можно рассматривать аэробную энергию, получаемую из кислорода. Аэробный энергетический процесс обеспечивается развитием сердечно-сосудистой и дыхательной систем организма, поэтому первостепенное значение имеет расширение функциональных возможностей кардиореспираторной системы.

Одним из самых эффективных способов роста потребления кислорода организмом считается увеличение сердечного выброса. Сердечный выброс – одна из важнейших характеристик, позволяющих контролировать состояние сердечно-сосудистой системы. Под этим понятием подразумевается объем крови, нагнетаемый сердцем в сосуды за определенный интервал, измеряемый временным промежутком или сократительными движениями сердечной мышцы. Объем крови, выталкиваемой сердцем в систему сосудов, определяется как минутный (МОК)².

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что на уровне кровообращения при переходе от одной нагрузки к другой происходит значительное увеличение МОК. Однако его недостаточно для того, чтобы поддерживать высокий уровень тренировочной работы длительное время. При этом этот прирост достигается за счет роста ЧСС – частоты сердечных сокращений. При этом осуществляется преимущественное кровоснабжение сердца, мозга, работающей

¹ Педагогические средства повышения спортивной работоспособности. URL: <https://4sport.ua/articles?id=22819> (дата обращения: 12.10.2018).

² Выброс крови из сердца. URL: <http://www.serdec.ru/spravochnaya-informaciya/vybros-serdca> (дата обращения: 12.10.2018).

мускулатуры в ущерб внутренних органов, что может привести к анемизации внутренних органов.

Вместе с этим существуют и другие механизмы, направленные на увеличение потребления кислорода организмом в процессе спортивной деятельности. Одним из них является вентиляция легких (или внешнее дыхание). При этом следует учитывать, что активация системы дыхания ограничена анатомно-функциональными возможностями аппарата внешнего дыхания человека.

Рост легочной вентиляции может проявляться как увеличением частоты, так и глубины дыхания. Показатели функциональных возможностей внешнего дыхания у спортсменов явно превышают аналогичные показатели нетренированных людей. В последнем случае возрастает именно частота дыхания, а не его глубина; возникает дискоординация между дыхательными функциями и движениями человека; как описывалось выше, МОК возрастает в основном за счет увеличения частоты сердечных сокращений. В результате системы, ответственные за адаптацию организма к повышенным физическим нагрузкам, утрачивают свой функциональный резерв, наблюдается их гиперфункция. Спортивная работа оказывается неадекватной по интенсивности, длительности и точности [5, с. 48].

Наибольшие величины вентиляции легких можно наблюдать у юных спортсменов в возрасте 15–16 лет и взрослых в возрасте от 36 до 60 лет. Внешнее дыхание, обеспечивающее организм кислородом во время выполнения тренировки, в этих группах спортсменов является преобладающим фактором. Максимальная легочная вентиляция в группе подростков достигается увеличением частоты дыхания, у взрослых повышается его глубина.

В группе юношей в возрасте от 17 до 21 года адаптация организма к повышенным физическим нагрузкам лучше всего осуществляется путем роста эффективности газообменной функции. Об этом свидетельствуют рост индекса кровообращения и МОК в группе молодых людей [6, с. 21].

Изменение параметров кардиореспираторной системы можно отчетливо наблюдать в процессе работы спортсменов на уровне порога анаэробного обмена (ПАНО), то есть

при таком уровне интенсивности нагрузки, когда резко повышается концентрация молочной кислоты в крови. С развитием утомления при непрерывной работе на уровне ПАНО наблюдается повышение частоты дыхания, ЧСС. Глубина же дыхания, наоборот, постепенно уменьшается. Потребление кислорода, легочная вентиляция, МОК после наступления периода вработывания, то есть периода адаптации организма к высоким физическим нагрузкам, стабилизируются, что свидетельствует о координации функций системы кровообращения и дыхания в процессе утомления и, соответственно, росте выносливости спортсмена [7, с. 69].

Спортсмен, имеющий более высокий ПАНО, может поддерживать в процессе спортивной работы более высокий темп без значительного накопления молочной кислоты в организме. ПАНО зависит от вида спорта и тренированности человека. В зимних видах спорта максимальные показатели потребления кислорода наблюдаются в конце летних тренировок, минимальные – после окончания соревновательного сезона [8, с. 311].

Координация функций кардиореспираторной системы имеет свои особенности в зависимости от интенсивности и длительности спортивной работы. При постоянных умеренных тренировках разрастается сосудистая сеть в мышцах, сердце, легких, увеличивается число митохондрий. Чем больше число митохондрий, тем лучше мышцы и клетки организма получают питание, усваивают кислород, тем быстрее развивается выносливость. Одним из результатов умеренных тренировок является снижение ЧСС. При более низкой частоте пульса улучшается и повышается уровень тренированности, легче преодолеваются одинаковые по величине нагрузки. Более низким показателям ЧСС отвечают минимальный уровень накопления молочной кислоты в организме, что является показателем относительно лучшей аэробной способности спортсмена [9, с. 20].

Компенсаторно-адаптационные механизмы при кратковременной, но интенсивной тренировке проявляют себя по-иному. За счет повышения ЧСС растет сердечный выброс, ускоряется кровообращение, обеспечивается приток к тканям кислорода и других питательных веществ. Благодаря интенсивному тренировочному процессу достигается

явное улучшение максимальной и длительной работоспособности. Но ярко выраженная интенсивность нагрузки стимулирует анаэробные процессы, то есть процессы распада глюкозы при отсутствии кислорода с образованием нежелательного метаболита – молочной кислоты³.

Таким образом, развить выносливость и получить высокие спортивные результаты можно, лишь оценивая работоспособность мышечной и кардиореспираторной систем, изменяющихся при тренировках различной интенсивности. С одной стороны, для тренировочной практики необходимо целенаправленно проводить систематическую умеренную спортивную работу. С другой стороны, решающей для постоянного улучшения результативности является организация интенсивных тренировок.

Одной из отличительных особенностей современного тренировочного процесса является проведение нескольких занятий в день. Увеличение количества тренировок в недельном микроцикле вызвано необходимостью интенсификации тренировочного процесса и увеличения суммарного объема выполняемой нагрузки в отдельных днях.

Подобный режим двигательной деятельности требует поиска оптимальных сочетаний различных по величине и направленности тренировочных нагрузок, выполняемых в течение дня.

Тренеру необходимо определять эффективность вариантов сочетаний больших, средних и малых по объему тренировочных нагрузок, направленных на воспитание общей, специальной, скоростной и силовой выносливости, выполняемых в отдельных днях микроцикла. Так, в первой половине дня возможно использование больших по объему нагрузок, направленных на воспитание специальной выносливости, а во второй половине – всех видов нагрузок, направленных на воспитание всех видов выносливости. Возможен также вариант, где объем и направленность нагрузок меняются местами. В любом случае выбор конкретных сочетаний должен определяться в зависимости от вида спорта. Например, в циклических видах решающее значение имеет специальная вынос-

ливость, повышение уровня которой в большей мере обеспечивается применением больших по объему нагрузок.

После выполнения разных сочетаний тренировочных нагрузок оценивается функциональное состояние систем организма и физическая работоспособность спортсмена. В одних случаях они находятся на достаточно высоком уровне, в других – может отмечаться некоторое снижение их уровня. При определенных сочетаниях тренировочных нагрузок наблюдается значительное снижение уровня физической работоспособности и функционального состояния ведущих систем организма, недовосстановление спортсмена, а в отдельных случаях – тренирующийся не в состоянии в полном объеме выполнить предложенные нагрузки.

Контроль за переносимостью сочетаний тренировочных нагрузок осуществляется по показателям времени прохождения тренировки и восстановлению ЧСС [10, с. 14].

Выполнение небольших по объему нагрузок в первой половине дня позволяет спортсмену восстановиться к началу второй тренировки, а включение малых по величине нагрузок во второй половине дня не оказывает сильного воздействия на организм. Все это позволяет спортсмену достичь к следующему дню высокого уровня физической работоспособности и функционального состояния ведущих систем организма.

Включение средних по объему нагрузок в первой половине дня не приводит к полному восстановлению к началу второй тренировки, а выполнение таких же нагрузок во второй тренировке способствует «наложению» утомления и значительному недовосстановлению работоспособности на следующий день.

Однако тренировочный процесс может протекать планомерно, а результаты спортсмена будут стабильными на всех этапах соревновательного периода только при условии нормального функционирования энергообеспечивающих систем организма и их скорейшего и эффективного восстановления. В настоящее время успешно применяется комплекс восстановительных мероприятий, который включает в себя педагогические, физиотерапевтические, нетрадиционные средства и пищевой комплекс.

³ Адаптация к гипоксии при мышечной работе.
URL: http://studwood.ru/2487048/turizm/adaptatsiya_gipoksii_myshechnoy_rabote (дата обращения: 12.10.2018).

Подытоживая все вышесказанное, можно отметить следующее. Изучая компенсаторные и адаптивные механизмы организма спортсменов при выполнении ими тренировочной или соревновательной деятельности, необходимо одновременно сопоставлять многие функциональные показатели, так как по мнению профессора В.А. Шидловского физиологические функции нельзя описать одним параметром, обязательно требуются многокомпонентные характеристики [11, с. 3].

В процессе повышенных физических нагрузок в организме человека наблюдаются сложные взаимоотношения органов и функциональных систем. Наглядно это видно на примере рационального взаимодействия двигательной и кардиореспираторной систем спортсмена в состоянии выраженного утомления. При кислородном обеспечении мышечной деятельности динамика показателей кардиореспираторной системы различна у тренированных и нетренированных людей. В зависимости от мощности физической нагрузки и возраста у одних лиц отмечается преобладание сердечно-сосудистой системы, а у других – дыхательной.

Таким образом, кардиореспираторная система, оказывая воздействие на мышечную систему спортсмена, является важнейшей функциональной составляющей адаптации

его организма к различным физическим нагрузкам. Компенсаторно-адаптационный механизм представляет собой целый комплекс кардиокруляторных элементов, среди которых невозможно выделить определяющий фактор в процессе адаптации. При выполнении функциональных нагрузок повышающейся мощности компенсаторно-адаптационные механизмы проявляются широким перечнем способов реагирования, и это зависит от возраста спортсменов, их специализации, годового цикла, характера выполняемых упражнений, интенсивности и длительности тренировочного процесса, его характера в недельном микроцикле.

При проведении спортивных занятий по одному показателю (например, ЧСС) невозможно судить о степени напряженности энергообеспечения организма, его надо дополнять сведениями о соотношении аэробной и анаэробной производительности в конкретных условиях тренировочной и соревновательной деятельности.

Значение физиологических исследований компенсаторных возможностей кардиореспираторной системы заключается в том, что с их помощью можно определить развитие выносливости спортсменов и вместе с тем предсказать успех и результативность всего тренировочного процесса.

Список литературы

1. Коц Я.М. Спортивная физиология. М., 1986.
2. Ильин В.Н., Алвани А., Филиппов М.М., Коваль С.Б. Феномен хронического утомления у спортсменов // Ульяновский медико-биологический журнал. 2015. № 3. С. 107-115.
3. Куракин М.А. Координация функций кардиореспираторной системы и двигательного аппарата у спортсменов в состоянии физического утомления: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 1994.
4. Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А. Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика. М., 2005.
5. Симон Г., Дикхут К., Койль Й. Динамика работоспособности лыжников-гонщиков в годовом цикле подготовки // Лыжный спорт. 1980. Вып. 1. С. 48-50.
6. Ванюшин Ю.С. Компенсаторно-адаптационные реакции кардиореспираторной системы: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Казань, 2001.
7. Ситдиков Ф.Г. Адаптация сердечной деятельности и состояние газообмена у спортсменов к физической нагрузке // Физиология человека. 1997. № 4. С. 69-73.
8. Парин В.В., Карпман В.Л. Кардиодинамика. Физиология кровообращения. Физиология сердца. Л., 1980.
9. Куракин М.А. Утомление дыхательных мышц при стайерском беге // Теория и практика физической культуры. 1977. № 2. С. 20-23.
10. Рыбаков В.В. Исследование эффективности сочетаний тренировочных нагрузок у лыжников-гонщиков, выполняемых в отдельных днях микроцикла // Лыжный спорт. 1980. Вып. 1. С. 14-15.
11. Шидловский В.А. Современные теоретические представления о гомеостазе // Итоги науки и техники. 1982. Т. 25. С. 3-18.

References

1. Kots Y.M. *Sportivnaya fiziologiya* [Sports Physiology]. Moscow, 1986. (In Russian).
2. Ilin V.N., Alvani A., Filippov M.M., Koval S.B. Fenomen khronicheskogo utomleniya u sportsmenov [Phenomenon of chronic fatigue in athletes]. *Ul'yanovskiy mediko-biologicheskii zhurnal – Ulyanovsk Medico-Biological Journal*, 2015, no. 3, pp. 107-115. (In Russian).
3. Kurakin M.A. *Koordinatsiya funktsiy kardiorespiratornoy sistemy i dvigatel'nogo apparata u sportsmenov v sostoyanii fizicheskogo utomleniya: avtoref. dis. ... d-ra biol. nauk* [Cardiorespiratory System and Motor Apparatus Functions Coordination in Athletes in a State of Physical Fatigue. Dr. biol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1994. (In Russian).
4. Dushkov B.A., Korolev A.V., Smirnov B.A. *Psikhologiya truda, upravleniya, inzhenernaya psikhologiya i ergonomika* [Labour and Management Psychology, Engineer Psychology and Ergonomics]. Moscow, 2005. (In Russian).
5. Simon G., Dikkhut K., Koyl Y. Dinamika rabotosposobnosti lyzhnikov-gonshchikov v godichnom tsikle podgotovki [Dynamics of performance of ski racers in the annual cycle of training]. *Lyzhnyy sport* [Ski Sports], 1980, no. 1, pp. 48-50. (In Russian).
6. Vanyushin Y.C. *Kompensatorno-adaptatsionnyye reaktsii kardiorespiratornoy sistemy: avtoref. dis. ... d-ra biol. nauk* [Compensatory and Adaptive Reactions of Cardiorespiratory System. Dr. biol. sci. diss. abstr.]. Kazan, 2001. (In Russian).
7. Sitdikov F.G. Adaptatsiya serdechnoy deyatelnosti i sostoyaniye gazoobmena u sportsmenov k fizicheskoy nagruzke [Adaptation of cardiac activity and the state of gas exchange in athletes to physical activity]. *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*, 1997, no. 4, pp. 69-73. (In Russian).
8. Parin V.V., Karpman V.L. *Kardiodinamika. Fiziologiya krovoobrashcheniya. Fiziologiya serdtsa* [Cardiodynamics. Blood Circulation Physiology. Heart Physiology]. Leningrad, 1980. (In Russian).
9. Kurakin M.A. Utomleniye dykhatel'nykh myshts pri stayerskom bege [Fatigue of the respiratory muscles at a long run]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and Practice of Physical Culture*, 1977, no. 2, pp. 20-23. (In Russian).
10. Rybakov V.V. Issledovaniye effektivnosti sochetaniy trenirovochnykh nagruzok u lyzhnikov-gonshchikov, vpolnyayemykh v otdel'nykh dnyakh mikrotsikla [Study of training loads combinations effectiveness among ski racers that run in separate days of the microcycle]. *Lyzhnyy sport* [Ski Sports], 1980, no. 1, pp. 14-15. (In Russian).
11. Shidlovskiy V.A. Sovremennyye teoreticheskiye predstavleniya o gomeostaze [Modern theoretical conceptions of homeostasis]. *Itogi nauki i tekhniki* [Science and Technics Results], 1982, vol. 25, pp. 3-18. (In Russian).

Информация об авторе

Савельев Артем Валентинович, кандидат экономических наук, доцент кафедры физического воспитания и адаптивной физической культуры. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tema.save@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4791-9829>

Поступила в редакцию 14.11.2018 г.
Поступила после рецензирования 20.12.2018 г.
Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the author

Artem V. Savelyev, Candidate of Economics, Associate Professor of Physical Education and Adaptive Physical Education Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tema.save@yandex.ru

Contribution: study conception, literature search and analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4791-9829>

Received 14 November 2018
Reviewed 20 December 2018
Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-105-112
УДК 378.4

Формирование навыков ведения эффективной межкультурной коммуникации студентов вуза

Татьяна Геннадиевна БОРТНИКОВА¹, Марина Игоревна ДОЛЖЕНКОВА²

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2947-9409>, e-mail: tatyana_bort@mail.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>, e-mail: dolgenkovam@mail.ru

Effective intercultural communication skills development of university students

Tatyana G. BORTNIKOVA¹, Marina I. DOLZHENKOVA²

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2947-9409>, e-mail: tatyana_bort@mail.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>, e-mail: dolgenkovam@mail.ru

Аннотация. Проанализирована проблема формирования навыков ведения эффективной межкультурной коммуникации студентов вуза. Подчеркнуто, что развитие формирования этих навыков может быть оптимизировано благодаря использованию метода игрового моделирования ситуаций общения с учетом межкультурных различий участников диалога. Проведен анализ отражения культурных аспектов поведения на примере отношения ко времени представителей разных культур, использующих как разные, так и общий язык. Сделан акцент на том, что члены разных лингвокультурных сообществ по-разному реагируют на одни и те же ситуации в зависимости от своей культурной принадлежности. Степень успешности формирования навыков ведения эффективной межкультурной коммуникации во многом зависит от грамотно построенной системы ролевых игр в учебном процессе. Сделан вывод о необходимости создания условий, при которых процесс формирования навыков эффективной межкультурной коммуникации может быть сформирован путем решения задач по расширению фоновых культурологических знаний, обучению навыкам общения, изучению социально-психологических эталонов разных культур и знакомства с этнокультурными традициями и обычаями носителей изучаемого языка. Также обозначена сфера досуговой деятельности для формирования исследуемых навыков как перспективная.

Ключевые слова: эффективная межкультурная коммуникация; ролевые игры; навыки; развитие; культура; различие; этнокультурные традиции и обычаи

Для цитирования: Бортникова Т.Г., Долженкова М.И. Формирование навыков ведения эффективной межкультурной коммуникации студентов вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 105-112. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-105-112

Abstract. We analyze the problem of effective intercultural communication skills development of university students. We emphasize that the development of these skills can be optimized through the use of the method of game modeling of communication situations, taking into account the intercultural differences of the dialogue participants. The analysis of reflection of cultural aspects of behavior on the example of the attitude to time representatives of different cultures using both different and common languages. We emphasize that members of different linguistic and cultural communities react differently to the same situations depending on their cultural background. The degree of success of the formation of skills of effective intercultural communication largely depends on a well-built system of role-playing games in the educational process. We conclude that it is necessary to create conditions under which the process of formation of effective intercultural

communication skills can be formed by solving the problems of expanding the background cultural knowledge, learning communication skills, the study of social and psychological standards of different cultures and familiarity with the ethno-cultural traditions and customs of native speakers of the studied language. Also we define the scope of leisure activities for the skills formation as promising.

Keywords: effective intercultural communication; role games; skills; development; culture; difference; ethno-cultural traditions and customs

For citation: Bortnikova T.G., Dolzhenkova M.I. Formirovanie navykov vedeniya effektivnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii studentov vuza [Effective intercultural communication skills development of university students]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 105-112. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-105-112 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Новые тенденции в системе высшего образования предполагают необходимость его реформирования таким образом, чтобы в условиях растущей глобализации и информатизации выпускники вузов могли грамотно вести межкультурный диалог, добиваясь поставленных целей.

Несмотря на то, что эта проблема исследуется в течение долгого времени, она и на данный момент является одной из самых актуальных, и изучается исследователями разных научных направлений.

Специалисты в области когнитологии ведут масштабные исследования коммуникативно-когнитивного дискурса и специфики когнитивных процессов.

Философы, культурологи и этнологи справедливо утверждают, что для понимания проблем, которые возникают в ходе межкультурной коммуникации, необходимо знать историю и культуру разных народов, их обычаи и традиции.

Лингвисты и специалисты по межкультурной коммуникации рассматривают этот процесс с позиции взаимодействия языка и культуры.

При этом анализ взаимодействия и взаимозависимости этнических и культурных аспектов языкового сознания стал значительно шире, так как отошел от анализа и сопоставления только межъязыковых средств соответствий и перешел к исследованию дискурса, то есть культурно обусловленного коммуникативного поведения индивида как члена определенного лингвокультурного общества.

Расширение мировой информационной системы и глобализация научных знаний ускоряют и расширяют информационные потоки, а современные технические средства уничтожают границы путем создания меж-

дународных экономических, образовательных и исследовательских проектов, проектов студенческой мобильности и т. д. Таким образом, у студентов возникает реальная потребность навыков успешного ведения межкультурной коммуникации, а следовательно, и возможности избегать проблем недопонимания при обмене информацией, коренящихся в разных описаниях мира разными языками и культурами.

Взаимосвязь менталитета народа с его языком стала общепринятой. Конечно, язык есть результат деятельности народа и одновременно процесс формирования этого менталитета. Однако было бы неверно предполагать, что языковая картина мира тождественна культурной картине мира. Этому есть масса примеров. Вот почему внимание к культуре (культурам) носителя языка способствует отражению тех общих и отличительных черт, присущих даже этносам, использующим один язык.

Целью данного исследования выступает формирование навыков ведения эффективной межкультурной коммуникации.

Задачами исследования являются:

1) проведение разграничения между речевым и культурным аспектами поведения (на примере отношения ко времени представителей разных культур, использующих как разные, так и общий язык);

2) определение путей формирования навыков эффективной межкультурной коммуникации в вузе средствами социально-культурной деятельности.

Не вызывает сомнения, что коммуникативное поведение представителей разных культур различно, но и оно будет существенно отличаться у одного и того же человека в процессе его деятельности в ходе коммуникации на родном и иностранном языках.

Р.Т. Белл, создавший теорию ролей коммуникативного поведения, отводил особое значение языку, его нормам, которые в конечном счете и формируют процесс коммуникации. Он отмечал, что нормы поведения (для каждой роли), которым должен следовать индивид, изменчивы. Конечно, эти роли во многом определяются менталитетом носителя данного языка [1].

Действительно, жизненный опыт людей позволяет утверждать, что они создают вокруг себя не только материальный мир, но и мир ментальный, мир человеческих взаимоотношений. Недаром лингвисты говорят, что полное лексическое соответствие в разных языках есть лишь у имен собственных, географических названий и научно-технических терминов.

Следовательно, процесс коммуникации, включающий вербальную, невербальную и поведенческую составляющие, хотя и зависит от языка коммуниканта, но содержит в себе и огромную культурную составляющую, которая отражается не только в языке, но и в поведенческих стереотипах участников диалога.

К. Касьянова справедливо отмечает, что нормы и правила, являясь выражением ценностей и принципов национальной культуры, предписывают реакцию, проведение определенных действий и ритуалов, присущих каждой культуре, и находят отражение в поведении ее членов. Она, в частности, пишет, что развитая культура обладает огромным количеством норм и правил. Ими охвачены все жизненные сферы: от трудовой деятельности до частной жизни (сюда входят и отношения в семье, и досуг, и ритуалы). Но все эти нормы, правила и ритуалы соотносятся друг с другом особым образом и приведены в определенную, свойственную каждой культуре систему, уникальную и неповторимую [2, с. 19]. При этом ритуалы выступают как специфическая система действий, имеющая строго установленный порядок, всегда приводящийся неизменным способом согласно принятой традиции в определенное время [3, с. 40].

Важно отметить, что поведение человека в той или иной ситуации подчиняется определенным правилам и нормам, принятым в каждом конкретном лингвокультурном сообществе. Это поведение имеет определенную смысловую интерпретацию, разделяе-

мую всеми членами сообщества, и является для данной группы поведенческой нормой. Термин «коммуникативное поведение» был введен И.А. Стерниным в его исследовании «О понятии коммуникативного поведения». Он определяет его как совокупность норм и традиций, принятых в общении конкретного народа. Действительно, совокупность смыслов, которые понимаются в действиях, поступках людей, трактовка явлений и предметов окружающего мира определенной культурой приобретают в сознании коммуникантов разделяемый всем лингвокультурным сообществом (или какой-то определенной субкультурой, социальной группой и т. п.) символический смысл [4, S. 279].

Рассмотрим, например, как отношение ко времени различается у разных культур, то, как взаимопонимание людей сильно зависит от их отношения ко времени, проявляется через языковые средства, его выражающие.

Различие в трактовке времени в разных культурах имеет два основных направления: по способу исчисления и по способу деления его на составляющие. Рассматривая второе из направлений, легко заметить, что даже близкие культуры обладают значительным своеобразием отношения ко времени в своих картинах мира. Отношение ко времени является одной из определяющих лингвокультурных позиций, которая очерчивает критерии для ее (картины мира) сопоставления в рамках коммуникативного поведения представителей данной культуры. Отношение ко времени отображает специфику картины мира с позиции оценки внутреннего отношения каждой культуры к процессуальности. Следовательно, отношение ко времени находится в числе основных характеристик проблем, возникающих в ходе межкультурной коммуникации.

Рассмотрим, например, отличие в понимании существующего в русском и английском языках отношения к такой конкретной единице времени, как минута. С точки зрения физического отсчета времени минута длится 60 секунд и для русских, и для англичан. Но отношение к протяженности этой минуты значительно различается. Как представителям монохромных культур, планирование жизни по часам и минутам присуще и британцам, и американцам. Поэтому, когда они говорят о том, что будут через минуту (*I'll be there in a minute*), то речь действи-

тельно идет о минуте или около того. Русская минута может длиться от 60 секунд до 10–15 минут. Такое поведение в русской культуре не является признаком неуважения к собеседнику, так как последний и не ждет, что говорящий появится ровно через минуту. Такая растяжимость времени разделяется представителями и других полихромных культур.

При точном планировании времени, принятом в Америке, русское *созвонимся* непонятно американцам и вызывает у них массу сомнений. Они не понимают: кто кому должен позвонить и зачем звонить, если о встрече уже договорились. Естественно, у них возникают мысли о том, что его «русский собеседник или не уверен, стоит ли встречаться, или не знает, когда он сможет встретиться, или просто уваливает от прямого ответа, потому что еще не решил, удастся ли вам прийти на встречу и вообще хотите ли вы прийти» [5, с. 121].

Однако разное отношение к планированию и пунктуальности существует и у близких культур. Ирландцы, говорящие теперь уже на одном языке с англичанами, не так пунктуальны, как последние. Поэтому принято говорить об ирландском времени (*Irish time*). Этот термин означает возможность непунктуальности. Суффикс *-ish* указывает на то, что речь идет об ирландском времени (*at nineish* вместо *at nine*, *at tenish* вместо *at ten*). Ирландцы сами признаются в своей непунктуальности, поэтому в разговоре подчас уточняют, какое время имеется в виду: *English* или *Irish*.

Большой интерес представляет коммуникативное поведение, отражающее отношение ко времени представителей Юго-Восточной Азии. Известно, что китайцам не свойственны быстрые решения, но время, отнятое у собеседника, представляется им ценностью, и они готовы извиниться за его трату. Они пунктуальны и готовы прийти на встречу заранее, чтобы продемонстрировать свое желание экономить свое и чужое время. Японцы спокойнее относятся к потраченному времени, их главная забота – правильное распределение времени в плане вежливости и соблюдения всех необходимых, с их точки зрения, традиций.

В таких ситуациях общения коммуникативное поведение представителей разных культур может привести к недопониманию и

даже конфликту, что связано с разными менталитетами его участников.

Таким образом, решение задачи формирования навыков эффективной межкультурной коммуникации студентов неотделимо от культурологической составляющей их фоновых знаний о культуре изучаемого языка и типологии культур. По мнению Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой, в первую очередь речь идет о контекстных или фоновых знаниях о мире. Такие внеязыковые знания мы получаем в результате когнитивной деятельности по обработке нашего социального и индивидуального опыта. Вторым важным аспектом являются интеракционные знания. Они отражают дискурсивный опыт участников общения в ходе разнообразных прецедентных феноменов, именно они и определяют, «что» и «когда» следует делать в рамках конкретной ситуации общения. Наконец, непосредственно языковые знания. Они составляют базу кодовых знаний коммуникантов, благодаря им мы выражаем свои коммуникативные намерения в разных ситуациях. Мы полностью согласны с авторами в том, что для «полноценного и адекватного общения участникам коммуникации необходимо владение всеми перечисленными видами знаний, составляющими основу их коммуникативной компетенции» [6, с. 298].

Проблема как раз и состоит в том, чтобы студенты осознали, что понимание привычного коммуникативного поведения представителей других культур сильно отличается от привычек и правил поведения в их родной культуре. Эта проблема стоит весьма остро на неязыковых образовательных направлениях, где нормативные учебные планы слишком ограничены. Тем не менее мы беремся утверждать, что умения и навыки, составляющие вместе со знаниями интеллектуальную деятельность студента, могут и должны быть сформированы как «новое» коммуникативное поведение, учитывающее реалии культуры носителей изучаемого языка благодаря специально организованным тренингам [7, с. 104-129].

Педагогическое управление формированием навыков эффективной межкультурной коммуникации представляет собой комплекс принципов, методов, организационных форм и технологий, направленных на изучение процесса новых культурных форм взаимо-

действия при сохранении собственной идентичности и воспитании толерантности. Конечно, такое управление осуществляется высшими образовательными учреждениями, но для того, чтобы усвоение такого взаимодействия протекало бы более осмысленно, необходимо облечь его в привлекательную для студентов форму.

Мы считаем, что такой формой является социально-культурная деятельность как область общественной практики. Мы согласны с мнением Ю.А. Стрельцова, что общение в процессе досуговой деятельности является одним из самых продуктивных и обладающих мощным педагогическим потенциалом [8, с. 134].

Мероприятия, проводящиеся в рамках социально-культурной деятельности, всегда имеют цели, способствующие познанию нового, и способствуют формированию нового сообщества, которое обладает огромным педагогическим потенциалом. Таким образом, социально-культурная деятельность является лучшим способом избежать искусственных ситуаций, присущих любым учебным курсам по освоению новых культур.

Как мы знаем, в каждом сообществе существует совокупность потребностей в следующем: 1) потребность в общественном пространстве, где люди могут наблюдать или делать культуру; 2) потребность в возможности сохранять и творить культуру (самодетельное искусство или связанные с ним досуг и обучение); 3) потребность проведения досуга в рамках досуговых учреждений; 4) необходимость признания вышеупомянутых потребностей. Именно в рамках досуга люди встречаются друг с другом не как представители определенной организации или ступени иерархии. Следовательно, такой тип общения обладает открытостью и эмоциональностью. Благодаря свободе и добровольности досуговой коммуникации ее участники могут общаться в благоприятной и открытой форме. Таким образом, свобода и добровольность являются условиями индивидуальной самореализации, тем самым помогая самообразованию, узнаванию и пониманию других культур.

Нами была разработана педагогическая программа обучения навыкам ведения эффективной межкультурной коммуникации для студентов. Программа была направлена

на создание социально-культурных условий специфического характера по освоению знаний о других культурах как в познавательном, так и в поведенческом планах, а также закреплению собственной этнической идентичности, формированию широкой мировоззренческой культуры личности.

Программа включает два аспекта изучения культур: культурно-познавательный и практический в форме психолого-педагогического тренинга. Эти аспекты были нацелены на расширение знаний о культурах других стран и формирование положительного социально-культурного опыта коммуникации с представителями других культур путем игровых тренингов и использования Интернета. Последний являлся очень важным, так как он позволяет осуществлять как прямую, так и косвенную коммуникацию [9]¹. Причем косвенная коммуникация имеет не меньшее значение, чем прямая, так как произведения искусства отражают ценности и особенности создавшей их культуры.

Как известно, одним из лучших вариантов обучения коммуникации выступают игры. Мы не будем останавливаться на коммуникативно-речевом аспекте игр, так как эта тема достаточно широко и глубоко представлена в работах многих исследователей. Нам хотелось бы поделиться опытом обучения межкультурной коммуникации в рамках серии имитационно-моделирующих игр. В принципе это может быть любая серия, которая способствовала бы развитию навыков межкультурной коммуникации. Не вдаваясь в конкретный план проведения игр (он может варьироваться), мы остановимся на задачах, которым должны быть подчинены содержание и ход игры.

Прежде всего, мы останавливались на культуре стран изучаемых языков и просили студентов найти интересные материалы о культуре, традициях и обычаях в глобальной Сети.

Помимо проработки фонетического и лексико-грамматического материала (на занятиях), были поставлены задачи, которые

¹ Прямая коммуникация подразумевает передачу и прием информации напрямую между участниками диалога, а косвенная коммуникация представляет собой самые разные информационные источники (кино, телепередачи, книги и т. д.).

можно решить и в процессе досуговых мероприятий:

1) расширение фоновых знаний о культурах народов, использующих изучаемый язык;

2) обучение навыкам общения на основе знакомства с нормами, правилами и ритуалами, присущими культуре носителей языка и применимых к заданной ситуации;

3) изучение социально-психологических эталонов различных (хотя бы нескольких) социальных страт путем просмотра фильмов, чтения страноведческой литературы и т. п.;

4) презентации этнокультурных традиций и обычаев носителей языка. Особое внимание уделялось фольклору, пословицам, поговоркам и т. п.

Был проведен цикл ролевых игр, моделировавших различные ситуации межкультурного общения. При разработке ролей каждой игры студентам предлагалось выбрать новое имя. Естественно, они выбирали профессию, уровень образования и иногда биографию, а согласно модели новой роли продумывали невербальный компонент общения (одежда, украшения, мимика). Особое внимание уделялось проксемике и хронемике. Только после этого студенты переходили к разработке личностных черт роли (например, манеры говорить) и выбору языковых средств.

Нами также предлагались упражнения по ранжированию «эмоциональных действий и выразительных движений» в рамках определенных ситуаций представителями разных культур. Согласно данному подходу такие компоненты невербального поведения, как *эмоциональные действия* и *выразительные движения* по-разному преломляются в поведении разных культурных сообществ. Так, эмоциональные действия вызываются ситуативными эмоциями и направлены на то, чтобы эти эмоции выразить или разделить с собеседником, а эмоциональные действия – это следование принятым ритуалам и традициям. Согласно этой концепции, узнав о смерти своего родственника, человек начинает рыдать (выразительные движения), а когда он надевает траурную одежду и начинает причитать, он выполняет эмоциональные действия согласно принятым ритуалам. Все подобные действия определяются типом культуры и приобретаются в процессе жизни. Поэтому

разграничение эмоциональных действий и выразительных движений в разных культурах имеет немаловажный характер [10].

Практическая работа над осознанием и освоением коммуникативного поведения представителей других культур требует много времени, поэтому большая часть эксперимента по формированию навыков эффективной межкультурной коммуникации проводилась в рамках досуговой деятельности. Однако такие обыденные темы программы, как «Знакомство», «Встреча в аэропорту», «В гостинице», «Прием гостей», «Организация праздника», «Собеседование при приеме на работу», «Переговоры» прорабатывались на факультативных занятиях и дали студентам возможность выявлять и осмысливать культурное влияние на поведенческие стереотипы представителей разных культур. В целом проведенные мероприятия, направленные на формирование навыков эффективной межкультурной коммуникации, включают в себя несколько тематических блоков: историко-образовательный, культурно-познавательный, художественно-творческий.

По проведению экспериментальной работы мы пришли к выводу, что формирование навыков ведения эффективной межкультурной коммуникации может успешно проходить не только в ходе учебного процесса, но и в рамках досуговой деятельности, что достаточно эффективно. В ходе опроса студентов было установлено, что:

- участие в экспериментальной работе помогло им узнать много нового о других культурах;
- они стали лучше ориентироваться на зарубежных сайтах глобальной Сети;
- узнали много фактов из истории стран изучаемых языков;
- познакомились с традициями и обычаями других народов;
- стали лучше понимать мотивы поведения представителей других культур.

Таким образом, весь эксперимент, включавший изучение фоновых знаний и участие в различных культурных практиках, способствовал росту познавательной активности и открыл осознание возможности получения навыков ведения эффективной межкультурной коммуникации для налаживания контактов с представителями других культур.

Список литературы

1. Белл Р.Т. Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы. М.: Междунар. отношения, 1980. 318 с.
2. Касьянова К. Еще раз к вопросу о Магомете и горе // Знание – сила. 1992. № 1. С. 15-33.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
4. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. S. 279-282.
5. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М.: Р. Валент, 2005. 192 с.
6. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2004. 424 с.
7. Бортникова Т.Г., Апанасюк Л.А. Социально-культурные условия формирования навыков межкультурного взаимодействия студентов-мигрантов. Тамбов: Грамота, 2008. 132 с.
8. Стрельцов Ю.А. Межличностное взаимодействие как социокультурный феномен // Социальные технологии в сфере культуры и досуга. Опыт. Проблемы. Инновации. Тамбов, 2001. С. 132-139.
9. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: КноРус, 2014. 254 с.
10. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. 392 с.

References

1. Bell R.T. *Sotsiolingvistika: Tseli, metody i problemy* [Sociolinguistics: Goals, Methods and Problems]. Moscow, International Relations Publ., 1980, 318 p. (In Russian).
2. Kasyanova K. *Eshche raz k voprosu o Magomete i gore* [Once again to the question of Mohammed and the mount]. *Znanie – sila* [Knowledge is Power], 1992, no. 1, pp. 15-33. (In Russian).
3. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Publishing Center "Akademiya", 2001, 208 p. (In Russian).
4. Sternin I.A. *O ponyatii kommunikativnogo povedeniya* [On the concept of communicative behavior]. *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989, pp. 279-282. (In Russian).
5. Visson L. *Russkie problemy v angliyskoy rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kul'tur* [Russian Problems in the English Speech. Words and Phrases in the Context of Two Cultures]. Moscow, R. Valent Publ., 2005, 192 p. (In Russian).
6. Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2004, 424 p. (In Russian).
7. Bortnikova T.G., Apanasyuk L.A. *Sotsial'no-kul'turnye usloviya formirovaniya navykov mezhkul'turnogo vzaimodeystviya studentov-migrantov* [Social and Cultural Conditions for the Intercultural Interaction Skills Development of Migrant Students]. Tambov, Gramota Publ., 2008, 132 p. (In Russian).
8. Streltsov Y.A. *Mezhlichnostnoe vzaimodeystvie kak sotsiokul'turniy fenomen* [Interpersonal interaction as a social and cultural phenomenon]. *Sotsial'nye tekhnologii v sfere kul'tury i dosuga. Opyt. Problemy. Innovatsii* [Social Technologies in the Sphere of Culture and Leisure. Experience. Problems. Innovations]. Tambov, 2001, pp. 132-139. (In Russian).
9. Sadokhin A.P. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Intercultural Communication]. Moscow, KnoRus Publ., 2014, 254 p. (In Russian).
10. Reykovskiy Y. *Ekspperimental'naya psikhologiya emotsiy* [Experimental Psychology of Emotions]. Moscow, Progress Publ., 1979, 392 p. (In Russian).

Информация об авторах

Бортникова Татьяна Геннадиевна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatyana_bort@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, проведение эксперимента, написание части статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2947-9409>

Information about the authors

Tatyana G. Bortnikova, Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of Foreign Philology and Applied Linguistics Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatyana_bort@mail.ru

Contribution: study conception, literature analysis, experiment processing, part of article drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2947-9409>

Долженкова Марина Игоревна, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой культуроведения и социокультурных проектов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dolgenkovam@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, разработка педагогической программы, написание части статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Бортникова Татьяна Геннадиевна
E-mail: tatyana_bort@mail.ru

Поступила в редакцию 15.07.2018 г.
Поступила после рецензирования 14.08.2018 г.
Принята к публикации 15.01.2019 г.

Marina I. Dolzhenkova, Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Cultural Studies and Social and Cultural Projects Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: dolgenkovam@mail.ru

Contribution: main study conception, pedagogical programme development, part of article drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-7028>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Tatyana G. Bortnikova
E-mail: tatyana_bort@mail.ru

Received 15 July 2018
Reviewed 14 August 2018
Accepted for press 15 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-113-120
УДК 37.018.7

Корпоративное волонтерство как перспективное направление социально-культурного партнерства: особенности, преимущества и перспективы развития

**Валентина Владимировна ГЛАДКИХ¹, Галина Ивановна ГРИБКОВА²,
Елена Владимировна УЛЬЯНОВА^{2,3}**

¹ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
394064, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54 «А»

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4058-9011>, e-mail: galina2658@yandex.ru

²ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет»

129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4, корп. 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1139-9593>, e-mail: galina2658@yandex.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3362-8027>, e-mail: ulianova.elena@yandex.ru

Corporate volunteering as a promising direction of social and cultural partnership: peculiarities, advantages and development prospects

Valentina V. GLADKIKH¹, Galina I. GRIBKOVA², Elena V. ULYANOVA^{2,3}

¹Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin
54 "A" Starykh Bolshevikov St., Voronezh 394064, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4058-9011>, e-mail: galina2658@yandex.ru

²Moscow City University

4-1 2-y Selskokhozyaystvennyy Dr., Moscow 129226, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1139-9593>, e-mail: galina2658@yandex.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3362-8027>, e-mail: ulianova.elena@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы особенности развития корпоративного волонтерства в России в аспекте рассмотрения таких форм, как социально-культурное партнерство, межсекторное взаимодействие. Корпоративное волонтерство определяется как поддержка и поощрение работодателем сотрудников, занимающихся общественной работой в местных сообществах на безвозмездной основе. Охарактеризована система поощрения сотрудников (оплачиваемый отпуск, оформление творческих командировок, использование количества рабочих часов в соответствии с утвержденным регламентом для участия в социально значимых мероприятиях, грантовая поддержка). Выделены и проанализированы основные подходы к развитию корпоративного волонтерства (интеграционный, инновационный). Выявлены основные направления развития корпоративного волонтерства, в которых особая роль отводится системе взаимодействия государственных структур и гражданского общества (профессиональное волонтерство, микроволонтерство, программы социальной поддержки, участие в разработке проектов для некоммерческих организаций). Представлен обзор экспертных рекомендаций для компаний по разработке и внедрению программ корпоративного волонтерства. Описаны основные этапы разработки корпоративных волонтерских программ (подготовительный, промоушен pro bono, развитие социальных инициатив, создание банка корпоративных проектов). Проанализированы программы корпоративного волонтерства крупнейших компаний, которые активно развивают это направление на территории Российской Федерации и преследует цели популяризации общественно значимой волонтерской деятельности.

Ключевые слова: волонтерство; социально-культурное партнерство; корпоративное волонтерство

Для цитирования: Гладких В.В., Грибкова Г.И., Ульянова Е.В. Корпоративное волонтерство как перспективное направление социально-культурного партнерства: особенности, преимущества и перспективы развития // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 113-120. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-113-120

Abstract. We discuss the development peculiarities of corporate volunteering in Russia in the aspect of consideration of such forms as social and cultural partnership, cooperation. Corporate volunteering is defined as the support and encouragement by an employer of employees engaged in community work on a pro bono basis. The system of encouragement of employees is characterized (paid leave, registration of creative business trips; use of the number of working hours in accordance with the approved regulations for participation in socially significant events; grant support). The main approaches to the development of corporate volunteering (integration, innovation) are characterized. We define the main directions of development of corporate volunteerism, in which a special role is given to the system of interaction of state structures and civil society (professional volunteering, micro-volunteering, social support programs, and participation in the development of projects for non-commercial organizations). Expert recommendations for companies on development and implementation of corporate volunteering programs are presented. The main stages of development of corporate volunteer programs (preparatory, pro bono promotion, development of the bank of social initiatives) are described. The programs of corporate volunteering of the largest companies that actively develop this direction in the territory of the Russian Federation and pursue the goals of popularization of socially significant volunteer activity are analyzed.

Keywords: volunteer activity; social and cultural partnership; corporate volunteering

For citation: Gladkikh V.V., Gribkova G.I., Ulyanova E.V. Korporativnoye volonterstvo kak perspektivnoye napravleniye sotsial'no-kul'turnogo partnerstva: osobennosti, preimushchestva i perspektivy razvitiya [Corporate volunteering as a promising direction of social and cultural partnership: peculiarities, advantages and development prospects]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 113-120. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-113-120 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Волонтерская деятельность в современном российском обществе является индикатором гражданской активности населения, важной сферой социального влияния и защиты прав личности, перспективным вектором устойчивого развития государства.

В западной социологии термин «волонтерство» применяется для обозначения добровольного труда, добровольно осуществляемого людьми на безвозмездной основе и направленного на достижение общественно значимых целей, решение социальных проблем. Также понятие волонтерство интерпретируется как: а) деятельность некоммерческих и общественных объединений, под которыми подразумеваются добровольные, самоуправляемые формирования, созданные по инициативе граждан, объединившиеся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения; б) социальная работа, предоставление социальных услуг, основанных на желании человека оказать помощь.

Исходя из этого, социально-культурная активность личности выступает в качестве

мотивированного стремления человека к осознанной ценностной необходимости в проявления инициативы, в частности, в стремлении осуществлять волонтерскую деятельность, и формируется в ходе освоения социального опыта, вбирающего спектр культурных ценностей через удовлетворение социально-культурных потребностей и интересов [1, с. 177-178].

С целью поддержки добровольческих инициатив в феврале 2018 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан закон о статусе волонтерских организаций, в котором четко зафиксировано нормативно-правовое положение волонтерских организаций, ее руководителей и волонтеров, а также полномочия органов власти в данной сфере¹.

По данным международной благотворительной организации “Charites Aid Foundation” 23 млн россиян (19 %) хотя бы один раз работали на добровольных началах в неком-

¹ Путин подписал закон о волонтерстве. URL: <https://ria.ru/society/20180205/1514028700.html> (дата обращения: 12.09.2018).

мерческих организациях, а каждый третий россиянин (32 %) оказывал безвозмездную помощь нуждающимся².

В связи с этим сфера волонтерства приобретает популярность и среди бизнес-корпораций, что свидетельствует о высоком уровне развития корпоративной социальной ответственности сотрудников компании. Поэтому неслучайно по инициативе ведущих отечественных и международных компаний в России в 2014 г. был создан Национальный совет по корпоративному волонтерству (НСКВ), основная цель которого – популяризация общественно значимой добровольческой деятельности сотрудников и трансляция лучших волонтерских практик.

Согласно определению И.И. Краснопольской, «...корпоративное волонтерство – это любые действия работодателя, направленные на поощрение и поддержку деятельности сотрудников в местных сообществах на безвозмездной основе» [2].

Корпоративное волонтерство – выгодная инвестиция в будущее компании, сопутствующая профилактике профессионального выгорания сотрудников, генерации новых идей, развитию навыков работы в команде совместно со специалистами других отделов, приобретению нового жизненного опыта, а также формированию профессиональных и общекультурных компетенций.

В настоящее время ведущие компании постепенно от благотворительности переходят к стратегическим социальным инвестициям, которые ориентированы не только на развитие ее внутриорганизационной среды (повышение квалификации, медицинское страхование, программы социальной поддержки для сотрудников и др.), но и заинтересованы в развитии внешней социальной политики, нацеленной на формирование партнерских отношений с государством и обществом [3; 4].

Среди причин актуализации корпоративного волонтерства, по мнению И. Екушевского (бизнесмена и руководителя «Клуба волонтеров»), является поддержка государством идей добровольчества, а также высокая конкуренция, в которой лидирует

только инициатор эффективных социальных инициатив [5].

Также практиками отмечается тот факт, что развитие волонтерских практик формирует социально-культурный климат вокруг градообразующих предприятий, которые таким образом повышают социальные обязательства перед членами местных сообществ, влияют на становление духовно-нравственных ценностей сотрудников, формируют заботливое отношение к окружающей среде [6, с. 21]. В данном случае можно говорить о том, что волонтеры выступают бенефициантами корпоративного волонтерства и как сотрудники компании, и как независимые граждане, добровольческая практика которых благоприятно отражается и на росте гражданской активности населения.

Существуют два взаимодополняющих подхода к развитию корпоративного волонтерства (интеграционный и инновационный):

- интеграция сотрудников в уже реализующиеся компанией волонтерские программы в свободное от работы время;
- разработка инновационных программ в соответствии с корпоративными ценностями и стратегическими ориентирами развития компании.

При этом сотрудники, принимающие активное участие в корпоративных волонтерских проектах, получают определенные преференции от руководства, в частности: а) оплачиваемый отпуск или оформление творческих командировок, обеспечивающих полную занятость сотрудников в некоммерческих проектах; б) использование утвержденного количества рабочих часов для участия в социально значимых мероприятиях и акциях; в) участие в грантовых программах, помогающих выстраивать с НКО-сектором прочные связи и повышать уровень профессиональной компетентности.

По мнению сотрудников, корпоративная волонтерская деятельность способствует взаимопониманию в коллективе (78,3 %), формированию группы единомышленников (84,2 %), развитию лидерских навыков (69,2 %), увеличивает производительность труда на 13 % и снижает отток кадров в другие организации на 50 % [7], а также повышает степень стрессоустойчивости на рабочем месте (78 %), тем самым предотвращая профессиональные провалы и наполняя про-

² CAF. World Giving Index 2015. A Global View of Giving Trends. November 2015. URL: http://www.caf-russia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (accessed: 12.09.2018).

фессиональную жизнь новым содержанием [2]. Предоставляя сотрудникам возможность выбора волонтерских вакансий, 79 % компаний отметили улучшение качества производительного труда, что также является весомым аргументом в пользу развития корпоративной филантропии [2].

Для того чтобы вовлечь сотрудника в волонтерскую практику, необходимо провести опрос, нацеленный на выявление гражданской позиции коллег, результаты которого позволят в дальнейшем разработать формы волонтерской работы с учетом целей компании [8].

Систематизируя корпоративные волонтерские программы, можно выделить наиболее популярные направления:

- развитие, поддержка и профессиональная ориентация воспитанников школ-интернатов и детских домов;
- донорство крови, помощь пострадавшим в чрезвычайных ситуациях;
- поддержка малоимущих семей и людей пожилого возраста;
- участие в экологических волонтерских инициативах и др.;
- участие в разработке и реализации проектов НКО – профессиональное добровольчество (графический дизайн, проектный менеджмент, финансовое планирование и др.).

Также подразделение международной консалтинговой организации “Accenture” советует обратить пристальное внимание на микроволонтерство (MV – microvolunteering), которое осуществляется дистанционно с рабочего или домашнего компьютера (крауд-фандинг, программное обеспечение, опросы и т. д.), так как поколению «миллениалов» важна вариативность участия в общественной работе с учетом их стиля жизни, с опорой на персонализированный Интернет (Internet of Me)³.

При разработке корпоративных волонтерских программ экспертами рекомендуется придерживаться следующих этапов:

- подготовка и систематизация программ в контексте стратегических целей компании, проработка коммуникационной системы взаимодействия между потенциальными стейкхолдерами;

- продвижение программ pro bono, нацеленных на оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям, а также частным лицам, нуждающимся в данном виде поддержки, исходя из уровня профессиональных компетенций сотрудников и задач бизнеса, коррелирующих pro bono [9];

- поддержка социальных инициатив сотрудников, развитие корпоративного семейного волонтерства, корпоративного волонтерского туризма (составление разнообразных маршрутов общественно полезной деятельности с последующими отчетами на добровольческой платформе).

При реализации волонтерских программ, по мнению экспертов в области корпоративного волонтерства, необходимо следовать следующим рекомендациям.

1. Адаптировать мероприятия корпоративного волонтерства к особенностям внутреннего трудового распорядка, позволяющего охватить как можно больше сотрудников с разными рабочими графиками.

2. Учитывать приоритетные направления деятельности различных департаментов, которые могут выступить в качестве потенциальных партнеров.

3. Применять дифференцированный подход в процессе взаимодействия с НКО (оказывать профессиональные консультации, закреплять кураторов за конкретными клиентами).

4. Разработать мобильную интернет-платформу и мобильное приложение для доступа клиентов к базе данных волонтерских мероприятий, онлайн-акциям и форумам.

5. Организовать продуманную PR-кампанию на основе практического опыта сотрудников, участвовавших в волонтерских проектах, проводимых совместно с НКО, а также о благополучателях и результатах деятельности.

С этой целью на платформе “Causecast” для желающих поделиться информацией представлены все опции для загрузки фото и видеоконтента, представлены образцы отчетов, создано дискуссионное пространство для обмена опытом в сфере корпоративного волонтерства.

Анализ конкретных программ корпоративного волонтерства позволил специалистам получить следующие данные: в сред-

³ Корпоративное волонтерство и вовлеченность сотрудников. Дайджест зарубежных публикаций. М.: Мосволонтер, 2017. С. 18.

нем, срок реализации волонтерских программ в компании – от года до трех лет (30 %); периодичность реализации программ – 3 раза в год; продолжительность участия волонтеров в программах – 12 дней; основными благополучателями чаще всего являются конкретные нуждающиеся (56 %), муниципальные и/или государственные учреждения (44 %); семьи (18 %) и территория населенного пункта (13 %); к программам разработки и/или реализации корпоративного волонтерства привлекались 48 % НКО; в среднем в одной волонтерской программе принимали участие 236 сотрудников, около 90 % сотрудников были удовлетворены участием в мероприятиях корпоративного волонтерства [2, с. 38].

На сегодняшний день экспертами выделяется следующий общий перечень компетенций и соответствующие способы их развития в процессе участия сотрудника в корпоративных волонтерских практиках:

- личная эффективность (индивидуальная деятельность и работа в команде);
- адаптивность (участие в различных добровольческих проектах);
- коммуникабельность (выступление с презентацией, обработка и интерпретация информации для адекватного понимания слушателями);
- умение работать в команде (преодоление профессиональных барьеров и стереотипов, налаживание взаимодействия между сотрудниками различных отделов компании);
- креативность и инновационное мышление (разработка новых программ, поиск форм волонтерской активности в соответствии с миссией компании);
- умение убеждать (аргументировано обосновывать принятое решение);
- организационные навыки (эффективный менеджмент корпоративных волонтерских программ);
- лидерские навыки (руководство малой группой в рамках корпоративного волонтерства);
- ориентация на клиента (расширение клиентской базы компании и оценка их возможностей в развитии корпоративных волонтерских программ);
- профессиональная компетентность.

При этом ведущими социальными мотивами, побуждающими сотрудника к волон-

терской деятельности, выступают: а) самореализация личностного потенциала, возможность проявления своих способностей в социально значимой общественной деятельности; б) общественное признание, чувство социальной значимости, возможность ощутить сопричастность к общественно полезному делу; в) самоопределение, позволяющее человеку выразить свое внутреннее «Я»; г) приобретение опыта ответственного лидерства и социального взаимодействия; д) выполнение общественного и религиозного долга [10].

Успешным российским опытом в сфере корпоративного волонтерства, согласно данным аналитического отчета по результатам исследовательского проекта «Корпоративное волонтерство в России: оценка состояния и рекомендации по развитию»⁴, является деятельность таких крупных бизнес-корпораций, как «РУСАЛ», “Yum! Brands”, «ГМК «Норильский никель».

Рассмотрим более подробно программы корпоративного волонтерства, реализуемые вышеперечисленными компаниями.

В 2013 г. компания «РУСАЛ» (в арсенале компании разные формы реализации добровольческих инициатив – от системы личных пожертвований до организации масштабных городских мероприятий) в шести регионах присутствия запустила программу «Помогать просто», нацеленную на сотрудничество неравнодушных волонтеров компании с городскими активистами. В рамках программы добровольцы ежегодно а) помогали в организации социально значимых событий (мастерские добрых дел, спортивные соревнования в подшефных учреждениях, благотворительные акции и др.); б) участвовали в проведении конкурса мини-грантов, основная задача которого – обеспечить поддержку волонтерских проектов, где основными грантополучателями выступают муниципальные городские учреждения и объединения волонтеров (всего силами волонтеров была оказана помощь по 500 заявкам); в) инициировали благотворительный марафон «Верим в чудо, творим чудо!», ориенти-

⁴ Корпоративное волонтерство в России: оценка состояния и рекомендации по развитию. Аналитический отчет по результатам исследовательского проекта. М.: Изд-во «Национальный совет по развитию волонтерства», 2016. 105 с.

рованный на поддержку детей из детских домов, многодетных и малообеспеченных семей, детей-инвалидов, ветеранов Великой Отечественной войны, одиноких пожилых людей и на оказание помощи социальным, некоммерческим и образовательным учреждениям⁵. В 2015 г. марафон был признан победителем конкурса «Лидеры корпоративной благотворительности» в номинации «Лучшая программа (проект), реализованная в партнерстве с другим бизнесом».

Волонтерство и корпоративная социальная ответственность являются одной из основных составляющих стратегии компании «Yum! Brands», в которой реализуются более 200 проектов, объединяющих более тысячи волонтеров, получающих в рамках корпоративной программы «Твори добро» не только организационную и консультационную помощь от компании, но и финансовую поддержку авторских благотворительных проектов. Также компанией разработана программа «Волонтеры надежды», позволяющая волонтерам выигрывать гранты для благотворительных организаций, с которыми они сотрудничают (за 2014–2015 гг. волонтеры «Yum! Brands» помогли российским фондам получить более 4 млн руб. в виде грантов и пожертвований), а в 2015 г. был учрежден фонд «Открывая горизонты», основное направление которого – помощь детям, оставшимся без попечения родителей.

Программа корпоративного волонтерства «Комбинат добра» «ГМК «Норильский никель» стала неотъемлемой частью корпоративной социальной ответственности компании и стартовала 5 декабря 2015 г. в Международный день волонтера. Цель программы – развитие социальной активности сотрудников на основе взаимовыгодного партнерства как между компанией и сотрудни-

ком, так и между бизнесом и местным сообществом. В программе «Комбинат добра» благодаря систематизированному банку практик сотрудник всегда может выбрать именно тот вид волонтерской деятельности, который наилучшим образом будет сочетаться с его профессиональными навыками (профессиональные услуги (pro bono), социальные проекты, личные пожертвования и др.). Конкурс проектных идей «Инженер добра» – часть программы «Комбинат добра», в период проведения сотрудники предлагают проектные идеи, направленные на решение социально значимых задач на территориях своего присутствия, защищают проект, а победители получают гранты. Программа личных пожертвований – «Благотворительность» на интранет-портале «ГМК «Норильский никель» инициирует благотворительные акции и события городского масштаба, направленные на развитие социальной активности сотрудников (благотворительный забег «Норильск, беги со мной», семейный праздник «Инженеры добрых дел» в Норильске, Мончегорске, Москве, Заполярном, Никеле, экофестиваль в Мончегорске, благотворительная ярмарка «ДоброNickel» и др.)⁶.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в России корпоративное волонтерство – перспективная практика социально-культурного партнерства для российских компаний, развивающая социальную ответственность и инициативность сотрудников, что в целом влияет на уровень гражданской активности населения России.

Таким образом, одним из факторов успеха корпоративных волонтерских программ компаний является их соответствие миссии компании, стратегии ее развития, степени интеграции в философию корпоративной культуры.

⁵ Корпоративное волонтерство в России: оценка состояния и рекомендации по развитию...

⁶ Там же.

Список литературы

1. Шарковская Н.В. Сущность социально-культурной активности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 3. С. 174-178.
2. Краснопольская И.И. Корпоративное волонтерство в России: основные характеристики // Корпоративное волонтерство в России. М.: Центр развития филантропии «Сопричастность», 2012. С. 36-42.
3. Луговая Е.А. Феномен добровольчества в социокультурном пространстве России: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2012. 20 с.
4. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 204 с.
5. Горлова Н.И. История и перспективы развития Российского корпоративного волонтерства // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4 (40).
6. Решетников О.В. Корпоративное добровольчество. М.: Проспект, 2010. 72 с.
7. Певная М.В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 110-119.
8. Уржа О.А. Социальная активность населения муниципальных образований: факторы и условия // Социальная политика и социология. 2013. № 2-1 (92). С. 7-22.
9. Шлихтер А.А. Направления и механизмы взаимодействия социально-ответственного бизнеса с некоммерческим сектором США. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 104 с.
10. Сикорская Л.Е. Педагогический потенциал добровольческой деятельности студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 2. С. 213-217.

References

1. Sharkovskaya N.V. Sushchnost' sotsial'no-kul'turnoy aktivnosti [The nature of social and cultural activity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv – The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2007, no. 3, pp. 174-178. (In Russian).
2. Krasnopolskaya I.I. Korporativnoye volonterstvo v Rossii: osnovnyye kharakteristiki [Corporate volunteering in Russia: basic characteristics]. *Korporativnoye volonterstvo v Rossii* [Corporate Volunteering in Russia]. Moscow, Centre of Philanthropy Development “Soprichastnost”, 2012, pp. 36-42. (In Russian).
3. Lugovaya E.A. *Fenomen dobrovol'chestva v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [The Volunteering Phenomenon in Social and Cultural Space of Russia. Cand. cult. sci. diss. abstr.]. Saratov, 2012, 20 p. (In Russian).
4. Mersiyanova I.V., Korneyeva I.E. *Blagotvoritel'nost' i uchastiye rossiyan v praktikakh grazhdanskogo obshchestva: regionalnoe izmereniye* [Charity and the Participation of Russians in the Practices of Civil Society: Regional Measurement]. Moscow, Higher School of Economics – National Research University Publ., 2013, 204 p. (In Russian).
5. Gorlova N.I. Istoriya i perspektivy razvitiya Rossiyskogo korporativnogo volonterstva [History and prospects of development of Russian corporate volunteering]. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes. The Online Academic Journal of Kursk State University*, 2016, no. 4 (40). (In Russian).
6. Reshetnikov O.V. *Korporativnoye dobrovol'chestvo* [Corporate Volunteering]. Moscow, Prospekt Publ., 2010, 72 p. (In Russian).
7. Pevnaya M.V. Volonterstvo kak sotsiologicheskaya problema [Volunteering as a sociological problem]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2013, no. 2, pp. 110-119. (In Russian).
8. Urzha O.A. Sotsial'naya aktivnost' naseleniya munitsipal'nykh obrazovaniy: faktory i usloviya [Social activity of the municipal population: factors and conditions]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya – Social Policy and Sociology*, 2013, no. 2-1 (92), pp. 7-22. (In Russian).
9. Shlikhter A.A. *Napravleniya i mekhanizmy vzaimodeystviya sotsial'no-otvetstvennogo biznesa s nekommercheskim sektorom SSHA* [Directions and Mechanisms of Interaction of Socially Responsible Business with the Nonprofit Sector of the United States]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations of the RAS Publ., 2010, 104 p. (In Russian).
10. Sikorskaya L.E. Pedagogicheskiy potentsial dobrovol'cheskoy deyatel'nosti studencheskoy molodezhi [Pedagogical potential of volunteer activity of students]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 2, pp. 213-217. (In Russian).

Информация об авторах

Гладких Валентина Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков. Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: galina2658@yandex.ru

Вклад в статью: научное консультирование, анализ литературы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4058-9011>

Грибкова Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: galina2658@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1139-9593>

Ульянова Елена Владимировна, аспирант, кафедра социально-культурной деятельности. Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: ulianova.elena@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3362-8027>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Ульянова Елена Владимировна
E-mail: ulianova.elena@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.10.2018 г.

Поступила после рецензирования 29.11.2018 г.

Принята к публикации 15.01.2019 г.

Information about the authors

Valentina V. Gladkikh, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Foreign Languages Department. Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin, Voronezh, Russian Federation. E-mail: galina2658@yandex.ru

Contribution: scientific consulting, literature analysis.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4058-9011>

Galina I. Gribkova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Social and Cultural Activities Department. Moscow City University, Moscow, Russian Federation. E-mail: galina2658@yandex.ru

Contribution: main study conception.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1139-9593>

Elena V. Ulyanova, Post-Graduate Student, Social and Cultural Activities Department. Moscow City University, Moscow, Russian Federation. E-mail: ulianova.elena@yandex.ru

Contribution: main study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3362-8027>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Elena V. Ulyanova
E-mail: ulianova.elena@yandex.ru

Received 25 October 2018

Reviewed 29 November 2018

Accepted for press 15 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-121-130
УДК 322:281.93:908

Финансово-экономическая и хозяйственная деятельность православных мужских монастырей Тамбовской епархии в XVIII–XIX веках

Максим Сергеевич ВОЛКОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4906-6815>, e-mail: Volkov.jaz@mail.ru

Financial and economical activity of Orthodox monasteries of Tambov Eparchy in the 18th–19th centuries

Maksim S. VOLKOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4906-6815>, e-mail: Volkov.jaz@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена наметившимися в последнее время тенденциями всестороннего рассмотрения вопросов, связанных с финансово-экономической и хозяйственной деятельностью православных монастырей. В условиях возрождения монашеской жизни в современной России данные аспекты монастырского делания представляют для исследователей особый интерес и позволяют провести некоторые исторические параллели, а также осмыслить многие смежные вопросы в данном направлении. Поставлена задача представить обобщенный сводный анализ хозяйственного состояния православных мужских монастырей епархии в синодальный период, а также рассмотреть основные статьи прихода и расхода денежных сумм. Факты, собранные и систематизированные в данном исследовании, призваны раскрыть специфику и особенности владения мужскими обителями своими угодьями. Землевладение и различные хозяйственные объекты являлись мощным экономическим подспорьем в условиях сложившегося разделения монастырей на штатные и заштатные типы после реформы 1764 г. В результате со второй половины XVIII столетия большинство обителей вынуждены были искать новые негосударственные источники доходов. В процессе постепенного накопления земельного фонда в течение последующего столетия все больше усиливалась роль хозяйственных владений, которые, как правило, сдавались в аренду и обеспечивали прочный и стабильный внебюджетный доход как в штатных, так и в заштатных монастырях.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; мужские монастыри; хозяйственная деятельность; финансово-экономическая деятельность; землевладение; угодья; доходы; аренда; ведомости

Для цитирования: Волков М.С. Финансово-экономическая и хозяйственная деятельность православных мужских монастырей Тамбовской епархии в XVIII–XIX веках // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 121–130. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-121-130

Abstract. The relevance of our study is due to the recent trends of comprehensive consideration of issues related to the financial, economic and economic activities of Orthodox monasteries. In the conditions of the revival of monastic life in modern Russia these aspects of monastic work are of particular interest to researchers and allow us to draw some historical parallels, as well as to comprehend many related issues in this direction. The study was tasked with presenting a generalized summary analysis of the economic status of Orthodox male monasteries of the eparchy during the synodal period, as well as reviewing the main articles of income and expenditure of monetary amounts. The facts collected and systematized in this study are intended to reveal the specifics and peculiarities of ownership of the male monasteries with their lands. Land tenure and various

economic objects were a powerful economic help in the conditions of the established division of monasteries into regular and non-standard types after the 1764 reform. As a result, from the second half of the 18th century, most of the cloisters were forced to seek new non-state sources of income. In the process of the gradual accumulation of the land fund over the next century, the role of economic possessions, which, as a rule, were leased and provided a solid and stable extrabudgetary income, both in regular and non-standard monasteries, increased.

Keywords: Tambov Eparchy; monasteries; economic activities; financial and economic activities; land tenure; land; income; rent; statements

For citation: Volkov M.S. Finansovo-ekonomicheskaya i khozyaystvennaya deyatel'nost' pravoslavnykh muzhskikh monastyrey Tambovskoy eparkhii v XVIII–XIX vekakh [Financial and economical activity of Orthodox monasteries of Tambov Eparchy in the 18th–19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 121–130. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-121-130 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Финансово-экономическая и хозяйственная деятельность мужских монастырей Тамбовской епархии в синодальный период представляет особый интерес. За сравнительно короткий промежуток времени (вторая половина XVIII – XIX век) большинство православных обитателей пережили ряд радикальных экономических преобразований. По сути, на коротком отрезке в полтора столетия в экономическом плане они проделали параболический путь: от больших потерь своих вотчин (приносивших многим из них немалый доход) до значительного пополнения земельного фонда, происходившего на протяжении всего XIX столетия.

Следует отметить, что, несмотря на значительную площадь Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века (5944226 десятин), монастырское землевладение на ее территории нельзя назвать крупным. Тамбовские обители (включая женские монастыри) в этот период владели всего лишь 42650 десятинами земли¹.

Приведем обобщенные данные, собранные на базе архивных документов и работы А.Е. Андриевского «Историко-статистическое описание Тамбовской епархии» о землевладении мужских монастырей в табл. 1.

Следует заметить, что сам факт владения определенным количеством земли не всегда являлся стабильным и выгодным подспорьем для обитателей. Ведь многие земли являлись неудобными в плане хозяйствования и не приносили необходимый доход. Более того, даже удобные и доходные земли также в основном сдавались в аренду. Это было выгод-

ным решением, так как в результате накопления земельного фонда на протяжении XIX века монастырям становилось все труднее самостоятельно справляться с большими объемами приобретенных хозяйственных угодий. Как отмечает исследователь Б.А. Ершов, от монастырей требовалась более быстрая перестройка монастырского хозяйства «...на новой капиталистической основе...» [1, с. 39].

В некоторых случаях владения находились на значительно удаленном расстоянии друг от друга, что создавало большие неудобства. Примером тому может служить Вышенская пустынь. Из текста статистического описания обители за 1890 г. находим следующее заключение, относящееся к характеристике хозяйственной части: «...из означенного количества земли не малая часть совершенно неудобна ни к чему, и также достаточное количество размыто рекою Вышею, так что в действительном пользовании, натуральном и денежном находится не более двух третей всей количественности земли...»². Кроме того, в тексте документа указывается, что принадлежащая Вышенской пустыни земля находится в десятиместном раздроблении на значительное расстояние и представляет в хозяйственном отношении большую невыгоду. Судя по всему, малопродуктивная земля представляла определенную сложность даже для того, чтобы сдавать ее в аренду. Ведь основной доход Вышенской пустыни, как подчеркнуто во многих ее отчетных документах, составляли сборы от чудотворной иконы Божьей Матери.

¹ Сборник-календарь Тамбовской епархии. Тамбов, 1903. С. 8.

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 181. Оп. 1. Д. 2200. Л. 34.

Таблица 1

Землевладение мужских монастырей Тамбовской епархии к концу XIX века

№ п/п	Название монастыря	Землевладение
1	Тамбовский Казанский мужской монастырь	744 дес.
2	Темниковский Санаксарский монастырь	707 дес. 838 кв. саж.
3	Шацкий Черниев монастырь	255 дес. 1190 кв. саж.
4	Лебедянский Троицкий монастырь	400 дес. 1164 кв. саж.
5	Темниковская Саровская пустынь	26305 дес. 1722 кв. саж.
6	Шацкая Вышенская пустынь	777 дес. 1564 кв. саж.
7	Тамбовский Предтече-Трегуляев монастырь	2027 дес. 661 кв. саж.
8	Козловский Троицкий монастырь	303 дес. 348 кв. саж.
9	Кирсановский Александро-Невский монастырь	316 дес.
Всего		31834 дес. 539 кв. саж.

Другие монастыри старались сдавать в аренду свои более или менее пригодные для хозяйствования угодья, но весьма удаленные по расстоянию [2]. Известно, что Козловский Троицкий монастырь, владевший озерами в Лебедянском уезде, сдавал их в аренду с середины XIX века. По той же причине сдавал в аренду свои рыбные ловли и Темниковский Санаксарский монастырь.

Прибыльность земли во многом зависела также и от природно-климатических условий (рис. 1). В результате засушливого лета или сильных разливов рек почва могла не дать запланированного количества растительности для обеспечения нужд монастыря. В описании Успенской Вышенской пустыни за 1890 г. находим такое сообщение: «...в прошедшее лето по случаю небывалой засухи не было почти никакого урожая, ни травы, ни огородной растительности, так что монастырь вынужден все это добывать покупкой...»³.

Практически каждый монастырь имел как минимум одну мукомольную мельницу. В Саровской пустыни их насчитывалось четыре. Многие из них были построены или отведены от казны еще в XVIII веке. Как правило, они находились при отведенных обителям реках и были водяные. Ветряную мельницу имел лишь Темниковский Санаксарский монастырь.

Как правило, мельницы сдавались в аренду и приносили неплохой доход. Кроме того, в большинстве случаев по условиям контрактов обителям причиталось определенное количество хлеба, помимо основной суммы установленной арендной платы. Чаще всего держателями выступали представители купеческого сословия. Цена арендной

платы за пользование мельницей с каждым годом неуклонно возрастала и в значительной степени разнилась между обителями даже в один и тот же период. Это было вызвано, с одной стороны, некоторыми сложностями в поисках подходящего держателя. С другой стороны, мельницы имели не одинаковое состояние по качеству строения и по общему благоустройству прилегающих хозяйских зданий, относящихся к конкретной мельнице.

Естественно, что в процессе эксплуатации мельниц со временем требовалось внедрение новых способов обработки зерна. Монастыри, как правило, не запрещали держателям усовершенствовать мельничные сооружения, пристраивать необходимые здания. Тем более что после окончания сроков аренды все новые пристройки и переоборудование сохранялись за монастырями. В фондах Государственного архива Тамбовской области имеется документ XIX века – «Дело об аренде водяной мельницы, принадлежащей Дому Епископа»⁴. Данная мельница, относившаяся ранее к Троицкому Цнинскому монастырю, располагалась в селе Троицкая Дубрава на реке Цне, «...ныне мельница существует в лучшем виде и принадлежит дому епархиального преосвященного...» [3, с. 847]. В тексте документа представляют интерес для исследования правила, по которым мельница могла быть передана в содержание. В основном они сводились к следующему: мельница сдавалась монастырем на длительный срок (как правило, не менее чем на 10 лет) с требованием залоговой суммы и условием определенного количества поставок муки.

³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2200. Л. 32об.

⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1747. Л. 4-5.

Процентное соотношение типов земельных участков мужских монастырей Тамбовского края в XVIII–XIX веках

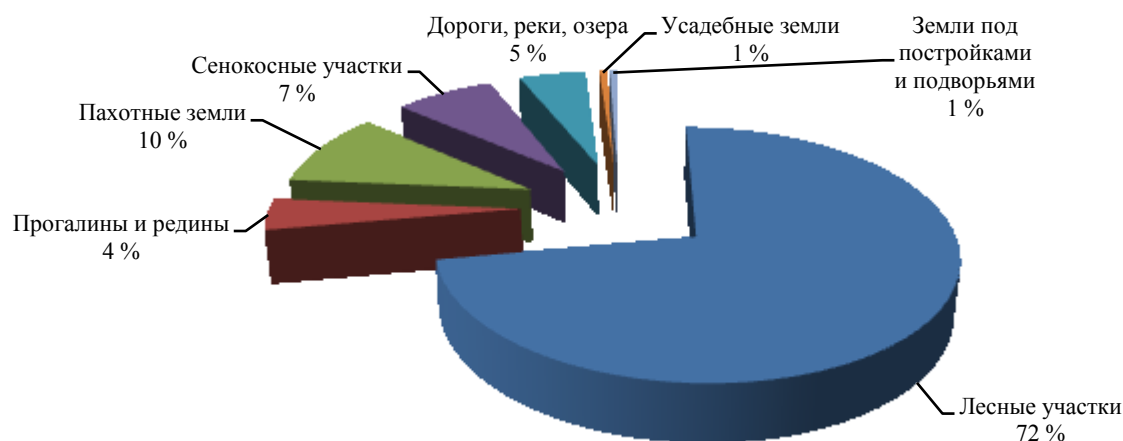

Рис. 1. Соотношение типов земельных участков монастырей

Рассмотрим сумму арендной платы за содержание мельницы на примере Трегуляевского монастыря и проследим ее динамику в течение XIX века. В начале столетия (по данным 1811 г.) сумма аренды за год равнялась 625 руб. Приходо-расходная ведомость монастыря за 1824 г. содержит данные о том, что мельница сдавалась тамбовскому купцу Петру Ишутину, который производил оплату по полугодиям (1-е полугодие – 850 руб.; 2-е полугодие – 635 руб.). Общая сумма аренды за год составляла, таким образом, 1485 руб.⁵ По данным приходо-расходной ведомости за 1851 г. содержанием мельницы являлась купеческая жена Наталья Васильева, которая вносила оплату за аренду по трем года в количестве 468 руб. (за каждую треть)⁶.

Известно, что данная мельница, располагавшаяся на реке Лесной Тамбов, в 1877 г. была уничтожена. При ней состояло 1200 кв. саж. земли. Однако в отчете Трегуляевской обители за 1854 г. отмечалось, что этой «...земли весьма недостаточно для прудки платин по песчаному грунту ее...»⁷. Судя по всему, монастырю все труднее становилось искать подходящих арендаторов, а объект в условиях развивающейся промышленности и технических усовершенствований со временем

ветшал и становился все более неперспективным.

Например, Козловский Троицкий монастырь сдавал свою мельницу в аренду на протяжении XIX столетия в два раза дешевле, чем Трегуляевский (для сравнения в 1865 г. – 714 руб. в год). Вышенская пустынь по данным 1891 г. получала с арендаторов еще меньше «...в Кирсановском уезде при селе Вышенке находится небольшая водяная мельница, на речонке Вышенке, отведенная из казенного ведомства, которая отдана в арендное содержание с ежегодною платою по 200 рублей...»⁸.

К концу столетия более актуальными и предпочтительными являлись паровые мельницы. В сложившихся условиях в ногу со временем шел Козловский Троицкий монастырь, который сумел к концу столетия перестроить объект на новый качественный уровень. В кратком историко-статистическом описании монастыря за 1891 г. сообщается следующее: «...Козловский монастырь имеет в своем владении: 5) паровую вальцовую мукомольную мельницу, которая до 1890 г. была водяная ветхая, а в 1890 г. монастырем вновь перестроена и сдана на 12 годов в аренду, на условиях устроить паровик и вальцы и построить новый амбар для просушки и толчеи, а кроме того платить по 1000 рублей в год – что все арендатором и исполнено» [4, с. 171].

⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 809. Л. 5-7.

⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1503. Л. 3-5.

⁷ ГАТО. Ф. 893. Оп. 1. Д. 29. Л. 9об.

⁸ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2200. Л. 33.

Темниковский Санаксарский монастырь в конце столетия имел водопровод, доставлявший воду из близлежащего озера в различные хозяйские строения посредством насоса, приводимого в движение лошадь: «...из названного озера вода набирается в колодезь, а из него выкачивается чрез насос лошадь в чан и идет чрез водопроводные трубы в кухню, хлебопекарню и другие места...» [5, с. 802].

И все же самой богатой и промышленно развитой обителью, безусловно, являлась Саровская пустынь, которая имела в своем распоряжении, помимо всего прочего, кирпичный завод, смолокурный завод и лесопильню. Данные промышленные заведения обеспечивали монастырь наибольшим количеством денежных доходов, которые составляли более 36 % от общей суммы прихода⁹.

В расстоянии 25 верст от Саровской обители находился Карамзинский чугуно-железный завод, который приобретал в обители уголь, получаемый в процессе гонки смолы. Важную роль для монастыря играла река Сатис. Во-первых, по ней проходила значительная часть межевой границы с соседними дачами. Во-вторых, по ней производился главный сплав на лесопильную мельницу и далее до реки Мокша. Для удобства сплава Сатис был расчищен спрямлением изгибов посредством прокопки каналов.

Еще одной характерной чертой Саровской дачи являлось продуманное расположение сухопутных путей сообщений. Там имелись так называемые «сабинные дороги» – дороги, проведенные по одной прямой линии на протяжении нескольких верст. Они были довольно широкими и обеспечивали удобство в транспортировке лесных материалов. Помимо этого, большая часть сухопутной межи являлась проезжей дорогой.

Особой гордостью пустыни были сосновые леса. Как отмечается в отчете 1867 г. по устройству монастырской дачи, «...еще попадаются совершенно здоровые 300-летние сосны, а сосен в 200 лет и более находится много. Кроме того, есть сплошные сосновые участки при 150-летнем возрасте...» Таким состоянием своих лесных угодий Саровская пустынь была обязана не столько климатическим условиям, сколько протекционным мерам по ведению своего лесного хозяйства.

⁹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2142. Л. 12.

Изначально в дачах производилась выборочная рубка леса (то есть на прииск), предназначенная непосредственно для монастырских нужд. Впоследствии ведение рубки подлежало строгому порядку.

Немаловажным фактором в сохранении лесного хозяйства являлась спланированная сторожевая система. Саровскую дачу охраняли 40 человек. Из них 24 были наемниками и 16 человек – из числа братии. В весенний период количество стражи увеличивалось до 61 человека. Охранники монастырских угодий располагались в 11 специальных домах, расположенных внутри дачи по кварталам. В каждом таком доме имелось определенное количество лошадей от 1 до 4-х для развозов.

Кроме того, в обязанности стражи входило предупреждение лесных пожаров, которые, как известно, неоднократно случались в лесах монастыря (1711, 1844, 1846, 1848 гг.). На этот случай в сухое и жаркое время постоянно «...разъезжает по большой дороге монастыря стража с ведрами и прочими огнегасительными снарядами для тушения огня...»¹⁰.

Расположение монастырских огражденных, церковных, хозяйственных и других строений в мужских монастырях Тамбовской епархии имело определенную закономерность. В целом оно соответствовало следующему плану. Церкви, колокольни, трапезная, настоятельские и братские корпуса, а также специальные корпуса для пребывания важных лиц располагались внутри монастырской ограды. Вне ограды вблизи монастыря располагались монастырские гостиницы, странноприимные дома, богадельни, дома для проживания рабочих и мастеров. Чуть дальше – скотный двор, конюшенный двор, квасоварни, кузницы, хлебопекарни, прачечные, амбары для хранения зерна и прочие хозяйственные постройки. Рядом могли располагаться также и школы, действовавшие при монастыре. В монастырских дачах и усадьбах имелись кельи, бани, беседки, часовни.

Большинство монастырей имели свои подворья в близлежащих городах. Темниковский Санаксарский монастырь (в г. Темников), Лебедянский Троицкий (в г. Лебедянь), Трегуляевский и Козловский (в г. Тамбов и

¹⁰ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 835. Оп. 1. Д. 930. Л. 3-4.

г. Козлов), Саровская пустынь (в городах Темников, Арзамас, Москва).

Данные о наличии подворья у Троицкого Козловского монастыря встречаются уже в 1742 г.: «...оного Троицкого монастыря в помянутом городе Козлове расстоянием от монастыря в три версты подворье...»¹¹.

Главная их функция состояла в создании для иноков, находящихся на каком-либо поручении в городе, условий уединенной монашеской жизни в светской городской среде. Подворья чаще всего также сдавались в аренду. Например, настоятели Козловского и Трегуляевского монастырей, которые часто занимали должность ректора семинарии, предпочитали во время пребывания в Тамбове оставаться на жительстве в самой семинарии. Суммы за арендное содержание также различались между обителями в разные периоды. Трегуляевский монастырь сдавал свое подворье в 1823–1824 гг. за 450 руб. в год¹². Козловский Троицкий монастырь в 1891 г. получал от содержателей сумму 350 руб. в год.

Тенденция контроля монастырских доходов начала складываться с самого начала XVIII столетия. В силу указов Петра I от 24 и 31 января 1701 г., а также от 31 января 1724 г. последовал ряд правительственных мер по усилению контроля прихода и дохода сумм наиболее крупных монастырей¹³.

Остаточные суммы от монастырских доходов обязаны были поступать на общественно полезные нужды. Для управления монастырским имуществом был создан специальный орган – Монастырский приказ [6, с. 14].

Следует отметить еще одну закономерность в экономической системе монастырей – увеличение числа крепостных крестьян, вовлеченных в монастырское хозяйство, несмотря на происходившие процессы секуляризации. Эту тенденцию отметил И.А. Булыгин, попытавшийся собрать данные о количестве монастырских крестьян в XVIII веке. По данным исследователя в начале столетия численность таких крестьян приблизительно находилась на отметке 715 тыс. душ. После переписи населения 1719–1723 гг. их количество увеличилось до 791,1 тыс. душ [7, с. 56-57].

Во второй половине XVIII – XIX веке все монастырские доходы можно разделить

на три основных вида, учитывая принцип их поступления и распределения.

1. Окладные (или штатные) доходы представляли собой финансирование от государства согласно штатным окладам.

2. Неокладные доходы – собственные доходы монастырей (от продажи свечей, имений, хозяйственных заведений, арендной платы, а также капиталов и пожертвований).

3. Доходы от «братской кружки» – средства, приобретаемые от служения треб, а также проценты с банковских капиталов.

Попытаемся сравнить разницу в доходах штатных и заштатных монастырей Тамбовской епархии на начало XIX столетия на примере Лебедянской Троицкой и Трегуляевской обителей. По справке 1811 г. оказалось, что Лебедянский монастырь имеет сумму 3963 руб. 57 к.

По той же справке Трегуляев монастырь имеет суммы «...собранный как строитель оной объяснил от разных благотворителей на монастырь и братию, чрез снискание ее трудами общежития...» 3000 руб.¹⁴

Данный пример показывает, что штатные монастыри имели некоторое преимущество в доходах по отношению к заштатным обителям. Разница более чем в 900 руб. на тот период была весьма существенной. К примеру, сумма 930 руб. 71 1/4 к. в начале XIX века выделялась ежегодно на жалование настоятелей, братии и монастырских служителей (экономических крестьян) третьеклассных штатных монастырей.

Рассмотрим основные статьи доходов, отпускаемых из тамбовской казенной палаты для содержания третьеклассных монастырей на примере Трегуляевской и Козловской Троицкой обителей за 1814, 1819 и 1824 гг. (табл. 2).

Неокладная сумма дохода в 1824 г. в Трегуляевском монастыре составила 3784 руб. 65 к. Помимо этого, от свечной продажи, подаяния и кошелькового сбора обитель получила 675 руб. 89 к. Общая сумма доходов Трегуляевского монастыря в 1824 г. составила 5911 руб. 25 1/4 к.¹⁵

В Козловском Троицком монастыре в 1819 г. сумма неокладного дохода с остатком от 1818 г. составила 2126 руб. 61 к. От свечной продажи, подаяний и кошельковых сбо-

¹¹ ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 90. Л. 9.

¹² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 809. Л. 5-7.

¹³ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 14. Л. 5-6.

¹⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 591. Л. 35об.

¹⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 809. Л. 1-4об.

Таблица 2

Доходы штатных 3-классных мужских монастырей Тамбовской епархии (1814–1824 гг.)

Статьи окладных доходов	Сумма
На жалование настоятелю, монашествующим и штатным служителям	930 руб. 71 1/4 к.
На церковные потребы	40 руб.
На починку монастыря и ризницы	400 руб.
На конюшенные припасы	80 руб.
Всего	1450 руб. 71 1/4 к.

Таблица 3

Основные статьи прихода неокладной экономической суммы Трегуляевского монастыря в 1824 г.

Продажи	Аренда (мельница, подворье, земли)	Пожертвования	Место на кладбище	Штраф	За лавочки
562 руб. 6 к.	2260 руб.	839 руб. 9 к.	100 руб.	16 руб. 20 к.	5 руб. 95 к.
Всего: 3784 руб. 65 к.					

ров обитель получила в приход (с остатком от прошлого года) 1620 руб. 90 к. Таким образом, в 1819 г. Козловский Троицкий монастырь получил доход на сумму 5198 руб. 22 1/4 к.¹⁶

С середины XIX столетия суммы, отпускаемые государством на штатные монастыри, были значительно уменьшены. С этого периода на данные монастыри государство отпускало сумму в размере 563 руб. 40 к. ежегодно¹⁷.

Таким образом, мы видим, что с начала XIX столетия сумма неокладного дохода стала значительно превышать средства, отпущенные из казны. Все это свидетельствует о возросшей и доминирующей роли неокладных доходов монастырей, которые стали играть главную роль в жизнеобеспечении обителей на протяжении последующего периода.

Для более подробного анализа статей поступления средств в монастыри приведем данные о неокладных доходах Трегуляевского монастыря за 1824 г. в табл. 3.

Сумма неокладного дохода Козловского Троицкого монастыря во второй половине XIX века в среднем находилась также на отметке 5 тыс. руб. Например, по данным прихода-расходной ведомости 1871 г. в монастырь поступило 5874 руб. 49 1/4 к.¹⁸

Основу неокладного дохода с конца XVIII века и в течение первой половины XIX

века почти во всех монастырях составляли суммы, поступающие с аренды мельниц, подворий и земли. Например, в Козловском Троицком монастыре суммы от сдачи в аренду мельницы по данным ведомостей за 1854 и 1871 гг. составляли 500 и 714 руб. в год¹⁹. Исключением здесь могут являться лишь Саровская и Вышенская пустыни. В первой основным источником поступления средств, как отмечалось выше, были доходы от промышленных предприятий (однако статья прихода денег от аренды занимала вторую позицию). Суммарный годовой доход Саровской пустыни по данным ведомости за 1886 г. составлял 40843 руб. 26 к.²⁰

Во второй главным источником дохода являлись средства, собранные от чудотворной иконы Божьей Матери. Помимо этого, по данным 1890 г., Вышенская пустынь имела доходы «...церковные, с процентных и кредитных учреждений, жалованные из конторы имени Г. Нарышкина за служение в его домовый церкви, часть арендных, а всего в течение года поступило доходов – 35959 рублей...»²¹.

В Козловском Троицком монастыре уже с середины XIX столетия наметилась тенденция увеличения роли доходов, поступающих с процентов от капиталов. Известно, что к концу столетия по данным приходо-расходных ведомостей сумма от процентов

¹⁶ ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 279. Л. 1-13.

¹⁷ ГАТО. Ф. 893. Оп. 1. Д. 33. Л. 27об-28.

¹⁸ ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 585. Л. 7об.

¹⁹ ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 506. Л. 1об.

²⁰ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2142. Л. 12.

²¹ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2200. Л. 34об.

Таблица 4

Суммы капиталов мужских монастырей Тамбовской епархии на рубеже XIX–XX веков

№ п/п	Название монастыря	Сумма капитала
1	Тамбовский Казанский мужской монастырь	97285 руб.
2	Темниковский Санакарский монастырь	163457 руб.
3	Шацкий Черниев монастырь	42706 руб.
4	Лебедянский Троицкий монастырь	40983 руб. 90 к.
5	Темниковская Саровская пустынь	861749 руб.
6	Шацкая Вышенская пустынь	323395 руб.
7	Тамбовский Предтече-Трегуляев монастырь	65535 руб. 50 к.
8	Козловский Троицкий монастырь	74198 руб.
9	Кирсановский Александро-Невский монастырь	9762 руб. 50 к.
Всего		1679071 руб. 90 к.

составляла почти половину от общего количества поступления денежных средств²².

Исключительным положением в отношении финансирования пользовался Архиерейский дом, поскольку на его содержание были предусмотрены дополнительные инвестиции от государства, предназначенные для содержания епископа и его свиты. Таким образом окладный доход дома епископа по данным 1870 г. был равен 8175 руб.²³

По годовой сумме поступавших неокладных доходов Архиерейский дом не сильно отличался от других штатных монастырей тамбовского региона. Однако накопленный к 1832 г. приличный остаток в районе 7000 руб. являлся хорошим резервом для восполнения недостающих средств, предназначенных для нужд братии и строительства²⁴.

В основном монастыри тратили большую часть своих средств на продукты питания, строительные материалы, ткани, хозяйственно-бытовые принадлежности, оплату рабочим, а также вино, ладан, свечи и муку для просфор²⁵.

С середины XIX столетия монастыри тратили значительные средства на содержание духовно-учебных заведений. Вышенская пустынь израсходовала в 1890 г. на все свои потребности 35487 руб. 50 к. Как отмечается в отчете обители, немалые средства были направлены на общегосударственные нужды, «...преимущественно на учебные заведения...»²⁶.

Саровская пустынь, помимо всего прочего, отчисляла немалую часть своих доходов за промышленные заведения: торговые пошлины, раскладочные сборы, земские повинности. В конце XIX века монастырь много тратил на отопление и освещение²⁷.

В XIX столетии огромную роль для каждой обители стали играть банковские капиталы (табл. 4). Их накопление происходило на протяжении всего столетия и оформлялось в виде процентных бумаг, хранившихся в различных банковских учреждениях. Происхождение и накопление банковских капиталов монастырей, как отмечает исследователь Д.И. Ростиславов, можно объяснить, прежде всего, стремлением частных благотворителей и жертвователей обеспечить вечный помин души своих близких [8, с. 75]. Денежные суммы вносились в банковские учреждения на вечные времена и представляли собой неприкосновенный капитал. Одна часть таких процентных средств по завещаниям жертвователей предназначалась для устройства монастыря, другая шла на содержание монахов.

Таким образом, хозяйственная составляющая мужских обителей, заключавшаяся в земельных владениях, мельницах, зданиях и даже промышленных заведениях являлась в большинстве случаев мощным финансовым подспорьем для жизнеобеспечения всей монастырской системы.

Доходы, получаемые монастырями от аренды свих хозяйственных объектов, прочно занимали вторую позицию в статьях денежного прихода после пожертвований и процентов от капиталов.

²² ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1583. Л. 1-61.

²³ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1958. Л. 1-2об.

²⁴ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1255. Л. 5.

²⁵ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 809. Л. 7-18об.

²⁶ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2200. Л. 34об.

²⁷ ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2142. Л. 12об.-13об.

Лесные угодья Саровской пустыни и Трегуляевского монастыря являлись важными источниками поставок строительных материалов для развивающегося и активно отстраивающегося Тамбовского края во второй половине XVIII – XIX веке. Тамбовские мужские монастыри интегрировались в общегосударственную систему экономики региона, играя в нем далеко не последнюю роль.

Подводя итог анализа доходов и расходов мужских монастырей епархии, необходимо отметить несколько главных моментов. Во-первых, финансово экономическая деятельность обителей края, впрочем как и во всей стране, подлежала строгому контролю со стороны государства и, более того, была включена в государственную структуру в лице штатных монастырей. Во-вторых, со второй половины XVIII столетия увеличивается роль неокладного монастырского дохо-

да, который в значительной мере стал превышать штатную сумму, отпускаемую на жалование и содержание обителей. Конечно, за монастырями сохранялось право свободного распоряжения (по своему усмотрению) финансами, получаемыми от хозяйственной деятельности, арендных сборов, подаяний, свечной продажи. Однако над всеми подобными операциями осуществлялся строжайший контроль, а также требовались предварительное согласование, разрешение и последующий письменный отчет.

Еще отметим, что в XIX веке огромное значение для монастырей приобрели проценты от вкладов в различные кредитные учреждения. В результате чего обители обрели прочную финансовую основу, позволявшую им сохранять состояние экономической стабильности, несмотря на различные кризисные явления.

Список литературы

1. *Ершов Б.А.* Церковное землевладение русской провинции в XIX веке // Общество. Среда. Развитие. Серия «История и современность». СПб., 2010. № 4. С. 38-42.
2. *Симина В.А.* К истории сословной политики самодержавия в 60-е гг. XIX в. (изменение законодательства о духовном сословии) // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. 1982. Вып. 3. С. 124-127.
3. *Грибановский И.* Историческое описание церкви с. Троицкой Дубравы // Тамбовские епархиальные ведомости. 1874. № 22. С. 845-854.
4. *Сазонов О.* История церквей города Козлова–Мичуринска. Мичуринск, 2012. 575 с.
5. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов, 1911. 972 с.
6. *Заикина И.В.* Правовое положение монастырей в Российской империи XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. 23 с.
7. *Бульгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой половине XVIII века. М., 1977. 327 с.
8. *Ростиславов Д.И.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Спб., 1876. 396 с.

References

1. Ershov B.A. Tserkovnoye zemlevladieniye russkoy provintsii v XIX veke [Church land property of the Russian province in the 19th century]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye. Seriya «Istoriya i sovremennost'» – Society. Environment. Development. Series "History and Modernity"*, 2010, no. 4, pp. 38-42. (In Russian).
2. Simina V.A. K istorii soslovnoy politiki samoderzhaviya v 60-e gg. XIX v. (izmeneniye zakonodatel'stva o dukhovnom soslovii) [On the history of class policy of monarchy in the 60s of the 19th century (clergy legislation change)]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury* [Bulletin of Leningrad University. Series of History, Language and Literature], 1982, no. 3, pp. 124-127. (In Russian).
3. Gribanovskiy I. Istoricheskoye opisaniye tserkvi s. Troitskoy Dubravy [Historical description of church of Troitskaya Dubrava village]. *Tambovskkiye eparkhial'nyye vedomosti* [Tambov Eparchial Journal], 1874, no. 22, pp. 845-854. (In Russian).
4. Sazonov O. *Istoriya tserkvey goroda Kozlova–Michurinska* [History of Kozlov–Michurinsk Churches]. Michurinsk, 2012, 575 p. (In Russian).
5. Andriyevskiy A.E. (ed.). *Istoriko-statisticheskoye opisaniye Tambovskoy eparkhii* [Historical and Statistical Description of Tambov Eparchy]. Tambov, 1911, 972 p. (In Russian).

6. Zaikina I.V. *Pravovoye polozheniye monastyrey v Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Status of Russian Empire Monasteries in the 18th – Early 20th Century. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Rostov-on-Don, 2004, 23 p. (In Russian).
7. Bulygin I.A. *Monastyrskiye krest'yane Rossii v pervoy polovine XVIII veka* [Monastery Peasants of Russia in the First Half of the 18th Century]. Moscow, 1977, 327 p. (In Russian).
8. Rostislavov D.I. *Opyt issledovaniya ob imushchestvakh i dokhodakh nashikh monastyrey* [Experience of Studying Properties and Incomes of Our Monasteries]. St. Petersburg, 1876, 396 p. (In Russian).

Информация об авторе

Волков Максим Сергеевич, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: Volkov.jaz@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4906-6815>

Поступила в редакцию 14.11.2018 г.

Поступила после рецензирования 17.12.2018 г.

Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the author

Maksim S. Volkov, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: Volkov.jaz@mail.ru

Contribution: main study conception, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4906-6815>

Received 14 November 2018

Reviewed 17 December 2018

Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-131-142
УДК 93/94

Солдатские дети в законодательстве и правоприменительной практике в Российской империи XVIII–XIX веков

Евгений Юрьевич НЕВЗОРОВ¹, Юлия Вячеславовна ЩЕРБИНИНА²

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>, e-mail: nevzorov2008@rambler.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>, e-mail: dpip@mail.ru

Soldiers' children in legislation and law enforcement practice in Russian Empire of 18th–19th centuries

Evgeniy Y. NEVZOROV¹, Yuliya V. SHCHERBININA²

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>, e-mail: nevzorov2008@rambler.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>, e-mail: dpip@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены историко-правовые аспекты социально-сословного статуса несовершеннолетних представителей «военного сословия»: солдатских детей, детей рекрут, солдатских девок. Рожденные в семьях рекрут и нижних чинов в период службы в российской армии, либо у отставных, бессрочно-отпускных солдат и военных инвалидов, дети имели особое положение в законодательстве и правоприменительной практике в Российской империи в XVIII–XIX веках. На основе привлечения широкого круга архивных и опубликованных источников, материалов удалось реконструировать правовую регламентацию и социальные параметры «военного потомства» как в вооруженных силах, так и в гражданском сообществе. Выявлены отраженные в первичных архивных документах и законодательных актах социально-правовые, сословно-бытовые коллизии и тенденции, которые определяли жизнь и судьбу «военных детей». Были уточнены статистические погрешности при подсчете представителей военного сословия – солдатских детей – в российской провинции. Дана подробная историографическая оценка изучения правового положения кантонистов и солдатских девок. Сделаны выводы о перспективности изучения данной научной проблемы отечественными историками, а также наличии первичных архивных документов, которые ждут введения в научный оборот. Доказано, что категория «солдатские дети» являлась не только субъектом, но была нередко и объектом российского законодательства, давала возможность довольно успешно отстаивать свои права. Выявлены особенности трансформации бывших кантонистов в профессиональных солдат, а также их роли в военной и социальной истории Российской империи рассматриваемого хронологического периода.

Ключевые слова: кантонисты; военное сословие; солдатские дети; солдатские девки; военные ветераны; бессрочно-отпускные солдаты; военные инвалиды; солдатка; семьи солдат; рекрутские дети; военно-сиротские заведения; солдатские школы; военные сироты

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00494 (а).

Для цитирования: *Невзоров Е.Ю., Щербинина Ю.В.* Солдатские дети в законодательстве и правоприменительной практике в Российской империи XVIII–XIX веков // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 131–142. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-131-142

Abstract. We consider historical and legal aspects of social and class status of minor members of “military class”: soldiers’ children, recruit’s children, soldiers’ daughters. These children had special status in legislation and law enforcement practice in Russian Empire in 18th–19th century as they were born in the families of recruits, lower ranks soldiers during their service in Russian army, retired soldiers, soldiers on indefinite leave and service-disabled veterans. On the basis of wide range of archival and published materials we reconstructed the legal regulation and social characteristics of “military offspring” in military forces and civil society. We also reveal recorded in primary archival documents and legal acts social and legal, class and household collisions and trends, which determined life and destiny of “military children”. We clarify statistical uncertainties, which occurred during estimation members of military class – soldiers’ children – in Russian province. We also give detailed historiographic assessment of studying legal status of cantonists and soldiers’ daughters. We conclude about the prospects of studying this scientific problem by domestic historians, as well as the presence of primary archival documents, which are waiting for the introduction into scientific circulation. It is proved that the category of “soldiers’ children” was not only a subject, but was often the object of Russian legislation, this category also made it possible to successfully defend their rights. We reveal features of transformation of the former cantonists into professional soldiers, and also their role in military and social history of the Russian Empire of the considered chronological period.

Keywords: cantonists; military class; soldiers’ children; soldiers’ daughters; military veterans; soldiers on indefinite leave; service-disabled veterans; soldier’s wife; soldiers’ families; recruit’s children; military institutions for orphans; soldiers’ schools; soldier’s orphan

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00494 (a).

For citation: Nevzorov E.Y., Shcherbinina Y.V. Soldatskiye deti v zakonodatel’stve i pravoprimeritel’noy praktike v Rossiyskoy imperii XVIII–XIX vekov [Soldiers’ children in legislation and law enforcement practice in Russian Empire of 18th–19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 131-142. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-131-142 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Солдатские дети (рекрутские дети, кантонисты, солдатские девки) играли важную и заметную роль в социальной истории Российской империи в XVIII–XIX веках. Эти несовершеннолетние представители «военного сословия» дореволюционной России оказывались очень часто в маргинальном, неустойчивом положении, и за их сословно-правовой статус, положение в городском и сельском сообществе боролись помещики и чиновники военного министерства, матери-солдатки, обычные горожане и сельские жители. Очень важно провести реконструкцию социально-правового статуса этих малолетних представителей военного сословия, которое само не имело четко обозначенных в законе сословно-правовых рамок и также подвергалось определенному давлению со стороны гражданских и военных властей, полиции и жандармов. Данный анализ правовых позиций потомства солдат (рекрут, запасных и отставных солдат, военных ветеранов) позволяет уточнить многофакторные, системные и комплексные показатели взаимоотношений власти и общества, личности и государства, социального окружения и рек-

рутских наборов, мобилизаций в армию, постоянной, подводной и военно-конской повинностей и др. Россия проводила активную, нередко агрессивную внешнюю политику, что позволяет назвать ее «воюющей страной», в которой военный фактор играл не последнюю роль, часто определяя вектор и направления государственного-правового, социально-экономического и общественного развития. «Война», «армия», «милитаризм» формировали в значительной степени патристические и верноподданнические настроения, определенное уважение и трепет перед людьми в военной форме, что нашло отражение в повседневной жизни населения, развитии законодательства, правоприменительной практике, мировоззрении и этноконфессиональных отношениях, служило системной составляющей национальной идентичности и социокультурных представлений российского этноса.

Мы предприняли попытку реконструкции отражения в законодательстве Российской империи и в правоприменительной практике правового положения и сословно-социальных трансформаций статуса солдат-

ских детей на основе сопоставления различных типов источников, условий их систематизации сквозь призму столичных и региональных документов и материалов. Примечательно, что сложности с идентификацией военного сословия и определением правового положения и статуса солдатских детей нашли свое понятное и ожидаемое отражение в отечественной и зарубежной историографии.

Дореволюционная историография упоминала о солдатских детях, как правило, лишь в контексте изучения солдатских (рекрутских) семей в период службы главы семьи в армии или после отставки. Это были чаще всего очерки и статьи, публиковавшиеся в «Военном сборнике» [1] и других аналогичных изданиях [2]. Примечательно, что о правовом положении солдатских семей и их статусе писали, как правило, не историки, а уже отставные офицеры или публицисты [3]. Некоторые из таких публикаций фактически являлись воспоминаниями о своей службе [4].

Иногда о положении семей военных ветеранов, а также отставных или бессрочно-отпускных солдат и членов их семей, в том числе и солдатских детей, упоминалось в сборниках различных министерств [5] и ведомств¹ или в статистических обзорах населения России [6]. В работах П.Н. Заусцинского [7] и А.Н. Каверзнева [8] были уточнены правовые позиции солдат после выхода в отпуск и отставку, а также положение членов их семей. В многотомной истории военного министерства была подробно рассмотрена правовая сторона принадлежности к военному сословию солдат и членов их семей².

В советской историографии традиционно и успешно изучалась собственно военная история и история войн, но без проведения, как правило, специального анализа сословно-правовых аспектов повседневной жизни и положения военного сословия. Лишь в монографиях Н.М. Дружинина было изучено положение отставных и бессрочноотпускных солдат и членов их семей в государственной деревне [9], а в фундаментальном труде

В.А. Александрова было охарактеризовано правовое положение солдатских семей [10].

Современный этап развития отечественной историографии выявил возрастание научного интереса исследователей к социальной истории русской армии, в том числе и сословно-правовым проблемам повседневной жизни членов семей военнослужащих. Необходимо выделить специальные работы о проблемах отношений армии и общества [11], быте солдат и офицеров в XVIII–XIX веках [12]. В монографии [13] и статьях [14] П.П. Щербинина изучена семейная жизнь солдат, в том числе их детей [15]. Отдельные аспекты социально-правового положения детей отставных и отпускных солдат были рассмотрены в работах Ю.В. Щербининой [16]. Оценка состояния современной историографии о повседневной жизни солдат русской армии уточнена в статье Н.Г. Рогулина [17].

Отметим, что все же наибольший вклад в изучение социально-правовых аспектов жизни солдатских детей в имперский период отечественной истории внесли не российские историки, а зарубежные исследователи Э.К. Виртшафтер [18], Дж.Л.Н. Кип [19], Д. Байрау [20].

В новейшей отечественной историографии необходимо отметить работы по систематизации военного законодательства [21] и о правовом статусе офицерских и солдатских детей [22].

Заметим, что солдатские дети принадлежали и относились к военному или, как его нередко называли современники, «солдатскому сословию», которое начало активно формироваться уже в первой четверти XVIII века. Тогда при введении рекрутской повинности было установлено законодательством, что вновь призванные в рекруты освобождались «навечно» от крепостной зависимости и переходили в «военное сословие», включавшее также солдатских жен и детей. Однако сама система учета представителей «военного сословия» была затруднена тем, что оно не входило в число официальных и традиционных для статистического учета сословных сообществ (дворянство, крестьянство, духовенство, купечество и др.)³, но подлежало обязательной переписи для порядка (знания

¹ Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.). Спб., 1879. Т. 2.

² Столетие военного министерства, 1802–1902 гг. Т. 4. Ч. 1–3. Спб., 1902, 1907, 1914.

³ Свод законов Российской империи. Т. 9. Законы о состояниях. Спб., 1899.

и учета их количества). Для властей была очевидна заинтересованность в учете потомства солдат, так как солдатские дети были обязаны пополнять ряды армии и не имели возможность выбрать какое-либо другое занятие, кроме военной службы.

Правовая категория «солдатские дети» впервые появилась в законодательных актах в 1719 г. после введения подушного налога, когда сыновья всех солдат не были включены в подушный оклад. В последующие годы выходили другие указы и постепенно формировалась особая правовая ниша для солдатских детей в сословной структуре общества. В 1721 г. по приказу Петра I при полках были сформированы особые гарнизонные школы для сыновей солдат. В 1758 г. при Елизавете Петровне все дети нижних чинов обязательно причислялись к военному ведомству, и они обязаны были направляться в гарнизонные школы. Позже при Павле I такие школы были переименованы в военно-сиротские отделения. Александр I включил разряд «солдатских детей», которых стали называть теперь кантонистами, и всех «незаконнорожденных солдатскими вдовами, женами и девками сыновей». Понятие «кантонисты» (от немецкого *Kanton* – призывной округ) было впервые упомянуто в указе Александра I в 1805 г. по отношению к институту солдатских детей, которые обязаны были служить, как и их отцы, в армии.

Заметим, что часто при учете солдатского потомства встречались сложности, связанные как с запутанностью сословных границ и семейных связей, так и с значительными недостатками в самой системе и организации статистического учета. На невозможность точно знать численность солдатских детей и кантонистов часто указывали представители военного министерства и местные власти. Последние доносили, что нередко отчеты полиции, статистических комитетов о количестве членов семей, относящихся к военному сословию, наполнялись цифрами произвольными и решительно ни на чем не основанными⁴.

Случалось, что ошибки и недоучет «военной собственности» выявлялись лишь при рекрутском наборе, когда призыву неужи-

данно подлежали те, до кого не дошла очередь или, напротив, от обязательного призыва освобождались обязанные служить кантонисты (солдатские дети). Неудивительно, что даже правительство признавало, что точную численность многих представителей военного сословия в России «трудно определить»⁵. Скрупулезные офицеры Генерального штаба в военно-статистических описаниях губерний вынуждены были констатировать, что численность военного сословия, прежде всего, солдатских детей, точно невозможно определить «...по недостатку о том положительных сведений»⁶.

И все же, в целом, военно-статистические материалы являются достаточно добротным и надежным источником для уточнения численности и состава военного сословия в сословной структуре населения Российской империи [23].

Самыми ценными источниками для реконструкции сословно-правового статуса солдатских детей являются собственно законодательные акты, в которых достаточно четко регламентировалось правовое положение, обязанности и права представителей военного сословия. Военно-гражданское законодательство прекрасно отражено в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ)⁷, в Своде военных постановлений (1838 г.) с последующими дополнениями⁸, а также в Своде законов Российской империи⁹.

Об исследовательском потенциале данных источников свидетельствует тот факт, что примерно треть всех актов, помещенных во втором издании Полного собрания законов Российской империи, имеет отношение к регулированию и нормированию военной жизнедеятельности. В указателях ПСЗРИ

⁵ Предположения о новом устройстве быта нижних чинов, оканчивающих обязательный срок службы. Спб., 1864. С. 17.

⁶ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Т. 4. Ч. 5. Орловская губерния. Спб., 1853. С. 151.

⁷ Полное собрание законов Российской империи: 1-я сер. (I) 1649–1825, 45 т. Спб., 1830; 2-я сер. (II) 1825–1881. 55 т. Спб., 1830–1884; 3-я сер. (III) 1881–1913. 33 т. Спб., 1885–1916.

⁸ Свод военных постановлений. Т. 1–4. Спб., 1838–1842.

⁹ Свод законов Российской империи. Т. 4. Спб., 1842; Свод законов Российской империи. Т. 4. Спб., 1857.

⁴ Протокол заседания Тамбовского губернского статистического комитета. 22 мая 1867 г. Тамбов, 1867. С. 6.

выделялись специальные разделы: «Отставные солдаты», «Бессрочноотпускные солдаты», «Солдатские дети»¹⁰ и др. Самыми многочисленными группами законодательных источников являются указы императора, Сената и мнения Государственного Совета.

Выходили специальные правила об устройстве отставных солдат¹¹, в которых уточнялись многие стороны их семейной и повседневной жизни. Особое место занимали законы, регулировавшие призрение членов семей военных инвалидов [24]. В 1849 г. был издан наиболее ценный источник по регламентации правового статуса солдатских детей¹². Положение и правовое положение солдатских детей определяли циркуляры¹³ и инструкции¹⁴ МВД. Нередко издавались и специальные сборники с законодательными актами по правилам социальной поддержки солдатских и матросских детей [25].

Примечательно, что сведения о правовом статусе членов солдатских семей содержали и не вполне «типичные», привычные источники для изучения данной научной проблемы. Например, при размещении воинской части на натуральном постое у городских или сельских жителей в XVIII веке для женатых солдат полагались дополнительные площади. При этом важно было рассчитать ценность семьи солдата по отношению к нему самому [26, с. 136]. До второй половины XIX века семьи нижних чинов – жены, сыновья до 14 лет и дочери-девицы – должны были помещаться вместе с солдатами в покои и входили с ними в общий расчет (жену считали за одного солдата; трех дочерей также за одного солдата). При этом подтверждалось, чтобы женатых с женами и детьми больше четвертой доли на одной квартире не было, «дабы хозяева от того не имели один перед другим излишнего отягощения». Важно понимать, что беспокойство правительства не было связано с пониманием важности совме-

стной жизни супругов, а лишь отражало стремление контролировать солдатское потомство. Не случайно в указах Анны Иоанновны подчеркивалось: «...женам солдатским невозможно неприлично жить в казармах, но от разлучения их с мужьями пропадает много солдатских детей, которые потом могли бы быть обращены в службу» [12, с. 23].

Такое военное «закабаление» потомства солдат являлось вполне типичной тенденцией Российской империи, где все податные сословия обязаны были находиться в подчинении государству либо помещикам, либо армии. Таким образом, «военное закрепощение» охватывало неумолимо всех членов семьи солдата, не давая им выбора как-то влиять на свою судьбу и перспективы жизненного устройства.

Заметим все же, что наибольший вклад в развитие законодательства о солдатских детях внес Николай I, в том числе право отставных солдат, солдат-инвалидов и вдов-солдаток оставлять одного сына для попечения в старости и для улучшения материального обеспечения и попечения. Фактически это как бы обеспечивало родителям «живую пенсию», но освобождало правительство от перспектив заботы о престарелых и больных представителях военного сословия¹⁵. Также в «Своде постановлений о солдатских детях» была зафиксирована возможность оставлять дома одного из сыновей, если трое других уже были призваны на военную службу. Те же правила действовали и в отношении вдов-солдаток, чьи мужья погибли в сражениях либо умерли на службе или в период пребывания в бессрочном отпуске. Но право оставить для помощи в пропитании одного сына-кантиониста оговаривалось получением свидетельства от губернатора о «добром поведении солдаток»¹⁶.

Архивные документы, отложившиеся как в центральных, так и в региональных архивохранилищах, сохранили массовые источники о жизненных коллизиях солдатских детей, попытках регламентации их правового статуса, повседневной жизни кантонистов и солдатских девок [27]. Данный комплекс исторических свидетельств можно системати-

¹⁰ Алфавитный указатель к своду законов Российской империи. Спб., 1844.

¹¹ Извлечение из правил об устройстве быта отставных нижних чинов, поступивших в войска по рекрутским наборам. Спб., 1868.

¹² Свод постановлений о солдатских детях и по другим предметам. Спб., 1849.

¹³ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. Спб., 1854. Т. 1.

¹⁴ Сборник узаконений и распоряжений правительства, касающихся обязанностей полиции. Спб., 1880.

¹⁵ Столетие военного министерства, 1802–1902. Ч. 2. Кн. 1. Отд. 2. С. 326.

¹⁶ Свод постановлений о солдатских детях и по другим предметам. Спб., 1848. С. 50.

зирать в несколько групп. Прежде всего, выделим документы различных государственных учреждений Российской империи, которые занимались призывом в армию и надзирали за осуществлением рекрутских наборов и различных мобилизационных мероприятий. В таких центральных и местных учреждениях отложились различные прошения солдатских жен о своих детях-кантонистах, а также результаты проводимых по ним расследований. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) необходимо выделить следующие фонды: 1262 (Рекрутский комитет), 1263 (Комитет министров), 1286 (Департамент полиции исполнительной), 1287 (Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел), 1292 (Управление по делам о воинской повинности), 1290 (Центральный статистический комитет). В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) наиболее ценные сведения содержатся в фондах 102 (Департамент полиции. Особый отдел) и 109 (Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии). В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) полезные сведения о солдатских детях содержатся в фондах 260 (Воспоминания солдат и офицеров старой русской армии) и 400 (Главный штаб). В Архиве русского этнографического музея (АРЭМ) отложились сведения об обследовании солдатских семей, в том числе данные и положения солдатских детей по обычному праву русской деревни – фонд 7 (Этнографическое бюро князя В. Тенишева).

Следующую группу источников составляют документы личного происхождения – дневники и воспоминания современников. Наиболее ценными являются воспоминания и записки самих военных кантонистов [28], либо солдат русской армии¹⁷, тех, кто стал-квивался по службе или в повседневной жизни с солдатскими детьми [29]. Ценная информация об отношении современников к представителям военного сословия содержится в произведении Н.А. Полевого «Рассказы русского солдата» [30].

Последнюю группу источников составляют произведения русского фольклора, в том числе пословицы и поговорки. И.Д. Бе-

лов совершенно справедливо отмечал, что среди своего социального окружения сам солдат, солдатка и дети считались отчужденными личностями, на которых смотрели с величайшим нерасположением [31, с. 336]. Правовой статус солдатских детей определяется очень четко и емко в пословицах русского народа: «Солдаткиным ребятам вся деревня – отец», «У солдатки сын семибратешный», «У нашего солдата – везде ребята», «Где солдат поселился – там и расплодился» [32, р. 63].

Подводя итоги рассмотрения отражения в исторических источниках правового статуса и положения солдатских детей в XVIII–XIX веках, необходимо сделать выводы и заключения.

1. Солдатские дети являлись важными акторами исторических событий, но их положение и роль в Российской империи как на столичном уровне, так и в регионах недооценены в отечественной историографии. Только в работах В.К. Ячменихина [33] и П.П. Щербинина [13] специально рассматривались важные и уникальные аспекты правовых позиций и социализации солдатских детей и кантонистов. Между тем существует насущная потребность монографического изучения данной проблемы с детальной реконструкцией жизни и повседневных практик этих представителей военного сословия. Такая реконструкция трагических судеб и правовых коллизий борьбы за «военное потомство» помещиков, государства и военного министерства позволила бы восстановить малоизученные страницы истории российской государственности, взаимоотношений власти и общества, соперничество сословных групп, личности и государства в условиях модернизирующейся России.

2. Необходимо понимать, что солдатские дети по правилам и регламентам, закрепленным в законодательстве Российской империи, по обучению и воспитанию, перспективам жизнеустройства и служебной мотивации являлись фактически первыми профессиональными солдатами русской армии, у которых от рождения до самых преклонных лет был один четко обозначенный путь – служить в вооруженных силах и передавать свой опыт потомкам. Ведь сын и внук солдатского сына также должны были служить, как их отец и дед, в русской армии, а добро-

¹⁷ Воспоминания Ивана Меньшого, 1794–1826 гг. // Русская старина. 1874. Май. С. 46–59.

совестность, исполнительность, дисциплинированность, преданность присяге, удивительные выдержка и терпение давали возможности карьерного роста и поддержки после отставки. Вполне очевидно, что военные кантонисты являлись костяком вооруженных сил, хранителями традиций русской армии, отличались мужеством, доблестью и самоотверженностью. Именно они были стержнем, хранителями воинского духа и традиций в отдельных воинских подразделениях и частях российских вооруженных сил. Не случайно большинство оставивших воспоминаний солдат и офицеров русской армии сохранили самую добрую память о солдатских детях и их службе в вооруженных силах России. Такие солдаты составляли базис для морально-нравственных положений, воспитания воинского духа и дисциплинированности в войсках. Именно на таких «потомственных солдат», представлявших нередко целые военные династии, опирались офицеры русской армии, когда надо было поднять подразделения в штыковую атаку или удерживать позиции, когда уже не было ни сил, ни возможностей, ни поддержки. Солдату, который пришел в армию кантонистом, некуда было бежать, невозможно было стать дезертиром или предателем. Его домом была казарма, его братьями были товарищи по оружию, а его наставниками – отцы – ротные командиры. Большой смысл и подтверждение этих выводов содержится в солдатских песнях, в том числе в песне «Солдатушки, бравы ребятушки».

3. Отдельного специального изучения заслуживает проблема мобилизации в армию еврейских детей. Данные сюжеты добротного исследования катастрофических последствий «изъятия» детей в армию и положения еврейских кантонистов в войсках. Все же требуется больше внимания уделить анализу данных событий и их последствий для еврейского этноса вне черты еврейской оседлости.

4. Гораздо меньше изучена проблема набора кантонистов в городах Российской империи, что оставляет хорошие перспективы для анализа и исследования заявленной научной проблемы.

5. Изучение отражения в источниках правового положения и сословно-правового статуса солдатских детей позволяет сделать интересный вывод о наличии в Российской

империи в XVIII веке, а особенно в XIX столетии важных элементов и конструкций правового государства. Данное обстоятельство вполне коррелируется широким комплексом архивных документов и опубликованных законодательных актов, которые четко регламентировали малейшие перемены в учете, правовых обязательствах и последствиях призыва в вооруженные силы солдатских детей. Солдатское потомство неожиданно для себя имело мощную правовую базу, которая регулировала не только их собственный правовой статус, но и ответственность за действие или бездействие при укрывательстве солдатских детей, их содержание и готовность к службе. Таким образом, можно констатировать, что такая категория военного сословия, как солдатские дети позволила начать формирование многих перспектив развития правового государства и правового сознания. Более того, заинтересованность государства в солдатских детях как подлежащих призыву на службу в армию, без изъятий и привилегий, способствовала активному развитию отечественного законодательства и правоприменительной практики. Фактические солдатские дети не только имели законодательные ограничения и обязанности, но и широкий комплекс прав и возможностей для защиты своего статуса. В этом смысле выводы некоторых историков о бесправном и молчаливом, покорном и неграмотном в правовом отношении русском обществе не подтверждаются положением и юридическими компетенциями солдатских детей. Закон достаточно четко регулировал их жизнь и службу, а правовое государство в отношении солдатских детей работало и практически не давало сбоев.

6. В историографии о солдатских детях имеются явные гендерные перекося и диспропорции, которые касаются истории повседневной жизни и положения солдатских дочерей. Мало того, что солдатские дочери (или как их привычно называли современники – солдатские девки) не подлежали статистическому учету, так как они не обязаны были служить в армии и представлялись государству «ненужным» и «малоценным» человеческим материалом, так и в исторических работах они тоже игнорируются, за исключением исследований отдельных авторов [14]. Данные историографические «лакуны»

и «пробелы» должны быть заполнены добротными работами современных историков, тем более, что массовые первичные архивные источники полны сведений о дочках солдат. Примечательно, что солдатские дочери в своем большинстве выходили замуж за представителей того же военного сословия, и уже у них рождались дети, которые сразу же брались под контроль военным ведомством. Нередко и внуки, и правнуки таких дочерей солдат продолжали верно служить Отечеству, навсегда покидая материнский дом и родной семейный очаг. Ну а девочкам была гарантирована участь «солдатской девки». С другой стороны, солдатские дочки считались хорошими невестами для однополчан, сослуживцев, ибо они уже были приучены к военному быту и всем сложностям военной службы своих родных.

7. В заключение необходимо упомянуть и еще об одном обстоятельстве, которое раскрывает степень воздействия на общественные отношения института «солдатских детей». Дело в том, что матери-солдатки отчаянно сопротивлялись нарушению законодательства в отношении своего потомства. И их сопротивление было ненасильственным, а отражало навыки гражданской позиции и некоторые зачатки гражданского общества. Конечно, солдатки не надевали «желтые жилеты» и не выходили на несанкционированные акции, они не впадали в истерику и не совершали экстремистских действий. Защищая своих детей и отстаивая их интересы, матери-солдатки предпочитали апеллировать к военному начальству, губернским властям,

а нередко писали прошения даже на имя императора. Многие ли из их социального окружения осмеливались на такие поступки? Конечно, немногие, но у солдатских матерей не было иного выхода и возможностей для спасения своих детей. Эти часто несчастные, но незапуганные и несмирившиеся солдатские матери использовали все максимально возможные рычаги правового решения своих проблем по защите прав несовершеннолетних солдатских детей. Более того, они нередко выигрывали споры и добивались соблюдения действующего российского законодательства. Таким образом, в Российской империи задолго до появления общественных организаций и общественных инициатив имелась мощная «материнская партия», которая вела борьбу с коррупцией, правовым нигилизмом и беспределом ради защиты прав и интересов своих «солдатских детей». Женщины не хотели признавать правовой беспредел и сословные плотины, коррупционные и бюрократические преграды, имевшиеся в Российской империи, а требовали соблюдения законодательства и защиты «прав ребенка», если это было необходимо. Такая инициативность, неравнодушие и опора на закон свидетельствовали о том, что, защищая своих «солдатских детей», женщины-матери выступали уже не как тихие, несчастные россиянки, а как верноподданные, которые добивались того, чтобы законы Российской империи соблюдались и обеспечивали их потомству положенные правовые позиции.

Список литературы

1. Брандт П. Женатые нижние чины // Военный сборник. 1860. № 12. С. 357-378.
2. Федоров Д.В. Игрушечная армия. Из быта южнорусских кантонистов // Исторический вестник. 1899. № 10. С. 150-179.
3. Энский Ф. Отставные солдаты. Спб., 1873.
4. Никитин В. Многострадальные. Очерки быта кантонистов // Отечественные записки. 1871. № 8.
5. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Спб., 1862. Ч. 3. Кн. 2.
6. Бунге Н.Х. Об изменении сословного состава населения России в промежутках времени между 7, 8 и 9 ревизиями // Экономический указатель. 1867. № 44. С. 1021-1030.
7. Заусцинский П.Н. Кодификация русского военного законодательства в связи с историей развития русского войска до реформ XIX в. Спб., 1909.
8. Каверзнев А.Н. Краткое историческое обозрение правительственных мероприятий в России по обеспечению отставных служащих и их семейств. Спб., 1909.
9. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформы П.Д. Киселева. М., 1958. Т. 2.
10. Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976.
11. Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005.
12. Быт русской армии XVIII – начала XX века / авт.-сост. С.В. Карпущенко. М., 1999.

13. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.
14. Щербинин П.П. Солдатские девки: правовой статус и повседневная жизнь в Российской империи в XVIII–XIX вв. // Частное и общественное: гендерный аспект: материалы 4 Междунар. науч. конф. М., 2011. Т. 1. С. 451-454.
15. Щербинин П.П., Влазнев Р.В. Социально-правовое положение солдатских детей в России в XIX в. // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: сб. тр. Междунар. науч. конф. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. С. 114-120.
16. Щербинина Ю.В. Семейная жизнь отставных и отпускных солдат русской армии в XVIII–XIX вв. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2006. Вып. 1 (41). С. 86-91.
17. Рогулин Н.Г. Вопросы повседневной жизни нижних чинов русской армии в новейших отечественных исследованиях // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 99-106.
18. *Wirtschaftler E.K.* Soldiers children, 1719–1856: a study of social engineering in imperial Russia // *Forschungen zur osteuropaische Geschichte*. 1982. № 30. P. 61-136.
19. *Keep J.L.N.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985.
20. *Veugau D.* Militar und Gesellschaft im Vorrevolutionaren Russland. Cologne, 1984.
21. Янчев А.С. Систематизация военного законодательства во второй четверти XIX века. М.: Юрлитинформ, 2016.
22. Игонькин С.А. Солдатские и офицерские дети в XIX веке // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сб. материалов 12 регион. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.И. Грубова. Арзамас, 2015. С. 73-78.
23. Герман К. Статистические исследования, относительно Российской империи. Ч. 1. О народонаселении. СПб., 1819.
24. Сборник законоположений о назначении пенсий из Комитета о раненых отставным нижним чинам раненым и увечным вообще, и состоявшим на службе на 20-летнем сроке по болезненному состоянию, вдовам и сиротам раненых и убитых нижних чинов, а также пенсий и пособий из государственного казначейства за сверхсрочную службу нижним чинам и их семействам, и пенсий вдовам, мужья коих состояли на службе по рекрутскому уставу и получали в отставке по 100 руб. в год с подробным описанием ран, ушибов и увечий, дающих право на получение пенсии из Комитета о раненых и правилами о порядке выдачи вышеозначенных пенсий / сост. К. Патин. Тамбов, 1899.
25. Ботвинкин Н.Н. Сборник постановлений о производстве солдатским и матросским детям денежного от казны пособия, разрешаемого уездными воинскими начальниками, командирами полков, батальонов и других отдельных частей и губернскими воинскими начальниками в местностях, где не введено положение об управлении местными войсками, объявленное в приказе по военному ведомству 1874 года. М.: Тип. И.И. Родзевича, 1875.
26. Латин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000.
27. Щербинин П.П. Социально-правовой и повседневно-бытовой статус солдатских детей в XVIII–XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2014. Вып. 7 (135). С. 161-167.
28. Никитин В.Н. Воспоминания // Русская старина. 1906. № 6. С. 583-669.
29. Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899.
30. Полевой Н.А. Рассказы русского солдата: в 2 ч. СПб., 1832.
31. Белов И.Д. Наш солдат в песнях, сказаниях, поговорках // Исторический вестник. 1886. Авг.
32. *Farnsworth B.* The soldatka: folklore and court record // SR. 1990. № 49.
33. Ячменихин В.К. Институт военных кантонистов в структуре русской армии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2000. № 1.

References

1. Brandt P. Zhenatyte nizhniye chiny [The married lower ranks soldiers]. *Voyennyu sbornik* [The Military Digest], 1860, no. 12, pp. 357-378. (In Russian).
2. Fedorov D.V. Igrushechnaya armiya. Iz byta yuzhnorusskikh kantonistov [Toy army. From the everyday life of cantonists of South Russia]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Review], 1899, no. 10, pp. 150-179. (In Russian).
3. Enskiy F. *Ostavnyye soldaty* [The Retired Soldiers]. St. Petersburg, 1873. (In Russian).

4. Nikitin V. *Mnogostradal'nyye. Ocherki byta kantonistov* [Long-suffered. Essays on everyday life of cantonists]. *Otechestvennyye zapiski* [Patriotic Notes], 1871, no. 8. (In Russian).
5. Varadinov N. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del* [History of Ministry of Internal Affairs]. St. Petersburg, 1862, part 3, bk. 2. (In Russian).
6. Bunge N.K. *Ob izmenenii soslovnogo sostava naseleniya Rossii v promezhutkakh vremeni mezhdru 7, 8 i 9 reviziyami* [On class structure change of Russia in periods between 7, 8 and 9 revisions]. *Ekonomicheskii ukazatel'* [Economic Indexes], 1867, no. 44, pp. 1021-1030. (In Russian).
7. Zaustinskiy P.N. *Kodifikatsiya russkogo voyennogo zakonodatel'stva v svyazi s istoriyey razvitiya russkogo voyska do reform XIX v.* [Codification of Russian Military Legislation in Connection with the History of the Russian Army Development before the 19th Century Reforms]. St. Petersburg, 1909. (In Russian).
8. Kaverznev A.N. *Kratkoye istoricheskoye obzreniye pravitel'stvennykh meropriyatiy v Rossii po obespecheniyu otstavnykh sluzhashchikh i ikh semeystv* [Brief Historical Overview of Government Activities in Russia to Support Retired Soldiers and Their Families]. St. Petersburg, 1909. (In Russian).
9. Druzhinin N.M. *Gosudarstvennyye krest'yane i reformy P.D. Kiseleva* [State Peasants and Reforms of P.D. Kiselev]. Moscow, 1958, vol. 2. (In Russian).
10. Aleksandrov V.A. *Sel'skaya obshchina v Rossii (XVII – nachalo XIX v.)* [The Rural Community in Russia (17th – Early 19th Century)]. Moscow, 1976. (In Russian).
11. Volkova I. *Russkaya armiya v russkoy istorii* [The Russian Army in the Russian History]. Moscow, 2005. (In Russian).
12. Karpushchenko S.V. (author-compiler). *Byt russkoy armii XVIII – nachala XX veka* [The Everedday Life of the Russian Army in the 18th – Early 20th Century]. Moscow, 1999. (In Russian).
13. Shcherbinin P.P. *Voyenny faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [The Military Factor in Everyday Life of a Russian Woman in the 18th – Early 20th Century]. Tambov, 2004. (In Russian).
14. Shcherbinin P.P. *Soldatskiye devki: pravovoy status i povsednevnyaya zhizn' v Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vv.* [Soldiers' daughters: legal status and everyday life in Russian Empire in the 18th–19th centuries]. *Materialy 4 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Chastnoye i obshchestvennoye: gendernyy aspekt»* [Materials of 4 International Scientific Conference “Private and Public: Gender Aspect”]. Moscow, 2011, vol. 1, pp. 451-454. (In Russian).
15. Shcherbinin P.P., Vlaznev R.V. *Sotsial'no-pravovoye polozheniye soldatskikh detey v Rossii v XIX v.* [Social and legal status of soldiers' children in Russia in the 19th century]. *Sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Armiya i obshchestvo v Rossiyskoy istorii XVIII–XX vv.»* [Proceedings of International Scientific Conference “Army and Society in the Russian History of the 18th–20th Centuries”]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., 2007, pp. 114-120. (In Russian).
16. Shcherbinina Y.V. *Semeynaya zhizn' otstavnykh i otpusnykh soldat russkoy armii v XVIII–XIX vv.* [The family life of the retired soldiers and soldiers on leave of the Russian army in the 18th–19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2006, no. 1 (41), pp. 86-91. (In Russian).
17. Rogulin N.G. *Voprosy povsednevnoy zhizni nizhnikh chinov russkoy armii v noveyshikh otechestvennykh issledovaniyakh* [Issues of everyday life of lower ranks soldiers of Russian army in new domestic studies]. *Istoriografiya i istochnikovedeniye otechestvennoy istorii* [Historiography and Source Studies of National History]. St. Petersburg, 2005, pp. 99-106. (In Russian).
18. Wirtschafter E.K. *Soldiers children, 1719–1856: a study of social engineering in imperial Russia.* *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, 1982, no. 30, pp. 61-136.
19. Keep J.L.N. *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874.* Oxford, 1985.
20. Beyrau D. *Militar und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland.* Cologne, 1984. (In German).
21. Yanchev A.S. *Sistematizatsiya voyennogo zakonodatel'stva vo vtoroy chetverti XIX veka* [Classification of Military Legislation in the Second Quarter of the 19th Century]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. (In Russian).
22. Igonkin S.A. *Soldatskiye i ofitserkiye deti v XIX veke* [Soldiers' and officers' children in the 19th century]. *Sbornik materialov 12 regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Voprosy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya v vysshey shkole»* [Proceedings of 12 Regional Scientific and Practical Conference “Issues of Archival Studies and Source Studies in Higher School”]. Arzamas, 2015, pp. 73-78. (In Russian).
23. German K. *Statisticheskiye issledovaniya, otnositel'no Rossiyskoy imperii. Ch. 1. O narodonaselenii.* [Statistical Studies on Russian Empire. Part 1. On Population.]. St. Petersburg, 1819. (In Russian).
24. Patin K. (compiler). *Sbornik zakonopolozheniy o naznachanii pensiy iz Komiteta o ranenyykh otstavnykh nizhnim chinam ranenym i uvechnym voobshche, i sostoyavshim na sluzhbe na 20-letnem stroke po bolezennomu sostoyaniyu, vdovam i sirotam ranenyykh i ubitykh nizhnikh chinov, a takzhe pensiy i posobiy iz gosudarstvennogo kaznacheystva za sverkhstrochnuyu sluzhbu nizhnim chinam i ikh semeystvam, i pensiy vdo-*

- vam, muzh'ya koikh sostoyali na sluzhbe po rekrutskomu ustavu i poluchali v otstavke po 100 rub. v god s podrobnym opisaniyem ran, ushibov i uvechiy, dayushchikh pravo na polucheniye pensii iz Komiteta o ranykh i pravilami o poryadke vydachi vysheoznachennykh pensiy [Collection of Legal Provisions on the Admissions of Pensions from the Committee on the Wounded to the Retired Soldiers and Lower Ranks Soldiers, and Who Served for 20-Year Term with an Illness Condition, to the Widows and Orphans of Killed and Wounded Lower Ranks Soldiers, as Well as Pensions and Allowances from the State Treasury for Long Service Lower Ranks Soldiers and Their Families, and Pensions to the Widows of Men Whom Were in the Service for Recruiting and Received the Resignation of 100 Rubles in a Year with a Detailed Description of Wounds, Bruises and Injuries, Entitling to Give the Pension from the Committee on the Wounded and the Rules on the Procedure for Issuing the Above Mentioned Pensions]. Tambov, 1899. (In Russian).
25. Botvinkin N.N. *Sbornik postanovleniy o proizvodstve soldatskim i matrosskim detyam denezhnogo ot kazny posobiya, razreshayemogo uyezdnymi voinskimi nachal'nikami, komandirami polkov, batalionov i drugikh otdel'nykh chastey i gubernskimi voinskimi nachal'nikami v mestnostyakh, gde ne vvedeno polozeniye ob upravlenii mestnymi voyskami, ob'yavlennoye v prikaze po voyennomu vedomstvu 1874 goda* [The Collection of Resolutions on the Admission of Subsidies to Soldiers and Sailors' Children from the Treasury Allowed by County Military Chiefs, Commanders of Regiments, Batalions and Other Individual Parts and Provincial Military Chiefs in Areas Where There is No Regulation on the Control of Local Troops, Announced in the Order of the Military Department in 1874]. Moscow, Typography of I.I. Rodzevich, 1875. (In Russian).
 26. Lapin V.V. Postoynaya povinnost' v Rossii [Free quarter in Russia]. *Angliyskaya naberezhnaya, 4: Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov* [The English Embankment, 4: Annual Edition of St. Petersburg Scientific Society of Historicians and Archivists]. St. Petersburg, 2000. (In Russian).
 27. Shcherbinin P.P. Sotsial'no-pravovoy i povsednevno-bytovoy status soldatskikh detey v XVIII–XIX vv. [Social, legal and everyday household status of soldiers' children in 18th–19th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2014, no. 7 (135), pp. 161–167. (In Russian).
 28. Nikitin V.N. Vospominaniya [Memories]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1906, no. 6, pp. 583–669. (In Russian).
 29. Novikov A. *Zapiski zemskogo nachal'nika* [A Rural Captain's Notes]. St. Petersburg, 1899. (In Russian).
 30. Polevoy N.A. *Rasskazy russkogo soldata: v 2 ch.* [A Russian Soldier's Tales: in 2 parts]. St. Petersburg, 1832. (In Russian).
 31. Belov I.D. Nash soldat v pesnyakh, skazaniyakh, pogovorkakh [Our soldier in songs, tales and proverbs]. *Istoricheskiy Vestnik* [Historical Review], 1886, Aug. (In Russian).
 32. Farnsworth B. The soldatka: folklore and court record. *SR*, 1990, no. 49.
 33. Yachmenikhin V.K. Institut voyennykh kantonistov v strukture russkoy armii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 8. Istoriya – Moscow State University Bulletin. Series 8. History*, 2000, no. 1. (In Russian).

Информация об авторах

Невзорov Евгений Юрьевич, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>

Information about the authors

Evgeniy Y. Nevzorov, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: nevzorov2008@rambler.ru

Contribution: source material acquisition, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6060-0820>

Щербинина Юлия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры профильной довузовской подготовки. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: dpip@mail.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ литературы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Щербинина Юлия Вячеславовна
E-mail: dpip@mail.ru

Поступила в редакцию 07.11.2018 г.

Поступила после рецензирования 19.12.2018 г.

Принята к публикации 30.01.2019 г.

Yuliya V. Shcherbinina, Candidate of History, Associate Professor of Profile Pre-University Training Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: dpip@mail.ru

Contribution: main study conception, literature analysis.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7315-9018>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Yuliya V. Shcherbinina
E-mail: dpip@mail.ru

Received 7 November 2018

Reviewed 19 December 2018

Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-143-150
УДК 93/94+27

Преобразования духовных учебных заведений: Тамбовская духовная семинария (XIX век)

митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ (Васнев)

Религиозная организация «Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат)»
392002, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Набережная/Августа Бебеля, 80/2
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

Theological schools transformations: Tambov Seminary (the 19th century)

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo THEODOSIUS (Vasnev)

Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
80/2 Naberezhnaya/August Bebel St., Tambov 392002, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>, e-mail: troveo@mail.ru

Аннотация. Особенностью становления и продвижения образования в России является то, что его зарождение и дальнейшее преобразование проходило в духовных учебных заведениях. На примере Тамбовской духовной семинарии отображены преобразования в образовательном процессе XIX века. Большое значение предавалось такому документу, как устав. Во второй половине XIX века началась подготовка к преобразованию духовных семинарий в России. «Проект устава 1862 года» получил широкое обсуждение. В Тамбовской духовной семинарии обсуждение данного проекта проходило в 1863 г. и заняло особую страницу в летописи семинарии. Новый устав признавал малоуспешным прежний опыт изучения в духовных семинариях медицины и сельского хозяйства. Устав определял усовершенствование в области богословия. Нововведением явились и создание общежития для своекоштных воспитанников, введение должности семинарского духовника, регулярных гимнастических упражнений и прогулок на свежем воздухе. Были разрешены литературные собрания под руководством наставника. Учебная часть также претерпевала изменения. Было определено, что подготовка общего образования составляла 8 лет и на ее основе еще 4 года обучались богословским наукам. Такая образовательная система исключала повтор в изучении одних и тех же предметов. Все эти вопросы были предметом открытого обсуждения в Тамбовской духовной семинарии.

Ключевые слова: духовная семинария; духовные учебные заведения; реформа; устав; учебная часть; преобразования

Для цитирования: *Феодосий (Васнев), митрополит Тамбовский и Рассказовский.* Преобразования духовных учебных заведений: Тамбовская духовная семинария (XIX век) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 143-150. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-143-150

Abstract. The peculiarity of the formation and development of education in Russia is that its origin and further transformation took place in religious schools. On the example of the Tambov Seminary we show the transformation in the educational process of the 19th century. Great importance was given to such a document as a charter. In the second half of the 19th century preparations began for the transformation of seminaries in Russia. "Draft Charter of 1862" was published which received widespread discussion. In the Tambov Seminary, the discussion of this project took place in 1863 and occupied a special page in the seminary chronicle. The new charter was recognized as little successful than the previous experience of studying medicine and agriculture in seminaries. The charter defined improvement in the field of theology. The innovation was the creation of a hostel for schoolchildren, the introduction of the seminary pastor post, regular gymnastic exercises and walks in the fresh air. Literary gatherings under the guidance of a mentor were

allowed. The training part also underwent changes. It was determined that the preparation of general education was 8 years and on its basis another 4 years were for studying the theological sciences. Such an educational system excluded repetition in the study of the same subjects. All these questions were the subject of open discussion in the Tambov Seminary.

Keywords: seminary; theological educational institutions; reform; charter; educational part; transformations

For citation: Theodosius (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo. Preobrazovaniya dukhovnykh uchebnykh zavedeniy: Tambovskaya dukhovnaya seminariya (XIX vek) [Theological schools transformations: Tambov Seminary (the 19th century)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 143-150. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-143-150 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Со второй половины 1850-х гг. началась подготовка к преобразованию духовных учебных заведений в России. Епархиальным преосвященным архиереям были разосланы письма с просьбой направить предложения ректоров подведомственных им семинарий и духовных училищ о том, какие, на их взгляд, нужны изменения в духовно-учебных заведениях. Во Францию в 1858 г. был командирован чиновник Сергиевский для изучения опыта работы Парижской семинарии¹ (по итогам этой поездки он составил брошюру «Описание малой Парижской семинарии»). Для знакомства с организацией образования юношей в Православных Церквях Востока был командирован управляющий Синодальной канцелярией Соломон².

На основании поступивших от преосвященных архиереев рапортов был составлен проект реформирования духовно-учебных заведений. Для выработки нового устава Святейший синод 8 марта 1860 г. образовал специальный Комитет под председательством епископа Херсонского Димитрия (Муретова). Деятельность Комитета продолжалась почти два года. Результаты проделанной работы он представил на рассмотрение Святейшего синода 3 февраля 1862 г. Отчет состоял из следующих документов.

1. Общий журнал всех собраний Комитета.
2. Проект устава духовно-учебных заведений, к которому прилагались: а) проект инструкции комнатных надзирателей; б) расписание предметов; в) краткий обзор наук; г) отдельное мнение членов Комитета И. Гаевского и Т. Филиппова.

¹ Объяснительная записка к своду уставов. Спб., 1908. С. 329.

² Там же. С. 330.

Указанные документы получили название «Проект устава 1862 года» [1, с. 453]. Их напечатали и разослали в епархии преосвященным архиереям и в семинарии на отзыв.

Тамбовской духовной семинарией «Проект устава...» был получен в марте 1863 г. Его обсуждение заняло особую страницу в летописи семинарии. В специальном отношении духовно-учебного управления при Святейшем синоде на имя святителя Феофана, епископа Тамбовского и Шацкого от 20 марта 1863 г. сообщалось: «Определением Святейшего синода, изложенном в указе от 18 февраля сего года за № 404, постановлено: из напечатанных в Синодальной типографии трудов по преобразованию духовно-учебных заведений: а) устава духовных семинарий; б) журнала Комитета о преобразовании духовных училищ; в) донесения Святейшему синоду преосвященнейшего епископа Херсонского; г) особого мнения главного редактора означенного Комитета Филиппова; д) мнения действительного статского советника Гаевского; е) расписания предметов; ж) проекта инструкции комнатных надзирателей и з) краткого обзора наук в духовных семинариях препроводить Вашему Преосвященству четыре экземпляра, с тем чтобы Вы, Милостивый Государь и архипастырь, изъясненные в сих статьях положения Комитета рассмотрели сами и через лиц, известных своей педагогической опытностью, в последующем представили Святейшему синоду отчет по установленному порядку. При суждении по сему предмету в Святейшем синоде предполагалось призвать к рассмотрению сих предметов гг. начальников и наставников духовно-учебных заведений, не препятствуя тем из них, которые чем-либо будут не согласны с большинством, представив отдель-

ное мнение»³. Прежде чем познакомиться с мнением преподавателей Тамбовской духовной семинарии, назовем нововведения и усовершенствования, которые предполагались уставом 1862 г. и отсутствовали в положениях устава 1814 г.

Во «Введении» к новому уставу говорилось о том, что «духовная семинария есть учебное и воспитательное учреждение для умственного образования и нравственно-религиозного воспитания юношества, предназначенного для служения православной церкви в священно- и церковнослужительских должностях», а основная цель обучения в духовной семинарии определялась как «обучение благочестию»⁴. Указывалось, что достижению подобных целей препятствует то, что большая часть учеников живет на вольнонаемных квартирах у людей, которые чаще всего не только не способны оказать на воспитанников положительное влияние, но, наоборот, могут отрицательно повлиять на них. Поэтому предлагалось в каждой семинарии устраивать общежития для своекоштных воспитанников, а на квартирах разрешать жить только у родственников. Признавалось необходимым в каждой семинарии открыть храм для ежедневного совершения богослужений. Воспитанники в обязательном порядке должны были присутствовать на утренних богослужениях в среду и пятницу, а также в воскресные и праздничные дни, за богослужениями они обязаны были читать, петь и прислуживать в алтаре. Семинаристам вменялось в обязанность говеть, исповедоваться и причащаться четыре раза в год (по уставу 1814 г. достаточно было одного раза): дважды – в Великий пост и по одному разу – в Рождественский и Успенский посты. Для наблюдения за духовно-нравственной жизнью учеников предлагалось учредить должность семинарского духовника. Признавалось разумным ввести в семинариях гимнастические упражнения и более частые прогулки на свежем воздухе. Для эстетического развития семинаристов предполагалось разрешить проведение литературных собраний под руководством наставников.

³ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 186. Оп. 69. Д. 5. Л. 10б.

⁴ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий, 1808–1814, 1862, 1867, 1884, 1897 гг. Спб.: Синодальная типография, 1908. С. 6.

Большой раздел в проекте устава семинарий посвящался учебной части. Члены Комитета были единодушны в том, что духовное образование нельзя ограничить только богословскими предметами, так как поприще деятельности будущих пастырей весьма обширно. Поэтому признавалось, что общее образование должно предшествовать богословскому и занимать первые 8 лет учебы, а остальные 4 года всецело должны быть посвящены богословским предметам. Первые восемь лет приравнивались к гимназическому курсу с изменениями в предметах применительно к духовным семинариям. Устав 1862 г. объединял уездные училища с семинариями в одно целое, общая продолжительность обучения в семинарии равнялась 12 годам. Семинарский курс делился на три отделения: низшее, среднее и высшее. Первые два отделения приравнивались к гимназическому курсу, и воспитанники после их окончания получали возможность свободного выбора дальнейшего пути. Таким образом, семинарии освобождались «от лиц, вступающих туда без свободного призвания, по принуждению житейских обстоятельств, и потому неискренно преданных делу своего звания и своим влиянием нередко расстраивающих доброе настроение своих товарищей»⁵. Предложенная новым уставом система распределения учебного времени давала возможность избежать повторного изучения одних и тех же предметов в духовных училищах и семинариях.

Новый устав признал малоуспешным прежний опыт изучения в духовных семинариях в течение двадцати лет медицины и сельского хозяйства и вывел указанные предметы из семинарского курса⁶.

Усовершенствования касались и важной области богословских наук. Устав определил уделять больше внимания чтению Священного Писания, знакомить воспитанников с учением святых отцов, преподавать Церковную историю подробно, систематически изучать не только догматы, но и богослужебный устав и канонические правила церкви, ввести преподавание гомилетики, в обличительном богословии рассказывать о русском расколе и других христианских конфессиях – католичестве, лютеранстве и т. д.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 5.

Предлагалось усилить изучение в семинарии классических языков, а еврейский язык оставить в семинарском курсе. Новые языки определялось изучать с самых низших классов, больше внимания уделялось изучению русского языка и литературы, а также церковнославянского языка.

Относительно светских предметов предлагалось усилить преподавание географии и истории как наиболее близких к церковной истории. Кроме физики и физической географии, планировалось преподавать физиологию в соединении с психологией. Из математических наук оставались лишь арифметика и пасхалия, а алгебра и геометрия – для желающих. Считалось полезным ввести в семинарский курс основы педагогики и дидактики, поскольку выпускники семинарии определялись преподавателями в церковные школы.

По отделениям предметы распределялись следующим образом. Низшее отделение – 4 года: Священная история, катехизис, церковное чтение, география, древняя история, арифметика, грамматика русского, церковнославянского, греческого, латинского, французского и немецкого языков. Среднее отделение – 4 года: словесность с историей литературы, римская, средняя, новая и русская истории, логика, психология и метафизика, науки математические и естественные, продолжалось изучение языков и начиналось чтение Священного Писания и церковной истории. Высшее отделение – 4 года: все богословские науки, продолжение метафизики с добавлением обзора философских систем, а также пасхалия и педагогика⁷.

Признавалось, что большая часть семинарских учебников устарела. Наставники преподавали в основном по собственным запискам, на переписывание которых у учеников уходило много времени и сил. Это свидетельствовало о том, что в духовных семинариях практиковался лекционный метод преподавания, что противоречило положениям устава 1814 г. Комитет предлагал создать специальное учреждение при Святейшем синоде для составления учебников и учебных пособий.

⁷ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий, 1808–1814, 1862, 1867, 1884, 1897 гг. Спб.: Синодальная типография, 1908. С. 5.

Наряду с перечисленными изменениями основных положений учебной части в проекте устава имелось предложение об усовершенствовании сетки часов и сокращении продолжительности уроков с двух до полутора часов.

Немаловажной причиной реформирования духовных учебных заведений признавалось то, что экономически духовные училища и семинарии находились в сложном положении. По мнению членов Комитета, необходимо было увеличить количество преподавателей, поднять им жалование в три раза, а содержание казеннокоштных учеников увеличить в 2–3 раза. По самым скромным подсчетам, на содержание духовных школ необходимо было изыскивать 3 млн руб. ежегодно, тогда как реально тратилось 1,5 млн рублей. Недостающие средства Комитет предлагал получить путем предоставления права продажи свечей исключительно церкви. В части финансового обеспечения реформ предложения специального Комитета были убедительными. Все его участники признавали, что «увеличение вещественных средств духовно-учебных заведений – есть первое и необходимое условие улучшения их во всяком другом отношении»⁸. Радикальные положения содержались в проекте устава 1862 г. относительно управления семинариями. Предлагалось учредить при семинариях педагогический совет, разделить всех преподавателей на старших и младших, ввести прогрессивную прибавку к жалованию в зависимости от преподавательского стажа и специализировать наставников на преподавании определенных предметов. Устав отменял сословный характер семинарий и разрешал поступать в них представителям всех сословий. Он также позволял ученикам, которые в дальнейшем не желали посвящать свою жизнь служению церкви, покидать стены семинарии после восьмого класса с получением аттестата о среднем образовании. Признавалось, что существующая система подчинения духовных семинарий пяти начальствующим инстанциям: епархиальному архиерею, академическому Правлению, Духовно-учебному управлению, обер-прокурору и Святейшему синоду – очень неудобна. Поэтому предлагалось подчинить семинарии непосредственно епархиальному архиерею, а

⁸ Там же. С. 10.

академические Правления вовсе упразднить, учредив вместо них должность инспектора округов с обязанностью периодически ревидовать подведомственные им округа и докладывать Святейшему синоду.

Многие положения «Проекта устава 1862 года» были впоследствии реализованы в уставе 1867 г., однако, одно важное положение проекта устава 1862 г., а именно параграф 83, в котором говорилось о необходимости учреждения в семинариях должности комнатного надзирателя, так и не был введен в действие. Проект инструкции комнатного надзирателя – своеобразный, чрезвычайно идеализированный манифест православного воспитания юношества. Он знаменовал собой этап перехода от «розговых методов» воспитания к современным методам педагогики.

Согласно данному параграфу, воспитатель в отношении семинаристов должен был исполнять следующие обязанности: «Сохранять правильное благочестивое направление, охранять ум и сердце их от уклонения с истинного пути Господня, наблюдать их склонности, характеры и способности, заботиться о внешнем их благосостоянии, помогать делать уроки, приучать к чтению назидательных книг, внушать и объяснять им истину веры, выбирать для них круг товарищей, укреплять их сердце в любви Божией»⁹. Надзиратель должен быть образцовым носителем многих христианских добродетелей. Инструкция не разъясняла, из какой среды должны были избираться надзиратели, как содержаться и какими средствами реализовывать возлагаемые на них обязанности, но она характерна для того времени, в которое мысль намного опережала действительность.

В Тамбовской духовной семинарии «Проект устава 1862 года» был рассмотрен на заседании Правления сразу по его получении в 1863 г. Ни одно из основных положений устава, кроме пункта о комнатных надзирателях, не вызвало возражения со стороны членов Правления, которое состояло из ректора, инспектора, эконома и одного представителя от педагогической корпорации¹⁰. Протоиерей В. Певницкий вспоминает о проекте следующее: «Проект (устава) был скоро

прислан в семинарию для рассмотрения и составления отзывов о нем. Проект оказался невозможным практически. Он, как говорили, скопирован был с иезуитских школ и до того проникнут иезуитской религиозной нравственностью, что по нему семинарии выходили какими-то уродливыми монастырями, со специальным назначением из детей и юношей выковывать монахов высокой нравственности. С горячностью раскритиковали мы, наставники, особенно молодежь, (устав) и написали свой отзыв, редакция которого возложена была на меня, и отдали ректору на дальнейшее распоряжение» [2, с. 387]. Из указанных воспоминаний В. Певницкого можно заключить, что, помимо отзыва членов Правления на присланный проект устава, существовал еще альтернативный отзыв учителей семинарии. Однако его дальнейшая судьба неизвестна, во всяком случае на заседаниях Правления он не рассматривался, и если бы не свидетельство В. Певницкого, то о нем вообще ничего не было бы известно.

Пространный отзыв на проект составил инспектор семинарии архимандрит Сергей (Мармарисов). Его предложения касались, прежде всего, учебной и воспитательной части. По мнению отца Сергея, вместо шести лет в семинарии нужно было учиться пять. Причем учебные предметы должны были распределяться следующим образом. Первый год: теория красноречия и поэзия, всеобщая древняя история, греческий язык по Евангелию. Факультативно: латинский, немецкий, французский, монгольский языки. Второй год: церковное красноречие, Библейская история, греческий язык по «Деяниям» и «Посланиям». Факультативно: рисование. Третий год: логика, психология, история средневековая и новейшая, история отечественная, греческий язык по святым отцам. Факультативно: физика и математика, иконописание. Четвертый год: фундаментальное богословие, герменевтика, догматика и церковная история, греческий язык. Пятый год: нравственное и пастырское богословие, история Русской церкви, краткое руководство для пастырей, греческий язык, чтение Священного Писания, церковная археология, литургика, практическое богослужение. Курс духовных училищ отец Сергей предлагал свести к четырем годам. В первом классе следовало

⁹ Проект инструкции комнатных надзирателей. Спб., 1908.

¹⁰ ГАТО. Ф. 186. Оп. 69. Д. 1. Л. 12-16.

изучать часослов, псалтирь, русскую гражданскую историю, пропись русскую и греческую, катехизис, 1-ю часть арифметики. Во втором классе – русскую грамматику, арифметику, чтение Нового Завета на славянском и греческом языках, пение по нотному обиходу. В третьем классе – пространственный катехизис, русскую и славянскую грамматику, греческую грамматику, арифметику. В четвертом классе надо было повторять то, что изучено в предыдущих трех. Помимо этого, отец инспектор предлагал отменить послеобеденные занятия, построить общежитие для своекоштных воспитанников и семинарскую баню, а также ввести форму для воспитанников в виде полурыска и полукафтаны¹¹. Отзыв архимандрита Сергия был вполне разумным, если не считать некоторые малоприменимые к действительности предложения изучать монгольский язык и облачить семинаристов в одежду, напоминающую монашеские одеяния. В целом, как уже было сказано, официальные представители Тамбовской духовной семинарии почти без всяких возражений приняли проект устава, продемонстрировав полную готовность выполнить любое распоряжение вышестоящего начальства. Однако официальное мнение членов Правления Тамбовской духовной семинарии не отражало мнения некоторых преподавателей. Об этом свидетельствует сохранившийся в фондах семинарии отзыв на проект устава преподавательской корпорации Шацкого духовного училища. Учитывая, что духовные училища были тесно связаны с семинарией, и преподающие в них учителя являлись выпускниками семинарии, а сам отзыв обсуждался на заседании Правления семинарии, можно рассматривать его как мнение части учительской корпорации.

У педагогов училища вызвал возражение параграф 3-й «Проекта устава», в котором о цели духовного образования, в частности, говорилось: «Надлежит образование умственное, то есть приобретение сведений, необходимых и полезных воспитаннику для его будущего служения обществу». На это последовало следующее возражение: «Служитель Церкви Православной должен пасти стадо Христово, с одной стороны, питать его словом истины и благодатию Духа Святого, а с другой – охранять его от губительных влия-

ний внешних. Сообразно с этим мы находим, что, действительно, пастырю необходимо быть человеком образованным в общепринятом смысле слова, не затем, конечно, чтобы служить каким-либо временным интересам общества, а для того, чтобы противодействовать ложным понятиям той среды, в которой он будет действовать и всем ложным современным взглядам. Ввиду этой настоятельной нужды, по нашему мнению, теряют силу все возражения против совмещения в семинарии общего и специального богословского образования»¹². Педагоги Шацкого духовного училища ведут дискуссию, которая, кстати, продолжится и после реформы и станет еще более актуальной в начале XX века, о том, какое образование должны давать духовные семинарии – светское и богословское или только богословское. Члены Правления, как видно из официального отзыва, отстаивали другую точку зрения, согласно которой воспитанники должны получать в семинарии среднее специальное образование.

Шацкие педагоги выступили сторонниками введения должности комнатного надзирателя. Думается, защита ими этой практически не реализуемой в тогдашних условиях идеи была протестом против мнения Тертия Филиппова. Рассуждая по этому поводу, Т. Филиппов недоумевал, где взять надзирателей в таком количестве и с такими качествами: со светлым, истинно православным образом мыслей, горящих истинным благочестием и любовью, твердой в добрых правилах и навыках волей, нежных и снисходительных, скромных и кротких, но строгих и твердых. Изложенными в проекте устава качествами, которые должны были быть присущи надзирателю, в действительности мало кто обладает. Но наставники на это возражали так: «Устав указывает образец. Думаем, что если только будут у начальников какие-либо средства к открытию этой должности, то в сравнении с настоящим порядком это будет великое благодеяние. Кроме окончивших курс духовных семинарий и духовных академий, сюда можно, по усмотрению начальства, определить и священников вдовых, и лиц из монашеского духовенства, а помощниками назначать воспитанников четырех последних классов»¹³. Возмущение

¹¹ ГАТО. Ф. 186. Оп. 69. Д. 5. Л. 19-20.

¹² ГАТО. Ф. 186. Оп. 69. Д. 5. Л. 3.

¹³ ГАТО. Ф. 186. Оп. 69. Д. 5. Л. 5.

педагогов училища вызвало и мнение Т. Филиппова о положении устава, в котором содержалась мысль о том, что преподавание всех наук в семинарии должно быть освящено светом православной веры. Т. Филиппов писал о том, что такой подход может исказить науку, а наставники Шацкого духовного училища в этой связи резонно замечают: «Отчего же воображают опасным для науки и учащихся, если бы историк обратился к Откровению и при свете его стал созерцать великие тайны мироправления Божия; пусть наука не враждует с верою»¹⁴.

Наставники не согласны были с положением устава, где предлагалось дополнительно поощрять лучших учеников, и указывали, что существующей системы поощрения (место в разрядных списках) вполне достаточно. Они предлагали отменить преподавание еврейского языка в семинарии и оставить татарский и мордовский, усилить преподавание церковного пения так, чтобы оно существовало на всех отделениях, а не в одном, резко критиковали практику преподавания одним учителем пения и черчения, чистописания и церковного устава. На должность учителя пения, по их мнению, необходимо назначать отдельного педагога, который должен будет обучать воспитанников игре на каком-либо музыкальном инструменте. Пре-

подаватели указали на еще одну серьезную проблему, которая может возникнуть при всесословном характере семинарского образования. Общеизвестно, что семинарии содержались в основном на средства духовенства. Если в них будут поступать дети иных сословий и по окончании семинарии не захотят стать священниками, а уйдут на другое поприще, то, следовательно, затраты на их обучение окажутся напрасными. Шацкие педагоги предлагали с детей иных сословий взимать плату, а на казенное содержание переводить только учеников четырех последних классов¹⁵.

Таким образом, рассмотренные архивные документы и материалы, а также некоторые сохранившиеся воспоминания свидетельствуют о том, что обсуждение «Проекта устава 1862 года» в Тамбовской духовной семинарии проходило открыто с элементами дискуссии как среди педагогов семинарии, так и во всей корпорации преподавателей духовно-учебных заведений Тамбовской епархии. В целом, высказанные в отзывах на проект предложения и пожелания тамбовских педагогов соответствовали общим взглядам, существовавшим в духовной среде по вопросам преобразований духовно-учебных заведений и отраженным в проекте устава 1862 года.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГАТО. Ф. 186. Оп. 69. Д. 5. Л. 6.

Список литературы

1. Смолитч И.К. История Русской церкви: 1700–1917. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. 798 с.
2. Певницкий В., прот. Записки // Русская старина. 1905. Сент.

References

1. Smolich I.K. *Istoriya Russkoy tserkvi: 1700–1917* [History of the Russian Church: 1700–1917]. Moscow, Transfiguration of the Saviour Valaam Monastery Publ., 1996, 798 p. (In Russian).
2. Pevnitskiy V., Archpriest. *Zapiski* [Records]. *Russkaya starina* [Russian Antiques]. 1905, September. (In Russian).

Информация об авторе

митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), кандидат богословия, магистр теологии. Тамбовская епархия Русской православной церкви (Московский патриархат), г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: troveo@mail.ru

Вклад в статью: работа с архивными документами и материалами, идея, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Поступила в редакцию 04.10.2018 г.

Поступила после рецензирования 10.11.2018 г.

Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the author

Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Theodosius (Vasnev), Candidate of Theology, Master of Theology. Tambov Eparchy of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Tambov, Russian Federation. E-mail: troveo@mail.ru

Contribution: work with archival documents and materials, idea, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-0418>

Received 4 October 2018

Reviewed 10 November 2018

Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-151-158
УДК 656.071.41(93/94)

Этапы развития системы государственного управления деятельностью морских портов на Дальнем Востоке

Валерий Анатольевич КУРБЕНКОВ

ФГБОУ ВО «Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского»
690003, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50а
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-9344>, e-mail: kurbenkov@msun.ru

Stages of government control development of seaports work in the Far East

Valeriy A. KURBENKOV

Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy
50a Verkhneportovaya St., Vladivostok 690003, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-9344>, e-mail: kurbenkov@msun.ru

Аннотация. В качестве материалов для исследования использованы не только архивные сборники (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока), но и работы авторов, в которых исторически последовательно прослеживается развитие отечественного мореплавания, а также рассматриваются вопросы государственного управления морскими портами Дальнего Востока. Основная цель данной работы заключается в попытке сформировать этапы системы государственного управления деятельностью морских портов на Дальнем Востоке в период с 1862 по 1923 г. Для достижения поставленной цели проведен ретроспективный анализ этапов развития системы государственного управления работой морских портов для принятия аргументированных административных решений и объяснения перспективных направлений государственного управления портами Дальневосточного региона. В результате проведенного исследования сформированы следующие этапы: первый – период становления и развития морского судоходства и формирование системы государственного управления деятельностью морских портов; второй – период укрепления роли государства в регулировании торгового мореплавания; третий – период поиска сбалансированной модели управления морскими портами. Это позволило нам сделать вывод о том, что морские порты в любых условиях должны оставаться объектами, в управлении которых ведущая роль принадлежит государству, и эта роль должна сохраняться и постоянно совершенствоваться. Однако необходимо подчеркнуть, что характерной чертой развития порта на Дальнем Востоке стало сочетание казенной инициативы с частнопредпринимательской, показывая динамичность этого взаимодействия в течение всего изученного исторического периода. Здесь уместно процитировать К.П. Победоносцева, который указывал, что «всякое большое дело начинается с малого, и из малого зерна, когда оно падает на добрую почву, может вырасти дерево. Государственная власть за многое не может взяться сразу своими средствами, поскольку усилия частных лиц, направляемые верою, знанием и опытом, не наметят пути и не проложат дороги для государства». Рассмотренные изменения в государственном управлении морскими портами Дальнего Востока и распространение на них общепринятого порядка управления морскими портами империи, на наш взгляд, отвечало требованиям того времени и было одним из основных факторов, оказавшим значительное воздействие на развитие всего Дальневосточного региона.

Ключевые слова: Дальний Восток; морские порты; вопросы государственного управления; ретроспективный анализ; сформированные этапы; ведущая роль должна принадлежать государству

Для цитирования: Курбенков В.А. Этапы развития системы государственного управления деятельностью морских портов на Дальнем Востоке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 151-158. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-151-158

Abstract. We used not only archival collections (Russian State Historical Archive of the Far East) as materials for the study, but also the works of the authors, which historically and consistently traced the development of domestic navigation, as well as the issues of government control of seaports of the Far East. The main purpose of this work is to try to form the stages of the government control system of the seaports in the Far East in the period from 1862 to 1923. To achieve this goal, we conducted a retrospective analysis of the stages of development of the government control system of the work of seaports, to make reasonable administrative decisions and explain the promising directions of government control of the ports of the Far East region. As a result of the study, the following stages were formed: the first one – the period of formation and development of maritime navigation and the formation of the system of state management of seaports; the second one – the period of strengthening the role of the state in the regulation of merchant shipping; the third one – the period of finding a balanced model of management of seaports. This has allowed us to conclude that seaports in any environment should remain objects in the management of which the leading role belongs to the state government, and this role should be maintained and continuously improved. However, it should be emphasized that the characteristic feature of the development of the port in the Far East was the combination of the state initiative with private entrepreneurship, showing the dynamics of this interaction throughout the studied historical period. It is appropriate to quote K.P. Pobedonostsev, who pointed out that “every great thing begins with a small, and from a small grain, when it falls on good soil, a tree can grow. The power of the state for a lot of things cannot take from their funds, as the efforts of individuals directed by the faith, knowledge and experience, will not outline ways and pave the road for the state”. The changes in the government control of the seaports of the Far East considered in this work and the extension of the generally accepted order of management of seaports of the empire to them, in our opinion, met the requirements of that time and was one of the main factors that had a significant impact on the development of the entire Far East region.

Keywords: Far East; seaports; government control issues; retrospective analysis; formed stages; the leading role should belong to the state

For citation: Kurbenkov V.A. Etapy razvitiya sistemy gosudarstvennogo upravleniya deyatel'nost'yu morskikh portov na Dal'nem Vostoke [Stages of government control development of seaports work in the Far East]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 151-158. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-151-158 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Нами подводятся некоторые итоги изученного вопроса о государственном управлении деятельностью морских портов на Дальнем Востоке в период с 1862 по 1923 г. В начале своей работы хотелось бы обозначить ряд авторов, которые в своих трудах рассматривают сущность исследуемой проблемы и анализируют различные подходы к ее решению.

Так, вопросу истории становления и развития торгового мореплавания на Дальнем Востоке посвящены работы А.А. Гвоздарёва «Морской транспорт на русском Дальнем Востоке» [1] и Г.П. Орленко «Грузооборот Владивостокского торгового порта в прошлом и его перспективы в будущем» [2] и т. д. В них авторами была предпринята попытка показать этапы развития морского судоходства и портового строительства на Дальнем Востоке.

А.И. Крушанов [3] в своих работах обозначил основные задачи, которые решал

морской транспорт в ходе становления и развития всего Дальневосточного региона.

В свою очередь, В.П. Бянкин в работе «Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.)» указывал: изучение истории мореплавания в России «вызывается практической необходимостью, так как постоянное совершенствование организационных форм работы морского транспорта, поиски наиболее эффективных их параметров, создание необходимой технической базы, знание конъюнктуры фрахтового рынка сегодня невозможны без знания истории и тенденций создания технической базы флота и портов Дальнего Востока, без глубочайшего и тщательного анализа форм организации работы морских предприятий наших предшественников, отечественных и мировых грузопотоков того времени» [4; 5].

Вопросами государственного управления морскими портами занимались такие исследователи, как А.А. Давыденко [6–8], В.И. Краев,

Т.А. Пантина [9], Е.А. Лаврентьева [10] и др. В работах этих авторов исторически последовательно отображены этапы развития отечественного мореплавания и показаны задачи, которые решало государство в управлении морскими портами.

Однако «научный подход к государственному управлению» [6] морскими портами региональных портовых комплексов не нашел более тщательной разработки данной темы в отечественной и зарубежной литературе, хотя в последние годы оказывается в фокусе исследовательского внимания [11]. Как верно указывает А.А. Давыденко, «в научном и практическом плане для принятия обоснованных управленческих решений и обоснования перспективных тенденций государственного управления российскими морскими портами целесообразно выполнить ретроспективный анализ этапов формирования системы государственного управления деятельностью морских портов» [6].

Рассмотрим первый этап – это период становления и развития морского судоходства и формирования системы государственного управления деятельностью морских портов.

Дальневосточный край в исследуемый период представляет собой малонаселенные, почти необжитые и далекие территории. Вся торговая деятельность в основном была сосредоточена в Николаевске-на-Амуре, где сходились торговые пути из Сибири. Количественное и качественное преимущество иностранной продукции по сравнению с русскими товарами в то время было неоспоримо¹.

В связи со слаборазвитостью местного производства и невозможностью обеспечить регион качественными товарами в декабре 1860 г. вводятся временные режимы свободной торговли: «разрешена беспошлинная свободная иностранная торговля в портах Приамурского края на устьях Амура и вверх по реке»²; в апреле 1862 г. «допускается пропуск беспошлинно по азиатской торговле всех китайских товаров за исключением:

а) чая, который должен быть оплачиваемый пошлиной; б) хлебных вин и водок, оставленных к привозу из Китая запрещенными [12]». Ограничения в беспошлинном ввозе [13] также были распространены на табак и табачные изделия, спички, сахар и осветительные масла, что явилось [13] отражением протекционистской политики правительства [13]. Режим беспошлинной торговли просуществовал не долго, и уже в июле 1867 г. были введены пошлины на иностранный спирт и алкогольную продукцию.

Вероятно, одним из основных факторов такого состояния российской торговли было отсутствие торгового флота на Дальнем Востоке. Решая данный вопрос, правительство 10 февраля 1871 г. переносит во Владивосток из Николаевска-на-Амуре порт с морскими учреждениями, а также резиденцию военного губернатора и главную базу [13].

10 мая 1896 г. император Николай II утверждает положение о строительстве коммерческого порта в бухте «Золотой Рог»³. В этом же году начались строительные и изыскательские работы. В 1898 г. был сооружен каменный пакгауз, построены несколько административных и жилых домов, железнодорожные пути к причалам и складам, мощные дороги. Во время ремонтных работ сам порт и все сооружения, а также плавсредства и строительные механизмы находились в ведении Уссурийской железной дороги. Строительство велось на деньги Министерства путей сообщения⁴. Контроль за работами в порту осуществлял Временный комитет по заведыванию Владивостокским коммерческим портом⁵, возглавляемый военным губернатором Приморской области⁶. После окончания строительства в 1899 г. коммерческий порт, все его постройки и плавсредства были переданы в ведение Министерства внутренних дел, которое в дальнейшем занялось его эксплуатационной деятельностью⁷.

³ См. там же.

⁴ Владивостокский ордена Ленина морской торговый порт Дальневосточного орденов Ленина и Октябрьской революции морского пароходства (1899–1992 гг.). URL: <http://libinfo.org/index/index.php?id=199366> (дата обращения: 04.10.2018).

⁵ См. там же.

⁶ См. там же.

⁷ Дальний Восток России в материалах законодательства, 1881–1889 гг. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2005. 260 с.

¹ РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Владивостокский коммерческий порт. Ф. 487. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-7.

² Дальний Восток России в материалах законодательства, 1856–1861 гг. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Информационно-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2002. 236 с.

Для региона эти годы были ознаменованы положением конца политики свободной торговли. В экономике России занял господствующие позиции капиталистический уклад, отечественная промышленность встала на путь бурного развития, стала нуждаться в новых рынках сбыта.

Правительство принимает ряд документов, дающих возможность отечественным предпринимателям вступить в борьбу с иностранными конкурентами. Так, для установления правильного почтового, пассажирского и буксирного пароходного движения по рекам Амурского бассейна в сентябре 1871 г. учреждается «Товарищество Амурского пароходства» [4]; в ноябре 1879 г. купцу Шевелеву на пятнадцать лет «передается устройство и содержание пароходного сообщения между Владивостоком и Николаевском и между Владивостоком и Ханькоу, с заходом в Нагасаки и Шанхай» [4].

В 1881 г. М.Г. Шевелев расширяет деятельность своего пароходства, получив правительственные субсидии, его суда начинают рейсы по линии «Владивосток–Николаевск–Амуре», с заходами в Ольгу, Корсаковский пост, Императорскую гавань, Дуэ и Де-Кастри [14], выполняя до восьми рейсов в год по указанному маршруту. Но уже в 1903 г. пароходство «Шевелева и К^о» прекратило свое существование, так как власти постепенно перестают субсидировать линии, обслуживаемые данным пароходством, отдавая предпочтение «Морскому пароходству КВЖД» [4; 14].

Взяв курс на развитие торгового мореплавания на Дальнем Востоке, правительство продолжило учреждать коммерческие общества. 3 июля 1902 г. было утверждено общество «Транспортной конторы Курбатов и К^о» для содержания речного пароходства на реке Амур и его притоках, а также между портами Европейской России и русскими и иностранными портами Дальнего Востока⁸.

Для транспортировки в России и за границу товаров, проходящих через порты Дальнего Востока, 10 июня 1903 г. учреждено Акционерное общество под названием «Акционерное общество «Бриннер и Кузне-

⁸ Дальний Восток России в материалах законодательства, 1900–1902 гг. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2009. 320 с.

цов», в ведении которого находились склады для приема на хранение товаров с выдачей складских и закладных свидетельств, а также товарных складов без выдачи упомянутых свидетельств⁹.

11 апреля 1908 г. создается Акционерное пароходство и страховое общество под наименованием «Тихоокеанского общества пароходства и торговли» для содержания и развития коммерческого, грузового и пассажирского пароходства на Дальнем Востоке, перевозки пассажиров и всякого рода грузов из русских портов Тихого океана в иностранные и обратно, организации предприятий, связанных с торговым мореплаванием и способствующих установлению непосредственного товарообмена между Россией и Китаем, а равно для страхования пароходов и других судов, а также всякого рода грузов и товаров¹⁰.

Все это предопределило дальнейшее развитие торгового мореплавания на Дальнем Востоке, так как это был фактически «первый исторический период территориального, функционального и административного формирования» [6] российского торгового мореплавания на Дальнем Востоке.

Второй этап – это период укрепления роли государства в регулировании торгового мореплавания.

С 1882 г. начинает развиваться подконтрольное правительству морское судоходное Общество Добровольный флот. В апреле этого же года первый председатель главного управления Общества Добровольного флота К.П. Победоносцев обратился к Александру II с ходатайством о выделении из казны 7,5 млн руб. с рассрочкой на 10 лет для укрепления и развития деятельности Добровольного флота¹¹.

Резолюция императора, адресованная министру финансов Н.Х. Бунге, гласила: «Прошу Вас очень обратить особое внимание на это дело и представить мне Ваши со-

⁹ Дальний Восток России в материалах законодательства, 1903–1904 гг. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2012. 356 с.

¹⁰ Дальний Восток России в материалах законодательства, 1907–1908 гг. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2010. 260 с.

¹¹ Доброфлот раздвинул дальневосточные горизонты. URL: <http://www.progressprim.ru/news/ecology/2014-11-20-03341.htm> (дата обращения: 30.09.2018).

ображения. По-моему, это весьма полезное и национальное дело, которое грешно бросить на произвол судьбы»¹².

14 марта 1883 г. по высочайшему повелению Общество Добровольного флота было передано морскому министерству как независимое коммерческое правительственно-промышленное и транспортное предприятие, непосредственно подчиненное управляющему министерством. 24 февраля 1886 г. утверждается «Временное положение о Добровольном флоте», в соответствии с которым в июне на базе Общества организуется Комитет Добровольного флота под председательством контр-адмирала П.Ф. Юрьева¹³.

В 1886 г. пароходы «Добровольного флота» начинают совершать регулярные рейсы между Владивостоком, Камчаткой и Сахалином, что позволило Владивостокскому порту [15] ежегодно увеличивать грузооборот, так как количество заходивших в порт судов ежегодно увеличивалось [15]. В феврале 1886 г. Добровольному флоту за содержание срочного пароходства между Владивостоком и портами Камчатского и Охотского морей в течение двух лет, начиная с 1 января 1886 г., отпускается в распоряжение Приморского генерал-губернатора: «а) 38000 рублей – на заготовление продовольственных припасов и других предметов снабжения населения... ровно как для расчета с Добровольным флотом за доставку сих предметов на места и на надзор по хранению припасов и б) 15000 рублей – на уплату Добровольному флоту субсидии за содержание срочного пароходного сообщения между Владивостоком и портами Камчатского и Охотского морей...» [4]. В феврале 1888 г. в распоряжение Приморского генерал-губернатора Добровольному флоту отпускается из государственного казначейства в течение пяти лет, начиная с 1888 г., по 15000 рублей в год на предмет выдачи субсидии Добровольному флоту за содержание срочного пароходного сообщения между Владивостоком и портами Камчатского и Охотского морей» [4].

В целом к началу XX века положение Добровольного флота как судоходной компании значительно упрочилось. Более того,

¹² Доброфлот раздвинул дальневосточные горизонты. URL: <http://www.progressprim.ru/news/ecology/2014-11-20-03341.htm> (дата обращения: 30.09.2018).

¹³ Там же.

именно пароходам общества принадлежит приоритет в установлении прямых морских перевозок русских товаров на Восток, а с Востока – японских и китайских¹⁴, в частности чая, доставляемого до этого в Россию на иностранных судах через Лондон. Годовой грузооборот общества к тому времени достиг 176 тыс. тонн. Возрос также поток пассажиров на дальневосточной линии, однако, после открытия Транссибирской железной дороги он затем резко сократился [16]. Несмотря на данные обстоятельства и благодаря государственной поддержке, Добровольный флот продолжал функционировать вплоть до июня 1925 г., после чего его суда влились в состав Дальневосточной главной конторы нового акционерного общества.

Развивая морское судоходство на Дальнем Востоке, правительство расширяет и административно-хозяйственные функции капитанов морских портов. Таким образом, капитан Владивостокского морского порта, в соответствии с расширением своих полномочий, должен был в исправном состоянии содержать средства навигационного ограждения в порту, в аварийной обстановке оказывать помощь терпящим бедствие судам, осуществлять прием и проводить досмотр торговых судов, приходящих в порт под иностранными флагами, устанавливать им место стоянки и следить за их отправлением. В феврале 1889 г. капитан Владивостокского порта становится еще и главным по хозяйственной части [6].

В феврале 1891 г. утверждается Положение об управлении морскими командами на берегу¹⁵, а в январе 1894 г. принимается штат управления Владивостокского порта¹⁶.

В июне 1896 г. вступает в силу Положение о нестроевой роте Владивостокского порта и в этом же году Министерство коммерции и Главное управление водных и сухопутных сообщений стало отвечать за развитие торгового флота в связи с перераспределением функций в области торгового мореплавания. По истечению девяти лет выше-

¹⁴ Краткий очерк истории Добровольного флота. URL: <http://alternathistory.com/kratkij-ocherk-istorii-dobrovolnogo-flota/> (дата обращения: 04.10.2018).

¹⁵ Дальний Восток России в материалах законодательства, 1890–1895 гг. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2006. 320 с.

¹⁶ См. там же.

указанные государственные учреждения ликвидируются, и вопросы внешней коммерции и управления таможен возлагаются на Министерство финансов, в составе которого и оказывается отдел торгового мореплавания [6].

Изнутри порт представлял собой многообразие различных учреждений, находящихся на его территории, но подчиняющихся своим профильным министерствам и ведомствам, а именно Морскому министерству, Министерству путей сообщения, Министерству финансов, таможенному и карантинному ведомству и полиции [6]. Подобное положение госучреждений в порту естественно делало невозможным осуществлять надлежащий контроль за деятельностью порта и торговым мореплаванием. Возникали сложности и за контролем финансовых средств, выделяемых на поддержания регулярных рейсов и обслуживание жизнедеятельности порта. В первую очередь, это расплывало ответственность, а во-вторых, позволяло использовать государственные средства не по их прямому назначению. Но, несмотря на эти межведомственные проблемы, роль государства как в деятельности морского порта, так и в регулировании торгового мореплавания в Дальневосточном регионе постепенно стала укрепляться.

Рассмотрим последний этап – попытку государства сформировать сбалансированную модель в части управления морскими портами.

Как мы указывали выше, в 1901 г. Министерство внутренних дел уступает право на управление торговыми портами Министерству финансов. Последнее занималось управлением российской торговли в судоходстве вплоть до 1903 г. В начале 1903 г. создано Главное управление торгового мореплавания и портов, которое берет на себя обязанности по управлению коммерческим судоходством, и уже через два года его переподчинят вновь созданному Министерству торговли и промышленности [6].

Этап государственного реформирования деятельностью морскими портами на этом не закончился. В дальнейшем Главное управления морскими портами переводят в состав Главного управления торговым мореплаванием и портами, которое объединило в себе два министерства – Министерство путей сообщения и Министерство финансов [6].

В результате этого объединения Главное управление торговым мореплаванием и портами стало заниматься не только вопросами морского транспорта, но и вопросами управления деятельностью морских торговых портов. Данное учреждение стало высшим государственным органом, отвечающим не только за управление [6] портами, но и за руководство отечественным торговым мореплаванием и судостроением, за технический надзор за морским побережьем и устьями рек [6].

В 1905 г. государство продолжило совершенствовать деятельность по управлению портами, было учреждено новое Министерство торговли и промышленности, в состав которого вошло Главное управление торговым мореплаванием и портами. В нем свою структурную самостоятельность сохранил и отдел торговых портов [6].

В начале января 1910 г. выходит правительственное положение «Об управлении морскими портами»¹⁷.

В 1914 г. главным морским портом России становится Владивостокский морской торговый порт.

С приходом советской власти Владивостокский торговый порт передают в подчинение финансовому отделу Губвоенревкома, в ноябре 1922 г. порт переходит в ведение Уссурийской железной дороги, а в 1923 г. подчинен Наркомату путей сообщения СССР.

В январе 1931 г. Владивостокский порт переименовывают в Управление Главного Владивостокского торгового порта и ему в подчинение передаются следующие подразделения: отдел эксплуатации, судомеханический отдел, отдел кадров, отдел портового надзора, финансово-учетный отдел, отдел материального снабжения, отдел рабочего снабжения, плановый отдел, мобилизационный отдел, отдел охраны, политотдел и управления делами¹⁸.

Обобщая вышесказанное, считаем, что период с 1901 по 1923 г. наглядно продемонстрировал постоянное изменение и совершенствование системы управления морскими портами в поиске оптимальной модели.

¹⁷ Дальний Восток России в материалах законодательства, 1910–1911 гг. Владивосток: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2011. 258 с.

¹⁸ Приморский край. Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. С. 87.

Список литературы

1. *Гвоздарёв А.А.* Морской транспорт на русском Дальнем Востоке // *Экономическая жизнь Приморья*. 1924. № 10. С. 1-14.
2. *Орленко Г.П.* Грузооборот Владивостокского торгового порта в прошлом и его перспективы в будущем // *Экономическая жизнь Приморья*. 1924. № 6-7. С. 3-22.
3. *Крушанов А.И.* О развитии торгового мореплавания на русском Дальнем Востоке в последней четверти 19 – начале 20 века // *Материалы по истории Владивостока*. Кн. 1. Владивосток, 1960. С. 46-57.
4. *Бянкин В.П.* Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток, 1979.
5. *Поздняков А.Ф.* Морское судоходство на Севере Дальнего Востока СССР в 20–50-е годы XX столетия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Магадан, 2010.
6. *Давыденко А.А.* Тенденции развития государственного управления морскими портами России // *Управленческое консультирование*. 2007. № 4.
7. *Давыденко А.А.* Региональное развитие морских торговых портов России. СПб.: Изд-во ГМА им. адм. С.О. Макарова, 2007.
8. *Давыденко А.А.* Развитие государственного управления морскими портами России. СПб.: Изд-во ГМА им. адм. С.О. Макарова, 2007.
9. *Краев В.И., Пантина Т.А.* Экономическая оценка инвестиций на водном транспорте / под ред. В.И. Краева. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. 299 с.
10. *Лаврентьева Е.А.* Управление развитием предприятий водного транспорта в условиях социально-ориентированной рыночной экономики. СПб.: Изд-во СПбГУВК, 2000. 247 с.
11. *Давыденко А.А.* Государственное управление конкурентоспособностью региональных морских портовых комплексов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2008.
12. *Фисенко А.И., Хамаза Е.А.* Порто-франко Владивосток: исторический опыт и современные задачи // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 6-3. С. 637-642.
13. *Яковлева О.А.* Протекционистский тариф 1891 г. и его влияние на дальневосточную таможенную политику России конца XIX – начала XX в. // *Царскосельские чтения*. 2012. № XVI.
14. *Ведерников Ю.В.* Российское мореплавание на Тихом океане за триста семьдесят пять лет своей истории. Хроника судоходства и кораблекрушений, 1639–2014 годы. Владивосток, 2016.
15. *Курбенков В.А.* Порт как фактор освоения и развития экономической жизни Владивостока и областей России в период с 1862 по 1920 г. // *Вестник Вятского государственного университета*. 2017. № 11. С. 37-42.
16. *Поздняков А.Ф.* Роль морского транспорта в освоении Тихоокеанского побережья Дальнего Востока (геополитический аспект) // *Вестник Северо-Восточного государственного университета*. 2007. Вып. 8. С. 38-41.

References

1. Gvozdev A.A. Morskoy transport na russkom Dal'nem Vostoke [Maritime transport on the Russian Far East]. *Ekonomicheskaya zhizn' Primor'ya* [Economic Life of Primorye], 1924, no. 10, pp. 1-14. (In Russian).
2. Orlenko G. Gruzooborot Vladivostokskogo torgovogo porta v proshlom i ego perspektivy v budushchem [Turnover of Vladivostok merchant port in the past and its prospects in the future]. *Ekonomicheskaya zhizn' Primor'ya* [Economic Life of Primorye], 1924, no. 6-7, pp. 3-22. (In Russian).
3. Krushanov A.I. O razvitii torgovogo moreplavaniya na russkom Dal'nem Vostoke v posledney chetverti 19 – nachale 20 veka [On development of merchant shipping in the Russian Far East in the last quarter of the 19th – early 20th century]. *Materialy po istorii Vladivostoka. Kn. 1* [Materials on Vladivostok History. Bk. 1]. Vladivostok, 1960, pp. 46-57. (In Russian).
4. Byankin V.P. *Russkoye torgovoye moreplavaniye na Dal'nem Vostoke (1860–1925 gg.)* [Russian Merchant Navigation in the Far East (1860–1925)]. Vladivostok, 1979. (In Russian).
5. Pozdnyakov A.F. *Morskoye sudokhodstvo na Severe Dal'nego Vostoka SSSR v 20–50-e gody XX stoletiya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Sea Navigation in the North Far East of the USSR in 20–50s of the 20th Century. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Magadan, 2010. (In Russian).
6. Davydenko A.A. Tendentsii razvitiya gosudarstvennogo upravleniya morskimi portami Rossii [Trends in development of government control of seaports of Russia]. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye – Administrative Consulting*, 2007, no. 4. (In Russian).
7. Davydenko A.A. *Regional'noye razvitiye morskikh torgovykh portov Rossii* [Regional Development of Merchant Seaports of Russia]. St. Petersburg, Admiral Makarov State Maritime Academy Publ., 2007. (In Russian).

8. Davydenko A.A. *Razvitiye gosudarstvennogo upravleniya morskimi portami Rossii* [Development of Government Control Seaports of Russia]. St. Petersburg, Admiral Makarov State Maritime Academy Publ., 2007. (In Russian).
9. Kravtsev V.I., Pantina T.A. *Ekonomicheskaya otsenka investitsiy na vodnom transporte* [Economic Assessment of Investment in Water Transport]. St. Petersburg, St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2003, 299 p. (In Russian).
10. Lavrentyeva E.A. *Upravleniye razvitiyem predpriyatiy vodnogo transporta v usloviyakh sotsial'no-oriyentirovannoy rynochnoy ekonomiki* [Control of Water Transport Enterprises Development in Terms of Socially Oriented Market Economy]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Water Communications Publ., 2000, 247 p. (In Russian).
11. Davydenko A.A. *Gosudarstvennoye upravleniye konkurentosposobnost'yu regional'nykh morskikh portovykh kompleksov: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Government Control of Competitive Power of Regional Seaports Complexes. Cand. econ. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2008. (In Russian).
12. Fisenko A.I., Khamaza E. A. *Porto-franko Vladivostok: istoricheskiy opyt i sovremennyye zadachi* [Porto-franco Vladivostok: historical experience and modern goals]. *Fundamental'nyye issledovaniya – Fundamental Research*, 2015, no. 6-3, pp. 637-642. (In Russian).
13. Yakovleva O.A. *Proteksionistskiy tarif 1891 g. i ego vliyaniye na dal'nevostochnuyu tamozhennuyu politiku Rossii kontsa XIX – nachala XX v.* [Protectionist tariff of 1891 and its impact on the Far East custom policy of Russia in the late 19th – early 20th century]. *Tsarskosel'skiye chteniya* [Tsarskoye Selo Readings], 2012, no. 16. (In Russian).
14. Vedernikov Y.V. *Rossiyskoye moreplavaniye na Tikhom okeane za trista sem'desyat pyat' let svoey istorii. Khronika sudokhodstva i korablekrusheniy, 1639–2014 gody* [Russian Navigation on the Pacific Ocean for Three Hundred and Seventy Five Years of Its History. Timeline of Navigation and Shipwrecks, 1639–2014]. Vladivostok, 2016. (In Russian).
15. Kurbenkov V.A. *Port kak faktor osvoyeniya i razvitiya ekonomicheskoy zhizni Vladivostoka i oblastey Rossii v period s 1862 po 1920 g.* [Port as a factor of mastering and development of economic life of Vladivostok and regions of Russia in the period from 1862 to 1920]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*, 2017, no. 11, pp. 37-42. (In Russian).
16. Pozdnyakov A.F. *Rol' morskogo transporta v osvoyenii Tikhookeanskogo poberezh'ya Dal'nego Vostoka (geopoliticheskiy aspekt)* [Role of water transport in exploring the Pacific seaboard of the Far East (geopolitical aspect)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of North-Eastern State University], 2007, no. 8, pp. 38-41. (In Russian).

Информация об авторе

Курбенков Валерий Анатольевич, кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой морского права. Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского, г. Владивосток, Российская Федерация. E-mail: kurbenkov@msun.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-9344>

Поступила в редакцию 07.11.2018 г.

Поступила после рецензирования 14.12.2018 г.

Принята к публикации 15.01.2019 г.

Information about the author

Valeriy A. Kurbenkov, Candidate of Politics, Associate Professor, Head of Maritime Law Department. Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy, Vladivostok, Russian Federation. E-mail: kurbenkov@msun.ru

Contribution: study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9682-9344>

Received 7 November 2018

Reviewed 14 December 2018

Accepted for press 15 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-159-165
УДК 93:34

Архивная опись дел Курского жандармского полицейского отделения как источник изучения деятельности железнодорожной полиции (1869–1916 гг.)

Николай Николаевич ПЕТРЫКИН

ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации им. И.Д. Путилина»

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1441-6974>, e-mail: npetrykin@mvd.ru

Аннотация. Актуализирована необходимость изучения деятельности жандармских полицейских подразделений железных дорог на основе достоверных источников и разносторонних подходов. Предпринят структурный анализ архивной описи дел Курского жандармского полицейского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог за период 1869–1916 гг. Раскрыты основные направления и некоторые особенности организации службы жандармской железнодорожной полиции. Лонгитюдное исследование делопроизводства позволило увидеть в динамике содержательную практику, определить субъектов системы взаимоотношений железнодорожных жандармов, их роль и место в правоохранительной системе Российской империи. При классификации дел Курского жандармского полицейского отделения по институциональному критерию дана ретроспективная оценка деятельности железнодорожных жандармов. На основе полученных статистических данных сформулированы критические выводы о социальных процессах, происходивших в российском обществе в пореформенный период. Изучение дел типового отделения одного из жандармских полицейских управлений железных дорог позволило сформулировать выводы о роли железнодорожных жандармских полицейских подразделений низшего звена в реализации общеполицейских и специальных функций, в том числе в решении административных вопросов, взаимодействии с различными должностными лицами, служащими железных дорог, гражданами.

Ключевые слова: Курск; железная дорога; жандармы; делопроизводство; структурный анализ источника; функции железнодорожных жандармов

Для цитирования: *Петрыкин Н.Н.* Архивная опись дел Курского жандармского полицейского отделения как источник изучения деятельности железнодорожной полиции (1869–1916 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 159–165. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-159-165

Archival description of cases of the Kursk Gendarme Police Department as a source for studying the activities of the railway police (1869–1916)

Nikolay N. PETRYKIN

Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin
71 Gorkogo St., Belgorod 308024, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1441-6974>, e-mail: npetrykin@mvd.ru

Abstract. We highlight the need to study the activities of gendarme police departments of railways on the basis of reliable sources and versatile approaches. We made a structural analysis of the archive inventory of the affairs of the Kursk Gendarme Police Department of the Moscow Gendarme Police Department of railways for the period of 1869–1916. The basic directions and some features of the organization of service of the gendarme railway police are revealed. A longitudinal study of the clerical work allowed us to see in the dynamics of meaningful practice, to

identify the subjects of the system of relations between the railway gendarmes, their role and place in the law enforcement system of the Russian Empire. In classifying cases of the Kursk Gendarme Police Department by the institutional criterion, a retrospective assessment of the activities of railway gendarmes was given. On the basis of the obtained statistical data, critical conclusions were drawn up about the social processes that took place in Russian society in the post-reform period. Studying the cases of the model department of one of the gendarme police departments of railways allowed to draw conclusions about the role of the railway gendarme police units of the lowest level in the overall implementation of police and special functions, including in solving administrative issues, interacting with various officials, employees of railways, citizens.

Keywords: Kursk; railway; gendarmes; paperwork; structural analysis of the source; the functions of railway gendarmes

For citation: Petrykin N.N. Arkhivnaya opis' del Kurskogo zhandarmskogo politseyskogo otdeleniya kak istochnik izucheniya deyatel'nosti zheleznodorozhnoy politsii (1869–1916 gg.) [Archival description of cases of the Kursk Gendarme Police Department as a source for studying the activities of the railway police (1869–1916)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 159-165. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-159-165 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Реформирование органов МВД на транспорте требует обращения к накопленному опыту его изучения на основе достоверных источников и разносторонних подходов к ним. Это в значительной мере относится к деятельности жандармской полицейской структуры, на которую была возложена обязанность по охране общественного порядка и обеспечению безопасности. Особый интерес для исследователей представляет изучение деятельности Курского жандармского полицейского отделения, которое входило в состав Московско-Курского жандармского полицейского управления (далее – ЖПУ ж. д.). С учетом экстерриториальности зона ответственности Курского отделения пролегла по территории Курской и Орловской губерний. По интенсивности грузовых перевозок Московско-Курская железная дорога занимала первое место в России. Лонгетюдный подход к изучению деятельности отделения с момента обнаружения сведений о самых первых делах, относящихся к деятельности отделения за 1869 г.¹ и до конца 1916 г., позволяет увидеть качественные изменения в направленности усилий, методах работы железнодорожных жандармов с учетом социально-политической обстановки в стране и обретения собственного опыта.

Значительный комплекс делопроизводственных документов, касающихся деятельности Курского жандармского полицейского отделения, находится в фондах государственного архива Курской области (ГАКО). На

основе архивных материалов ряд исследователей [1] в той или иной степени рассматривает сферу полномочий и характер работы губернских силовых ведомств. Относительно железнодорожных жандармов эти материалы использовались фрагментарно. Сфера деятельности жандармской железнодорожной полиции на территории Курской губернии специально не изучалась. Вместе с тем анализ описи архивных дел, хранящихся в фондах ГАКО с 1869 по 1916 г., показывает и латентные возможности для изучения всесторонней деятельности железнодорожных жандармских подразделений.

Имеющаяся опись содержит названия 2118 дел. На основе указаний о наличии дел нами подсчитано, что сохранность дел в фонде Курского жандармского отделения составляет 42 %². Значительная часть материалов (58 %) уничтожена по разным обстоятельствам: в связи с истечением сроков хранения дел в установленном порядке, в результате ликвидации жандармских полицейских подразделений после Февральской революции 1917 г., а также иных объективных причин, связанных с архивным делопроизводством. С учетом утери значительной части материалов исследователи сталкиваются с определенными трудностями при изучении механизмов работы жандармских полицейских отделений как основного звена в структуре железнодорожной жандармерии.

Использованный нами структурный анализ наименований всех 2118 дел, бывших в

¹ ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Подсчитано на основании ГАКО. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 1.

фондах ГАКО, позволяет восполнить ретроспективную оценку деятельности Курских железнодорожных жандармов.

По институциональному критерию дела, указанные в описи, представляют собой приказы и указания, донесения, журналы учета ведомости, переписку, рапорты, руководства для оказания практической помощи и т. д. Подтверждается вывод исследователей о том, что после 16 марта 1867 г. «жандармская железнодорожная полиция оформилась в самостоятельный институт обеспечения правопорядка на железнодорожном транспорте» [2, с. 8]. Полученные результаты показывают, что общеполицейские функции нашли отражение в 38,5 % наименований дел. Из изученных нами архивных материалов следует, что уже в первые десятилетия функционирования железнодорожного жандармского ведомства деятельность ЖПУ ж. д. носила обеспечивающий для железнодорожного транспорта характер [3, с. 39]. В жандармском делопроизводстве имелись дела о возведении частных построек на недопустимом расстоянии от границ полосы отчуждения под железные дороги³, строительстве подъездных путей⁴, пожарах⁵, переходах через железную дорогу бродячего скота⁶, об увечьях, ушибах⁷, телесных повреждениях по собственной неосторожности⁸, убийствах⁹, самоубийствах¹⁰ и т. д. Из этих материалов видно, как железнодорожные жандармы приучали жителей российской провинции жить по-новому. Железная дорога Москва–Курск протянулась на 512,5 версты (536,7 км) [4, с. 133] от Москвы до Курска через множество населенных пунктов. Станции, железнодорожные пути, вагоны включались в повседневный быт, превращались в обыденность. Совместно с Министерством путей сообщения жандармы усилили меры по упорядочению поведения пассажиров и персонала железной дороги в поездах и на вокзалах (дела о нарушениях полицейских правил, установленных Общим уставом Российских железных дорог, о нарушении устава о питейных

заведениях вблизи дороги, о штрафах за безбилетный проезд и провоз безбилетников железнодорожными служащими и т. д.). «Порядок» и «благочиние» становились символами железной дороги, изменялись стереотипы поведения людей.

Значительное число наименований дел, использовавшихся в Курском отделении, отражают степень внимания жандармских железнодорожных полицейских к внешнему порядку¹¹, проступку против благочиния¹², нарушению семейных прав¹³, проступку против общности вообще¹⁴.

Наименование дел на значительном временном отрезке отражает рост мобильности всех слоев населения (дела о нарушениях паспортного Устава¹⁵, задержании за «безписьменность»¹⁶, перевозке переселенцев¹⁷, найденных письменных видах¹⁸ и т. д.). Рост мобильности населения на железной дороге обусловил внимание жандармов к санитарно-гигиеническому состоянию вагонов, станций (ветеринарному надзору¹⁹, особенно в период эпидемий холеры²⁰ (дела по санитарной части)).

Вокзалы, станции становились точками притяжения для местного населения, местами заработка путем незаконной торговли (дела о нарушениях акцизного Устава²¹, задержании за нетрезвость²², контрактах с буфетосодержателями²³ и т. д.). Железная дорога привлекала к себе уголовные элементы, становилась убежищем и пристанищем криминальных слоев (дела о грабежах, кражах, мошенничестве, фальшивомонетчиках²⁴ составляли 5 % всего делопроизводства отделения и соответственно 12 % дел общеполицейской направленности). Поддержание правопорядка и законности с самого начала функционирования отделения составляло

³ ГАКО. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 25об.

⁵ Там же. Л. 3об.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 20об.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 8об.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Там же. Л. 33.

¹³ Там же. Л. 33об.

¹⁴ Там же. Л. 115об.

¹⁵ Там же. Л. 76.

¹⁶ Там же. Л. 87об.

¹⁷ Там же. Л. 70об.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Там же. Л. 44об.

²⁰ Там же. Л. 78.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 102.

²³ Там же. Л. 89.

²⁴ Там же. Л. 6об.

основное содержание деятельности жандармских полицейских.

О разрушении патриархальности повседневной жизни, росте предпринимательской активности свидетельствуют дела о перевозке по железной дороге сельскохозяйственной продукции, в том числе скота (дела о павшем скоте и недоброкачественном грузе, уничтожении испортившегося груза²⁵ и т. д.). Такие дела были характерны для первых лет деятельности отделения, когда нужно было приучить перевозчиков и отправителей к новым требованиям и реалиям железнодорожного комплекса. Стальные магистрали создавали новую социально-культурную инфраструктуру в провинциальной глубинке. Делопроизводство отражает внимание жандармов к спектаклям, увеселениям, газетной и книжной торговле²⁶, объявлениям на станциях²⁷. Одновременно по наименованиям дел можно проследить, как вокзалы, станции становились местами сосредоточения средств массовой информации.

В числе общеполицейских функций значительное место занимала деятельность по обеспечению безопасности движения²⁸ (8 % всех наименований дел связаны с выполнением этой задачи). 62 дела связаны с предупреждениями нарушений правил технической эксплуатации²⁹, разбором случаев крушений³⁰, сходов³¹, столкновений³², разрывов³³, остановок поездов³⁴ с учетом высокой аварийности на железных дорогах [5].

Специальные функции железнодорожных жандармов отражали их деятельность как воинской части, связанную с противодействием террору, забастовкам, агентурной работой. Наименование дел этой категории составляет 29 % (620 наименований). Их количество нарастало с начала XX века. Одновременно увеличивалось и количество дел с грифом «секретно». В целом, к секретным относились 20 % дел, к общим – 70 %, не определен гриф у 10 % дел.

²⁵ ГАКО. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

²⁶ Там же. Л. 17об.

²⁷ Там же. Л. 21об.

²⁸ Там же. Л. 30.

²⁹ Там же. Л. 82.

³⁰ Там же. Л. 97об.

³¹ Там же. Л. 102об.

³² Там же. Л. 114.

³³ Там же. Л. 9.

³⁴ Там же. Л. 11об.

Примерами являются дела с материалами к руководству с программами, уставами и тактиками революционных партий по предупреждению беспорядков и методах борьбы с забастовками³⁵, об охране императорских и литерных поездов³⁶, о принятии мер к недопущению железнодорожных забастовок³⁷, производстве дознаний и обысков по политическим преступлениям³⁸, наблюдении за нелегальной литературой³⁹, оборотом оружия⁴⁰, распространении воззваний противоправительственного содержания среди рабочих и мастеров Московско-Курской железной дороги (в районе Курского отделения преимущественно с 1901 г.)⁴¹, руководстве по введению чрезвычайной охраны⁴² и т. д. В делопроизводстве отразилось участие Курских железнодорожных жандармов в эвакуации раненых и больных⁴³, перевозке беженцев⁴⁴, военнопленных⁴⁵ в ходе Первой мировой войны.

В связи с появлением в структуре жандармских железнодорожных отделений секретной агентуры в делопроизводстве Курского жандармского полицейского отделения с 1908 г. стали появляться дела с агентурными сведениями⁴⁶, секретными ключами и шифрами⁴⁷, а также 7 дел «О неприеме секретных сотрудников на службу как не заслуживающих никакого доверия»⁴⁸.

Можно выделить и отдельную группу дел, связанных с наблюдением за железнодорожными мастерскими и депо⁴⁹, о лицах, состоящих под надзором полиции⁵⁰, проживающих в полосе отчуждения⁵¹, со справками о благонадежности лиц, служащих на Московско-Курской железной дороге⁵². Отдельный массив представляют дела с алфавитными

³⁵ Там же. Л. 99об.

³⁶ Там же. Л. 15об.

³⁷ Там же. Л. 91.

³⁸ Там же. Л. 104.

³⁹ Там же. Л. 108.

⁴⁰ Там же. Л. 100.

⁴¹ Там же. Л. 43об.

⁴² Там же. Л. 117.

⁴³ Там же. Л. 114.

⁴⁴ Там же. Л. 116.

⁴⁵ Там же. Л. 114.

⁴⁶ Там же. Л. 80.

⁴⁷ Там же. Л. 80об.

⁴⁸ Там же. Л. 117об.

⁴⁹ Там же. Л. 28об.

⁵⁰ Там же. Л. 19об.

⁵¹ Там же. Л. 14.

⁵² Там же. Л. 13.

ми книгами для записи служащих на железной дороге, а также дела о прибытии и убытии агентов дороги⁵³. С 1893 г. отмечен рост объемов дел, отражавших надзор железнодорожных жандармов за служащими дорог.

Структурный анализ дел, образовавшихся в ходе делопроизводства в Курском жандармском полицейском отделении, позволяет проследить порядок организации службы жандармов, определить приоритетные направления их деятельности. По критерию «строевая служба» выделено 333 дела (15,7 %). В них отражены прибытие, убытие, переводы, командирования, привлечение запасных унтер-офицеров, желавших служить в Отдельном корпусе жандармов, а также смерти, браки, рождения, крещения и смерти детей унтер-офицеров⁵⁴. Отдельно велись дела о практических занятиях по стрельбе⁵⁵, об отличиях жандармов по службе⁵⁶, о спасении погибавших⁵⁷, человеколюбивых подвигах нижних чинов и агентов дороги⁵⁸. Ежегодно на хранение сдавались дела об осмотре унтер-офицерами своих участков⁵⁹, о жалобах на нижних чинов и наложенных взысканиях⁶⁰. Следует отметить немногочисленность дел о неисполнении требований жандармов и об оскорблении их⁶¹, что говорит о высоком статусе и авторитете представителей этой службы.

Перечень дел показывает огромный объем канцелярской работы в отделении, входящих и исходящих дел, включая приказы, руководства, циркуляры по корпусу жандармов, Московскому ЖПУ ж. д. и приказания по Курскому отделению⁶². Велась переписка по военному ведомству⁶³, городскими судьями и земскими начальниками⁶⁴, мировыми⁶⁵ и окружными судами⁶⁶, вплоть до дел о взы-

скании канцелярских пошлин за выдачу копий протоколов⁶⁷.

При изучении наименований дел типового отделения ЖПУ ж. д. можно увидеть, что в реализации общеполлицейских функций жандармы нередко подменяли железнодорожные власти в решении административных вопросов (дела о жалобах в станционных книгах, о дополнительном сборе за безбилетный проезд), выступали в роли третейских судей в делах о жалобах и претензиях служащих на администрацию дороги, об оскорблении должностных лиц и служащих дороги. Таким образом, весь перечень дел отражает принадлежность жандармских полицейских железных дорог, с одной стороны, к военному ведомству, с другой – к правоохранительной системе.

Полученные результаты исследования наименований дел Курского отделения коррелируются с выводом, сделанным на основе изучения «Справочной книги для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог. По жандармской полицейской части. Общие обязанности жандармской железнодорожной полиции» [6], которая была составлена Л.А. Тимофеевым в 1908 г. и переиздавалась в 1912 г. [7]. Особенности использования математико-статистического и количественного методов анализа применительно к указанному историческому источнику [8] подробно раскрыты в нашей статье под названием «К вопросу об источниках изучения деятельности жандармской железнодорожной полиции (по материалам «Справочной книги для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог»». Здесь же приведем лишь основные результаты о степени значимости различных направлений деятельности жандармских полицейских подразделений железных дорог и их удельном весе в структуре общих обязанностей жандармских полицейских подразделений (управлений и отделений железных дорог).

Так, к организационной стороне службы было отнесено 17 % от общего массива документов, а удельный вес по функциональным обязанностям был распределен следующим образом.

23 % функций относились к сфере охраны общественного порядка и спокойствия на железных дорогах, а именно: 12 % – соблю-

⁵³ ГАКО. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 50об.

⁵⁴ Там же. Л. 33об.

⁵⁵ Там же. Л. 5об.

⁵⁶ Там же. Л. 40.

⁵⁷ Там же. Л. 65об.

⁵⁸ Там же. Л. 72об.

⁵⁹ Там же. Л. 92.

⁶⁰ Там же. Л. 98об.

⁶¹ Там же. Л. 5.

⁶² Там же. Л. 7об.

⁶³ Там же. Л. 36.

⁶⁴ Там же. Л. 92об.

⁶⁵ Там же. Л. 115.

⁶⁶ Там же. Л. 110об.

⁶⁷ Там же. Л. 103.

дению порядка на пассажирских и товарных станциях; 3 % – наблюдению за порядком в станционном районе и на участке; 2 % – наблюдению за порядком в поездах; 1 % – наблюдению за исполнением закона об охоте в отдельных губерниях; 5 % иным сторонам деятельности.

18 % функций относились к мерам реагирования на происшествия, имевшие значительный общественный резонанс, или, как выразился Л.А. Тимофеев, «более важные или более частые на железной дороге». Среди них 6 % было уделено мерам по преступлениям против чужой собственности; 5 % – происшествиям с поездами в пути и на станциях; 3 % – смертным случаям, по 1 % – действиям при причинении вреда здоровью человека, происшествиям с поездами, оскорблению железнодорожных служащих, пожарам.

18 % функциональных обязанностей относились к борьбе с преступными посягательствами на грузы (деятельности по коммерческим протоколам железной дороги) и выявлению правонарушений в сфере пассажирских перевозок.

7 % уделялось проведению мероприятий, вызванных социально-политической обстановкой в стране, в том числе 2 % – контролю за соблюдением правил об обществах, союзах и собраниях; по 2 % – чрезвычайным мерам охраны на железных дорогах и борьбе с

забастовками; 1 % – контролю за оборотом оружия.

7 % уделялось оказанию содействия жандармской полицией чинам разных ведомств, в том числе 2 % – перевозкам переселенцев; 2 % – конвоированию арестантов; по 1 % – чинам акцизных ведомств, перевозке почты, таможенным чинам и корпусу пограничной стражи, чинам государственного контроля, чинам судебного ведомства и т. д.

По 5 % от всего спектра задач уделялось паспортному режиму и правилам регистрации служащих на железных дорогах и надзору за санитарным состоянием на железных дорогах.

Анализ перечня дел Курского жандармского полицейского отделения показал, что ведущее место в их деятельности принадлежало общеполцейским функциям. По характеру своей деятельности жандармские железнодорожные полицейские были призваны в первую очередь обеспечивать «порядок» и «благочиние» на Российских железных дорогах. Лонгитюдный подход позволил увидеть в динамике содержательную практику деятельности жандармских полицейских железных дорог, определить субъектов системы внутренних и внешних взаимоотношений, проследить, как с приходом железной дороги менялась жизнь простого человека и менялся сам человек.

Список источников

1. Салтык Г.А., Горлова Н.И., Главинская С.Н., Белобородова А.А. Полиция Курской губернии: история становления и деятельности (1864–1917). Курск: Изд-во КГУ, 2007. 319 с.
2. Амельчаков И.Ф., Александров А.Н., Дергилева С.Ю. Становление и развитие транспортной полиции России в XVIII – начале XX веков // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 6-10.
3. Пуятин В.Д. Становление и развитие органов внутренних дел на транспорте в дореволюционной России (начало) // Транспортное право. 2006. № 4. С. 37-43.
4. Манжосов А.Н. Из истории строительства железной дороги Москва–Курск // Вопросы истории и краеведения: материалы 2 межрегион. историко-краеведческих чтений, посвящ. памяти канд. ист. наук Л.А. Медведской. Курск, 1999. С. 133-135.
5. Казаков А.А. Аварии на стальных магистралях. Кто виноват? М.: Транспорт, 1993. 110 с.
6. Тимофеев Л.А. Справочная книга для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог. По жандармско-полицейской части. Общие обязанности жандармской железнодорожной полиции. Спб.: Типография Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1908. 1238 с.
7. Тимофеев Л.А. Обязанности жандармской железнодорожной полиции: По жандармско-полицейской части. Спб.: Типография Министерства внутренних дел, 1912. 1195 с.
8. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 440 с.

References

1. Saltyk G.A., Gorlova N.I., Glavinskaya S.N., Beloborodova A.A. *Politsiya Kurskoy gubernii: istoriya stanovleniya i deyatelnosti (1864–1917)* [The Police of the Kursk Governorate: the History of Formation and Activity (1864–1917)]. Kursk, Kursk State University Publ., 2007, 319 p. (In Russian).
2. Amelchakov I.F., Aleksandrov A.N., Dergileva S.Y. Stanovleniye i razvitiye transportnoy politzii Rossii v XVIII – nachale XX vekov [Formation and development of the transport police of Russia in the 18th – early 20th centuries]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatelnosti – Problems of Law Enforcement*, 2016, no. 3, pp. 6-10. (In Russian).
3. Putyatin V.D. Stanovleniye i razvitiye organov vnutrennikh del na transporte v dorevolyutsionnoy Rossii (nachalo) [Formation and development of internal affairs bodies in transport in pre-revolutionary Russia (beginning)]. *Transportnoye pravo – Transport Law*, 2006, no. 4, pp. 37-43. (In Russian).
4. Manzhosov A.N. Iz istorii stroitel'stva zheleznoy dorogi Moskva–Kursk [From the history of the construction of the Moscow–Kursk railway]. *Materialy 2 mezhhregional'nykh istoriko-krayevedcheskikh chteniy, posvyashchennykh pamyati kandidata istoricheskikh nauk L.A. Medvedskoy «Voprosy istorii i krayevedeniya»* [Materials of 2 Interregional Historical and Local History Readings Dedicated to the Memory of the Candidate of History L.A. Medvedskaya “Issues of History and Local History”]. Kursk, 1999, pp. 133-135. (In Russian).
5. Kazakov A.A. *Avarii na stal'nykh magistralyakh. Kto vinovat?* [Accidents on Steel Lines. Who is Guilty?]. Moscow, Transport Publ., 1993, 110 p. (In Russian).
6. Timofeyev L.A. *Spravochnaya kniga dlya chinov zhandarmских politseyskikh upravleniy zheleznykh dorog. Po zhandarmsko-politseyskoy chasti. Obshchiye obyazannosti zhandarmской zheleznodorozhnoy politzii* [Reference Book for the Ranks of the Gendarme Police Departments of Railways. On Gendarme Police Station. General Duties of Gendarme Railway Police]. St. Petersburg, Typography of the Headquarters of the Separate Corps of Gendarmes, 1908, 1238 p. (In Russian).
7. Timofeyev L.A. *Obyazannosti zhandarmской zheleznodorozhnoy politzii: Po zhandarmsko-politseyskoy chasti* [Responsibilities of the Gendarme Railway Police for the Gendarme Police Unit]. St. Petersburg, Typography of the Ministry of Internal Affairs, 1912, 1195 p. (In Russian).
8. Kovalchenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 440 p. (In Russian).

Информация об авторе

Петрыкин Николай Николаевич, преподаватель. Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина. E-mail: npetrykin@mvd.ru

Вклад в статью: анализ данных, статистическая обработка данных, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1441-6974>

Поступила в редакцию 15.11.2018 г.

Отрецензирована 24.12.2018 г.

Принята в печать 30.01.2019 г.

Information about the author

Nikolay N. Petrykin, Lecturer. Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation. E-mail: npetrykin@mvd.ru

Contribution: data analysis, statistical data processing, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1441-6974>

Received 15 November 2018

Reviewed 24 December 2018

Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-166-172
УДК 93/94

Делопроизводство вотчинных контор помещичьих хозяйств России второй половины XIX – начала XX века: состав документации

Руслан Магомедович ЖИТИН¹, Алексей Геннадьевич ТОПИЛЬСКИЙ²

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, e-mail: istorik08@mail.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, e-mail: a-topil@yandex.ru

Patrimonial bureaus procedures of the landlord farms in Russia during the second half of the 19th – early 20th century: the documentation structure

Ruslan M. ZHITIN¹, Aleksey G. TOPILSKIY²

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>, e-mail: istorik08@mail.ru

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>, e-mail: a-topil@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается как в недостаточной разработке в отечественной историографии проблемы делопроизводства в помещичьих хозяйствах, так и в необходимости рассмотрения особенностей крупного рыночного хозяйства с возможностью обращения к опыту прошлого. Проанализирован состав вотчинной документации помещичьих имений второй половины XIX – начала XX века. Дана характеристика мнений ряда исследователей данной проблемы. Разработаны законодательные аспекты Российской империи, регулировавшие делопроизводство в помещичьих хозяйствах. Выявлены особенности итальянской формы двойной бухгалтерии, особенности документирования информации промышленными объединениями помещиков. Установлено, что все (без исключения) записи в документах шли на основании положений, указов о приходе и расходе денежных средств, объявлений, доверенностей, деклараций, записок, прошений, уведомлений и т. п. Приведен порядок трудоустройства (со стороны нанимаемых) и привлечения работников на производство (со стороны нанимателей) во владельческие хозяйства, охарактеризованы процессы, влиявшие на их экономическое развитие. На основании отложившихся материалов появляется возможность комплексного анализа торговых и компаративных связей помещиков, изучения основных этапов и результатов модернизации комплексов, выявления сроков амортизации затрат предпринимателя.

Ключевые слова: документооборот; вотчинная контора; помещичье хозяйство; исторические источники

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-49-680004\18).

Для цитирования: Житин Р.М., Топильский А.Г. Делопроизводство вотчинных контор помещичьих хозяйств России второй половины XIX – начала XX века: состав документации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 166-172. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-166-172

Abstract. The relevance of the study lies in the insufficient development in the domestic historiography of the problem of patrimonial bureau procedures in landlords farms, and the need to consider the features of a large market economy with the possibility of referring to the experience of the past. We analyze the composition of patrimonial documentation of landlord's estates of the

second half of the 19th – early 20th century. The characteristic of opinions of some researchers of this problem is given. The legislative aspects of the Russian Empire regulating paperwork in landowner farms are developed. We highlight the features of the Italian form of double-entry book-keeping, features of the information documentation by industrial associations of landlords. It is established that all (without exception) entries in the documents were based on the provisions of the ordinances of income and cash flow, announcements, powers of attorney, declarations, briefs, petitions, notifications, etc. We present the order of employment (from employees' side) and the involvement of employees in manufacturing (from employers' side) at the owners' farm, we also characterize the processes that affect their economic development. On the basis of the deposited materials there is a possibility of the complex analysis of trade and comparative communications of landowners, studying the main stages and results of modernization of complexes, identification of terms of depreciation of the businessmen's expenses.

Keywords: document management; patrimonial bureau; landlord farm; historical sources

Acknowledgements: The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, grant no. 18-49-680004\18.

For citation: Zhitin R.M., Topil'skiy A.G. Deloproizvodstvo votchinnykh kontor pomeshchich'ikh khozyaystv Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: sostav dokumentatsii [Patrimonial bureaus procedures of the landlord farms in Russia during the second half of the 19th – early 20th century: the documentation structure]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 166-172. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-166-172 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Огромные комплексы делопроизводственной документации вотчинных контор пореформенных имений практически не введены в научный оборот. Источниковедческая разработка данных материалов осложняется огромным количеством разнообразной, плохо структурируемой информации с дублированием одних и тех же сведений в разных документах. Вместе с тем вотчинные архивы содержат уникальные материалы о структуре земельных угодий владельческих хозяйств, размере землевладения, системах полеводства, характеристиках наемных работников. По словам И.Д. Ковальченко с соавторами, речь идет об источнике данных как «о всей совокупности компонентов организации конкретных помещичьих хозяйств» [1, с. 32].

Как правило, управление собственностью в помещичьих хозяйствах подчинялось унифицированной схеме. В ее основе – система последовательного подчинения вотчинных контор начальникам главных контор (главноуправляющим), подотчетных непосредственно владельцам.

Формально правила, регулирующие администрирование в имениях, отсутствовали. Отдельные аспекты документирования информации содержались в «Своде Уставов Счетных» (Т. 8. Ч. 2. Свода законов Российской империи), однако, они предназначались в первую очередь для регламентирования делопроизводства коронных учреждений и носили

для частных имений лишь рекомендательный характер¹. Во многом нормы документирования информации определялись традицией конкретных имений, зависели от желаний, привычек и возможностей владельцев.

В тамбовском имении Строгоновых «деятельность всей администрации определяется планом, <...> который составляется на целый год и утверждается владельцем. План включал: <...> распределение земли, ремонт строений, постройку их и покупку машин, общий штат служащих, предположение о продаже произведений хозяйства и денежную роспись всех доходов и расходов или бюджета хозяйства <...> планы отнюдь не стесняют деятельности хозяина и по обстоятельствам изменяются им» [2, с. 4].

Особенно активно на процесс модернизации администрирования имения влияла модернизация производства. В пореформенное время помещики расширяют потенциал своих экономий за счет строительства перерабатывающих предприятий, повышения технико-технологического уровня работы, включения в штаты имений новых специалистов [3]. Естественно, что такие перемены не могли быть возможны без внедрения более качественных систем документирования информации.

¹ Свод законов Российской империи. Том восьмой. Часть 2. Уставы счетные. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 752 с.

Основой счетоводства в пореформенное время являлась система двойной (итальянской) бухгалтерии [4]. Ее особенность – внедрение систематического учета всех платежей путем дублирования финансовых записей. При таком подходе каждая операция заносилась не единожды, а дважды, по двум счетам: «дебет» (доход) одного счета и в «кредит» (расход) – другого. При этом на каждый платеж заводился отдельный счет (например, счет товаров – для учета движения товаров, счет имущества – для учета движения имущества и т. д.). Между счетами устанавливалась корреспондирующая связь, то есть определяли, с какими тратами связана конкретная запись.

При итальянской системе бухгалтерского учета все записи велись в специализированных книгах, делившихся на два вида: «журнал» и «главная».

Главная книга содержала все виды операций в систематической последовательности по дебету и кредиту корреспондирующих счетов. Для подготовки книги требовались анализ трат и разнесение суммы оборота по соответствующим операциям. Источником для подобной работы являлся журнал, представлявший хронологический порядок платежей по времени их свершения с указанием дат и сумм.

На основании записей в главной книге и журнале готовился баланс. Баланс составлялся в виде таблицы, в которой слева отражались статьи актива (отражается состав и размещение средств), а справа – пассива (показываются источники образования средств). Для подготовки документа использовались данные из главной книги (сальдо) на текущую дату. Остатки по всем бухгалтерским счетам заносились в разряд активных и пассивных.

Балансы являются не только важным средством учета, но и ценными историческими источниками для изучения хозяйственной деятельности имений. По таким записям можно понять характер экономической активности помещичьего комплекса, степень его рентабельности, обеспеченности модернизационной политикой.

Законодательство определяло правильность ведения и других бухгалтерских документов, прежде всего, учетных и счетных книг.

Учетные книги подразделялись на две категории. В первую включались приходо-расходные, предназначенные для учета финансового и материального капитала, то есть денежных средств и основного и оборотного фондов. Вторая категория включала неофициально называвшиеся «бухгалтерские», а официально – расчетные. Все перечисленные книги имели строго установленную форму, в которую включались определенные графы.

Существовали определенные правила заполнения бухгалтерских книг. По ним полагалось записывать каждую статью под новым номером, при этом подсчитывать итоги под каждой страницей, и осуществлялся так называемый «транспорт» (то есть перенос итога с предыдущей на новую страницу) [5].

Все (без исключения) записи в документах шли на основании положений, указов о приходе и расходе денежных средств, объявлений, доверенностей, деклараций, записок, прошений, уведомлений и т. д.

Следует отметить, что и производственная отчетность, и оправдательные документы строго фиксировались. Кроме того, на них проставлялся номер статьи книги, где они были записаны. В указанные формы включались доходы и расходы предприятия, отчетность управляющей конторы перед собственниками, материалы по исполненным заказам (предмет заказа, срок реализации, день передачи товара).

Особый интерес представляют алфавиты поставщиков продукции для владельцев. Все договоры с фирмами производителями и покупателями тщательно сохранялись. На их основе подготавливалась особая картотека с указанием наименований заказов, счетами и фактурами (указывался вес, размер, количество, место назначения условия и размер платежа).

Значимое место в алфавитных книгах занимали самоотзывы клиентов, рекомендации, рекламные буклеты, вырезки из специальных газет и журналов. Для ряда экономий (например, конторы Ново-Покровского имения Орлова-Давыдова в Тамбовской губернии)² в картотеках отложился достаточно большой объем информации, хронологически охватывающий несколько лет без сколько-нибудь существенных перерывов. Прово-

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 195. Оп. 1. Д. 248-267.

димаая владельцем модернизация обусловила постоянные обращения управляющего к подобной информации, ее пополнение новыми данными.

Периодически возникающая подготовка финансовых отчетов являлась обязательным условием работы вотчинных контор. Помещики обязывали своих подчиненных представлять месячные и годовые отчеты, составляемые на основании первичных финансовых документов. В отчетах должны были показываться приходы и расходы, остатки и долги капиталов. Объем работ, выполняемый служащими неторных имений, был высок. Переписка управляющего Ново-Покровского поместья Орловых-Давыдовых с Главной конторой содержит просьбы о привлечении в штат служащих дополнительных работников, компетентных в работе с бумагами и отчетами. Как доказательство важности подобных просьб, И.Г. Печаткин обычно утверждал, что команда из трех человек «вынуждена была работать круглый год по 12 часов в день» и только ради того, чтобы заполнить всех отчеты и бумаги для Главной конторы [6].

Важная часть работ администрации экономий – привлечение работников на производство. Характер отношений между рабочими и владельцами определялся Положением о найме на сельские работы от 12 июня 1886 г.³ Помещик мог предложить наймиту словесный и письменный договор (ст. 12, 13). Устные соглашения по желанию сторон могли подписываться в полиции или волостном правлении (ст. 15). В случае с наймом по договору составлялся расчетный лист, в который вносилась информация о выданных деньгах, вещах или припасах, а также вычетах и штрафах.

Вступать в трудовые отношения могли как отдельными рабочими, так и целые артели (ст. 7). Запрещалось привлекать в имение специалистов, не имевших видов на жительство, а также несовершеннолетних и замужних женщин без согласия родителей (опекунов) и мужей. Исключения составляли лишь местные жители, которые могли отлучаться от постоянного места проживания без паспортов и билетов (ст. 8, 9).

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 6. Спб.: Государственная типография, 1888. № 3803.

Расширение производственной базы имений предполагало внедрение новых форм хозяйствования. В начале XX века владельцы стали активно развивать акционерные формы производства. Данный вид деятельности – весьма специфическая форма экономической активности помещиков. Она практиковалась у наиболее крупных владельцев с целью привлечения капитала в бюджет. Часть новых образований так и оставалась в составе акционерных обществ, часть переходила процедуру разакционирования.

Основным типом организации совместных хозяйств в дореволюционной России являлись акционерные общества (АО) или товарищества на паях [7, с. 30]. Главным органом деятельности каждого общества было общее собрание его членов. В период между собраниями деятельность объединения подчинялась правлению, выбираемому из числа акционеров. Законодательство полностью регламентировало нормы документирования деятельности общества.

Переписка по операциям составляла особую категорию материалов в документации акционерных предприятий. Причем в каждом отдельно взятом имении формировался уникальный состав документов, входивших в состав так называемого досье. Справочный отдел специализировался на целенаправленном сборе информации как о вкладчиках, так и о заимодавцах. Написанные самими клиентами характеристики, полученные от других учреждений и лиц сведения, материалы прессы – все это составляло основной массив получения данных.

Промышленные объединения имели иную структуру делопроизводства: в них особую роль играли материалы, устанавливающие порядок реализации готовой продукции, а также выполнения заказов. В книге правления (на предприятие именно через правление поступала большая часть заказов) указывались день передачи заказа, наименование товара, тип заказчика (физическое либо юридическое лицо), а также срок исполнения заказа. Велись книги заказов и в управлении заводов – причем, как правило, для отдельных цехов, для каждой номенклатуры изделий, для местных, иногородних и заграничных вкладчиков и кредиторов. Благодаря указанным характеристикам имеется возможность проследить все этапы выполне-

ния заказа от момента заключения контракта до его исполнения.

Наиболее объемную массу документов компаний отражают положение наемных работников на производствах и их имагология с владельцами. По трудовому законодательству, каждый рабочий в течение семи дней после принятия на должность должен был получить расчетную книжку государственного образца. В документе фиксировались личные данные работника (фамилия, имя, отчество, дата рождения), условия прихода на производство (срок, характер работы, размер и условия заработной платы), существующие вычеты (плата за питания, жилье), отметки о денежных штрафах с указанием причины наложения. Помимо этого, каждая трудовая книжка содержала в себе выдержки из свода законов, определяющих права, обязанности и ответственность рабочих [5].

Каждая расчетная книжка, выдаваемая в конторе, хранилась у работника и только после его увольнения с места службы передавалась в архив. Одновременно рабочее законодательство предписывало вести книгу счетов рабочих, куда вносились данные выданных заработных плат, и именной список (или паспортную книгу), где фиксировались место жительства и возраст служащего.

Дальнейшему расширению прав работников способствовали «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности», принятые Государственной думой Российской империи 2 июня 1903 г. Все телесные повреждения, полученные на производстве, подлежали фиксации. Указывались имя, отчество и должность потерпевшего, обстоятельства получения травмы⁴.

Пострадавшие от несчастных случаев получали половину (50 %) годовой заработной платы при временной потере трудоспособности. Если несчастные случаи вели к постоянной потере трудоспособности, то потерпевший получал 2/3 (66,6 %) годовой заработной платы. В случае же гибели пострадавшего

(как взрослого, так и подростка) на похороны семье выделялось пособие в 30 руб. Кроме того, некоторую компенсацию получали вдова (или же вдовец), а также бывшие на иждивении погибшего члены семьи (ст. 5, 6, 11, 26).

Начало выплаты компенсации пострадавшему от несчастного случая велось со дня признания частичной трудоспособности (то есть с ее восстановления) или со дня признания постоянной утраты трудоспособности. Если же владелец отказывался платить за полученное увечье, возможность начала рассмотрения по каждому отдельному делу составляла 2 года. При этом в ходе рассмотрения исков положенным образом устанавливался облегченный, льготный порядок судопроизводства с обеспечением функции арбитра фабричной инспекцией (ст. 31–36). В то же время необходимо отметить сложность и трудность получения пенсии. Об этом свидетельствует значительное число неудовлетворенных исков работников, хранящихся в соответствующих архивных фондах.

23 июня 1912 г. были приняты законы о страховании рабочих от несчастных случаев и об обеспечении рабочих на случай болезни⁵. По принятым нормативным актам полагалось принудительное объединение фабрично-заводских рабочих. Страхование предусматривалось лишь на заведениях с численностью не менее тридцати рабочих. Если же предприятия имели в своем оснащении двигатели или паровые котлы, то страхование обеспечивалось при наличии не менее двадцати работников. Как только при заведении организовывалась больничная касса (либо рабочие вступали в больничную кассу), его сотрудники в случае нетрудоспособности получали компенсацию за лечение. Предприниматель должен был осуществлять руководство делами кассы и распоряжаться ее средствами. Утверждение делопроизводства касс относилось к ведению местных губернаторов.

В конце XIX – начале XX века существенных изменений в документации бухгалтерского учета не произошло. Вместе с этим велись постоянные споры о трансформации

⁴ Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности от 2 июня 1903 г. Спб.: Тип. А. Бенке, 1903. 42 с.

⁵ Страховые законы 23 июня 1912 г.: Об обеспечении рабочих на случай болезни, о страховании рабочих от несчастных случаев, об учреждении присутствий по делам страхования рабочих и об учреждении Совета по делам страхования рабочих. Спб.: Соц. страхование, 1912. 76 с.

текущей модели учета помещичьих хозяйств. Площадкой для обсуждения новаторских идей для сельскохозяйственного учета являлся журнал «Счетоводство», публиковавшийся с 1884 по 1904 г. Руководитель журнала А.М. Вольф был сторонником двойной системы бухгалтерии. Саму науку об учете он рассматривал как «хозяйственный путь, по которому следовало вести данное предприятие, согласно с экономическими и юридическими требованиями» [6, с. 13].

Ему принадлежит уникальная классификация ценностей, которая определила характер имеющегося счетоводства: 1) ценности вещественные; 2) деньги; 3) ценности условные. Исходя из выделенного, он разделял все счета на имущественные, услуг и расчетов.

Последователем А.М. Вольфа был В.Д. Белов. В своих статьях он развивал теорию бухгалтерского учета. Прежде всего, он разграничивал инвентарь и баланс, считая, что баланс – это вывод из книг, а инвентарь – опись с натуры, с помощью которой можно уточнить баланс [8].

С.М. Барац выдвигал идею хронологической записи в делопроизводстве. В основу финансовой деятельности он ставил необходимостью иметь в одном месте счетную формулу хозяйственной операции, возможность быстрого наведения справок об операциях любого определенного дня и контроля систематической записи. Определенным

практическим достижением теории С.М. Бараца было введение понятия времени в систему учета многих имений, где связывались отчетный период и конкретные расходы владения [9].

Приход к власти большевиков и введение декрета «О земле» способствовали ликвидации собственности частных владельцев. В новых условиях часть делопроизводственных материалов была уничтожена, часть поступила в государственные архивы. В настоящее время имеющийся комплекс документов вотчинных контор находится как в региональных, так и в центральных архивохранилищах.

В целом, рассмотрение состава вотчинной документации помещичьих имений второй половины XIX – начала XX века показывает большое разнообразие имеющихся источников как по типу, так и по полноте представленной информации. Компаративное использование данных материалов может быть применимо для составления обобщенных выводов по социально-экономическим особенностям развития имений владельцев. На основании отложившихся материалов появляется возможность комплексного анализа торговых и компаративных связей помещиков, изучения основных этапов и результатов модернизации комплексов, выявления сроков амортизации затрат предпринимателя.

Список литературы

1. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М.: Наука, 1982. 264 с.
2. Величко И. Краткое описание имения графа Павла Сергеевича Строганова Тамбовской губ. и уезда, при с. Знаменское-Кариан. М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1892. 19 с.
3. Житин Р.М. Социальные характеристики административного аппарата Ново-Покровского имения графа А.В. Орлова-Давыдова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 200-207.
4. Галаган А.М. Новейшие итальянские формы двойной бухгалтерии: Логисмография и Статмография. М.: Тип. Д. Чернышев и Н. Кобельков, 1912. 156 с.
5. Делопроизводства в СССР / под ред. Я.З. Лившица, В.А. Цикулина. М., 1974. 171 с.
6. Вольф А.М. Значение счетоводства, развитие и построение совершенной системы бухгалтерии, пути и преграды к распространению счетоводства. Спб., 1891. 36 с.
7. Оленева А.Н. Этапы развития акционерных обществ в России // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 6. С. 29-38.
8. Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов / Высочайше утвержденная Постоянная Совесть Контора Железозаводчиков. Спб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1896. 179 с.
9. Барац С.М. Курс коммерческой корреспонденции. 2-е изд., перераб. и доп. Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 660 с.

References

1. Kovalchenko I.D., Selunskaya N.B., Litvakov B.M. *Sotsial'no-ekonomicheskiy stroy pomeshchich'yego khozyaystva Evropeyskoy Rossii v epokhu kapitalizma* [Socioeconomic System of Landlord Farms of European Russia in the Capitalism Epoch]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 264 p. (In Russian).
2. Velichko I. *Kratkoye opisaniye imeniya grafa Pavla Sergeevich Stroganova Tambovskoy gub. i uyezda, pri s. Znamenskoye-Karian* [Brief Description of Count Pavel Sergeevich Stroganov's Estate of Tambov Governorate and County, in the Village Znamenskoe-Karian]. Moscow, Tipo-litography of the Partnership I.N. Kushnerev i Ko, 1892, 19 p. (In Russian).
3. Zhitin R.M. Sotsial'nyye kharakteristiki administrativnogo apparata Novo-Pokrovskogo imeniya grafa A.V. Orlova-Davydova [Social characteristics of administrative facilities of the Novo-Pokrovskoe estate of the count A.V. Orlov-Davydov]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and Economic Phenomena and Processes*, 2014, vol. 9, no. 11, pp. 200-207. (In Russian).
4. Galagan A.M. *Noveyshiye ital'yanskiye formy dvoynoy bukhgalterii: Logismografiya i Statmografiya* [The Newest Italian Methods of Double-Entry Bookkeeping: Logismography and Statmography]. Moscow, Typography of D. Chernyshev i N. Kobelkov, 1912, 156 p. (In Russian).
5. Livshits Y.Z., Tsikulin V.A. (eds.). *Deloproizvodstva v SSSR* [Paperwork in the USSR]. Moscow, 1974, 171 p. (In Russian).
6. Volf A.M. *Znachenkiye schetovodstva, razvitiye i postroyeniye sovershennoy sistemy bukhgalterii, puti i pregrady k rasprostraneniyyu schetovodstva* [The Value of Bookkeeping, the Development and Construction of a Perfect System of Accounting, the Ways and Obstacles on Them to the Spread of Accounting]. St. Petersburg, 1891, 36 p. (In Russian).
7. Oleneva A.N. Etapy razvitiya aktsionernykh obshchestv v Rossii [Stages of development of joint-stock companies in Russia]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law*, 2015, no. 6, pp. 29-38. (In Russian).
8. Belov V.D. *Istoricheskiy ocherk ural'skikh gornykh zavodov* [Historical Essay on the Ural Mining Plants]. St. Petersburg, Typography of Isidor Goldberg, 1896, 179 p. (In Russian).
9. Barats S.M. *Kurs kommercheskoy korrespondentsii. 2-e izd., pererab. i dop.* [Course of Commercial Correspondence. 2nd Updated Revised Ed.]. St. Petersburg, Typography of M.M. Stasyulevich, 1898, 660 p. (In Russian).

Информация об авторах

Житин Руслан Магомедович, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра фрактального моделирования социальных и политических процессов. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: istorik08@mail.ru

Вклад в статью: идея, статистический анализ, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: a-topil@yandex.ru

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Топильский Алексей Геннадьевич
E-mail: a-topil@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.11.2018 г.
Поступила после рецензирования 15.12.2018 г.
Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the authors

Ruslan M. Zhitin, Candidate of History, Research Worker of Fractal Modeling of Social and Political Processes Centre. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: istorik08@mail.ru

Contribution: idea, statistical analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6031-6088>

Aleksey G. Topilskiy, Candidate of History, Senior Lecturer of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: a-topil@yandex.ru

Contribution: source material acquisition, literature search and analysis.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9416-1312>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Aleksey G. Topilskiy
E-mail: a-topil@yandex.ru

Received 1 November 2018
Reviewed 15 December 2018
Accepted for press 30 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-173-185
УДК 94(47)+908(470.326)

Семьи высших слоев г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: социально-демографический аспект

Ольга Михайловна ЗАЙЦЕВА¹, Наталья Валерьевна СТРЕКАЛОВА²

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2194-6108>, e-mail: ozbars107@gmail.com

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9643-5644>, e-mail: strekalovanv@mail.ru

Tambov upper-class families in the late 19th – early 20th centuries: social and demographic aspect

Olga M. ZAYTSEVA¹, Nataliya V. STREKALOVA²

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2194-6108>, e-mail: ozbars107@gmail.com

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9643-5644>, e-mail: strekalovanv@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена решающей ролью семьи в формировании личности, воспроизводстве и развитии новых поколений, передаче им культурного и материального наследия. На основе разноплановых персонифицированных источников был проведен сравнительный анализ основных социально-демографических параметров семей высших слоев Тамбова в конце XIX – начале XX века. В соответствии с классификацией П. Ласлетта были выявлены и изучены типы семейной организации элиты Тамбова. Исследован поколенный состав, размер и число детей в семьях представителей данной социальной группы провинциального губернского центра. Рассмотрены проблемы соотношения мужчин и женщин – глав семей, проанализированы их возрастные характеристики. Изучены особенности семейной структуры и брачно-семейных отношений отдельных сословно-социальных групп, входивших в высшие слои Тамбова. Сделан вывод о том, что в 1890–1910-е гг. доминирующим типом семейной организации элиты Тамбова стала малая двухпоколенная семья. Шло постепенное сокращение средней людности семей высших слоев Тамбова и числа детей, проживавших в них. Однако в семьях провинциальной городской элиты по-прежнему сохранялись патриархальные внутрисемейные отношения, основанные на главенстве женатых мужчин.

Ключевые слова: семья; типология; городское население; высшие городские слои; Тамбов

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Городская семья и процессы социальной модернизации провинциального российского города в конце XVIII – начале XX в.: портрет на фоне эпохи (на материалах Тамбова)» № 17-11-68006-ОГН (ОГН-Р_ЦЕНТР-А).

Для цитирования: *Зайцева О.М., Стрекалова Н.В.* Семьи высших слоев г. Тамбова в конце XIX – начале XX века: социально-демографический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 173-185. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-173-185

Abstract. We actualize the role of a family in the process of becoming a person, reproduction and education of new generations, continuity of cultural and material heritage. We also analyze the main social and demographic parameters of Tambov upper-class families in the late 19th – early 20th centuries on the basis of diverse personalized sources. This allows identifying the types of upper-class family organization of Tambov in accordance with the classification of P. Laslett and studying the generational composition and number of children in the families of this social group in Russian provincial center. The study analyzes the sex ratio problem (heads of families and their

age characteristics) and considers the features of family structure and marital relations among different social groups of the higher strata of Tambov society. We conclude that the dominant type of upper-class family organization in Tambov is a small two-generation family in 1890–1910s. This causes a gradual reduction in the average population of upper-class families and their number of children. Nevertheless, the families of the provincial elite continued to maintain patriarchal inter-family relationships based on the primacy of married men.

Keywords: family; typology; urban population; upper-classes of the city; Tambov

Acknowledgements: The research is fulfilled under financial support of Russian Foundation for Basic Research, project “Urban Family and the Processes of Social Modernization of Provincial Russian Town in the Late 18th – Early 20th Century: the Portrait at the Background of the Epoch (Basing on the Materials of Tambov)” no. 17-11-68006-ОГН (ОГН-Р_ЦЕНТР-А).

For citation: Zaytseva O.M., Strekalova N.V. Sem'i vysshikh sloyev g. Tambova v kontse XIX – nachale XX veka: sotsial'no-demograficheskiy aspekt [Tambov upper-class families in the late 19th – early 20th centuries: social and demographic aspect]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 173-185. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-173-185 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Семья как одна из важнейших составляющих общества выполняет разнообразные функции, наиболее значимыми из которых являются воспроизводство, поддержание социального благосостояния новых поколений и передача им духовного и материального наследия.

Повышает актуальность историко-демографических исследований семьи наблюдающийся в настоящее время во многих развитых странах кризис института семьи, что, в свою очередь, оказывает существенное влияние на демографическую ситуацию в целом.

История семьи – одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной исторической науки. Проблемы семьи изучаются в рамках общих и специальных исследований применительно к отдельным регионам, населенным пунктам, хронологическим периодам, сословно-социальным группам. Значительное место в историко-демографических трудах занимают проблемы городской семьи в позднеимперский период [1–14]. Однако комплексных исследований, посвященных семье и семейным отношениям социальных групп, на формирование и функционирование которых в большей степени влияли не юридический, а экономический и общественно-политический факторы, практически нет.

Особый интерес в силу высокого статуса и воздействия на социально-экономическое и социокультурное развитие провинциального губернского города в пореформенное время вызывают семьи и семейные отношения представителей городской элиты [15].

Основными источниками при исследовании семей высших слоев г. Тамбов в предреволюционное двадцатилетие стали посемейные списки бывших податных слоев¹, списки купцов, объявлявших свои капиталы², и формулярные списки служащих³.

Посемейные списки 1890-х гг., составленные на основе опросов глав семей, позволяют выявить информацию о персональном, численном и половозрастном составе семей непривилегированных слоев населения (мещан, городских крестьян, военных низших чинов, переселенцев из западных губерний без определенного сословного статуса, бывших иностранных подданных) и о внутрисемейных связях.

В них фиксировались для лиц мужского пола: фамилия, имя, отчество, степень родства с главой семьи, возраст, указанный в последней ревизской сказке, возраст к моменту составления посемейного списка, дата рождения по метрике, отметки о прибытии и убытии (рождении или смерти, причислении к другому сословию/званию и др.), поступлении на действительную военную службу. Для лиц женского пола указывалась следующая информация: имя, отчество, степень родства с главой семьи, возраст к моменту

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205.

² Там же. Оп. 22. Д. 51; Оп. 45. Д. 209.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159, 917; Ф. 17. Оп. 44. Д. 13, 14, 16, 18; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 523, 529, 550, 563, 681, 684; Ф. 143. Оп. 1. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 9002, 9306, 9309, 9345.

составления посемейного списка и отметка о прибытии и убытии (рождении или смерти).

Посемейные списки, составленные Тамбовской городской управой в конце XIX столетия, продолжали использовать и в первые десятилетия XX века. В них вносились изменения, касающиеся «старых» семей, и записывались «новые». Списки содержат информацию по ряду семей элиты Тамбова.

Для исследования проблемы были привлечены списки купцов, объявивших свои капиталы (в работе использовались списки на 1895–1897 гг. и 1915 г.). Они содержат персонифицированные сведения о половозрастном составе семей и внутрисемейных связях купечества Тамбова. В них фиксировались изменения, происходившие в семьях в результате прибытия или убытия отдельных членов семьи (первое, в основном, – в результате рождения или женитьбы, второе – в результате замужества, смерти, изменения сословной принадлежности, окончания высшего учебного заведения, поступления на государственную гражданскую службу и др.). Но в отличие от посемейных в списках купцов практически отсутствует информация о прохождении военной службы и не отмечены даты рождения по метрике. И для мужчин, и для женщин указан лишь возраст на момент внесения семьи в соответствующий список.

Разноплановые сведения о служилой части населения Тамбова, в том числе и о представителях элиты, содержатся в формулярных списках служащих государственных учреждений и органов общественного и сословного управления губернского центра 1890–1910-х гг.

Стандартный формулярный список включал в себя сведения о фамилии, имени, отчестве, чине, должности, возрасте, вероисповедании, знаках отличия и жаловании служащего. Указывались данные о его социальном происхождении и имущественном положении. В источнике, как правило, присутствовала подробная информация об образовании и служебной карьере чиновника, его семейном положении, социальном происхождении и материальном положении жены, детей (с указанием дат рождения последних), вероисповедании жены и детей, их местонахождении в момент заполнения документа. Иногда вносилась информация о дате вступления в брак.

В результате изучения перечисленных выше документов были выявлены существенные, с точки зрения социально-демографического изучения семей, особенности каждого из них. В посемейных списках бывших податных слоев, как правило, указывался реальный состав семьи, члены которой входили в одно домохозяйство. В списки купцов, объявивших свои капиталы, вносились члены семьи, которые были записаны в одно гильдейское свидетельство, но не всегда проживали совместно. В формулярных списках о службе не фиксировалась информация о родственниках чиновника, не входивших в состав созданной им семьи, хотя они и могли проживать вместе с ним.

Для уточнения сведений указанных выше источников была использована дополнительная делопроизводственная документация государственных учреждений и органов местного самоуправления, материалы церковной статистики, источники личного происхождения, справочные материалы и др.⁴

Была проанализирована информация по 116 семьям тамбовской городской элиты за 1896 г. и 103 семьям представителей данной социальной группы за 1916 г. Выборка включает около 30 % семей, принадлежавших к элите Тамбова. Изучены семьи представителей разных сословно-социальных групп высших слоев губернского центра в предреволюционные десятилетия: купцов, мещан, чиновников и дворян.

В историко-демографической литературе представлены различные подходы к типологии и классификации семей. Отечественными и зарубежными исследователями, с учетом специфики отдельных регионов и социальных групп, используется классификация, разработанная в 1970-е гг. Кембриджской группой ученых под руководством П. Ласлетта совместно с Ю. Хэмелом [16–21].

Для исследования типологии семей тамбовской городской элиты конца XIX – начала XX века также была применена классификация П. Ласлетта.

Анализ внутренней структуры семей высших слоев губернского центра показал,

⁴ АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 518. Оп. 3. Д. 805; ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 11; Ф. 17. Оп. 27. Д. 3; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 118. Оп. 40. Д. 17; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8948; Ф. 272. Оп. 1. Д. 105; Ф. 1049. Оп. 1. Д. 5720, 6251, 6713, 6858, 7122, 8528; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139.

что в 1890-е гг. в рассматриваемой выборке преобладали малые нуклеарные семьи (тип 3 по классификации П. Ласлетта), удельный вес которых составил 76,8 % от числа изучаемых семей. Из них 56,1 % приходилось на супружеские пары с детьми (тип 3.2). Доля супружеских пар без детей (тип 3.1) в указанный период составляла 12,1 %, вдовцов с детьми (тип 3.3) – 4,3 %, вдов с детьми (тип 3.4) – 4,3 %⁵.

В 1910-е гг. малые нуклеарные семьи по-прежнему являлись наиболее распространенным типом семей тамбовской городской элиты. За двадцатилетний период их удельный вес увеличился на 4,6 % и составил 81,4 %. Среди малых нуклеарных семей, как и в 1890-е гг., преобладали супружеские пары с детьми (тип 3.2). Однако доля таких семей сократилась до 52 %. В то же время удельный вес супружеских пар без детей (тип 3.1) возрос до 17,4 %. Доля вдовцов с детьми (тип 3.3) увеличилась до 8 %. Незначительно сократился (на 0,3 %) удельный вес вдов с детьми (тип 3.4)⁶.

Около 12,1 %, по данным на конец XIX века, приходилось на семьи тамбовской городской элиты, состоявшие из одного человека (тип 1 по классификации П. Ласлетта). Они включали в себя одиноких вдовцов (1,7 %), холостых или с неопределенным брачным статусом (10,4 %)⁷.

Реформы второй половины XIX века и последовавшие за ними изменения в государстве и обществе оказали влияние и на семейные нормы и ценности (особенно в городах), что сказалось, в том числе, на увеличении числа разводов и некотором распространении в указанный период ранее почти не

встречавшихся домохозяйств – семей одиночек, расторгнувших брак [1, с. 744]. Интерес представляет история семейной жизни тамбовского поручика П.М. Матвеева. Его случай является довольно редким для исследуемого периода и изучаемой социальной общности. Ранее женатый, в 1896 г. он уже был одинок. Согласно постановлению Тамбовской духовной консистории, 11 августа 1887 г. его брак с дочерью генерал-майора Ю.А. Немир был расторгнут, а сам П.М. Матвеев «осужден на всегдашнее безбрачие»⁸.

В первые десятилетия XX века доля одиноких представителей высших слоев губернского центра увеличилась до 13,6 %. Полуторпроцентный прирост семей данного типа произошел за счет увеличения доли одиноких вдовцов (тип 1.1). Удельный вес семей одиноких или с неопределенным брачным статусом (тип 1.2) изменился незначительно (на 0,2 %)⁹.

На долю расширенных семей (тип 4 по классификации П. Ласлетта) высших слоев Тамбова в 1890-е гг. приходилось 2,55 %. В 1910-е гг. удельный вес расширенных семей сократился до 2 %¹⁰.

Анализ внутренней структуры расширенных семей показал, что в 1896 г. в их число входили супружеские пары с детьми и вдовыми родителями (тип 4.1), супруги с детьми и неженатыми братьями (тип 4.3), супруги с детьми, вдовыми родителями и неженатыми братьями (тип 4.4). На каждый из указанных типов приходилось менее одного процента¹¹. В 1916 г. все рассмотренные расширенные семьи являлись супружескими парами с детьми и вдовыми родителями (тип 4.1).

6,85 % от исследуемой выборки в конце XIX века приходилось на большие составные семьи тамбовской городской элиты (тип 5 по классификации П. Ласлетта), которые объединяли несколько поколений семейных и несемейных кровных родственников или несколько семей одного поколения. Главным образом это были семьи вдовцов или вдов с

⁵ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 143. Д. 917; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3; Оп. 44. Д. 13, 14; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 684; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 8948, 9002; Ф. 272. Оп. 1. Д. 105; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 6713, 6858, 7122.

⁶ Посчитано по: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 805; ГАТО. Ф. 2. Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159; 917; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 44. Д. 13, 14, 16, 18; Оп. 45. Д. 209; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 529, 550, 563; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817, 8948, 9002, 9309; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 8528.

⁷ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 681; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 9309, 9345.

⁸ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 462. Л. 42.

⁹ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3205; Оп. 45. Д. 209; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 681; Ф. 161. Оп. 1. Д. 9306, 9309, 9345; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138.

¹⁰ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3205; Оп. 22. Д. 51; Оп. 45. Д. 209.

¹¹ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3205; Оп. 22. Д. 51.

женатыми и неженатыми детьми и внуками (тип 5.1) – 4,3 %. Семьи, в которые входили супружеские пары и их женатые и неженатые дети и внуки (тип 5.2), составляли 1,7 %, семьи братьев/сестер с женатыми и неженатыми детьми (тип 5.4) – 0,85 %¹².

Особый интерес представляет семейство тамбовского мещанина М.С. Москвина – «братство», по определению П. Ласлетта [17, с. 151]. В 1890-е гг. оно объединяло семьи трех родных братьев под руководством старшего. Собственно семья М.С. Москвина состояла из него самого, его сына, снохи, внука и четырех дочерей или внучек (в источнике нет четкого указания на степень родства данных женщин с главой семьи). В семью Я.С. Москвина, кроме его самого, входили его жена и четыре дочери, в семью И.С. Москвина – жена, два сына и три дочери¹³. Был выявлен единичный пример семьи представителей тамбовской элиты с подобной структурой в исследуемый период.

В 1910-е гг. удельный вес больших составных семей высших слоев Тамбова сократился до 2 %. По 1 % приходилось на семьи, включавшие в себя супружеские пары с женатыми и неженатыми детьми и внуками (тип 5.2), и семьи, состоявшие из вдов с женатыми и неженатыми детьми и внуками (тип 5.1)¹⁴.

Доля семей элиты Тамбова, включавших в себя группы родственников или не родственников, которые не образовывали брачные союзы, но вели общее хозяйство (тип 2 по классификации П. Ласлетта), в рассматриваемой выборке на протяжении всего исследуемого периода была незначительной. В 1896 г. она составляла 1,7 % семей. К ним относились семьи, в которые входили несемейные кровные родственники (братья/сестры) (тип 2.1) – 0,85 %, а также лица, «явно не состоявшие в родстве» (тип 2.3) – 0,85 %¹⁵.

Одна из семей такого типа весьма любопытна. Согласно данным посемейных списков за 1895 г., в домохозяйство, главой которого являлся двадцатилетний мещанин Иван Андреевич Буданцев-Гонель, была включена также девятилетняя незаконнорожденная девочка Серафима (по крестному от-

цу Ивановна), матерью которой числилась дочь священника М.И. Разумова. Возможно, девочка была крестницей главы домохозяйства. При этом сам И.А. Буданцев-Гонель был приемным сыном жены врача В.В. Ермаковой-Гонель¹⁶.

В 1916 г. процент семей родственников или не родственников, не образовывавших брачные союзы, в изучаемой выборке сократился до одного¹⁷. Все эти семьи состояли из братьев и сестер (тип 2.1).

В предреволюционное двадцатилетие малые нуклеарные семьи были преобладающей формой семейной организации тамбовской городской элиты. В расширенных и больших составных семьях в 1896 г. проживало около 15 % представителей высших слоев губернского центра, в 1916 г. – около 8 %¹⁸. Чаще всего подобные типы семейной организации встречались у тамбовских купцов, что было обусловлено спецификой предпринимательской деятельности, при которой семья, как правило, являлась формой семейного предприятия с четким распределением обязанностей между всеми ее членами. Определенную роль играло и крестьянское происхождение многих из них и, соответственно, крестьянские представления о том, что только большая семья с достаточным количеством рабочих рук может быть прочной основой экономически устойчивого, процветающего хозяйства и надежной опорой для каждого из ее членов. В исследуемый период все расширенные и 80 % больших составных семей были купеческими.

Перемены в типологии и структуре семей высших слоев Тамбова в конце XIX – начале XX века отражали общероссийские тенденции. Рост числа и удельного веса малых семей в это время был характерен не только для городского, но и для сельского населения различных регионов Российской империи. В частности, в Среднем Поволжье удельный вес нуклеарных и неразделенных крестьянских семей был примерно равным, доля одиноких крестьян в регионе за исключением периода переселения не превышала 5 % [10, с. 12]. 44,6 % семей сельского насе-

¹² Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 22. Д. 51.

¹³ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204. Л. 66об.-67.

¹⁴ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 45. Д. 209; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 139.

¹⁵ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3072, 3205.

¹⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3205. Л. 16об.-17; Оп. 27. Д. 3. Л. 9.

¹⁷ Посчитано по: ГАТО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 139.

¹⁸ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 22. Д. 51; Оп. 45. Д. 209; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 139.

ления Черноземья (по данным на 1897 г.) были малыми, 44,4 % – расширенными и составными. Материалы Первой всеобщей переписи свидетельствуют, что более половины семей сельского населения Европейской России были малыми, 42 % – расширенными и составными, около 3 % приходилось на семьи, состоявшие из одного человека [1, с. 670]. Сопоставимыми с показателями Европейской России были данные по типологии семей крестьян Западной Сибири [11, с. 16-36].

В городах на рубеже XIX–XX веков нуклеарная семья становится господствующей формой семейной организации даже в аграрных регионах. Так, в Среднем Поволжье 68 % городских семей были малыми. В городах Центрального Черноземья доля таких семей составляла более 64 %. Удельный вес расширенных и составных семей в указанных регионах был 23 и 27 % соответственно, 8,5 и 7 % приходилось на одиноких. В целом в Европейской России 66 % городских семей были малыми нуклеарными. В них проживало более 52 % городских обывателей. Около 26 % семей были расширенными и составными, более 7 % – семьями одиночек [1, с. 684]. В сибирских городах Тобольск и Барнаул в исследуемый период также преобладали малые семьи, удельный вес которых составил около 65 %. На долю расширенных и составных семей приходилось 23 %, одиноких – около 12 % (посчитано по: [4, с. 370, 371]).

Главами 93–94 % семей высших слоев Тамбова в 1890–1910-е гг. были мужчины и только около 6–7 % – женщины. Анализ семейного статуса женщин – глав семей городской элиты губернского центра показал, что они были либо вдовами (одинокими или с детьми), либо девицами¹⁹. Женщины числились главами семей разных сословно-социальных групп из исследуемой выборки: купцов, дворян, мещан²⁰.

¹⁹ Посчитано по: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 805; ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159, 917; Ф. 16. Оп. 75. Д. 1; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205, 3469, 3878; Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3; Оп. 44. Д. 13, 14, 16, 18; Оп. 45. Д. 209; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 523, 529, 550, 563, 681, 684; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 8948, 9002, 9306, 9309, 9345; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139.

²⁰ Посчитано по: ГАТО. Ф. 16. Оп. 75. Д. 1; Ф. 17. Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3; Оп. 45. Д. 209; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138.

76–80 % мужчин – глав семей элиты Тамбова в предреволюционное двадцатилетие были женаты. В зависимости от принадлежности к той или иной сословно-социальной группе их доли распределились следующим образом: у мещан – 85–88 %, купцов – 76–77 %, чиновников и дворян – 71–76 %²¹.

Неженатые мужчины являлись главами семей вдовцов с детьми, семей, члены которых не образовывали брачные союзы, а также семей, состоявших из одного человека.

Примеры, когда холостой мужчина возглавлял более сложную семейную организацию, единичны. Одним из них в изучаемой выборке была семья тамбовского купца П.И. Дорохова. Он числился главой семейства, которое состояло из него самого, его матери и семьи младшего брата, в которую, в свою очередь, входили жена и четверо детей последнего. При этом сам П.И. Дорохов (на момент составления посемейного списка в 1895 г. ему было 54 года) в брак никогда не вступал²².

Средний возраст мужчин – глав семей высших слоев Тамбова в 1896 г. был около 45,5 лет. Примерно половина из них в указанный период находилась в возрасте 41–55 лет²³ [22, с. 335].

Анализ показал определенные различия возрастных характеристик глав семей в зависимости от сословно-социальной группы. В частности, средний возраст мужчин, управлявших купеческими семьями из числа тамбовской городской элиты, в конце XIX века

²¹ Посчитано по: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 805; ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159, 917; Ф. 16. Оп. 75. Д. 1; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205, 3469, 3878; Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3; Оп. 44. Д. 13, 14, 16, 18; Оп. 45. Д. 209; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 523, 529, 550, 563, 681, 684; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 8948, 9002, 9306, 9309, 9345; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139.

²² ГАТО. Ф. 17. Оп. 22. Д. 51. Л. 18.

²³ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 143. Д. 917; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205, 3469, 3878; Оп. 22. Д. 51; Оп. 44. Д. 13, 14, 17, 19; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 550, 681, 684; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 8948, 9002, 9309, 9345; Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 1; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1914 год. IV Отд. Исторический. Тамбов, 1914. С. 16.

составил 50,7 лет²⁴. Мужчины – главы дворянских и мещанских семей в среднем были моложе глав купеческих семей на 5 и 7 лет соответственно²⁵ [22, с. 335].

Средний возраст женщин, записанных главами семей высших слоев губернского центра, в 1890-е гг. равнялся примерно 47 годам. У купчих он составил 53,7 лет, у мещанок – 42 года, у дворянок – 41 год²⁶.

С 1896 по 1916 г. средний возраст мужчин – глав семей элиты Тамбова вырос на 11,5 лет и достиг примерно 57 лет. Чуть более трети из них относились к возрастной категории 51–60 лет, 26 % было от 61 до 70 лет, 22 % – от 41 до 50 лет²⁷ [22, с. 335].

Анализ возрастных характеристик применительно к конкретным сословно-социальным группам также показал старение глав семей. Средний возраст мужчин, возглавлявших купеческие семьи, к 1916 г. увеличился почти на 8 лет и составил 58,5 лет²⁸. Средний возраст мужчин – глав семей чиновников и дворян вырос почти на 12 лет и достиг 57,6 лет²⁹ [22, с. 335]. Мужчины, возглавлявшие мещанские семьи, также «повзрослели» примерно на 12 лет. К концу

предреволюционного двадцатилетия средний возраст глав семей зажиточных мещан составил 55,3 года³⁰.

С 1896 по 1916 г. почти на 18 лет (с 47 до 64,8 лет) увеличился средний возраст женщин – глав семей из исследуемой выборки. У представительниц купеческого сословия данный показатель составил 63,3 года, у представительниц чиновничества и дворянства – 66,3 года³¹.

Одним из самых пожилых глав семей из числа высших слоев губернского центра в конце XIX века был крупный благотворитель и влиятельный общественный деятель, представитель знаменитого дворянского рода Э.Д. Нарышкин. В 1896 г. ему исполнилось 84 года³². К числу самых «возрастных» глав семейств, принадлежавших к тамбовской городской элите, относился и известный общественный деятель, губернский предводитель дворянства князь Н.Н. Чолокаев. В 1916 г. ему исполнилось 86 лет³³. Самым молодым главой семейства являлся уже упомянутый выше 21-летний (в 1896 г.) мещанин И.А. Буданцев-Гонель.

Изучение поколенного состава элитарных семей Тамбова показало, что в конце XIX века доминировали семьи, в которых проживали представители двух поколений (родители и дети). На такие семьи приходилось 67,2 % семей изучаемой выборки. Двухпоколенные семьи являлись преобладающей формой семейной организации для всех сословно-социальных групп элиты губернского центра. Удельный вес однопоколенных семей составлял 25,8 %, семей, в которых проживали представители трех поколений, – 7 % (из них 5 % приходилось на купеческие семьи, 2 % – на мещанские)³⁴.

²⁴ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3469, 3878; Оп. 22. Д. 51; Оп. 44. Д. 14, 17, 19; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165.

²⁵ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 143. Д. 917; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 22. Д. 51; Оп. 44. Д. 13; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 550, 681, 684; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 8948, 9002, 9309, 9345; Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 1; Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1914 год. IV Отд. Исторический. С. 16.

²⁶ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3.

²⁷ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 11; Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159, 917; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 44. Д. 13, 14, 16-18; Оп. 45. Д. 209; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 523, 550, 563, 681; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817, 8948, 9306, 9309, 9345; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139; Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 1.

²⁸ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 44. Д. 14, 17; Оп. 45. Д. 209; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165; Ф. 85. Оп. 1. Д. 523; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 139.

²⁹ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 11; Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159, 917; Ф. 17. Оп. 44. Д. 13, 16, 18; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 550, 563, 681; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817, 8948, 9306, 9309, 9345; Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 1.

³⁰ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 45. Д. 209; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 139.

³¹ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 45. Д. 209; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138.

³² Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1914 год. IV Отд. Исторический. С. 16.

³³ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 9345. Л. 25об.

³⁴ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 143. Д. 917; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205, 3469; Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3; Оп. 44. Д. 13, 14; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 681, 684; Ф. 118. Оп. 40. Д. 17; Ф. 143. Оп. 1. Д. 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 9002, 9309, 9345; Ф. 272. Оп. 1. Д. 5; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 6713, 6858, 7122.

Эти показатели сопоставимы с данными о поколенной структуре семей других регионов и социальных общностей. Так, в городах Западной Сибири в конце XIX века однопоколенные семьи составляли от 20 до 25 %, двухпоколенные – около 60 %, трехпоколенные – от 15 до 20 %. Четырехпоколенные семьи встречались крайне редко [4, с. 171].

К 1916 г. поколенная структура семей представителей тамбовской городской элиты претерпела отдельные изменения. Удельный вес однопоколенных семей вырос до 31 % (его увеличение произошло, главным образом, за счет прироста семей, состоявших из супружеских пар без детей). Доля трехпоколенных семей сократилась до 2 %. Большинство по-прежнему составляли двухпоколенные семьи – 67 %. Семьи, включавшие в себя три поколения совместно проживавших родственников, сохранились только у купцов³⁵.

Значимой социально-демографической характеристикой семьи является ее людность. Согласно проведенным подсчетам, в 1896 г. средняя людность семей высших слоев Тамбова равнялась 5,5 человека³⁶. Это заметно превышало среднюю людность семей жителей губернского центра, которая в указанный период составляла 3,8 человека³⁷. Для сравнения можно отметить, что средний размер городских семей Вятской губернии в пореформенное время колебался от 4,6 до 6,9 человека [7, с. 14]. В городах Европейской России средняя величина семей в конце XIX века равнялась 4,2 человека, в сельской местности – 5,8 человека [1, с. 669, 683].

³⁵ Посчитано по: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 805; ГАТО. Ф. 2. Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159, 917; Ф. 12. Оп. 1. Д. 4982; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 44. Д. 13, 14, 16, 18; Оп. 45. Д. 209; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 523, 529, 550, 563, 681; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817, 8948, 9002, 9306, 9309, 9345; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 8528; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139.

³⁶ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 143. Д. 917; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205, 3469; Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3; Оп. 44. Д. 13, 14; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 681, 684; Ф. 118. Оп. 40. Д. 17; Ф. 143. Оп. 1. Д. 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 9002, 9309, 9345; Ф. 272. Оп. 1. Д. 5; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 6713, 6858, 7122.

³⁷ Посчитано по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XLII. Тамбовская губерния. Спб., 1904. С. 6, 7.

Средняя людность семей тамбовской городской элиты отличалась в зависимости от сословия. Самыми большими были купеческие семьи, которые в среднем включали в себя 6,1 человека³⁸. В городах Сибири средняя величина купеческих семей колебалась от 5 до 5,4 человека, в отдельных городах Вятской губернии средняя людность купеческих семей достигала 7,3 человека [4, с. 368; 7, с. 15].

Одной из самых многочисленных купеческих семей в исследуемый период было семейство И.Т. Исаева, состоявшее из 17 человек. Наряду с главой в него входили два сына с семьями (семья первого состояла из него самого, жены, четырех сыновей и дочери, семья второго – из него самого и жены), четыре неженатых сына и две незамужние дочери³⁹.

Средняя людность мещанских семей высших слоев Тамбова в исследуемый период составляла 5,2 человека⁴⁰. Она была ниже купеческой, но выше средних показателей людности мещанских семей по городам других регионов. Так, в Казани средний размер мещанской семьи был 3,4 человека, в сибирских городах – 4–4,5 человека [4, с. 368; 5, с. 118; 9, с. 31; 23, с. 78].

В 1896 г. самым многочисленным мещанским семейством из числа высших слоев губернского центра была семья уже упомянутого выше М.С. Москвина. Членами его семьи были 21 человек⁴¹.

Влияние на размер купеческой и мещанской семьи в исследуемый период оказывали уровень материального благосостояния, степень приверженности традиционным ценностям и образу жизни ее членов, число и качество семейных предприятий, а также экономическая ситуация в городе и регионе в целом. По мнению исследователей, между размером купеческой и мещанской семьи и успешностью предпринимательской деятельности ее членов прослеживалась прямая зависимость. При этом размер семьи у мещан был подвержен колебаниям сильнее, чем у купцов [7, с. 15].

³⁸ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3469; Оп. 22. Д. 51; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165.

³⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 22. Д. 51.

⁴⁰ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 22. Д. 51; Оп. 44. Д. 14; Ф. 85. Оп. 1. Д. 684.

⁴¹ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204. Л. 66об.-67.

Средняя людность семей чиновников и дворян из числа элиты губернского центра в конце XIX века составляла 4,2 человека⁴². Этот показатель сопоставим с данными по другим регионам для представителей указанной сословно-социальной группы. Так, в городах Вятской губернии в среднем в дворянскую семью входили 3–4 человека, в сибирских городах – около 3,5 человека [4, с. 368; 7, с. 16].

На размер семей дворян и чиновников оказывали влияние образ жизни и условия службы их представителей. Самостоятельная жизнь чиновника начиналась рано, как правило, с момента поступления на службу. Служебные перемещения практически не позволяли задерживаться в семье родителей. Создание собственной семьи нередко откладывалось до тех пор, пока чиновник не получал необходимого для этого материального обеспечения.

Самым многочисленным из проанализированных дворянских семей тамбовской элиты было семейство коллежского секретаря потомственного дворянина В.В. Москалева, включавшее в себя 10 человек. Помимо В.В. Москалева, в состав семьи входили его жена, три неженатых сына и пять незамужних дочерей⁴³.

В 1910-е гг. средний размер семей высших слоев Тамбова сократился до 4,2 человека⁴⁴. К 1916 г. наиболее многолюдными оставались семьи купцов. В среднем в купеческой семье из числа городской элиты губернского центра проживало 4,7 человека⁴⁵. Средняя людность семей мещан в этот период составила 4,6 человека, семей чиновников

⁴² Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Оп. 143. Д. 917; Ф. 17. Оп. 27. Д. 3; Оп. 44. Д. 13; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 550, 681; Ф. 118. Оп. 40. Д. 17; Ф. 143. Оп. 1. Д. 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 8948, 9002, 9309, 9345.

⁴³ Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 8817. Л. 6.

⁴⁴ Посчитано по: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 805; ГАТО. Ф. 2. Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159; Ф. 12. Оп. 1. Д. 4982; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 44. Д. 13, 14, 16, 18; Оп. 45. Д. 209; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 523, 529, 550, 563, 681; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817, 9002, 9306, 9309, 9345; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 8528; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139.

⁴⁵ Посчитано по: ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4982; Ф. 17. Оп. 44. Д. 14, 17; Оп. 45. Д. 209; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165.

и дворян – 3,5 человека⁴⁶. Однако еще сохранялись семьи с числом членов 8 и более человек, в том числе и у представителей дворянства. Например, из 8 человек в 1916 г. состояло семейство статского советника В.Н. Салтыкова. Помимо главы семьи, в него входили супруга В.Н. Салтыкова, его пять незамужних дочерей и неженатый сын⁴⁷.

В среднем на одну малую семью с детьми представителей высших слоев Тамбова в 1890-е гг. приходилось 3,8 ребенка⁴⁸.

Самыми многодетными в указанный период были купеческие семьи. В среднем в них проживало 4,2 ребенка⁴⁹. В мещанских семьях в среднем было 3,5 ребенка, в семьях чиновников и дворян – 3,2 ребенка⁵⁰.

Около трети семей тамбовских купцов и мещан – представителей элиты губернского центра были семьями с пятью и более детьми⁵¹. Удельный вес таких семей чиновников и дворян Тамбова из указанной социальной группы в конце XIX века также был значительным – 26 %⁵².

По мнению исследователей, на рубеже XIX–XX веков на численность детей в малых семьях горожан, независимо от сословия, оказывал влияние возраст родителей. Как отмечают В.А. Скубневский и Ю.М. Гончаров

⁴⁶ Посчитано по: АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 805; ГАТО. Ф. 2. Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 44. Д. 13, 16, 18; Оп. 53. Д. 2, 3; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 519, 529, 550, 563, 681; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 256, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817, 9002, 9306, 9309, 9345; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 8528; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139.

⁴⁷ ГАТО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 462. Л. 41об., 42.

⁴⁸ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205, 3469; Оп. 22. Д. 51; Оп. 27. Д. 3; Оп. 44. Д. 13, 14; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 550, 684; Ф. 118. Оп. 40. Д. 17; Ф. 143. Оп. 1. Д. 254, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692, 8760, 8817, 8948, 9002; Ф. 272. Оп. 1. Д. 5; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 6713, 6858, 7122.

⁴⁹ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3878; Оп. 22. Д. 51; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165.

⁵⁰ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 111. Д. 16; Оп. 139. Д. 2836; Оп. 141. Д. 570; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 27. Д. 3; Оп. 44. Д. 13, 14; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 85. Оп. 1. Д. 550, 684; Ф. 118. Оп. 40. Д. 17; Ф. 143. Оп. 1. Д. 254, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8693, 8760, 8817, 9002; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 6713, 6858, 7122.

⁵¹ Посчитано по: ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205, 3878; Оп. 22. Д. 51; Оп. 44. Д. 14; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165; Ф. 85. Оп. 1. Д. 684.

⁵² Посчитано по: ГАТО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817.

ров, с увеличением возраста глав семей средняя численность детей сначала увеличивалась, достигая своего апогея к 45–49 годам, а затем начинала уменьшаться [24, с. 133]. Большинство глав семей из анализируемой выборки в конце XIX века были как раз в том возрасте (40–50 лет), когда количество детей в их семьях уже приблизилось к максимуму, и все они, как правило, находились еще при родителях.

В 1910-е гг. количество детей, в среднем проживавших в семьях высших слоев Тамбова, сократилось до 3,5 человека. В купеческих и мещанских семьях в исследуемый период проживало в среднем 3,8 ребенка, в семьях чиновников и дворян – 2,7⁵³.

По сравнению с 1896 г., заметно (на 9 %) вырос удельный вес семей дворян и чиновников, в которых было один-два ребенка. На такие семьи приходилось около 51 % семей с детьми представителей данной сословно-социальной группы. В то же время доля семей с пятью и более детьми уменьшилась до 22 %⁵⁴.

Шло сокращение детей в семьях представителей других сословных групп из рассматриваемой выборки. В 1916 г. по-прежнему сохранялся высокий удельный вес многодетных семей у купцов (43 % семей) и мещан (около 33 % семей), но количество детей в них уменьшалось и редко превышало 5–6 человек на семью⁵⁵. В целом в 1910-х гг. удельный вес семей с шестью и более детьми сократился для всех сословно-социальных групп.

Исследование брачного поведения представителей тамбовской городской элиты свидетельствует о том, что на протяжении всего предреволюционного двадцатилетия оно во

⁵³ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159; Ф. 12. Оп. 1. Д. 4982; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 44. Д. 13, 14, 18; Оп. 45. Д. 209; Оп. 53. Д. 2; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 550, 563; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817, 9002, 9309; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 8528; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139.

⁵⁴ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 141. Д. 570; Оп. 142. Д. 21; Оп. 143. Д. 158, 159; Ф. 17. Оп. 44. Д. 13, 18; Оп. 53. Д. 2; Ф. 24. Оп. 1. Д. 462; Ф. 26. Оп. 7. Д. 12; Ф. 85. Оп. 1. Д. 550, 563; Ф. 107. Оп. 2. Д. 215; Ф. 143. Оп. 1. Д. 252, 254, 257; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8760, 8817, 9002, 9309; Ф. 1049. Оп. 5. Д. 8528.

⁵⁵ Посчитано по: ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 4982; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204, 3205; Оп. 44. Д. 14; Оп. 45. Д. 209; Оп. 53. Д. 2; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165; Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 138, 139.

многом определялось традиционными нормами, предписывавшими обязательное вступление в брак и сохранение его практически при любых обстоятельствах. Большинство мужчин и женщин – членов семей элиты Тамбова вступали в брак только один раз. Доля семей, в которых для одного или обоих супругов брак был повторным, составляла в 1896 г. около 9 %, в 1916 г. – около 11 %. Основной удельный вес повторных браков приходился на мужчин⁵⁶.

Во второй раз чаще вступали в брак чиновники и дворяне – представители семей высших слоев губернского центра⁵⁷. При этом дворянки выходили замуж повторно, не только овдовев, но и после разводов. Разводы, а также последующие замужества разведенных женщин были свидетельством определенной демократизации семейно-брачных отношений. Так, после развода снова вышла замуж дочь тамбовского городского головы И.А. Гуаданини О.И. Самойлова (до развода с первым мужем Махова)⁵⁸. На разведенной Л.Д. Даниловой (урожденной Свербеевой) был женат член Тамбовской губернской земской управы Г.Ю. Новосильцев⁵⁹.

На рубеже XIX–XX веков основной формой семейной жизни для большинства представителей высших слоев губернского центра была малая нуклеарная семья. В 1890–1910-е гг. при практически неизменной доле семей одиноких увеличивался удельный вес малых семей, а расширенных и больших составных семей сокращался.

На протяжении всего предреволюционного двадцатилетия в изучаемой социальной общности преобладали двухпоколенные семьи, в основном состоявшие из родителей и неженатых (незамужних) детей. Шло увеличение удельного веса однопоколенных семей (преимущественно за счет прироста малых семей, состоявших из бездетных супружеских пар) и уменьшение доли трехпоколенных семей.

Людность семей высших слоев Тамбова в конце XIX века была выше данного показате-

⁵⁶ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 141. Д. 570; Ф. 17. Оп. 1. Д. 3204; Оп. 22. Д. 51; Оп. 44. Д. 13; Оп. 45. Д. 209; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8817.

⁵⁷ Посчитано по: ГАТО. Ф. 2. Оп. 141. Д. 570; Ф. 17. Оп. 22. Д. 51; Оп. 44. Д. 13; Ф. 24. Оп. 1. Д. 165, 462; Ф. 161. Оп. 1. Д. 8817.

⁵⁸ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 8692. Л. 33.

⁵⁹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 462. Л. 9.

ля средней семьи губернского центра. В значительной степени этому способствовали род занятий, уровень материального благосостояния, сохранение патриархальных внутрисемейных отношений в семьях представителей социальной элиты Тамбова. К 1916 г. было зафиксировано сокращение размера семей высших слоев в изучаемой выборке. К этому времени взрослые дети глав семей высших слоев губернского центра (последним в конце XIX века было 40–50 лет) стали жить отдельно от родителей, создали собственные семьи.

Таким образом, в 1890–1910-е гг. под воздействием процессов модернизации, урбанизации и индустриализации шло эволюционирование семьи представителей элиты Тамбова в сторону современного типа, однако, эти изменения нельзя назвать кардинальными. По-прежнему внутрисемейные связи и отношения в среде высших слоев Тамбова еще во многом сохраняли традиционные черты и основывались на главенстве в семьях женатых мужчин.

Список литературы

1. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2014. Т. 1.
2. *Араловец Н.А.* Городская семья в России в 1897–1926 гг. М., 2003.
3. *Гончаров Ю.М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1998.
4. *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.
5. *Гончаров Ю.М.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004.
6. *Маслова И.В.* Купеческая семья Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 158-163.
7. *Бурдина Г.М.* Структура городской семьи Вятской губернии во второй половине XIX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 14-18.
8. *Молонова Е.П.* Структура мещанской семьи уездного сибирского города во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Верхнеудинска) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2 (28). С. 82-85.
9. *Юнусова Л.В.* Структура мещанской семьи Тюмени во второй половине XIX – начале XX века (на основе посемейных списков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). С. 29-33.
10. *Ларичев А.А.* Крестьянская семья в истории освоения и развития Среднего Поволжья (XVIII – первая треть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004.
11. *Зверев В.А.* Семейное крестьянское домохозяйство Сибири эпохи капитализма: (Историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991.
12. *Сагайдачный А.Н.* Демографические процессы в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000.
13. *Верременко В.А.* Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб., 2007.
14. *Грицай Л.А.* Русская семья рубежа XIX и XX вв. в зеркале сословных различий: историко-культурный аспект // Вестник Пермского университета. Серия История. 2011. Вып. 1 (15). С. 134-140.
15. *Зайцева О.М.* Социальная элита Тамбова конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
16. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / ed. by P. Laslett, R. Wall. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
17. *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. С. 132-157.
18. *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.
19. *Морозова Э.А.* Особенности социально-демографического облика торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
20. *Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В.* Главы семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-демографический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 160-171. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171.

21. Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 172. С. 119-130. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130.
22. Боиович М.М. Члены Государственной думы (портреты и биографии). Третий созыв, 1907–1912 г. М., 1913.
23. Зорин А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Казань, 2002.
24. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. 1: Население. Экономика. Барнаул, 2003.

References

1. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [The Russian Empire: from Tradition to Modernity: in 3 vols.]. St. Petersburg, 2014, vol. 1. (In Russian).
2. Aralovets N.A. *Gorodskaya sem'ya v Rossii v 1897–1926 gg.* [Urban Family in Russia in 1897–1926]. Moscow, 2003. (In Russian).
3. Goncharov Y.M. *Kupecheskaya sem'ya vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam komp'yuternoy bazy dannykh kupecheskikh semey Zapadnoy Sibiri)* [Merchant Family of the Second Half of the 19th – Early 20th Century (on the Materials of Computer Data Base of Merchant Families of the Western Siberia)]. Moscow, 1998. (In Russian).
4. Goncharov Y.M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [City Family of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, 2002. (In Russian).
5. Goncharov Y.M. *Meshchanskoye sosloviye Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Merchant Class of the Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, 2004. (In Russian).
6. Maslova I.V. *Kupecheskaya sem'ya Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Merchant family of the Vyatka Governorate in the second half of the 19th – early 20th century]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2010, no. 3, pp. 158-163. (In Russian).
7. Burdina G.M. *Struktura gorodskoy sem'i Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v.* [The structure of the urban family of the Vyatka governorate in the second half of the 19th century]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya Gumanitarnyye nauki – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series Humanities*, 2016, no. 1, pp. 14-18. (In Russian).
8. Molonova E.P. *Struktura meshchanskoy sem'i uyezdnoy sibirskogo goroda vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (na primere Verkhneudinska)* [The structure of the philistine family in a provincial Siberian city in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the example of Verkhneudinsk)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bryansk State University Herald*, 2016, no. 2 (28), pp. 82-85. (In Russian).
9. Yunusova L.V. *Struktura meshchanskoy sem'i Tyumeni vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na osnove posemeynykh spiskov)* [The structure of Tyumen philistine family in the second half of the 19th – early 20th century (on the basis of family lists)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, no. 16 (270), pp. 29-33. (In Russian).
10. Larichev A.A. *Krest'yanskaya sem'ya v istorii osvoyeniya i razvitiya Srednego Povolzh'ya (XVIII – pervaya tret' XX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Peasant Family in the History of Reclamation and Development of the Middle Volga Region (the 18th – the First Third of the 20th Centuries). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Samara, 2004. (In Russian).
11. Zverev V.A. *Semeynoye krest'yanskoye domokhozyaystvo Sibiri epokhi kapitalizma: (Istoriko-demograficheskiy analiz)* [Family Peasant Households of the Siberia during Capitalism Epoch: (Historical and Demographic Analysis)]. Novosibirsk, 1991. (In Russian).
12. Sagaydachnyy A.N. *Demograficheskiye protsessy v Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Demographic Processes in the Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Dr. hist. sci. diss. abstr.]. Novosibirsk, 2000. (In Russian).
13. Veremenko V.A. *Evolyutsiya dvoryanskoy sem'i v usloviyakh modernizatsii Rossii (vtoraya polovina XIX – nachala XX v.): avtoref. ... dis. d-ra ist. nauk* [Evolution of the Noble Family in the Conditions of Modernization of Russia (Second Half of the 19th – Early 20th Century). Dr. hist. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2007. (In Russian).
14. Gritsay L.A. *Russkaya sem'ya rubezha XIX i XX vv. v zerkale soslovykh razlichiy: istoriko-kul'turnyy aspekt* [Life of a Russian family in the late 19th – early 20th centuries in various social classes: historical and cultural aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya – Perm University Herald. History*, 2011, no. 1 (15), pp. 134-140. (In Russian).
15. Zaytseva O.M. *Sotsial'naya elita Tambova kontsa XIX – nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Social Elite of Tambov in the Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2006. (In Russian).

16. Laslett P., Wall R. (eds.). *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America*. Cambridge, Cambridge University Press, 1972.
17. Laslett P. Sem'ya i domokhozyaystvo: istoricheskiy podkhod [Family and household: historical approach]. *Brachnost', rozhdayemost', sem'ya za tri veka* [Marriage Rate, Birth Rate, Family for Three Centuries]. Moscow, 1979, pp. 132-157. (In Russian).
18. Hoch S.L. *Krepostnoe pravo i sotsial'nyy kontrol' v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoy gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, Village of the Tambov Governorate]. Moscow, 1993. (In Russian).
19. Morozova E.A. *Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblika torgovo-promyshlennogo sela v pervoy polovine XIX v. (na primere sela Rasskazovo Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the Social and Demographic Appearance of the Commercial and Industrial Village in the First Half of the 19th Century (on the Example of the Village of Rasskazovo of the Tambov Governorate). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
20. Strekalov D.V., Strekalova N.V. Glavy semey Tambova v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka: sotsial'no-demo-graficheskiy aspekt [The heads of Tambov families at the end of the 18th – in the first half of the 19th century: social and demographic aspect]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 160-171. DOI 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171. (In Russian).
21. Strekalov D.V., Strekalova N.V. Struktura i tipologiya provintsial'noy gorodskoy sem'i v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka (na materialakh Tambova) [Structure and typology of a provincial urban family at the end of the 18th – the first half of the 19th century (on materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 119-130. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130. (In Russian).
22. Boiovich M.M. *Chleny Gosudarstvennoy dumy (portrety i biografii). Tretiy sozyv, 1907–1912 g.* [The Members of the State Duma (Portraits and Biographies). The Third Convocation, 1907–1912]. Moscow, 1913. (In Russian).
23. Zorin A.N. *Ocherki gorodskogo byta dorevolyutsionnogo Povolzh'ya* [The Essays of the Urban Everyday Life of the Pre-Revolutionary Volga Region]. Kazan, 2002. (In Russian).
24. Skubnevskiy V.A., Goncharov Y.M. *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. Ch. 1: Naseleniye. Ekonomika* [Cities of the Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Part 1. Population. Economics]. Barnaul, 2003. (In Russian).

Информация об авторах

Зайцева Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ozbars107@gmail.com

Вклад в статью: набор первичного материала, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2194-6108>

Стрекалова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: strekalovanv@mail.ru

Вклад в статью: идея, написание статьи, редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9643-5644>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Стрекалова Наталья Валерьевна
E-mail: strekalovanv@mail.ru

Поступила в редакцию 03.09.2018 г.
Поступила после рецензирования 04.10.2018 г.
Принята к публикации 08.11.2018 г.

Information about the authors

Olga M. Zaytseva, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: ozbars107@gmail.com

Contribution: source material acquisition, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2194-6108>

Nataliya V. Strekalova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: strekalovanv@mail.ru

Contribution: idea, manuscript drafting, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9643-5644>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Nataliya V. Strekalova
E-mail: strekalovanv@mail.ru

Received 3 September 2018
Reviewed 4 October 2018
Accepted for press 8 November 2018

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-186-197
УДК 93/94

Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие советской власти на Тамбовщине (1918–1928 гг.)

Павел Петрович ЩЕРБИНИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Protection of motherhood and infancy in the first decade of Soviet government in the Tambov Region (1918–1928)

Pavel P. SHCHERBININ

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>, e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Аннотация. Специально и комплексно изучена социальная политика в отношении материнства и младенчества, в том числе система социальной защиты детей-сирот в Тамбовской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1928 гг.) сквозь призму государственной, общественной и частной поддержки аграрного социума. В центре внимания была реконструкция соответствия провозглашенной советским правительством программы защиты материнства и детства реалиям на региональном уровне. На основе широкого комплекса первичных материалов (архивных источников, периодической печати, опубликованных материалов) репрезентативно исследованы различные малоизвестные аспекты заявленной научной проблемы. Обобщен успешный и неудачный опыт формирования системы социального государства и общественных инициатив медицинского сообщества и женотделов в провинциальной России, который нередко имел существенные отличия от столичных событий и управленческих решений. Выявлена этапная организация создания отделов материнства и младенчества, фактического призрения детей-сирот на региональном и уездном уровнях, что позволяет оценить возможности и потребности социальной защиты и призрения детей в городском и сельском социуме рассматриваемого хронологического периода. Уточнены трансформации социальных учреждений в отношении материнства и детства как на уровне губернии, так и на уездном уровне. Специально рассмотрено положение детей-подкидышей и социальная политика по передаче этих подкинутых детей в частные руки на воспитание, оценены финансовые проблемы, связанные с передачей детей-сирот в бездетные крестьянские семьи. Выявлены основные тенденции социальной заботы о «детях беды», мотивы оказания им помощи и поддержки местным сообществом, коллективами предприятий и государственных учреждений рассматриваемого периода. Сделаны выводы и заключения о результатах и историческом региональном опыте и традициях, особенностях поддержки материнства и детства на уровне губернии и уездов, что позволило успешно реконструировать данную систему социальной защиты новой Советской России. Обращено внимание на важность учета региональной специфики и конкретно-исторических проявлений социального государства в эпоху социальных катаклизмов (революции, Гражданской войны, «антоновщины», нэпа), а также оценки общественно-политических, социокультурных тенденций в условиях советской власти.

Ключевые слова: материнство и младенчество; социальное попечение; советская власть; дома ребенка; дети-сироты; приюты для подкидышей; социальная защита; социальная опека; детские приюты; ясли; детские сады; отдел материнства и детства; региональная история

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333.

Для цитирования: Щербинин П.П. Охрана материнства и младенчества в первое десятилетие советской власти на Тамбовщине (1918–1928 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 186–197. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-186-197

Abstract. The social policy regarding motherhood and infancy, including the system of social protection of orphans in the Tambov Governorate in the first decade of Soviet government (1918–1928) was specially and comprehensively studied in the context of state, public and private support of the agrarian society. The focus was on the reconstruction of the conformity of the program of maternity and childhood protection proclaimed by the Soviet government at the regional level. On the basis of a wide range of primary materials (archival sources, periodicals, published materials) various little-known aspects of a scientific problem are representatively investigated. We summarize the successful and unsuccessful experience of the formation of a welfare state system and public initiatives of the medical community and women’s departments in provincial Russia, which often had significant differences from metropolitan events and management decisions. A staged organization has been identified of creating subdivisions of motherhood and infancy, the actual care of orphans at the regional and county level, which makes it possible to assess the opportunities and needs of social protection and the care of children in urban and rural society during the chronological period. We clarify the transformation of social institutions in relation to the maternity and childhood, both at the level of the governorate and at the county level. The situation of abandoned children and the social policy of transferring these children to private education are specifically considered, the financial problems associated with the transfer of orphans to childless peasant families are assessed. The main trends of social care for the “children of misfortune”, the motives for helping and supporting them by the local community, collectives of enterprises and state institutions of the period under review are revealed. Conclusions are made about the results and historical regional experience and traditions, peculiarities of supporting motherhood and childhood at the level of the province and counties, which made it possible to successfully reconstruct this social protection system of the new Soviet Russia. Attention is drawn to the importance of taking into account regional specifics and concrete historical manifestations of the social state in the era of social cataclysms (Revolution, Civil War, Antonovschina, New Economic Policy), as well as assessing social and political, social and cultural tendencies of the Soviet government.

Keywords: motherhood and infancy; social care; Soviet government; orphanages, orphans; foundling shelters; social protection; social care; orphanages; nurseries; kindergartens; motherhood and childhood subdivision; regional history

Acknowledgements: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00333.

For citation: Shcherbinin P.P. Okhrana materinstva i mladenchestva v pervoye desyatiletie sovetsoy vlasti na Tambovshchine (1918–1928 gg.) [Protection of motherhood and infancy in the first decade of Soviet government in the Tambov Region (1918–1928)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 186–197. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-186-197 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Одной из самых актуальных проблем научного дискурса и общественного внимания в различные исторические периоды являлась забота о матери и ребенке (охрана материнства и детства), в том числе ее составляющая – охрана материнства и младенчества – которая традиционно привлекает внимание историков и социологов, демографов и политиков, всех тех, кто рассматривает широкий спектр сюжетов в рамках изучения социальной и гендерной истории, истории детства, семьи и частной жизни. Вот уже более ста лет эта тематика сохраняет свою актуаль-

ность и востребованность, вызывая интерес и попытку найти ответ на вопросы, которые решались современниками и которые волнуют исследователей, занимающихся в настоящее время проблемами общественного и социального развития Российской Федерации.

Мать и дитя, материнство и младенчество, темы здоровья, воспитания и социализации в раннем детском возрасте являются, с одной стороны, конкретно-историческими вопросами, но с другой – отражают социокультурные, этносоциальные и конфессиональные, политико-правовые направления

развития социума и отдельных его членов, социальных групп и сообществ. Понятно, что зарождение данного понятия «охрана материнства и детства» справедливо относят еще к XVIII веку, когда происходили процессы европеизации общественных отношений и государственного управления, положившие начала созданию воспитательных домов и структур родовспоможения. Но все же «женские сюжеты», рождение детей, забота о младенцах (законных и незаконных, приемных или подкинутых) как системная и комплексная социальная проблема начали активно решаться и обсуждаться лишь в конце XIX века. Именно тогда стало очевидным, что без активного привлечения общественности, медико-социальных, санитарно-гигиенических методик и практик невозможно победить высокую детскую смертность и наладить полноценную охрану материнства и младенчества в Российской империи.

В начале XX века охрана материнства и детства стала неким катализатором общественной активности и мерилom (лакмусовой бумажкой) уровня состояния гражданского общества и возможностей проявления индивидуальных и групповых инициатив как в столицах, так и в провинции. Отношение к защите прав матери и ребенка, заботе о их здоровье переставало быть направлением деятельности лишь медицинской общественности, приобретая глубокое социальное звучание и общественный резонанс.

В мае 1913 г. было создано Всероссийское Попечительство об охране материнства и детства, которое должно было стремиться к уменьшению детской смертности, устраивая приюты для матерей и детей, молочные кухни, детские лечебницы и пр. Примечательно, что спустя несколько лет при советском режиме эта идея охраны материнства и младенчества была успешно реабилитирована и стала одним из главных пропагандистских символов советской власти [1].

Нами рассмотрены основные этапы развития системы материнства и младенчества на Тамбовщине в первое десятилетие советской власти (1918–1928 гг.) сквозь призму региональной социальной политики и тактики заботы о матери и ребенке. На основе широкого круга первичных архивных источников и литературы предпринята попытка реконструкции проявлений заботы нового со-

циалистического государства о народосохранении, проявлении внимания к новорожденным и их матерям Страны Советов.

Историография данной научной проблемы в общероссийском контексте весьма обширна. Выделим лишь несколько наиболее важных работ по сюжетам организации заботы о материнстве и младенчестве, написанных современниками [2–4]. Прежде всего, отметим научно-популярные издания 20-х гг. XX века [5; 6]. Первым специальным исследованием по заявленной проблеме была книга Э.М. Конюс [7]. Издавались и материалы совещаний по проблемам материнства и детства¹, а также различные справочные издания [8].

Позже о материнстве и детстве в региональном измерении рассматриваемого периода писала Н.В. Сычева [9]. Из современных исследований отметим фундаментальные работы Т.М. Смирновой [10] и А. Авдеева [11].

Как же разворачивались события в отдельно взятом российском регионе – Тамбовской губернии? Реконструкция данного регионального опыта формирования системы защиты материнства и младенчества позволяет уточнить государственную политику на уровне столиц и провинции в конкретно-исторических условиях революции, Гражданской войны и катаклизмов 20-х гг. XX века.

Самой важной проблемой призрения детей в эпоху революционных перемен 1917 г. центральные и региональные власти, общественные организации, партийно-политические структуры считали охрану материнства и детства. Конечно, радикализация жизни в регионах и оглядка на столицу формировали особые умонастроения и специфические жизненные ориентиры в провинциальном социуме, тем не менее, мечты о воспитании поколения строителей нового счастливого будущего являлись важным направлением общественных настроений. Неслучайно уже в начале июня 1917 г. Тамбовский «демократический женский союз» указывал, что среди важнейших забот союза есть забота о чисто женских и детских нуждах. Заботу о детских нуждах союзницы понимали «...как защиту детских интересов вообще и как способство-

¹ Материалы Первого Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества. Москва, 1–5 декабря 1920 года / Рос. социал. федер. сов. респ. Отд. охраны материнства и младенчества Наркомздрава. М.: Отд. охраны материнства и младенчества Наркомздрава, 1921.

вание правильной постановке умственного, нравственного и физического развития детей – будущих граждан свободной России»². Однако серьезных перемен в организации призрения детей-подкидышей и заботе о новорожденных до конца 1917 г. так и не случилось. В губернском Тамбове продолжали работать приют для подкидышей при губернской земской больнице, другие земские и городские учреждения по призрению детей-сирот, но резко сокращались финансирование и возможности содержания детей.

Пришедшие к власти в столице большевики с первых дней советской власти придали охране материнства и младенчества государственный статус. В декабре 1917 г. коллегия Народного комиссариата государственного призрения принимает важное решение о создании в столице Отдела охраны материнства и младенчества, начавшего функционировать с 1 января 1918 г. По декрету Наркомата государственного призрения от 30 января 1918 г. все учреждения, занимающиеся обслуживанием матери и ребенка, передавались в ведение этого отдела.

23 марта 1918 г. комиссариат социального обеспечения «перешел в мое заведование», – указывала в своем отчете нарком А.М. Коллонтай, – «а из многочисленных прежде отделов был создан самый важный «Отдел охраны материнства и младенчества»³. В основу работы отдела были положены следующие конкретные руководящие принципы:

1) деторождение – социальная функция женщины, и обязанность государства поставить мать-труженицу в условия, облегчающие ей выполнение этой функции;

2) дети как будущие граждане Советской Социалистической Республики с первых же дней жизни являются предметом забот социалистического государства»⁴.

Тогда же было принято принципиальное решение о «ликвидации в Советской России всех воспитательных домов, где из-за скученности детей и отвратительных условий ухода», по мнению новых советских властей, смертность доходила до 78 % и больше. По оценкам А.М. Коллонтай, немногие выжив-

шие питомцы владели жалкое существование, как «калеки, паралитики, изуродованные и ничему не обученные элементы, являясь вечными пенсионерами государства»⁵. По всей стране должны были возникнуть учреждения Охраны материнства и младенчества, а также «Дома матери и ребенка».

Ведущими и привычными лозунгами новой власти стали: «Дети – наше будущее», «Охрана детства – лозунг советской власти», «Дети – надежда Советской России. Берегите детей» и др. 11 июля 1918 г. был создан Комиссариат здравоохранения РСФСР, в ведение которого были переданы все детские учреждения для грудных детей и детей в возрасте до 3-х лет. По сути это была попытка использования опыта императорской России по призрению подкидышей, приюты для которых всегда открывались при уездных и губернских земских больницах. Как и прежде, именно медицинские работники являлись наиболее успешными в организации общественного здравоохранения в отношении новорожденных и их матерей. Медицинская подготовка, врачебный долг и компетенции врачебного персонала были наиболее уместны в турбулентную эпоху социальных социалистических преобразований.

В провинциальной России, в частности в Тамбовской губернии, процессы формирования структур по управлению охраной материнства и детства запаздывали и протекали нередко по произвольному и импульсивному сценарию. Все упиралось, главным образом, в финансы, точнее, в их наличие или отсутствие, а также в инициативность или пассивность местных управленцев. Заметим все же, что особую роль в развитии региональной системы социальной защиты матери и ребенка играли женские организации, в частности, женские советы.

В Тамбовской губернии только 5 июня 1918 г. был образован *Подотдел материнства и детства*, который входил в отдел социального обеспечения, и он принял на баланс учреждения и дела Тамбовского губернского земства. К подотделу перешли бывший дом подкидышей, а также сельский и городской патронаты. Отделом при помощи анкетирования были опрошены волостные Советы, которые сообщили, что все дети, розданные на воспитание крестьянам в деревню,

² Тамбовский земский вестник. 1917. 10 июня.

³ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 1566. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 4.

получили новый надел земли. В результате было принято решение прекратить денежные выплаты за воспитание детей во всей губернии. Это обосновывалось принципами социального воспитания, а также необходимостью «перехода от индивидуального семейного к социальному государственному воспитанию детей»⁶.

Заметим, что это решение очень сильно осложнило жизнь детей-сирот, которые были переданы на воспитание в крестьянские семьи, так как крестьяне уже привыкли к стабильной материальной поддержке за принятых воспитанников и рассчитывали на нее. Теперь же фактически советское местное самоуправление устранилось от всякой помощи семьям, в которые были приняты на воспитание дети-сироты. Это решение не привело к массовому возвращению детей или отказу от их содержания и воспитания, но значительно ухудшило условия жизни и питания таких воспитанников. Фактически происходила вполне типичная «оптимизация» социальной поддержки особо в ней нуждающихся граждан и гражданок «новой» Советской страны.

Впрочем, задача подкидышей на воспитание в городские и сельские семьи все же продолжалась для тех жителей Тамбовской губернии, которые хотели усыновить младенцев. Но она производилась только после обследования и получения положительных данных о личности и семейном положении просителей. Из-за декрета об отделении церкви от государства подкинутым детям имена и фамилии стали назначаться отделами социального обеспечения. Необходимо учитывать, что усыновление не предусматривало никакой материальной поддержки детей и их усыновителей ни государством, ни местными исполнительными комитетами.

Бывший дом подкидышей стал называться домом социального обеспечения младенцев № 8. В него стали приниматься не только подкидыши, но и дети, чьи матери не могли кормить и воспитывать своих детей. По сути, дети часто передавались туда матерями из-за нищеты и голода, которые царили в это время в Тамбовской губернии. Кроме того, некоторые женщины поступали вместе с детьми и становились кормилицами, полу-

чали за это кров и содержание, что превращало заведение в убежище для матери и ребенка⁷. Для многих жительниц региона это была порой единственная возможность спасти себя и своих детей в условиях надвигающейся продовольственной катастрофы.

Новому режиму была очевидна потребность и необходимость развития системы яслей и детских садов. Губернский подотдел дошкольного воспитания был образован при губнаробразе в начале апреля 1918 г. Его задачей была координация деятельности детских садов и других дошкольных учреждений, однако, уездные представители данного подотдела слабо реагировали на указания из Тамбова. На разосланную для заполнения анкету откликнулись только три уезда.

Выяснилось, что только губернский Тамбов сохранил несколько работающих детских учреждений: детский сад при «Доме революции», Мариинский приют, Латышский детский сад, сад при железнодорожной колонии, еврейский очаг. Планировалось также открытие образцового губернского детского сада. Однако долгое время центр не утверждал смету. Но все же главной проблемой было полное отсутствие специалистов по дошкольному воспитанию. Губернский отдел выступил с инициативой и открыл краткосрочные курсы для *детских садовниц*. Именно так были названы работницы детских садов, которых готовили на таких курсах⁸.

Результаты работы по открытию в Тамбовской губернии детских садов, приютов, очагов и других учреждений показывают, что они были открыты лишь к декабрю 1918 г. и только в отдельных уездных городах: по одному детскому саду имелось в Усмани, Кирсанове, Лебедяни, Темникове и Елатье. По два детских учреждения имели Моршанск и Козлов.

Губздравотдел рекомендовал уездным отделам социального обеспечения открыть на местах дома младенца, так как перевозка новорожденных из отдаленных местностей вызывала большой процент их смертности. Также для разгрузки переполненного Дома младенцев в Тамбове вскоре было открыто

⁶ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 360б.

⁷ Протоколы IV съезда Советов Тамбовской губернии 26 февраля – 1 марта 1919 года. Тамбов: Изд. губернского исполн. комитета, 1919. С. 83.

⁸ Дошкольная жизнь // Вестник просвещения. 1919. № 1-2. С. 33.

второе отделение на сорок человек более старшего возраста от 1,5 до 3-х лет.

Подотделы социального воспитания детей должны были также вести наблюдение за воспитанием детей в приютах. Для изучения столичного опыта по призрению детей-сирот и содержания грудных детей в Москву на курсы для врачей по уходу за грудными детьми были направлены женщины-врачи, а также на курсы медицинских сестер – две бывших воспитанницы сиротского дома.

В ноябре 1918 г. в Тамбове был открыт приют «Ясли» на 50 детей, куда принимались также дети, чьи матери занимались поденным трудом, не могли за ними следить и их воспитывать.

Всего к осени 1918 г. по всей губернии, во все уездные подотделы материнства и младенчества были разосланы проекты и примерные сметы на открытие в уездах домов «матери и ребенка», «яслей», женских консультаций с выдачей молока. Судя по сохранившимся отчетам, были организованы:

1) дома младенцев (всего 12 домов), то есть постоянные приюты для детей до 3 лет с делением детей на группы по возрасту до 1 года, полутора лет и до трех лет. Туда принимались дети-сироты или дети необеспеченных родителей, которые сами не могли их воспитывать. В последнем случае требовалось предъявить удостоверение от местных исполкомов или назначалось производство обследования;

2) ясли постоянного типа (5 учреждений). Ясли давали приют и питание детям матерей, уходящих на службу и не имеющих возможностей на кого-либо оставить своих детей;

3) дома матери и ребенка (6 учреждений), где беременные женщины и матери получали питание и отдых за 2 месяца до и 2 месяца после родов;

4) консультации (7 учреждений) для постоянного медицинского наблюдения за здоровьем детей;

5) родильные отделения (2 учреждения)⁹.

По мнению А. Авдеева, с самого начала функционирования отделов материнства и младенчества власти сосредоточивали усилия на развитии учреждений закрытого типа, таких, как дома матери и ребенка, дома ребенка, то есть попросту – специализирован-

ных больниц. И лишь в декабре 1920 г. первое совещание по охране материнства и младенчества вынесло решение о приоритете развития учреждений открытого типа, таких, как ясли, консультации, молочные кухни и прочее, что можно считать победой профилактически-воспитательного или профилактически-образовательного направления [11, с. 15]. Данное правило не работало в Тамбовской губернии, и в этом контексте местные власти часто импульсивно принимали необходимые решения, рассчитывая и надеясь, впрочем, на инструкции и материальную поддержку из центра.

В 1919 г. денег почти не выделялось, и начались катастрофические последствия для региональной системы охраны материнства и детства. Одними из первых снова забили тревогу тамбовские женщины. На этот раз был подготовлен специальный доклад в комиссию женщин по пропаганде и агитации среди работниц-женщин при уездном комитете партии коммунистов-большевиков о домах социального обеспечения. Главный вывод доклада: при наблюдении за работой на местах, проводимой как в яслях, так и в детских приютах, ощущался недостаток питания и ухода за детьми. В комиссию входили врачи, которые выявили вопиющие нарушения санитарно-гигиенических правил, антисанитарию и вследствие этого высокую заболеваемость и смертность воспитанников. Приведем несколько выдержек из доклада.

В лазарете «Дома революции» вследствие болезни врача «сиделки сами принимали больных и размещали на тех же кроватях, на которых лежали тифозные больные, больные с коклюшем, оспой и т. п.»¹⁰.

В «Яслях», расположенных на улице Приютской, вообще не было изолятора для больных. Больные дети находились в одной комнате с нянями. «В доме имеется одна русская печь, которая может обслуживать семью в 5–6 человек, но не 26 детей. Не имеется куба для кипячения воды; весь дом обслуживается полуведерным самоваром... в одной воде купалось по 10–12 человек детей, и этой же водой стиралось белье, а потом мылся пол. При купании детей никто не присутствовал. Ощущается большой недостаток белья, обуви, одеял»¹¹.

⁹ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 81.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 861. Л. 15об.

Сами врачи неоднократно подавали в Тамбовский губернский исполнительный комитет ходатайства о важности усиленного питания подкинутых младенцев, находящихся в доме социального обеспечения № 8. Большинство из 120 таких детей находились на искусственном вскармливании и поступали в «приют слабые и больные, часто с надорванным организмом»¹². По декрету Совнаркома об усиленном питании на ребенка полагалось по 1 бутылке молока или 6 ведер в день на всех, но горпродотдел отпускал только половину этой нормы. Дети от 1 года до 3-х лет не получали ни молока, ни мяса, ни белого хлеба, таким образом, происходило ежедневное падение веса, и появлялись стоматиты. Однако сигналы врачей власти «не слышали», а их тревога за здоровье детей не решала проблемы, и, таким образом, неуклонно росла детская смертность.

Во втором полугодии 1919 г. губернский подотдел охраны материнства и младенчества ходатайствовал перед Отделом охраны материнства и младенчества Наркомсоцобеспечения о выдаче наряда на продукты. Однако такие запросы не могли уже быть выполнены в условиях дезинтеграции экономики, нарушения товарообмена, тотального дефицита продовольственных ресурсов. Для центральных и местных властей важнее было накормить Красную армию и «армию управленцев», чем нуждающихся матерей и их детей.

9 марта 1920 г. секции охраны материнства и детства были переданы по постановлению Совнаркома от 9 марта 1920 г. в здравотделы. Теперь не собесы отвечали за здоровье младенцев, а медицинские работники. Однако это совершенно не повлияло на положение учреждений по охране материнства и младенчества. «Смена караула», то есть руководства не привела к увеличению финансирования детских учреждений, но медицинские работники все же более активно сигнализировали руководству о заболеваемости детей и недостатках в их содержании в детских учреждениях. Источники сохранили принципиальные позиции тамбовских врачей по важности спасения детей в «советских приютах» и не прикрывались политическими или партийными лозунгами о «победе мировой революции» и торжестве социалистических идей. Для медиков были очевидными факторы, ко-

торые разрушали здоровье детей и приводили к росту младенческой смертности.

Все же в этот период местные власти попытались смягчить положение со снабжением новорожденных детей через создание «новых», «особых» детских домов для детей до 3-х лет. Дело в том, что продукты отпускались государством только для детских домов, и перевод детских учреждений подотдела охраны материнства и детства в эту категорию немного смягчал ситуацию.

Однако еще одна опасность грозила «младенцам» и их детским учреждениям со стороны «военных». Дело в том, что под построй войскам революционной России требовались здания, и с большим «успехом» изымались помещения, в которых жили и воспитывались малолетние дети. Волна реквизиций для Красной армии зданий детских учреждений была столь вопиющей, что был вынужден вмешаться в «тамбовский беспредел» сам Ф.Э. Дзержинский. Узнав, что Особый отдел Тамбовской ЧК занял только что отремонтированный дом, а помещения для детской больницы не нашлось, Ф.Э. Дзержинский 14 апреля 1921 г. отправил председателю Тамбовской губчека телеграмму: «Немедленно примите все меры [к] полному оказанию содействия и изысканию средств помощи губуполномоченному по улучшению жизни детей. Занятый особотделом отремонтированный дом передать под детскую больницу, а также отведенные огороды. Вопрос улучшения жизни детей – один из важнейших вопросов республики, и губчека должна идти всемерно навстречу, а не ставить препятствий. Предвечека Дзержинский» [12, с. 18]. Это вмешательство главы ВЧК остановило «разорение» детских учреждений в Тамбовской губернии. Иначе военная «целесообразность» и потребности нанесли бы еще больший урон новорожденным детям Советского государства.

В регионе все же происходили неизбежные уже сокращения, говоря современным языком, непрерывные «оптимизации» детских учреждений, и к октябрю 1921 г. в регионе остались лишь 2 дома «Матери и ребенка», один «Дом младенцев» и один дом «Ясли».

Но власти старались «разгружать» также и сами детские дома от детей в возрасте до 3-х лет. Дети дошкольного возраста из смешанных детских домов должны были

¹² ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 51. Л. 40.

быть выделены в специально-ориентированные для них дома – дома ребенка.

Впрочем, эти «Дома ребенка» по-прежнему испытывали недостаток в топливе, питании, белье и обуви. Детским садам питание или совсем не отпускалось, или же отпускалось по самой минимальной норме. О положении дел в уездных центрах весьма красноречиво свидетельствует акт обследования детских приютов, домов младенчества в г. Козлов Тамбовской губернии, проведенный 5–7 мая 1921 г.: «Приют № 3 «Революция». Дом требует капитального ремонта. Нет для детей белья, имеется одна смена, то есть то, что на них. Нет достаточно кроватей, и дети спят по двое–трое на одной кровати. Острый недостаток постельных принадлежностей. Дети спят чуть на голых досках»¹³.

О состоянии дел в уездах откровенно и предельно точно сообщали и местные власти. В уездном г. Моршанск на заседании комиссии по улучшению быта детей от 23 января 1922 г. управздравотделом Троицкий отмечал, что в домах «Младенца», «Матери и ребенка» и яслях при железной дороге положение критическое. «Смертность в доме младенца доходит до 65 процентов. Главные причины: отсутствие молока, слабость организма детей, подобранных с улицы. Также недостаток топлива»¹⁴. Эти данные были не исключением из правил, а вполне типичной картиной того, как складывались дела в детских учреждениях в годы «успешной» новой экономической политики (нэпа).

В мае 1922 г. разразился новый удар по учреждениям по охране материнства и младенчества в Тамбовской губернии: из центра пришла директива о передаче всех детских учреждений, кроме 125 коек, оставленных на гособслуживании, на содержание каких-либо хозяйственных организаций. Начались просьбы, ходатайства, мольбы. Работники просили сохранить детские учреждения в губернии хотя бы до сентября, то есть до нового урожая. К содействию и попыткам сохранения учреждений охраны материнства и младенчества были привлечены уполномоченные по улучшению жизни детей, члены женотделов. В течение двух месяцев шла непрерывная борьба за жизнь детских учреждений. К сожалению, как отмечали совре-

менники, результаты далеко не соответствовали количеству затраченной энергии: по некоторым уездам были ликвидированы почти все детские учреждения. Из трех уездов Кирсановского, Козловского и Шацкого совершенно перестали поступать сведения о судьбе детских домов и домов материнства и детства¹⁵. В Моршанском, Липецком, Борисоглебском, Спасском, Лебединском, Елатомском и Тамбовском уездах детские учреждения были переданы или в уисполкомы или профсоюзам, либо другим учреждениям.

Хотя формально все учреждения охраны материнства и младенчества продолжали состоять в ведении губздравицы, но фактически они находились в полной зависимости от организаций, взявших их на свое иждивение. Однако уже спустя несколько недель стало понятно, что учреждения не имели возможности содержать детей на своем бюджете.

В 1923 г. в Тамбовской губернии было 18 учреждений по охране материнства и младенчества: 10 домов для детей в возрасте до 3 лет на 420 детей; три дома матери и ребенка на 90 детей и 45 матерей, двое яслей постоянного типа на 65 детей и три консультации, через которые проходило по 80–90 человек в сутки. Эти консультации обслуживали беременных женщин и матерей с младенцами. В детские учреждения принимались как подкидыши, так и дети необеспеченных материально матерей. Их обслуживали врачи, сестры-воспитательницы и няни.

Стали привлекательными и дома-сады. Эти дома-сады являлись звеном в цепи учреждений социального воспитания, «ставящих опыты применения наиболее целесообразных методов воспитания. Существование этих домов-садов особенно важно потому, что дитя пролетарской революции приобретает пролетарское мировоззрение с самых ранних лет своей жизни»¹⁶. В пропагандистском издании «Красный Октябрь. Четвертая годовщина» указывалось, что в губернии имелся 191 детский сад, а до 1917 г. было лишь «6 детских садов в городах для богатых»¹⁷.

На 1923–1924 гг. во всей Тамбовской губернии, судя по хозяйственному плану, име-

¹³ ГАТО. Ф. Р-1512. Оп. 1. Д. 251. Л. 10.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1404. Оп. 1. Д. 501. Л. 14.

¹⁵ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 1788. Л. 7.

¹⁶ Хозяйственный план с пояснительной к нему запиской на 1923–1924 гг. Тамбов, 1923. С. 41.

¹⁷ Красный Октябрь. Четвертая годовщина. Тамбов, 1921. С. 52.

лись 2 детских сада, в которых работали 5 педагогов и находились 45 детей. Комплектование шло по классовому признаку с предпочтением детям рабочих и крестьян¹⁸.

Спустя год, в 1925 г., в Тамбовской губернии функционировали уже 8 детских садов и очагов, 63 детских дома¹⁹.

Учреждения по охране материнства и детства были рассчитаны главным образом на распространение гигиенических сведений по вопросам вскармливания и организации детских учреждений. Они подразделялись на два типа: детские учреждения открытого типа (ясли, консультации) и закрытого типа (дома ребенка, дома матери и ребенка). В Тамбовской губернии имелось 8 детских учреждений закрытого типа и 10 – открытого. Всего там было 560 детей и 35 матерей. В летнее время в наиболее крупных селах работали 22 летних яслей на 750 детей²⁰.

К концу 20-х гг. XX века в регионе по-прежнему имелось явно недостаточное количество учреждений дошкольного образования. Из 14600 детей в возрасте от 3 до 7 лет дошкольными учреждениями было охвачено лишь 2548 детей, то есть лишь 17 % от общего числа детей дошкольного возраста. Всего по Тамбовскому округу имелось 12 детских садов и 53 детские площадки. Из них в 1928/1929 учебном году было открыто 4 детских сада и 50 площадок за счет кооперативных и общественных организаций. Планировалось через пять лет открыть по одному детскому саду и площадке на каждый район²¹.

В самом Тамбове в 1929 г. учреждения охраны материнства и младенчества были представлены консультацией для детей и отдельно консультацией для матерей, двумя детскими яслями, работающими с 8 часов утра до 4 часов дня, и для матерей вечерней смены с 4 дня до 7,5 часов вечера. Эти два детских сада вполне понятно показывают, как развивалась система по охране материнства и детства в конце 20-х гг. XX века.

¹⁸ Хозяйственный план с пояснительной к нему запиской на 1923–1924 гг. С. 7.

¹⁹ Календарь и записная книжка добровольного корреспондента Тамбовской губернии за 1927 г. Тамбов, 1927.

²⁰ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XI созыва. Тамбов, 1926. С. 147.

²¹ Пятилетний перспективный план развития хозяйственной и культурной жизни Тамбовского округа на 1928–1929 – 1932–1933 гг. Вып. V. Тамбов, 1929. С. 8.

Впрочем, было еще одно обстоятельство, которое несколько «сгладило» в рассматриваемый период проблему подкинутых детей и заботу об их социальной защите. На заседании съезда работниц и крестьянок – членов Советов 3–7 октября 1927 г. говорилось и об улучшении положения женщин, о чем свидетельствовало уменьшение случаев подкидышания детей. Приводились данные Тамбовского дома ребенка: в 1917 г. поступило 1010 подкидышей, в 1925 г. – 119, 1926 г. – 51, 1927 г. – 46²². Сами эти сведения не подлежат сомнению, но необходимо учитывать несколько обстоятельств:

1) территория Тамбовской губернии с 1923 г. подвергалась почти непрерывному «обрезанию», что приводило к фактическому сокращению учитываемого в статистике населения и изменяло сведения по подкидышам;

2) население региона за первое десятилетие советской власти резко сокращалось из-за репрессии революционной эпохи (1917–1918 гг., периода «антоновщины»), голодовок, притеснения «новых» властей на уровне конкретных сел и городов);

3) легализация абортов, конечно же, спасала тысячи жизней женщин, которые неизбежно при необходимости пошли бы на «нелегальное» искусственное прерывание беременности, но приводила к «убийству» тех же тысяч нерожденных детей, часть которых могла бы оказаться в советских «приютах для подкидышей». Постановлением наркоматов здравоохранения и юстиции от 16 ноября 1920 г. «Об искусственном прерывании беременности» аборты в Советской России были легализованы. Отныне их можно было делать в специальном медицинском учреждении бесплатно, а фабрично-заводские работницы пользовались преимуществом на аборт вне очереди. Семейно-брачный кодекс 1926 г. также утвердил право женщины на искусственное прерывание беременности [13, с. 279]. Так, в Тамбовской губернии в 1925–1926 гг. было проведено 3405 искусственных прерываний беременности²³. Можно предположить, что часть из этих нерожденных, нежелательных детей могла бы оказаться среди «подкидышей».

²² ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 289. Л. 37а.

²³ Отчет о работе Тамбовского губернского исполнительного комитета XII созыва. Тамбов, 1927. С. 87.

Декларировавшиеся призывы о детях как «цветах жизни», обязательства государственной заботы о воспитанниках приютов, детях-подкидышах оказались при «новом» режиме пустым звуком. Ограбленная в годы революции, Гражданской войны, нэпа и коллективизации Тамбовщина демонстрировала полный провал эйфории и надежд на «светлое» коммунистическое будущее для советских детей. Положение детей-сирот, в частности, новорожденных детей-подкидышей, было близким к катастрофе, и их выживание и здоровье зависели не от государства или местных властей, а было делом случая и стечения обстоятельств. Обещание «счастливого детства» оказалось фикцией и никак не подкреплялось финансово и организационно.

Подводя итоги, важно отметить, что местные власти все же пытались каким-то образом решать острые проблемы детской смертности и старались формировать особую социальную политику в отношении охраны материнства и младенчества, однако, недостаток средств не позволял им реализовывать задуманное. Рекомендация из столиц опираться на местные ресурсы не могла быть реализована по причине масштабного изъя-

тия из региона продовольственных и других материальных резервов. Нэп по своей сути был хуже самого тяжелого стихийного бедствия, привел к почти полному свертыванию программ социальной защиты детей, от которого регион так и не смог полностью оправиться до конца 20-х гг. XX века.

Ситуацию отчасти спасали адаптивные факторы, которые были характерны для традиционных устоев аграрного социума Тамбовщины [14]. В работе В.Л. Дьячкова справедливо указывается на возрастание в кризисные периоды способности к выживанию и поиску путей выхода из порой не разрешаемых ситуаций и событий [15].

И все же, важно отметить, что это поколение, рожденное в 20-е гг. XX века, прошедшее через невероятные испытания и страдания, нужду и голод, проявило удивительные патриотические настроения, беззаветную храбрость и мужество в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Именно эти «дети беды» смогли выдержать тяготы и лишения военной поры, защитить свою Родину, проявлять героизм и самоотверженность, привести Советский Союз к Великой Победе.

Список литературы

1. Щербинин П.П. «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 370 с.
2. Бравая Р.М. Охрана материнства и младенчества на Западе и в СССР: исторический очерк. М.: Гос. мед. изд-во, 1929.
3. Федер Е.А. Что такое охрана материнства и младенчества. М.: Гос. мед. изд-во, 1929.
4. Курзон В.М. Охрана материнства и младенчества в СССР: пособие для врачей и работников по охране материнства и младенчества / с предисл. директора Гос. науч. ин-та охраны материнства и младенчества проф. Г.Н. Сперанского. 2-е изд. Самара: Самиздатторг, 1928.
5. Лепский Е.М. Что такое охрана материнства и младенчества. Казань: Санпросвет Татнаркомздрава, 1924.
6. Каценельсон И.С. Охрана материнства и младенчества, ее цели и задачи. Л.: Ленингр. правда, 1928.
7. Конюс Э.М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940): по материалам орг. и науч. съездов / под ред. В.П. Лебедевой, Г.Н. Сперанского. М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954.
8. Боголепов П.П. Справочник по охране материнства и младенчества. Систематический сборник действующего законодательства и официальных материалов с 1917 г. по 1 октября 1927 г. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ, 1928.
9. Сычева Н.С. Становление и развитие учреждений по охране материнства и младенчества на Дону в 1920-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 6 (178). С. 41-45.
10. Смирнова Т.М. Дети страны Советов. От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург: Ин-т рос. истории РАН; Центр гум. инициатив, 2015.
11. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М., 2010.
12. Гладыш С. Дети большой беды. М., 2004.

13. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва; Тамбов, 2004.
14. Щербинин П.П. «Антоновщина» сквозь призму восприятия детей и подростков: выбор жизненного пути и его последствия в первой четверти XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 113-115.
15. Дьячков В.Л. Российская демографическая модель XX в.: особенности перехода от традиции к модерну // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 20. Вып. 12 (152). С. 143-147. DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-12(152)-143-147.

References

1. Shcherbinin P.P. «Pustite detey ko mne...»: «*deti bedy*» i *popечitel'stvo do i posle 1917 goda* [“Suffer the Children to Come unto Me...”: “Children of Misfortune” and Patronage before and after 1917]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2018, 370 p. (In Russian).
2. Bravaya R.M. *Okhrana materinstva i mladenchestva na Zapade i v SSSR: istoricheskiy ocherk* [Protection of Motherhood and Infancy in the West and in the USSR]. Moscow, State Medical Publ., 1929. (In Russian).
3. Feder E.A. *Chto takoye okhrana materinstva i mladenchestva* [What is Protection of Motherhood and Infancy]. Moscow, State Medical Publ., 1929. (In Russian).
4. Kurzon V.M. *Okhrana materinstva i mladenchestva v SSSR: posobiye dlya vrachey i rabotnikov po okhrane materinstva i mladenchestva* [Protection of Motherhood and Infancy in the USSR: Guide for Doctors and Workers of Protection of Motherhood and Infancy]. Samara, Samizdattorg Publ., 1928. (In Russian).
5. Lepskiy E.M. *Chto takoye okhrana materinstva i mladenchestva* [What is Protection of Motherhood and Infancy]. Kazan, Sanprosvet Tatnarkomzdrava Publ., 1924. (In Russian).
6. Katsenelson I.S. *Okhrana materinstva i mladenchestva, eye tseli i zadachi* [Protection of Motherhood and Infancy, Its Aims and Tasks]. Leningrad, Leningradskaya pravda Publ., 1928. (In Russian).
7. Konyus E.M. *Puti razvitiya sovetskoy okhrany materinstva i mladenchestva (1917–1940): po materialam org. i nauch. syezdov* [The Ways of Development of Soviet Protection of Motherhood and Infancy (1917–1940): Based on the Materials of Organizational and Scientific Congresses]. Moscow, Central Medical Refresher Institute, 1954. (In Russian).
8. Bogolepov P.P. *Spravochnik po okhrane materinstva i mladenchestva. Sistemicheskiy sbornik deystvuyushchego zakonodatel'stva i ofitsial'nykh materialov s 1917 g. po 1 oktyabrya 1927 g.* [Guide on Protection of Motherhood and Infancy. Systemic Digest of Current Legislation and Official Materials since 1917 to October 1, 1927]. Moscow, Protection of Motherhood and Infancy of the Narkomzem, 1928. (In Russian).
9. Sycheva N.S. Stanovleniye i razvitiye uchrezhdeniy po okhrane materinstva i mladenchestva na Donu v 1920-e gody [Formation and development of institutions of the protection of motherhood and infancy on the Don in 1920s]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki – University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, 2013, no. 6 (178), pp. 41-45. (In Russian).
10. Smirnova T.M. *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of Soviet Country: From State Policy to Everyday Realities. 1917–1940]. Moscow, St. Petersburg, 2015. (In Russian).
11. Avdeyev A. Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR [Death rate of infancy and history of protection of motherhood and childhood in Russia and in the USSR]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography]. Moscow, 2010. (In Russian).
12. Gladyshev S. *Deti bol'shoy bedy* [Children of Great Misfortune]. Moscow, 2004. (In Russian).
13. Bezgin V.B. *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Everyday Life of Peasants (Traditions of the Late 19th – Early 20th Century)]. Moscow, Tambov, 2004. (In Russian).
14. Shcherbinin P.P. «Antonovshchina» skvoz' prizmu vospriyatiya detey i podrostkov: vybor zhiznennogo puti i ego posledstviya v pervoy chetverti XX veka [“Antonovshchina” through the lenses of perception of children and adolescents: choice of life course and its consequences in the first quarter of the 20th century]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 6 (80), part 2, pp. 113-115. (In Russian).
15. Dyachkov V.L. Rossiyskaya demograficheskaya model' XX v.: osobennosti perekhoda ot traditsii k modernu [Russian demographic model in the 20th century: peculiarities of transition from tradition to modern].

Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities, 2015, vol. 20, no. 12 (152), pp. 143-147. (In Russian). DOI 10.20310/1810-0201-2015-20-12(152)-143-147.

Информация об авторе

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Вклад в статью: общая концепция статьи, написание текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Поступила в редакцию 14.10.2018 г.

Поступила после рецензирования 17.11.2018 г.

Принята к публикации 15.01.2019 г.

Information about the author

Pavel P. Shcherbinin, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Contribution: main study conception, manuscript text drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7886-7833>

Received 14 October 2018

Reviewed 17 November 2018

Accepted for press 15 January 2019

DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-198-204
УДК 94(73).091.7

Соперничество США и Франции на оружейном рынке в арабских странах Ближнего Востока в 1970-е гг.

Илья Михайлович ЛАКСТЫГАЛ

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7779-1854>, e-mail: osroenae@gmail.com

The rivalry of the United States and France in the arms market in the Arab countries of the Middle East in the 1970s

Ilya M. LAKSTYGAL

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7779-1854>, e-mail: osroenae@gmail.com

Аннотация. Посвящено американо-французскому взаимодействию на оружейных рынках арабских стран Ближнего Востока в период с арабо-израильской войны Судного дня 1973 г. по Кэмп-Дэвидские соглашения между Египтом и Израилем (1978 г.) и начало Ирано-иракской войны (1980 г.). Актуальность работы заключается в том, что данный регион со времени роста цен на нефть, с конца 1960-х гг. по настоящее время, остается ключевым местом конкуренции крупнейших военно-промышленных комплексов западных стран, к которым относятся в первую очередь американский и французский. Именно в это время закладываются основы их конкуренции. Цель исследования – выяснить, в какой степени активность Парижа, который, будучи союзником Вашингтона по НАТО, открыто сотрудничал в поставках систем вооружений с советскими партнерами в регионе, была волею или неволею подчинена действиям или сигналам из США. Сделан вывод, что отсутствие острой конкуренции, а также противодействие тесному сотрудничеству Франции с Ливией, Ираком и Египтом, где французам удалось занять прочные позиции по сравнению с американцами, объясняются тем, что Вашингтон руками Парижа старался оторвать потребителей советского военно-промышленного комплекса от СССР или хотя бы ослабить их зависимость от Москвы в закупках вооружений.

Ключевые слова: Ближний Восток; США; Франция; вооружения; торговля

Для цитирования: Лакстыгал И.М. Соперничество США и Франции на оружейном рынке в арабских странах Ближнего Востока в 1970-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 179. С. 198-204. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-198-204

Abstract. We consider the US-French interaction in the arms markets of the Arab countries of the Middle East during the period of the Arab-Israeli war of the Doomsday (1973) on the Camp David agreements between Egypt and Israel (1978) and the beginning of the Iran-Iraq war (1980). The relevance of the work lies in the fact that the region since the rise in oil prices from the late 1960s to present day remains a key competition place for the largest military-industrial complexes of Western countries, which primarily include the US and French. It is at this time lays the foundations of their competition. The purpose of the study is to explore the extent to which the activity of Paris, which, as an ally of Washington in NATO, openly collaborated in the supply of weapons systems with Soviet partners in the region, was willingly or unwillingly subordinated to actions or signals from the United States. We came to the conclusion that the lack of fierce competition, as well as countering the close cooperation of France with Libya, Iraq and Egypt, where the French managed to take a strong position compared to the Americans, is due to the fact that Washington

tried to tear off the consumers of the Soviet military industrial complex from the USSR or even would weaken their dependence on Moscow in arms procurement.

Keywords: Middle East; United States; France; arms; trade

For citation: Lakstygai I.M. Sopernichestvo SSHA i Frantsii na oruzheynom rynke v arabskikh stranakh Blizhnego Vostoka v 1970-e gg. [The rivalry of the United States and France in the arms market in the Arab countries of the Middle East in the 1970s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 179, pp. 198-204. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-179-198-204 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Длительный арабо-израильский конфликт достиг своей кульминации в 1973 г., когда после очередной войны на Ближнем Востоке, окончившейся поражением арабов, страны ОПЕК инициировали глобальный энергетический кризис. Это привело к росту значения арабских государств как клиентов для западного ВПК и было обусловлено как увеличением платежеспособного спроса из-за сверхдоходов от нефти, так и желанием арабских стран взять реванш или, по крайней мере, обезопасить себя в возможных вооруженных конфликтах с Израилем. Из стран Запада наиболее пристально за этими изменениями следили США – лидер западного мира – и Франция, оспаривавшая монополию Вашингтона на навязывание своей воли Западной Европе. Именно эти два государства могли снабдить арабские страны, не входящие в сферу влияния СССР или пытающиеся выйти из нее, в полной мере современными системами вооружений, равными по характеристикам израильским.

Действия США на этом оружейном рынке были подчинены целям выдавливания СССР из региона. Поставки, их номенклатура и объем служили бонусом для тех, кто соглашался идти в фарватере политики Вашингтона. Франция не имела политических рычагов и долговременных альянсов в регионе. Она пыталась компенсировать это активным предложением продукции своего ВПК как «умеренным», так и «радикальным» арабским государствам. Это давало Парижу пространство для маневра, которого не было у Вашингтона.

Рассмотрим динамику освоения США и Францией оружейного рынка региона. Это позволит ответить на вопрос, в какой степени США – доминирующая в регионе западная держава – могли контролировать проникновение на рынок вооружений арабского Ближнего Востока другой страны из своего лагеря – Франции, и в какой степени Париж

имел здесь свободу действий. Из государств арабского Ближнего Востока выбраны арабские монархии Персидского залива, Египет, Ирак, Ливия, Саудовская Аравия.

Начать обзор соперничества США и Франции на арабском рынке оружия стоит с самого ценного для западного мира арабского государства региона – Саудовской Аравии. К 1977 г. она обеспечивала 22 % импорта сырой нефти в США [1, doc. 143, p. 452]. Париж, приняв решение ориентироваться на преимущественные закупки нефти у Саудовской Аравии в 1971 г., после национализации месторождений Алжиром, к 1973 г. и вовсе сделал Саудовскую Аравию основным поставщиком. К 1980 г. на королевство приходилось 50 % нефтяного импорта Франции [2, p. 355].

Кроме факта энергетической зависимости и наличия сверхдоходов от нефти почва для проникновения французского ВПК в эту страну была подготовлена Шестидневной войной 1967 г. Американцы, основной поставщик Эр-Рияда, были союзником победившего Израиля, имевшего лучшие, чем у арабских партнеров США, системы вооружений. Уже в январе 1972 г. Эр-Рияд отозвался резкой критикой характеристики предлагаемого ему американского истребителя Lightnings 104G и заявил, что хочет заменить его на французский Mirage III [3, doc. 137, p. 439]. Впрочем, это было скорее прощупывание почвы для получения самых современных на тот момент американских машин – F4 Phantom II, которые уже поставлялись Израилю. В канун Октябрьской войны в сентябре 1973 г. Париж посетил король Саудовской Аравии Фейсал, который интересовался возможностью предоставления арабским странам технологий и вооружений. По итогам визита было, наконец, заключено предварительное соглашение о поставке 38 самолетов Mirage V, что вызвало некоторую озабоченность в США [3, doc. 95, p. 281].

В ситуации спровоцированного Октябрьской войной 1973 г. энергетического кризиса президент Франции Ж. Помпиду в январе 1974 г. отправил главу МИД Франции М. Жобера на Ближний Восток. Целью визита было скорейшее заключение бартерных сделок на поставки нефти. Ключевой стабей обмена стало оружие. Первой в турне значилась Саудовская Аравия¹. По мысли Елисейского дворца, Эр-Рияд должен был заключить с Парижем контракт на поставки в течение 20 лет 800 млн тонн нефти по фиксированной цене в обмен на покупку крупной партии истребителей Mirage, 200 танков AMX, создание танкового училища, нефтеперерабатывающих и опреснительных заводов². Итогом визита, однако, стало лишь трехгодичное соглашение с саудитами о поставке 30 млн тонн сырой нефти в 1974–1976 гг. [4, р. 156], без масштабных оружейных контрактов.

В мае 1977 г. принц Фахд вновь наметил американцам, что перевооружить его армию предлагают англичане и французы [1, doc. 151, р. 496]. Этот, по сути, шантаж объяснялся шепетильностью американцев в передаче военных технологий даже союзным арабским странам. Так, в 1977 г. Конгресс одобрил огромный пакет оружейных контрактов для Израиля, Саудовской Аравии и Египта. Но когда поставки входивших в него 60 новейших истребителей F-15S были уже согласованы, Вашингтон отказался передать саудитам дополнительное оборудование: подвесные контейнеры с вооружениями и устройства для дозаправки в воздухе. Госдепартамент понимал, что основным бенефициаром раздражения саудитов станут французы [1, doc. 216, р. 698]. Они действительно воспользовались возможностью для поставок бронетехники: к 1981 г. на вооружении Эр-Рияда стояли 400 французских танков AMX разных модификаций, а также бронемшины AML³. Тем не менее, французов все же не сделали партнером по модернизации военной инфраструктуры королевства.

Американцы, наоборот, сооружали там авиабазы Табук, Хамис-Мушаят и аль-Батин, а также базу ВМС в Джубайле. Всего к концу 1970-х гг. объем американских заказов на

создание инфраструктуры для королевской армии составлял 9 млрд долл.⁴ К 1979 г. на вооружении Эр-Рияда стояли 100 танков M-60 (аналогичных израильским), 200 БМП M-113, 65 истребителей F-5E, 24 F-5F, 16 F-5B, 36 военно-транспортных C-130, большое количество противовоздушных, противотанковых ракет и артиллерийских систем. Готовились к поставке 60 истребителей F-15S, а также еще 150 танков M-60, выводя Эр-Рияд на второе место по использованию американской техники после Израиля⁵.

На этом фоне резко выделяется ситуация в не менее богатой углеводородами Ливии. Здесь в 1969 г. власть захватил М. Каддафи, порвавший с проамериканским и проанглийским курсом ливийской монархии и принудивший уйти из страны их нефтяные и оружейные компании. Образовавшуюся пустоту сначала заполнила французская Total. К войне Судного дня Франция уже вплотную подходила к четвертому месту по потреблению ливийской нефти [5, с. 94]. Тогда же Триполи заключил контракт на поставку 110 самолетов «Мираж» до 1974 г. (часть этой партии составили предназначавшиеся ранее для Израиля 50 машин). Контракт оценивался в 2,2 млрд франков и стал на тот момент крупнейшей в истории французского ВПК разовой покупкой этих истребителей [6, р. 285].

С середины 1970-х гг. Ливия утратила свой статус фаворита французских ближневосточных экономических приоритетов из-за непредсказуемости действий своего руководства, в частности, в Чаде – старой вотчине Франции, а также из-за передачи поставленных ей самолетов Египту во время войны 1973 г. [5, с. 94]. Париж во второй половине 1970-х гг. начал сокращать свою зависимость от ливийской нефти: с 17 % в 1974 г. до всего лишь 2 % в 1977 г. [5, с. 95]. Но это не мешало французским оружейникам чувствовать себя в Ливии вольготно даже при конкуренции со стороны СССР. Так, в 1979 г. Триполи ожидал поставки 32 истребителей Mirage разных модификаций, партии легкой бронетехники, нескольких вертолетов Gazelle,

¹ Newsweek. 1974. Feb. 4.

² Newsweek. 1974. Jan. 21.

³ Military Balance. 1979. Vol. 79. P. 67.

⁴ House Committee on Foreign Affairs, Subcommittee on Europe and the Middle East, Activities of the US Army Corps of Engineers in Saudi Arabia. Washington, 1979. P. 5.

⁵ Military Balance. 1979. Vol. 79. P. 66.

большого количества противотанковых комплексов⁶.

Имела место явная кооперация на оружейном рынке американцев и французов в Египте, второй ключевой стране ближневосточного конфликта и союзнике СССР. Еще в сентябре 1973 г. в канун арабо-израильской войны Каир закупил небольшую партию Mirage разных модификаций (38 машин) [7, р. 85], что выглядело экзотично на фоне практически полностью советского авиапарка. После октября 1973 г., когда часть авиации Египта была уничтожена, А. Садат решил перевооружать армию на западный образец. Он получил соответствующие обещания от американцев. Те, однако, не торопились передавать бывшему советскому союзнику свое оружие. 18 апреля 1974 г. Каир объявил, что прекращает длившиеся 18 лет покупки оружия у СССР [8, р. 30], а 23 августа 1974 г. было снято международное эмбарго на поставки оружия в Египет.

Франция решила занять место уходящего из страны СССР как основного поставщика вооружений. Она предложила Каиру локализовать производство самолетов. Деньги на постройку Mirage в Египте намеревались дать Саудовская Аравия и ОАЭ. После долгих переговоров в декабре 1975 г. Каир с предложениями по данному проекту посетил сам президент Франции В. Жискард д'Эстен [2, р. 353]. Переговоры Франции, Великобритании, США и арабских стран вылились в проведение Организации Арабской военной индустриализации в 1975 г. Она включала локализацию производства американских джипов American Motors, британских противотанковых комплексов, французских тренировочных Alphajet и истребителей Mirage [9, р. 420].

Однако желание иметь американское вооружение за американские же деньги являлось самым сильным в египетском руководстве на фоне затруднений с получением французского на таких же условиях и в требуемых объемах. В августе 1974 г. Египет впервые попросил США о самолетах F-5. В поставке Пентагон отказал из-за состояния войны Египта с Израилем, но позволил тайно тренироваться египетским пилотам на данных машинах в Саудовской Аравии [8, р. 31]. Тем не менее Вашингтон опасался давать

Каиру летальное оружие и ограничился поставкой в феврале 1976 г. 6 военно-транспортных самолетов C-130. Президенту Дж. Форду пришлось отдельно заверить Конгресс, что это не означает установления военных отношений с Египтом. О намерении поставить F5S американцы, преодолев сопротивление израильского лобби в Конгрессе и уступая требованиям арабов дать Египту современные самолеты, объявили только в 1977 г. на фоне прогресса, достигнутого на израильско-египетских переговорах о возможности заключения мирного договора.

Французы, однако, не сдавались в попытках расширить свою сферу влияния в Египте. В начале января 1977 г. глава военного ведомства Франции заверил, что производство Mirage F-1 в Египте скоро начнется, хотя реально в 1978 г. удалось наладить выпуск лишь учебно-боевых машин Alphajet и легких вертолетов Gazelle⁷.

Но уже в апреле 1977 г. А. Садат официально послал список желаемого вооружения в Вашингтон. В июле 1977 г. Белый дом разрешает поставку еще 14 C-130s и 12 БПЛА Firebee. Тем не менее в феврале 1978 г. А. Садат в Париже еще обсуждал поставку Mirage F-1S как ответ на задержку со стороны американцев. Такая тактика сработала и оказалась эффективной. Египет получил от США свою часть большого оружейного «пакета» общим объемом 4,8 млрд долл. В это время стал очевидным полный провал локализации крупного производства европейского оружия в Египте за арабские деньги, включая истребители Mirage.

Сближение с США не помешало Египту договориться Саудовской Аравией в марте 1978 г. о поставке 46 Mirage F-1S. Но Эр-Рияд после визита египетского президента А. Садата в США в декабре 1978 г. согласился выделить Каиру 590 млн долл. на покупку 50 истребителей F-5S. Эти машины были обещаны американцами еще в феврале 1978 г.⁸ Вашингтон в марте 1979 г. одобрил отправку только 35 F-5S и отказал в поставке F-16S, которые намеревался в будущем передать Израилю, оставляя за ним преимущество в воздухе в потенциальной войне с арабами. В то же время создать в Египте аналогичные по классу системы не удавалось.

⁶ Military Balance. 1979. Vol. 79. P. 65.

⁷ Ibid. P. 62.

⁸ Washington Post. 1978. Oct. 7.

Заказ на тяжелые 46 Mirage F-1S поступил довольно быстро [8, р. 84]: согласно данным «Милитари Бэлэнс», они находились на вооружении египетских ВВС уже в 1979 г., так что, в отличие от многих подобных контрактов, он не затянулся и не был в итоге свернут⁹. Кроме того, в 1979 г. также готовились поступить в распоряжение египетских летчиков 164 учебно-боевых Alphajet, частью произведенные уже в Египте¹⁰. Одновременно по состоянию на 1979 г. в Египет поставлялись также 35 единиц истребителей-бомбардировщиков F4E Phantom (имелись у Тель-Авива с 1972 г.) и 14 военно-транспортных C-130¹¹. Таким образом, в деле комплектования египетских ВВС близкими к имеющимся у Израиля машинами американцы и французы к концу 1970-х гг. временно достигли паритета. Франция, по сути, стала одной из немногих, кому США осознанно готовы были уступить долю на оружейном рынке Египта.

Ирак, сравнимый с Ливией в непримиримости к Израилю, к началу 1970-х гг. занимал второе место [10, р. 647] в поставках нефти во Францию (15 %) [11, р. 293]. К 1979 г. иракская нефть составляла уже 23 % французского потребления [10, р. 637], за Ираком окончательно закрепилось второе после Саудовской Аравии место в поставках энергоносителей.

Если Парижу срочно нужен был рынок сбыта оружия и источники сырья, то Ирак отчаянно нуждался в вооружениях западного образца. Ими пользовались его потенциальные противники – Иран и Саудовская Аравия. Кроме того, это уравнивало бы зависимость Багдада от Москвы: 9 апреля 1972 г. был заключен советско-иракский договор о дружбе и сотрудничестве. С 1974 г. устанавливаются военные контакты Франции с Ираком, в частности, была заключена сделка на поставку радаров ПВО на сумму 1,764 млрд франков [12, р. 99].

В 1975 г., после обмена визитами между премьер-министрами Франции и Ирака Ж. Шираком и С. Хусейном, впервые было объявлено о возможной поставке истребителей Mirage для Багдада. В октябре 1975 г. обсуждалась даже возможность локализации постройки самолетов в Ираке. В 1977 г. был

подписан контракт на поставку 200 танков AMX для иракской армии. К концу десятилетия на вооружении иракских ВВС стояли 46 вертолетов Alouette, 40 Gazelle, 12 тяжелых транспортных вертолетов Super Frelon. Однако, как сообщается в журнале «Милитари Бэлэнс», по состоянию на начало 1979 г. еще около 100 танков и 46 самолетов Mirage из договоренностей двухлетней давности не поступили в иракскую армию¹². Лишь в 1981 г., наконец, были поставлены 121 из 128 заказанных машин [10, р. 638].

В монархиях Персидского залива американцы и французы мирно сосуществовали, не являясь монополистами на ранее освоенном британцами оружейном рынке. Они поделили ниши по отдельным видам техники. Так, для американского авиапрома в Персидском заливе такой нишей стал Бахрейн [1, doc. 4, р. 10]. Он закупал американские противотанковые средства и истребители F-5S [1, doc. 7, р. 20]. ОАЭ к 1979 г. стали лидером среди «нефтяных монархий» Персидского залива по использованию французской авиатехники, имея 26 истребителей Mirage, составивших на тот момент основную ударную силу ВВС страны. Кроме того, ОАЭ закупали мелкие партии вертолетов и легкой бронетехники, в плане ПТРК полагались на американцев [1, doc. 7, р. 20].

Французским авиастроителям удалось обосноваться и в Кувейте: к 1979 г. страна уже имела истребительную эскадрилью, полностью вооруженную 18 французскими Mirage, 30 вертолетами Gazelle и 10 Puma¹³. Имел Кувейт и 20 танков AMX, но в бронетехнике и ПТРК французов и британцев теснили американцы: в 1979 г. армия страны готовилась получить крупнейшую партию – 175 единиц – американских БМП M-113, а также большое число противотанковых комплексов TOW¹⁴. Более консервативный в выборе поставщиков Катар, у которого большая часть армии была укомплектована британскими образцами, все же имел к концу десятилетия на вооружении 24 французских танка AMX и 2 вертолета Gazelle¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что полноценного успеха французскому ВПК

⁹ Military Balance. 1979. Vol. 79. P. 63.

¹⁰ Ibid. P. 64.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 68.

¹³ Ibid. P. 67.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

удалось достичь в основном там, где американское присутствие закончилось внезапно и почти полностью, или его практически не было с самого начала, хотя те же Ливия и Ирак были важными странами как с точки зрения спроса, так и с политической точки зрения. Из политических целей французы были допущены американцами в Египет. Наконец, в приоритетных для Вашингтона арабских государствах Ближнего Востока французам удалось продвинуться лишь настолько, насколько было позволено, как в Саудовской Аравии.

Бесспорно, регион в 1970-е гг. стал главным рынком сбыта французского оружия – 3/5 всего его экспорта [13, р. 135]. В тройке его главных покупателей оказались Ирак, Саудовская Аравия и Египет. Но и США в то же время заметно и недостижимо для французов укрепили свои позиции, став приоритетным поставщиком для Эр-Рияда и Каира. Вкупе с Ираном, Израилем и Турцией это делало американцев лидером оружейного рынка всего региона. Клиентами Вашингтона стали или государства с самым платежеспособным спросом, или с самыми боеспособными и многочисленными армиями региона.

Выбор этих стран в пользу продукции американского ВПК был для него лучшей рекламой. В частности, для американских авиастроителей (а французы в соревновании с американцами ставили в основном на свои истребители) страны арабского Ближнего Востока стали вторым по объемам рынком после стран НАТО. Массовое появление (в особенности, если учитывать Израиль, Турцию и Иран) в регионе самых современных на тот момент машин авиапрома США, которые в основном выиграли право на замену авиапарка стран Западной Европы – F-15 и F-16 – стало дополнительной демонстрацией лидирующих позиций американского ВПК как в западном лагере, так и в этой части третьего мира. Стоит также отметить, что США тотально опережали Францию на рынке строительства военной инфраструктуры на арабском Ближнем Востоке. Американцы пользовались исключительным правом на возведение военных объектов в Саудовской Аравии и Иордании, в то время как французы не могли похвастаться этим ни в Ираке, где заправляли советские военные инженеры, ни в Египте, куда они были допущены очень ограниченно.

Из динамики соперничества США и Франции можно заключить, что занятие позиций в оружейном секторе происходило без острой борьбы. Очевидно, что Вашингтон не увидел угрозы своим стратегическим интересам в действиях Парижа. Его попытки закрепить в ключевых для американцев странах не встречали реального поворота к французам их руководства. Американцы могли предложить своим союзникам огромные пакеты вооружений и экономических преференций. Но США также не противодействовали укреплению Франции в странах, богатых углеводородами и последовательных врагах Израиля.

Отсутствие попыток надавить на Париж в этом вопросе может говорить о двух возможных мотивациях Вашингтона. Во-первых, это могла быть нехватка рычагов воздействия на Францию, не входившую тогда в военную организацию НАТО. Во-вторых, что более вероятно, это был курс на дальнейшее вытеснение советских вооружений и СССР из региона в принципе, но чужими руками. Так было в Египте, где США до поры не могли действовать открыто сами. В случае с Ираком и, тем более, с Ливией американцы в рассматриваемый период не имели внятных предложений для контактов с этими странами, хотя то же иракское руководство с середины 1970-х гг. по непубличным каналам давало понять о надежде на укрепление связей с США [1, doc. 132, р. 424].

И тут, кстати, подходила позиция Франции по Ираку и Ливии. Уменьшая процент советского оружия в иракской и ливийской армиях, французы в определенной мере связывали Багдад и Триполи с Западом. США было бы выгодно после Египта оторвать от СССР и Ирак, и Ливию, ограничив советское присутствие откровенно слабыми государствами региона – Сирией и Южным Йеменом. Так что американская политика в отношении французского проникновения на Ближний Восток представляет собой пример скрытого сотрудничества или манипуляции действиями партнера. Очевидно, что Франция шла по заданному ей американцами коридору, хотя и демонстрируя свои экономические отношения с арабскими странами, врагами Израиля, и конкурентами американских арабских союзников как знак своей политической независимости.

Список литературы

1. Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Vol. 18. Middle East Region; Arabian Peninsula / ed. by K.M. McFarland. Washington: United States Government Publishing Office, 2015.
2. Cohen S. La Politique Extérieure de Valeri Giscard d'Estang. P., 1985.
3. Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. 14. Soviet Union, October 1971 – May 1972 / ed. by D.C. Geyer, N.D. Howland, K. Sieg. Washington: United States Government Printing Office, 2006.
4. Bozo F. La Politique Etrangère de la France depuis 1945. P., 1997.
5. Бартнев Б.Е. Ливийская проблема в международных отношениях в 1981–1991 гг. М., 2009.
6. Colard D. La politique méditerranéenne et proche-orientale de G. Pompidou // Politique Etrangère. 1978. Vol. 43. № 3. P. 283-306.
7. Kolodziej A.E. Making and Marketing Arms: The French Experience and Its Implications for the International System. Princeton, 1987.
8. Stork J., Reachard D. Chronology: US-Egyptian military relationship // MERIP Reports. 1990. № 90.
9. Waterbury J. The Egypt of Nasser and Sadat: The Political Economy of Two Regimes. Princeton, 1983.
10. Rondot P. L'Irak: une puissance en devenir régionale // Politique Etrangère. 1980. Vol. 45. № 3.
11. Péan P. L'inconnu de l'Élysée. P., 2007.
12. Dalloz J. La France et le Monde depuis 1945. P., 2014.
13. Nouschi A. La France et le Monde Arabe depuis 1962. Mythes et Realités d'une Ambition. P., 1994.

References

1. McFarland K.M. (ed.). *Foreign Relations of the United States, 1977–1980. Vol. 18. Middle East Region; Arabian Peninsula*. Washington, United States Government Publishing Office, 2015.
2. Cohen S. *La Politique Extérieure de Valeri Giscard d'Estang*. Paris, 1985. (In French).
3. Geyer D.C., Howland N.D., Sieg K. (eds.). *Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. 14. Soviet Union, October 1971 – May 1972*. Washington, United States Government Printing Office, 2006.
4. Bozo F. *La Politique Etrangère de la France depuis 1945*. Paris, 1997. (In French).
5. Bartenev B.E. *Liviyskaya problema v mezhdunarodnykh otnosheniyakh v 1981–1991 gg.* [Libya Problem in International Affairs in 1981–1991]. Moscow, 2009. (In Russian).
6. Colard D. La politique méditerranéenne et proche-orientale de G. Pompidou. *Politique Étrangère*, 1978, vol. 43, no. 3, pp. 283-306. (In French).
7. Kolodziej A.E. *Making and Marketing Arms: The French Experience and Its Implications for the International System*. Princeton, 1987.
8. Stork J., Reachard D. Chronology: US-Egyptian military relationship. *MERIP Reports*, 1990, no. 90.
9. Waterbury J. *The Egypt of Nasser and Sadat: The Political Economy of Two Regimes*. Princeton, 1983.
10. Rondot P. L'Irak: une puissance en devenir régionale. *Politique Etrangère*, 1980, vol. 45, no. 3. (In French).
11. Péan P. *L'inconnu de l'Élysée*. Paris, 2007. (In French).
12. Dalloz J. *La France et le Monde depuis 1945*. Paris, 2014. (In French).
13. Nouschi A. *La France et le Monde Arabe depuis 1962. Mythes et Realités d'une Ambition*. Paris, 1994. (In French).

Информация об авторе

Лакстыгал Илья Михайлович, аспирант, кафедра новой и новейшей истории. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: osroenae@gmail.com

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, статистический анализ, написание статьи

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7779-1854>

Поступила в редакцию 17.11.2018 г.

Поступила после рецензирования 26.12.2018 г.

Принята к публикации 30.01.2019 г.

Information about the author

Ilia M. Lakstygai, Post-Graduate Student, Modern and Contemporary History Department. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: osroenae@gmail.com

Contribution: study conception, literature analysis, statistical analysis, manuscript drafting

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7779-1854>

Received 17 November 2018

Reviewed 26 December 2018

Accepted for press 30 January 2019

